

Татьяна Зубачева

Аналогичный мир Том второй

Прах и пепел

18+

Татьяна Зубачева

**Аналогичный мир. Том
второй. Прах и пепел**

«Автор»

2020

Зубачева Т. Н.

Аналогичный мир. Том второй. Прах и пепел / Т. Н. Зубачева — «Автор», 2020

В великом множестве миров и Вселенных попадаются удивительные совпадения, когда миры, находящиеся в разных Вселенных, настолько схожи, что на первый взгляд воспринимаются как идентичные. Этот мир не лучше и не хуже любого другого «земного» мира. Может, он параллелен нашей Земле, а может, перпендикулярен... А может, это просто один из вариантов. Удивительны как сходства, так и различия с нашим миром. Нет, никто из нашего мира туда не попадал, они сами по себе, мы сами по себе. И жизнь множества людей этого мира только похожа на нашу. Аналогия – не тождество.

© Зубачева Т. Н., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Книга четвертая	5
Тетрадь двадцать седьмая	5
Тетрадь двадцать восьмая	61
Тетрадь двадцать девятая	98
Тетрадь тридцатая	122
Тетрадь тридцать первая	156
Тетрадь тридцать вторая	185
Тетрадь тридцать третья	238
Конец ознакомительного фрагмента.	248

Татьяна Зубачева
Аналогичный мир
Том второй
Прах и пепел
Книга четвертая
Танцы на краю
121 год
Осень

Тетрадь двадцать седьмая

Алабама

Кони, отдохнувшие за неделю, шли резво. По-осеннему тёплое, но не жаркое солнце, безлюдная просёлочная дорога. Привычные, ставшие за лето нетрудными движения... Они даже ни о чём не говорили вначале, скакали молча. Изредка Эркин на скаку доставал карту, смотрел её и снова прятал. Учить Фредди умел, и теперь ориентиры словно сами вели их, передавая от одного к следующему. Андрей сбил шляпу на затылок, подставив лицо ветру. Эркин и вовсе снял шляпу и держал её в руке. Фредди советовал им сделать две короткие дневки вместо одной длинной: бычков, залегающих на жвачку, с ними нет, а лошадям так легче, – и даже отметил примерные места.

Солнце поднималось всё выше, лошади шли ходко. Андрей посмотрел на Эркина и улыбнулся.

– Хорошо, правда?

– Ага, – согласился с очевидным Эркин и засмеялся. – А лучше всего, что мы уже в имение едем. Семь дней осталось. Самое большое.

– Соскучился?

Эркин быстро посмотрел на Андрея, опустил глаза. И медленно, с трудом, вытолкнул из себя:

– Да. Очень.

Андрей осторожно положил руку ему на плечо.

– Ты... Ты не думай, что я выспрашиваю... Я всё понимаю... Не обижайся.

– Я не обижаюсь, – Эркин попытался улыбнуться. – Но... не могу я об этом говорить... даже с тобой. Я думать боюсь, чтобы вслух не вырвалось.

– Я не буду, – кивнул Андрей, мягко убирая руку. – И знаешь... Хорошо было, конечно, но что возвращаемся... за лето, может, и улеглось всё. Я с документом теперь. И рубцы не болят совсем.

– Ага, как по спине тебя треснули, так и лопнуло.

– Подумаешь, покровило малость. Зато мы теперь сами по себе. Фредди – мужик, конечно, правильный, но надоело под чужой рукой ходить.

– Ещё бы, – согласился Эркин. – Ну да ничего. Дождёмся их в имении, сдадим всё, под расчёт получим и домой.

– А если они нас с премией нагреют? Почём он бычков продал, ты ж не знаешь. А говорят...

– Говорят по-разному, – кивнул Эркин, – только... Помнишь, ты мне перед мастерством сказал, я о призах спрашивал, а ты сказал, чтоб я не думал об этом, помнишь?

– Помню.

– Так и с премией. Плату оговорили, плату он даст. А премию... как захочет. Нельзя её в расчёт брать.

– Это так. И как под расчёт ещё будет. По вещам у нас вычета быть не должно?

– По вещам, да. У нас только два дня, ну, за Мышеловку.

– Помню. Да я ещё когда болел, шесть кормёжек пропустил. Я потом сосчитал, так?

Эркин задумался, припоминая.

– Нет, не шесть. Вот считай. Вырубился ты перед дневной.

– Так, – кивнул Андрей и растопырил пальцы. – Считаю.

– Две кормёжки я с тобой сидел, мне их, кстати, тоже на вычет можно. Утром я тебя в тайнике оставил.

– Три, – Андрей загибал пальцы.

– Днём ты за костром следил, ещё этот офицер припёрся.

– Так, четвёртая, правильно.

– А вечером ты уже с нами пошёл.

– Ага, и Фредди меня к забору прислонял. Вот тебе и пятая. И с утра ещё я еле ползал.

Шестая.

– Ты ж на них был.

– Но не работал. Если Фредди обо всём доложил, то шесть кормёжек, а это два дня.

– Ну, может, четырьмя обойдётся.

– Может, – кивнул Андрей. – А может, и нет. Как карта ляжет. Джонатан своего не упустит. Хотя мужик широкий.

– Широкий – это как? Я не понял.

– Ну, шикует, легко деньги тратит. Ужин этот ему ой-ой-ой во сколько обошёлся.

– Широкий, – согласился Эркин. – Но не упустит. А с вычетами этими полный бардак. У каждого лендлорда по-своему. А может, и совсем обойдётся. Всё ж таки болел, не гулял. Даже рабу три дня на болезнь давали.

Андрей вздохнул.

– Но скрутило меня тогда здорово. И ведь видел я собак раньше, и ничего, а тут...

– Ладно. Не растравляй себя, – Эркин надел шляпу и полез за картой. – Смотри, ходко как идём. Вон он нам на дневку пометил, а не утомились вроде. Передохнём или как?

– Передохнём, – кивнул Андрей. – Он здесь больше нашего смыслит.

Они свернули на зелёную лужайку и спешились, отпустили лошадей, а сами легли на траву.

– Есть хочешь?

Андрей удивлённо покачал головой.

– Совсем не хочется. Во накормили!

– Да, ужин был... – Эркин рассмеялся. – На всю жизнь запомним. Всю ночь ели. И ещё осталось.

– Ага, – убоготворённо вздохнул Андрей. – И потрепались хорошо. Слушай, так ты не наврал насчёт приёмов?

– У тебя одно на уме. Нет, конечно. Зачем мне врать?

– И ты того, кончал на каждом?

Эркин покосился на покрасневшего Андрея, улыбнулся и кивнул:

– Да, и она тоже.

– А что? – Андрей даже на локте приподнялся. – Бабы тоже... кончают?

– Ну да. По-своему, конечно. Не так, как мы.

– Эркин...

– Ну, – Эркин усмехнулся, – спрашивай.

– Я слышал, трепали, что вот... спальники... если перегорели, то кранты, не могут больше...

– У меня пять лет так и было, – спокойно ответил Эркин. – Вот только этой весной, – он усмехнулся, – я даже день помню, в День Матери, смог, а здесь уже понял, что всё восстановилось. Я всё могу, Андрей, понимаешь, и белого приказа мне не надо. С кем захочу, и как я сам захочу. Я с этой мулаточкой и пошёл, чтобы проверить себя. Смогу ли. А она тоже... спальница. Только не горела. Вот мы столько и успели.

– И что, через пять лет у всех восстановится?

– Не знаю, – пожал плечами Эркин. – Я один так давно перегорел. Все остальные этой зимой горели. А что трепали о нас всякое... ну и пусть дальше треплют. Цена трёпу... – Эркин насмешливо выругался.

Андрей кивнул и снова лёг на спину, закинул руки за голову.

– Так как, поучишь меня? – спросил он подчёркнуто равнодушным тоном.

– Ну, ты и... – Эркин запнулся, подбирая слово.

– Настырный, – подсказал Андрей. – Меня ещё мать так называла, что, мол, если чего вбил себе в голову, то не отступлюсь.

– Ну, выбить не проблема, – пробормотал Эркин и сел. – Ладно. Я тебе качели сейчас объясню. Значит, так. Лежишь, а она, – он легко встал на колени рядом с Андреем и упёрся ладонями в его живот, – а она сидит на тебе. Сообразил?

– Ага, – натужно прохрипел Андрей. – Слушай, тяжело, кишки выдавишь.

– Я тебя за кости держу. Тут кости у тебя, а кишки между ними. Сейчас я тебе колени прижму, колени не сгибай. Так. Руки за голову пока. И садись. Не рывком, медленно. Та-ак. А теперь медленно ложись. И снова садись.

Андрей сел и ухватился за его шею.

– Подожди. Передохну малость. А она чего делает?

– Она? Садисься когда, она к тебе на колени ложится. А когда ложишься, опять садится на тебе. А чтоб легче было, за руки её держишь. Ну, и бьёшь при каждом каче.

– Ты это серьёзно? – Андрей тяжело дышал. – И это сколько раз надо?

– Ну, после десятого кача они вырубаться начинают. А если ещё у неё внутри ворочается, то быстрее.

– Да ну тебя, – Андрей лёг. – Это ж такая работа...

Эркин легко оттолкнулся от земли и встал. Отойдя на шаг, сбросил на землю шляпу и куртку, потянулся, сцепив пальцы на затылке, выгнулся на арку, коснувшись головой земли, и снова выпрямился.

– А ты как думал? – ответил он наконец. – Работа она и есть работа, – посмотрел сверху вниз на расстроенное лицо Андрея и рассмеялся. – Ну как, расхотелось учиться? Вставай. Поедем.

– Тянуться не будешь?

– На второй дневке. Сейчас ещё не хочу.

Андрей полежал, пока Эркин подбирал свои вещи и одевался, и рывком сел.

– Поехали.

Они не стали подзывать лошадей, а подошли к ним. Андрей сел в седло чуть тяжелее обычного.

– Уже устал? – удивился Эркин.
– Иди ты... – Андрей не выдержал и рассмеялся. – Ты ж меня придавил так...
– Ну, они и потяжелее бывают, – Эркин сверился с картой и направил Принца, а когда Андрей пристроился рядом, продолжил: – Тебе хорошо было? Ну, со своими.
– Да, пожалуй... В общем... да, хорошо, – кивнул после недолгой заминки Андрей.
– Ну, и не надо тебе ничего больше. Ты ж... для себя это делаешь, так?
– Так, – сразу согласился Андрей. – А ты... тебе...
– Нет, – перебил его Эркин. – Мне вправду не хочется. Только... нет, не надо, Андрей.
– Не буду, – Андрей быстро отвёл глаза и улыбнулся. – Давай про жратву поговорим тогда. Про ужин.

– Давай, – рассмеялся Эркин. – Только мне всё понравилось.
– Мне тоже.
– А перепёлочки...
– Перепёлки класс! – Андрей даже причмокнул. – И маленькие, а скажи, какие сытные!
Штуку съел и отвалился.

– Так мы до них сколько съели всего. А рыба какая была. Форель, да?
– Ага. Интересно, какая она живём. И телятина с трюфелями.
– И эти, ну шарики с креветками...
– А ветчина...
– Слушай, а сыр. Я в первый раз сыр ел.
– Нет, я, вроде, ел, но не такой.

Они перебирали меню ужина, восторженно ругаясь на двух языках. Андрей так причмокивал и восхищался, словно ел.

– Постой, мы поворот не проскочили?
– Вон, как остатки ворот, от них сказано наискосок...
– Да, вон туда. Чего мы здесь не гнали? Смотри, какая трава.
– Ага. Наверное, мины только-только сняли. Слева имение должно быть брошенное.
– Вон оно. Одни головешки остались.

Они пришпорили коней, чтобы побыстрее миновать это место. И без советов Фредди понятно, что в брошенном имении можно на что угодно наткнуться. И ножи не помогут. Но обошлось. Ни оклика, ни выстрела вдогонку. Когда развалины остались далеко позади, Андрей перевёл дыхание.

– С зимы их не люблю. Не знаешь, на кого налетишь.
– Ага, – кивнул Эркин. – Всякое бывало.

И снова летящая навстречу земля, пологие холмы, негустые лески и рощи, ещё зелёные, но с какой-то неплотной, словно поредевшей листвой.

– А скажи, я не думал, что он такой богатый.
– Кто? Джонатан? Так был.
– Ну, всё равно. Чтоб у восьмилетнего сопляка и три комнаты. С ума сойти.
– Твой ум, – усмехнулся Эркин. – Хочешь – стой, хочешь – сходи.
– Ах ты! – задохнулся Андрей. – Ты смотри, как перехватил!
– А только тебе словами играть можно, что ли? – смеялся Эркин.
– Ну, ты даёшь, ну, молодец! – радостно ржал Андрей.

И снова скачка по холмам. Эркин невольно то и дело подгонял Принца, будто не в имение скакал, а... да нет, всё равно, пусть ещё четыре дня, ну, пять дней, ну, неделя, но он придёт, поднимется по лестнице, откроет дверь... да гори она огнём эта премия, пусть хоть вся в вычеты уйдёт, он вернётся. Двести пятьдесят есть, ещё двести пятьдесят, ещё игровые и от русских призовые. Ну, там почти семьсот, тоже... что-то. И... Ах, чёрт, самое главное ещё не сделано! С Фредди так и не поговорил, не пришлось. Это надо. Раз обещал, значит, надо. Ладно, в

имении предложу массаж сделать, от массажа Фредди не откажется, тогда и поговорим. Фредди – человек, должен понять. Сколько я ему о спальниках рассказал, пожалуй, он один о нас столько знает, должен понять. А если не согласится, деньги-то большие нужны, такими деньгами рисковать... Может с Джонатаном поговорить? Нет, тот вряд ли поймёт, слишком многое объяснять надо. И... лендлорд – он лендлорд и есть. Хоть и хлебнул своего, а всё равно...

– Эркин...

– Что?

– Ты чего? То смеёшься, то хмуришься.

– Думаю. Мне с Фредди об одном деле надо было поговорить, а я не успел. С бала, считай, мы никак...

– Наедине надо? Тайна?

– Тайна не моя, Андрей. Не обижайся.

– А чего тут обижаться? Ладно, в имении я Джонатана на себя возьму, ты и поговоришь.

– Зарвёшься, тогда что?

– Я, если по-серьёзному, зарывался когда? Не боись, придумаем что-нибудь.

– Ты придумаешь. Опять накрутишь.

– А что? Классно было сделано, скажи, нет? Все концы убрали. Если бы Фредди грогу не приспичило, он бы ни хрена не догадался.

– Это-то да.

– Ну вот. Только учти, Фредди Джонатану всё равно всё выложит.

– Учту. Но ведь так, – Эркин чиркнул себя по горлу ребром ладони, – вот так надо. Я, правда, тоже кое-что придумал. Посмотрим.

– Посмотрим, – кивнул Андрей.

Глаза у него озорно блестели, и он явно уже обдумывал хитроумную комбинацию. Эркин покосился на него, вздохнул.

– Слушай, Андрей.

– Ну?

– Ты насчёт вычетов, ну, тех двух, помалкивай. Вычтет, так вычтет. Мы и так больше остальных получим. А то ты базарить начнёшь и обязательно что-нибудь ляпнешь. Тогда сказал и сейчас повторю. Когда говорят, то проговариваются.

– Ладно. Но раз Фредди знает, то и Джонатан...

– Ежу понятно, – усмехнулся Эркин. – Только... уговор наш в силе. Чего мы сами не сказали, того они не знают. А догадываться... об чём хочешь можно. И вообще... жили в люксе, стирка бесплатно, жрали три месяца от пуза. Не так разве?

– Ну, так.

– Ну, так и дай ему... поиграться. Что он за лендлорд, если с пастухов ни одного вычета не содрал. Что остальные говорили, помнишь?

– Это-то да. Но, может, и ввали, приbedнялись, чтоб деньги не показывать, – подумал вслух Андрей.

– Это конечно, – кивнул Эркин. – Но не ввали, а... привирали. Так по-русски?

– Да. Всё правильно. Ладно, пусть так. Я не жадный, – рассмеялся Андрей.

Эркин тоже засмеялся, привстал на стременах, оглядываясь.

– Дневку высматриваешь? Пора, вроде.

– Сейчас, – Эркин достал карту. – Точно. Вон у того ручья сворачиваем.

– Ага. А смотри, как ходко идём.

– Без бычков, вот и быстро. Есть будем?

– Надо бы. И чайку глотнём.

– Чай хорошо.

На этот раз они достали из мешков фляги, хлеб и мясо и уже тогда отпустили лошадей, а сами расположились возле узкого быстрого ручья. Вымыли руки в прозрачной холодной воде.

– Родник, видно, недалеко.

– Да, и осень уже всё-таки. Трава сухая, без сока.

– Ага. Ну, давай, режь хлеб.

– А какой хлеб был, заметил? Белый-белый и мягкий. Я слышал, французским называется.

– Ну да, Джонатан же сказал, французская кухня.

– Да, не сравнить, – Андрей оглядел свой бутерброд и стал его перемалывать.

– Ну так, – Эркин рассмеялся. – Мы же пастухи, а не короли.

Андрей засмеялся, чуть не поперхнувшись.

– Это как ты догадался, а?

– А я такой умный, – фыркнул Эркин.

Отсмеялись, запили бутерброды чаем.

– Сюда бы эти, коктейли. Здорово их Фредди делает. Ну, всё умеет мужик. И машину водит, и ковбоем, и проводку... а стреляет как. И это ещё.

– Мужик что надо, – кивнул Эркин. – Но на пути у него... не становись.

– Ага, то-то ты на рожон лез.

– Куда я лез?

– Ну, задирался с ним.

– А ты овечка кроткая, – засмеялся Эркин. – Забыл, как с ножом на него шёл?

– Было дело, – засмеялся Андрей. – Давай ещё по бутерброду.

– Давай. Мясо хорошее.

– А не салями.

– Это такая колбаса жгучая? Ага, хороша была. И масло... Я почти и не ел такого. Только вот весной, пару раз.

– Я, вроде, ел. Ну, ещё до всего, или нет, не помню. Война же. Вроде было, по карточкам.

Но вкуса я совсем не помню.

– Ох, до чего чай хорош!

– Ага. А до чего кофе это надоело...

– Рабское-то?

– Угу. Чай я и без сахара могу.

Эркин оглядел остатки мяса.

– Оставим на вечер? А то приедем к ужину, а Мамми на нас не готовила.

– Дело, – кивнул Андрей. – Лошадей расседлаем, оботрём и в загон. А мы в сенной?

– А куда ж ещё? В барак только?

– Ну его. Слушай, одеял-то не взяли.

– Тепло, не замёрзнешь. Курткой накроешься, – Эркин увязывал остатки мяса и хлеба. –

Да и Молли согреет.

Он ловко увернулся от броска Андрея и вскочил на ноги.

– Ах ты! – Андрей тоже вскочил и пошёл к нему в боевой стойке.

– Ну, давай, давай! – смеялся Эркин.

Андрей выхватил нож и прыгнул. И тут же полетел на землю. Едва коснувшись земли, сделал выпад ногами.

– Молодец! Научился! – Эркин едва успел отпрянуть от летящего в лицо каблука. – Ещё или хватит?

Андрей в перекате ухватил лежащий на земле нож и, не вставая, изобразил бросок. Эркин изобразил падение. Андрей спрятал нож в сапог и встал. Призовой пояс он всё-таки убрал в мешок, не желая привлекать лишнего внимания серебряной пряжкой и нарядными ножнами.

– Ладно, хватит. Поехали?

– Поехали, – кивнул Эркин.

И снова скачка. Снова холмы и деревья, и проплывающие на горизонте остатки имений, просёлочная дорога, еле различимые тропы, и просто напрямик. И ветер в лицо, и солнце уже не над головой, а сбоку. И...

Эркин резко осадил Принца и достал карту.

– Ты чего?

– Сейчас... осмотрюсь. Ну... ну, точно, Андрей!

– Чего?!

– Смотри. По карте нам сейчас прямо.

– Так.

– А если возьмём влево, то там резервация.

Андрей посмотрел на Эркина.

– Хочешь... повидаться?

Эркин опустил голову, погладил Принца по шее. Андрей молча ждал.

– Да нет, не стоит, – наконец сказал Эркин. – Они уже уехали, наверное. Помнишь, трепали, что целый эшелон видели.

Андрей молча кивнул. Он помнил. И помнил, как все первым делом спрашивали Эркина, чего тот остался. Был как все, а стал наособицу. А такой дважды приметен.

– Ладно, – Эркин решительно послал Принца прямо. – Ладно...

Ещё немного скачки, ещё чуть-чуть... и Андрей с торжествующим криком швырнул воздух и еле поймал свою шляпу. Они пересекли границу имения. Да, точно, здесь они кочевали со стадом. Вскрапнули и сами прибавили ходу лошади. Они тоже узнали. Майор, всю дорогу спокойно бежавший за Принцем, теперь рвался вперёд. Длинные тени деревьев перечёркивали им дорогу.

– Домой, Принц, домой! – Эркин, бросив поводья, полностью доверился коню.

Как тогда, в первый день, когда Джонатан показывал ему границы имения. И как тогда, Принц безошибочно скакал к дому. Даже Бобби, не любивший скорости и предпочитавший всем аллюрам неспешную рысь, а ещё лучше шаг, теперь пластался в галопе. Огонёк, приученный всегда идти сзади, сейчас держался рядом с Бобби.

Быстро темнело, и каким чудом они ни на что не налетели в этой бешеной скачке, ни Эркин, ни Андрей потом понять не могли. И уже в полной темноте они влетели во двор имения и остановили коней у ослепительно-яркого окна кухни.

– Эй! – заорал Андрей. – Есть тут кто живой?!

– Ты и мёртвого разбудишь, парень, – из кухни вышел с зажжённым фонарём Стеф, за ним, толкаясь, повалили остальные. – Вы вдвоём, что ли?

– Ага. Добрый вечер всем, – Эркин спешился. – Дай фонарь, Стеф, или посвети. Лошадей в загон надо.

– Держи. Как добрались, парни?

– Добрый вечер. Нормально.

– Добрый вечер, парни, это вы из Бифпита, что ли?

– Мамми, есть ещё чего им с дороги?

– Добрый вечер, как доехали?

– Откуда ж ещё, оттуда, конечно.

– Сейчас каши вам, молока ещё есть немного.

– Не надо, Мамми, нам бы выспаться.

– С дороги-то... поесть надо...

– Это весь день скакали?

– А хозяин следом, что ли?

– Всё потом, – Эркин привычно пересиливал накатывающую усталость. – Спасибо, Мамми, только спать хотим. Две ночи не спали.

– Чего ж так? Загуляли?

– Всё было, Стеф. Расскажем...

– Уж ты натрепleshь...

Под общий гомон лошадей отвели в загон при конюшне, расседлали и оставили обсыхать. Ковбойские кони привычные.

– В сенной пойдёте?

– А что, занято там?

– Нет, вас ждёт.

– Молли, ты б показала дорогу, а то, небось, забыли.

– Сена бы натрусил им.

– А ну заткнись, довёл девчонку...

Эркин и Андрей взяли свои мешки, свалили сёдла и уздечки в конюшню – завтра разберём – и как-то добрели до сенного сарая. Эркин отдал кому-то фонарь. Всё равно глаза сами закрываются. Залезли на помост и прошли к еле угадывающемуся в темноте окну. Да, вот здесь. Эркин бросил свою ношу и услышал, как рядом так же упали мешки Андрея.

– Разуйся.

– Знаю. Ох, хорошо-то как, – Андрей рухнул на сено и зашуршал им, укладываясь.

Эркин заставил себя разуться, смотал и сунул в сапоги портянки, привычно положил сапоги в изголовье к мешкам и лёг, вытянувшись. Вот и всё, приехали. Ещё успел подумать, что надо бы ремень расстегнуть, а то давить будет, но уже во сне.

На рассвете Эркин привычно проснулся. И не сразу вспомнил, где он и почему он здесь. Сено, тишина, не слышно всхрапывания лошадей и пофыркивания бычков. А вспомнив, улыбнулся. Бычков нет, лошади в загоне, можно спать. Он осторожно сел, нагрёб сена на ноги себе и Андрею и снова лёг. Андрей вздохнул:

– Эркин, ты?

– Я. Спим ещё.

– Это хорошо-о, – зевнул, не открывая глаз, Андрей. – Это ты правильно... – и заснул, не закончив фразы.

Эркин лежал, закрыв глаза и распластавшись на сене. Это тебе не на простынях в люксе. Ну вот, осталось... вчера было семь дней, значит, уже шесть. Женя, шесть дней осталось. Это же пустяки совсем. Лишь бы слово сдержали, что привезут обратно. А то своим ходом тяжело будет. Да с двумя мешками... Шесть дней... Лошади на нас. Ну, это пустяки. В загоне проминать не надо, напоить, сена подкинуть. И вычистить разок. Чтобы лендлорд не придрался. Это всё пустяки. Как Фредди говорил? Четыре-пять дней? Интересно, вчерашний день в счёт или нет? Шесть дней, и дома. Эркин улыбнулся, засыпая...

Второй раз их разбудило солнце, осветившее сарай через окно. И на этот раз первым проснулся Андрей, так как солнечный квадрат лёг точно на его лицо. Он жмурился, вздыхал, отворачивался, но не выдержал и сел. Его возня разбудила Эркина, но он лежал тихо, и Андрей, думая, что тот ещё спит, попробовал пощекотать ему нос соломинкой. И в ту же секунду был схвачен и скручен.

– Ага, попался! – Эркин вдавил его в сено так, что Андрей едва не задохнулся.

– Пусти, чёрт здоровенный.

– То-то, – Эркин распустил хват. – Давай вставать.

– Ага, разоспались мы, – Андрей встал и потянулся. – В душ бы сейчас. И поесть.

Эркин прислушался и ответил по-английски:

– Сейчас к лошадям пойдём, а потом видно будет.

Андрей открыл было рот, но тут же сообразил и шлёпнул себя по губам ладонью.
– А чтоб меня... – выругался он по-английски. – Забыл совсем.

Эркин лёжа напрег и распустил мышцы, рывком сел и потянулся к сапогам.
– Давай, обувайся. Сейчас у колодца умоемся и начнём.

Андрей кивнул и взял свои сапоги. Они обулись и вышли во двор, залитый стоящим почти в зените солнцем. Эркин посмотрел на небо и присвистнул:

– Однако храпанули мы...

– Ага, давай по-скорому.

Они умылись у колодца и пошли в загон к лошадям. Как из-под земли появились три негритёнка и пошли за ними, держась на почтительном расстоянии.

– Долго спите, – окликнул их Ларри, когда они были уже у загона.

– За всё лето отсыпались, – откликнулся Андрей, на ходу выбирая из волос травинки.

Напоив лошадей, задали им сена и пошли разбирать седловку. Развесив по местам сёдла, уздечки, потники и прочую сбрую, отправились на кухню.

– Ну, продрали глаза?! – встретила их Мамми. – Вот работнички, до полудня дрыхнут!

– Мы в работе давно, Мамми, – засмеялся Эркин. – Нам бы в душ с дороги. И постираем заодно.

Мамми шлёпнула на стол две миски с дымящейся кашей.

– Садитесь.

– О! – Андрей восхищённо присвистнул. – Это я понимаю, самое то, что надо.

– Вот, я вам чистое принесла.

Андрей и Эркин обернулись. В дверях стояла Молли с полотенцем в руках. И Эркин с удовольствием заметил, что Андрей покраснел. Они вымыли руки и сели к столу. Молли присела с угла и смотрела, как они едят. Мамми поставила перед ними ещё по кружке горячего кофе с толстым ломтём хлеба и тоже с явным удовольствием смотрела на них.

– Уф, хорошо, – Андрей отодвинул миску и взял кружку. – Спасибо, Мамми.

– А и на здоровычко, парни, – вздохнула Мамми. – Теперь и в душ можно.

Она торжественно сняла с гвоздя высоко на стене большой ключ и подала его Эркину.

– Идите, мойтесь. Молли вам мыла и полотенца принесёт. Нечего вам своё тратить.

– После такого обеда не в душ, а поспать бы, – засмеялся Эркин, вставая. – Спасибо, Мамми.

– Это ж не обед, – польщенно засмеялась Мамми, – Да и рано обедать, так, перекусили и ладно. Молли... – но той уже не было. Мамми укоризненно покачала головой. – Побежала за мылом вам. Совсем девка голову потеряла.

Эркин посмотрел на пунцового Андрея и улыбнулся.

– Пошли, возьмём всё.

На дворе Андрей вытер рукавом лицо.

– Даже жарко стало, так накормила. Слушай, у нас же мясо осталось. И чай. И хлеба ещё немного.

– Вечером и выложишь. Или, – Эркин хмыкнул, – на ночь оставь.

Андрей как-то оторопело посмотрел на него и промолчал.

Они взяли из своих мешков грязное бельё и чистую смену, чтобы переодеться, и пошли к душевой.

Молли ждала их у дверей с двумя большими кусками коричневого мыла и большими холщовыми полотенцами. Тут же опять крутились негритята. Эркин скорчил свирепую рожу, и они с весёлым визгом улепетнули в кусты. Эркин возился с ключом, и брать у Молли мыло и полотенца пришлось Андрею. Хотя Эркин стоял спиной к ним, оба упорно молчали.

Эркин открыл дверь и нашарил выключатель. Зажглась укрытая матовым колпачком лампочка. Андрей вошёл следом, закрыл дверь и задвинул засов, подозрительно посмотрел на Эркина. Но тот спокойно, будто и не было ничего, деловито раздевался.

– И долго ты на меня лупиться будешь? – наконец спросил Эркин. – Или что новое увидеть думаешь?

– Да нет, – Андрей стал быстро раздеваться. – Просто... ты чего... такой тихий?

– Ну, ты и нахал! – Эркин собрал грязное бельё в охапку. – Я и спиной стою, чтоб вы договорились, и молчу вмертвую, и мелюзгу отогнал, а ты всё недоволен.

– А пошёл ты! – Андрей радостно ухмыльнулся и зашлёпал следом за Эркином в душевую. – Я-то думал, случилось чего, а ты...

Они замочили бельё в лоханках и встали под душ.

– А чего мне с ней договариваться? – Андрей с наслаждением приплясывал под душем. – Она и так по уши.

– А ты сам как? – поинтересовался Эркин.

– Чего как?

– Ну, по пояс или по горлышко?

– По щиколотку, – заржал Андрей.

– Ну, значит, не утонешь, – рассмеялся и Эркин.

Наскоро вымывшись, он выключил свой душ и занялся стиркой. Минуту спустя к нему присоединился и Андрей.

– Да, хорошо было. Утром снял, свалил, на завтра всё чистое, выглаженное...

– Хорошо, – кивнул Эркин. – Ну, и отдал бы Молли. Она с радостью...

– Завязываться не хочу, – серьёзно ответил Андрей. – Мне и там предлагали. Дескать, принеси – постираю. Это уж... по-семейному как-то. А на хрена мне это?

– Тоже верно. Да и своей работы у неё хватает, чтоб ещё на неё вешать.

– Ну да. А... насчёт еды ты всерьёз говорил? – Андрей выколачивал свою рубашку о ребристый край скамьи. – Скажи, как умело сделано.

– Ты о чём? А, об этом. Да, здорово, под рукой всё. И насчёт еды. Ты же, – Эркин усмехнулся, – хочешь без сна попробовать, так?

Андрей покраснел.

– Да ну тебя. Просто... чаем холодным хорошо побаловаться. Ну, и к чаю, само собой. А ты... у вас что было?

– Яблоки. И шоколад. Половину в серёдке съели, а остальное утром. А то бы я, – Эркин негромко засмеялся, – до конюшни не дошёл, заснул бы под забором.

– Ага-а! Всё-таки и тебя умотали! – злорадно ухмыльнулся Андрей, тут же заработав звучный шлепок скрученной рубашкой по спине.

Эркин закончил стирку, сложил свои вещи в лохань, залил чистой водой и растеребил.

– Пусть помокнут ещё.

– Играться будешь? – подозрительно спросил Андрей.

– Тебе-то что, у тебя свой душ.

– Забыл, – усмехнулся Андрей, вставая под душ. – Потереть спину?

– Давай. Ух ты, здорово!

– Ага. Слушай, давай, ложись на скамью, я тебя лежачего.

– А бельё?

– Да ни хрена ему не будет, на пол составим.

– Ну, давай, – с сомнением в голосе согласился Эркин, выходя из-под струй.

Переставили на пол лоханки с бельём, и Эркин лёг на живот на длинный, обшитый досками цементный выступ-скамью. Андрей тщательно намылил мочалку и сильно, помогая себе

весом, стал тереть длинную мускулистую спину. Эркин кряхтел, но молчал, хотя Андрей старался изо всех сил. Наконец, Андрей шлёпнул его мочалкой по ягодицам и выпрямился.

– Силён, чёрт. Как рак красный и молчишь.

– Уже? – Эркин приподнялся на локтях. – А то я задремал малость, – и засмеялся, глядя на обиженное лицо Андрея. – Ладно. Хорошо было. Я думал, ты мне кожу सदерешь.

– Да ну тебя, – Андрей ушёл под душ.

Эркин вскочил на ноги и шагнул следом, обнял за плечи.

– Ну, не обижайся, Андрей, правда, еле вытерпел.

– Да ладно, – Андрей повернулся к нему и улыбнулся. – Мочалка совсем истрепалась, мягкая стала. Правда, хорошо?

– Правда, – кивнул, уходя под свой душ, Эркин. – Совсем как массаж. Сейчас обмоюсь и тебя потру.

– Иди ты...! Я тебя знаю, обдерёшь ведь.

– Я, когда мял, порвал тебе чего? То-то. Давай.

– Ну, смотри...

Андрей нехотя пошлёпал к скамье. Эркин оглядел его исполосованную рубцами и шрамами спину и отложил мочалку. Взял из лоханки портянку, обмотал ею правую кисть и намылил.

– Вот, я тебя не мочалкой, а, видишь, тряпочкой.

Андрей пробурчал что-то невнятное.

– Чего-чего? – Эркин осторожно водил ребром ладони между рубцами.

– Анекдот такой, – Андрей крякнул: – Ух ты...! Ну, можно ли убить человека ватой?

– Можно, – сразу ответил Эркин. – Забить рот и нос, он и задохнётся.

– Не, если в вату утюг завернуть.

– Смешно, – согласился Эркин.

Он растёр Андрею спину и осторожно намылил её ладонью.

– Ничего?

– Ага, хорошо.

– Тогда всё, – Эркин смотал с ладони портянку. – Иди, обмывайся. Да, ты сказал: красный, как рак. Это что?

– Не что, а кто, – Андрей, отдуваясь, встал с лавки. – В воде живёт, так-то он зелёный, а когда варят, красным делается.

– Не видел. Мойся давай и будем выползать, другим тоже охота.

– Ага.

Они прополоскали и выкрутили выстиранное бельё, ополоснулись сами, ополоснули и убрали лоханки. Эркин по-хозяйски оглядел душевую:

– Ну, здесь порядок. Пошли.

– И с чего ты раскомандовался? – поинтересовался Андрей из передней половины, растираясь жёстким холщовым полотенцем.

– А так просто, – рассмеялся Эркин. – А бриться ты не будешь?

– Сейчас. Вот, зеркало не пристрою.

Эркин оглядел гладкие глухие стены.

– Да. А слушай, давай подержу тебе.

– Ну, спасибо! Вот спасибо, чуть выше, ага, и к свету поверни. Я быстренько.

– Куда спешить? Рубцов у тебя и так хватает.

– Ага-ага, когда устанешь – скажешь.

– Ты болтай меньше, а брейся.

Чтобы Андрей не смущался и не спешил, Эркин отвёл глаза. Полную неподвижность держать трудно, но если зафиксировать руку, а остальное расслабить, то уже легче.

– Ну, вот и всё, спасибо.

Эркин отдал зеркальце и потряс рукой, расслабляя мышцы.

– Затекло?

– Чепуха. Отошло уже.

Они быстро оделись, собрали бельё, полотенца, мыло.

– Готов? Открываю.

Эркин отодвинул засов и распахнул дверь. Солнце стояло уже так, что увидишь, не закидывая голову. Андрей подошёл и встал рядом.

– А хорошо, правда? – сказал он по-русски камерным шёпотом.

– Хорошо, – так же тихо ответил по-русски Эркин и уже громче по-английски: – Пошли, отнесём всё, на сушку повесим.

– Ага.

Не спеша – не хотелось спешить после душа – Эркин запер дверь, и они пошли на кухню.

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Новиков шёл по госпитальному коридору, придерживая полы накинутаго на плечи белого халата. Да, военная горячка уже кончилась, убраны кровати из коридора, госпиталь больше похож на обычную больницу, но палаты не пустуют. Раненых, к сожалению, хватает.

– Доктор Аристов у себя?

– Проходите, майор.

Ну, вот и встретились.

– Костя? И не на носилках?! Ну, чудеса! Здравствуй.

– Здравствуй, Юра. Решил для разнообразия сам прийти.

– Открылось?

– Юра, что ты зашил, уже не вскрывается. Мне нужна информация.

– Вот это да! – Аристов с комичным возмущением сдвинул очки на кончик носа. – Мало того, что я тебя штопаю и лечу, мне ещё и работать на тебя?! Ну, ты наглец, это раз! И для меня существуют только раненые и больные, это два. Независимо от их расовых, национальных, политических и прочих ориентаций, характеристик и предпочтений.

– Мне нужна медицинская информация, Юра. Специфическая.

– Возьми мои отчёты, медкарты, истории болезни и читай. Вся специфика. Осколочные, пулевые, проникающие, поверхностные... что тебя интересует?

– Не что, а кто, Юра. Спальники. Ты ведь занимался ими, я знаю.

– Фью-ю! Это зачем они вам понадобились?

– Кому это – вам, Юра?

– Вашему ведомству, Костя. Не ты первый ко мне с этими вопросами приезжаешь. И скажу то же самое. Есть отчёты, медицинские карты, исследуй! Изучай хоть со словарём, хоть с энциклопедией.

– Исследую и изучу, Юра, не кипятись. Я, конечно, почитал уже всё, что смог. Но мне и побеседовать с ними охота.

– Нет, Костя, не выйдет.

– Что, неконтактны?

– Это ты неконтактен. Нет, Костя, приедешь, как положено, с ордерами, предписаниями и прочим, тогда да, ничего не смогу. А пока – нет.

– Юра, мне побеседовать, не допросить.

– Для тебя, Костя, это синонимы. А я – врач. И вот так, за здорово живёшь, травмировать людей не дам. Ясно?

Новиков с улыбкой рассматривал уже всерьёз возмущённого Аристова.

– Ясно, Юра. А теперь успокойся и послушай меня. Мы раскручиваем одно дело, и фигурантом там проходит парень, в отношении которого есть подозрения... Я подозреваю, что он спальник.

– Так...

– Так вот. Я хочу получить от тебя информацию, которая подтвердит или опровергнет эти подозрения.

– Привези его сюда. И я тебе сразу скажу.

– А вот для этого, Юра, его надо арестовать.

– Ну да, а за что арестовывать, ты не знаешь, не можешь статью подобрать. Редкий случай. Можно сказать, уникальный. Тогда так. Ты мне расскажешь о нём, и я попробую сделать выводы. Да, кстати, сначала, по возможности внятно, объясни, какие у вас к нему претензии.

– Основные претензии не к нему, а к его... мм-м... Он пастух, а старший ковбой, то есть его непосредственный командир, профессиональный убийца, киллер. Наёмник. Здесь таких называют чистильщиками. Опытный, напрямую на него не выйти. Нам на него указали, но... ни концов, ни крючков. Знаем, а ухватить не можем. Сейчас он, похоже, готовится к серьёзному делу и натаскивает себе помощников. Этого парня и второго, белого мальчишку. С тем тоже есть нюансы, но если этот спальник... да, Юра, вся информация...

– Да знаю я, Костя, всю вашу... атрибутику. Но ты сказал, он – пастух?

– Да.

– На коне ездит?

– Д-да, вроде... нет, сам я не видел, но все пастухи конные. А что?

– У спальников очень чувствительны гениталии. Езда верхом может оказаться затруднительной. Хотя... это я уточню. Костя, что у вас на парня, кроме его начальства?

– Юра, когда что-то будет... Ты представляешь, если он спальник, что с ним в тюрьме сделают?

– К сожалению, Костя, я это представляю лучше тебя. Ты бы видел, какими они к нам поступали... Ладно. Нужна будет экспертиза – я проведу, официальное заключение – всегда пожалуйста. Но просто так...

– Да не просто, а...

– А для его же пользы? Разумеется, арестуем, засунем в одиночку, допросим и расстреляем. И всё для пользы.

– Юра! Ты что несёшь?!

– Ты знаешь, что Паласы были расстреляны, уцелели единицы. Тоже... для их же пользы.

– Юра!! Это же СБ!

– Правильно. А обоснование этих расстрелов ты знаешь? – в голосе Аристова зазвенело сдерживаемое бешенство. – Официальное обоснование. Для исполнителей. Нет? А я слышал.

От самого расстрельщика. Взяли его тёпленьким, но... словом, я его обрабатывал. И потрошить его при мне начали. Пока он тёпленький. Так вот, спальников расстреливали, чтобы избавиться от мук. Мы же запретили Паласы, так? А спальники без работы начинают гореть. А это страдания. И вот Империя, чтоб ей... – что врачи умеют ругаться, Новиков знал, но такого ему ещё, несмотря на богатый жизненный опыт, слышать не приходилось, – в лице СБ, чтоб и её... спасала их от страданий. Расстрелом!

– Успокойся, Юра, – тихо попросил Новиков.

Аристов усмехнулся, достал сигареты и долго тщательно закуривал.

– Понимаешь, Костя, эти люди так пострадали, такое пережили, что я чувствую себя, понимаешь, себя, виноватым перед ними.

– Сколько их уцелело, Юра, как думаешь?

– Ну, через наш Центр прошло в общей сложности около сотни.

– И где они сейчас?

– Выжило шестьдесят три человека, Костя. То, что называется, горячкой...

– Типа наркотической ломки?

– Примерно. Это, прежде всего, боль. Никакие анальгетики не помогают, а только продлевают, затягивают процесс. За болевым периодом, а длится он от недели до месяца, период депрессии. Больше всего летальных в эти два периода. В основном суициды.

– Месяц боли... да, понимаю.

– Боли страшные, Костя. И как подумаю, сколько дров мы наломали зимой, ничего не зная, не понимая...

– А эти шестьдесят три? Здесь?

– Часть здесь. Остальные ушли, где-то живут, как-то устроились. Надо было, конечно, договориться, чтобы приезжали хотя бы раз в год на обследование, но мы здесь не навечно. Но обещали, что если какие проблемы возникнут, то сразу.

– Значит, часть осталась. Это что, неизлечимые?

– От чего? – Аристов смотрел с нескрываемой насмешкой. – От чего они должны излечиться?

– Ну, повышенная сексуальность...

– Костя, не повторяй эту ахинею. Здесь остались те, кто захотел у нас работать. Оформили их вольнонаёмными, выделили крыло под общежитие.

– И кем же они работают?

– Санитары, массажисты, хозяйственные работы, открываем для желающих курсы мед-братьев. Костя, они не маньяки, как их расписывала имперская пропаганда, а несчастные люди. Люди, Костя.

– Ну, про пропаганду можешь мне не рассказывать. Но и ты пойми меня. Этот парень втягивается, вернее, его втягивают в страшную игру. Был убит Ротбус, комендант Уорринга. Жуткая личность. Убит буквально накануне ареста, а знал очень многое и о многих. Инициатор убийства, скорее всего, этот тип, старший ковбой, а парень... либо свидетель, либо исполнитель. Ты Сашку Бешеного знаешь, Гольцева?

– А то я его не штопал.

– Он копает это дело. Сделано чисто, но парень был задействован. Его вяжут, понимаешь, вяжут кровью. Ещё одно убийство и всё... Нам надо успеть раньше.

– И так важно, спальник он или нет?

– Я должен знать, как с ним разговаривать.

– Так, немного яснее, – Аристов ненадолго задумался. – Сделаем так. Ты на сколько приехал?

– Да, дня на два, думаю.

– Отлично. Сейчас я тебя посмотрю, пойдёшь на анализы, а вечером поговорим. Процедуры я тебе назначу по результатам осмотра и анализов.

Новиков с улыбкой стал расстёгивать мундир.

– Массаж будет?

– Посмотрим, насколько ты в нём нуждаешься.

– Значит, я всё-таки смогу с ними поговорить? Ну, ладно, Юра, я всё понял. Буду предельно осторожен, деликатен и тактичен.

– Надеюсь. А теперь ложись. Как здесь?

– Терпимо.

– Ну-ну.

Школьный друг Юрка уже стал врачом Аристовым. И посторонние разговоры недопустимы.

Алабама

графство Олби

округ Краунвилль

Имение Джонатана Бредли

Джонатан вёл грузовик плавно, без толчков, хотя дорога оставляла желать лучшего. Фредди дремал рядом, откинув голову. Последние сутки были уж очень насыщенными. Но зато... зато они могут покинуть Бифпит на три дня. А там второй заход. Трёх дней хватит, чтобы закончить с парнями.

– Прибавь скорость, Джонни, – сказал, не открывая глаз, Фредди.

– До темноты успеем.

– Не успеем, – Фредди на секунду открыл глаза и снова опустил веки. – В имении Джойса слышали выстрелы.

– Будем объезжать?

– Я не знаю, кто стрелял.

– Понятно. Парни проскочили?

– Они по другой дороге.

Фредди негромко рассмеялся.

– Ты это с чего? – перешёл Джонатан на ковбойский говор.

– Вспомнил, как мы зимой... Помнишь?

– Ещё бы, – улыбнулся Джонатан...

...Холодный снежный декабрь. И рухнувшее, действительно как гром с ясного неба, двадцатое число. Нет, после капитуляции этого надо было ждать, но... чем больше чего-то ждёшь, тем оно внезапнее. Так и здесь. Ждали, ждали, а всё равно вдруг. И понеслось. Такого страха он не испытывал даже мальчишкой, когда после рассказа сестры в каждом встречном видел своего убийцу. Тогда он впервые захотел не спрятаться, а исчезнуть. И вот опять. Костры и пожары, костры и костры. И не знаешь, где спрятаться. Они тоже опасались имений и ночевали у костров. Спали по очереди. Один спит у огня, другой в стороне, держит подходы под прицелом. И кого опасаться: бывших рабов или бывших рабовладельцев, или русских, или успевших

дезертировать до плена, или кого-нибудь ещё... да всех, словом, все опасны. А в городах та же неразбериха и паника...

...Джонатан покрутил головой, словно стряхивая с себя какую-то помеху.

– Фредди, спишь?

– Слишком жуткие воспоминания, Джонни? Да, в январе пришлось солоно. – Фредди открыл глаза и сел прямо. – Но мы выиграли, Джонни. Был и февраль.

Джонатан усмехнулся.

– Главное, что ещё будет. Но расфилософствовался я не к месту.

– Не ко времени. Как у тебя с русским, Джонни?

– Лучше, чем я ожидал. Выходка Эндрю его не тронула. То ли у русских, в самом деле, нет расовой гордости, то ли... Но такого лучше иметь другом. Как враг он слишком опасен.

– Это чем? Вроде, он не в больших чинах.

– Он умён, Фредди, дьявольски наблюдателен. И делает свои выводы, – Джонатан ловко вписал грузовик в поворот. – Ты прав, до темноты не успеем. Завтра закончим с парнями и отвезём их.

– Думаешь, везти в ночь?

– Нет, конечно. Выедем послезавтра на рассвете. Ночь проведём у Бобби и обратно в Бифпит.

– Да, второй заход необходим. Сменить тебя?

– Отдыхай, Фредди. Кстати, как твои дела на русском фронте?

– А что, аппетитная девчонка.

– Ну да, конечно. Только почему она клюнула на тебя, а не на Эркина?

Фредди растерянно пожал плечами.

– Ну, женским вниманием я никогда не был обделён. Но ты думаешь...?

– Вспомни, как клевали на Эркина наши леди. Помнишь борьбу? Да и раньше. А на балу... И его, и всю десятку. И вдруг... – Джонатан глядел только на дорогу и, казалось, говорил сам с собой. – И капитан её не останавливал.

– Ч-чёрт, теряю форму, Джонни. Неужели подстава?

Джонатан пожал плечами.

– Я не знаю, насколько это используют русские. А капитан уехал.

– Я думал, кое-что из неё вынуть.

– Боюсь, это она вынет из тебя.

– Ладно. Вернёмся в Бифпит, поведу игру.

Джонатан кивнул. Фредди потёр лицо ладонями и посмотрел на Джонатана.

– Отдохни, Джонни. Мне надо встряхнуться.

Не останавливая грузовика, они ловко поменялись местами в кабине. Уступив руль Фредди, Джонатан откинул голову и закрыл глаза. И сразу его обдало холодным дымом страшной зимы...

...О продаже имения они узнали случайно. Это был один из первых аукционов, устроенных русскими. Потом-то убедились, что если русские объявили недвижимость выморочной, то наследников точно нет. Но тогда рисковать боялись. А они решили рискнуть. Он нашёл Фредди в одном из уцелевших кабаков за ожесточенной игрой в блэк-джек. Играли на выпивку, а тогда выпивка и жратва были ценнее денег. Фредди понял с полуслова. В банк соваться было нельзя и неразумно: там всю шёл пересчёт и переход с имперских долларов на оккупационные кредитки, а русские ковырялись в счетах и вкладах. И они продали свой главный тогда капитал: два ящика консервов, продали и выигрыш Фредди – десять бутылок виски, и успели оплатить право участия впритык к открытию аукциона. Аукцион был вялый, цены набавляли неохотно, опасаясь русских. Они решили брать этот лот, так как на него, похоже, вообще никто не претендовал. Вернее, решил он, а Фредди согласился. Могло получиться за мизерную – по преж-

ним меркам – цену, но денег всё равно не хватало. Фредди ушёл, оставив его держать место, и через полчаса вернулся с деньгами. Как Фредди сумел за полчаса найти их банкира, вытрясти из того наличность и оформить последующий съём этих денег со своего счёта... ну, это мог только Фредди. А его появление в зале отсекло остальных. Убедившись, что им нужен только один лот, но конкретный и очень нужен, вмешиваться никто не рискнул. А у них после всего даже остались ещё деньги на самые первые шаги...

...Джонатан улыбнулся, не открывая глаз. Их первые контакты с русской комендатурой. Оформление владения и собственности. Оформление собственных документов. Тогда ещё многие кто опасался, а кто надеялся, что это ненадолго, но они поверили в капитуляцию Империи сразу. Старый мир рухнул, и надо устраиваться в новом. А кто не успел, тот опоздал. Говарды нераздельны с Империей. Рухнула Империя... нет, Говарды ещё не рухнули, но прежнего могущества уже нет. А иметь крышу над головой... вообще, крышу... это был их шанс. И они использовали его...

...Вернувшись в свой номер, он сразу лёг и заснул. Всё-таки иметь дело с властями – это нервотрёпка, а с оккупационными, не зная языка, не понимая их реплик, нет, он слишком вымотался. Сквозь сон он слышал, как Фредди возится за столом, чем-то шуршит, звякает иногда бутылкой о стакан. Потом Фредди что-то искал, перекладывая вещи и чертыхаясь, и снова шуршал, и звякал. А когда Фредди растолкал его – они предпочитали и здесь спать по очереди – было где-то около полуночи.

– Вставай, я сосну малость.

– Мм, – он с трудом разлепил веки. – Ты мне что-нибудь оставил?

– Всё на столе.

Фредди лёг на его место и мгновенно заснул, привычно засунув кольт под подушку. А он сел к столу. Два сэндвича, примерно полбутылки дрянного виски, несколько скомканных листов бумаги и красиво переписанный текст. Ну-ка, что тут Фредди сочинил? Смысл текста дошёл до него с третьего раза. Это был контракт. Фредерик Трейси нанимался к лендлорду Джонатану Бредли. Всё строго по правилам, годовой контракт, от Рождества до Рождества, оговорены все условия, зарплата или обеспечение с окончательным расчётом по итогам года. И с уплатой неустойки в случае преждевременного разрыва. Однако и неустойку Фредди заложил! Пять годовых зарплат с инициатора разрыва. И даже на гербовую бумагу переписал. Ковбой и другие хозяйственные работы. Осталась подпись или личная печать лендлорда. Он подписал контракт, убрал его к документам на имение и сжёг в пепельнице черновики. И уже после этого стал есть. А перед рассветом Фредди опять сменил его...

...Джонатана качнуло на повороте. Ну и гоним! Хотя... до темноты надо успеть свернуть к себе. Ночные патрули далеко не так корректны, как дневные.

– Сменить тебя?

– Отдыхай.

Расстроен Фредди. Злится на себя из-за этой русской. Но уж очень нахрапом она пошла на Фредди, как скажи ни одного мужчины вокруг нет. Так что лучше с ней поосторожнее...

...Конец января был тёплый, слякотный. Снег лежал неровно. Они приехали в имение верхом, ведя в поводу трёх навьюченных лошадей. На всё это ушли остатки наличности. Имперские падали в цене, их все сбрасывали, но удалось достать новых кредиток, и им на всё хватило. Пока добирались, похолодало, посыпались редкие снежинки, а под копытами лошадей захрустели льдинки. Ехали медленно. Миновав границу имения, Фредди достал из-под куртки автомат и приладил его под рукой. Он тоже приготовил оружие. Сколько раз они натыкались в брошенных имениях на ножи, а то и на выстрелы. И сами так же отбивались. Кто занял первым, тот и хозяин. Пока живой. Обычно опоздавшие уходили сразу, но сейчас придётся засевших в имении выбивать. Но было тихо, только шёл снег, и к дому, чёрному и полуобгоревшему, они подъехали уже по снегу. Фредди оглядывался, поводя стволом.

– Похоже...

– Тише, Джонни, – остановил его Фредди, прислушиваясь. И наконец кивнул. – Да, похоже.

Они спешили и привязали лошадей к обломку коновязи.

– Если кто здесь и прятался, Фредди...

– Да, думаю, уже улепетнул.

Фредди повесил автомат на плечо, огляделся.

– С чего начнём, Джонни?

– Надо всё осмотреть.

– Всё не успеем. Скоро стемнеет, а я не хочу шарить впотьмах.

– Резонно. Тогда Большой Дом.

– Ну, – Фредди усмехнулся, – с чего-то же надо начинать.

Визг битого стекла под сапогами. Обломки мебели. И тошнотворный трупный запах. И не жара, а воняет так, что дышать трудно.

– Похоже, кто-то так и лежит здесь.

– Да, пахнет здорово.

– Такого разгрома я ещё не видел.

– Мы просто нигде не смотрели так внимательно.

Фредди остановился, пригнувшись.

– Джонни, здесь надо разбираться. И закапывать. Ты резиновые перчатки взял?

– Во вьюке.

– Тогда назад. С этого завтра и начнём.

Он кивнул и, пересиливая тошноту, сказал:

– Посмотрим сенной. Вдруг что сохранилось.

– Правильно, Джонни. Ты молодец, лендлорд, – Фредди ловко развернул его за плечи к выходу. – Пошли. Если чего есть, подкормим лошадей. А то уже темнеет.

Им повезло. В сенном сарае было два целых брикета. Третий оказался замоченным. Но они растеребили его, выбрав сухого и не подгнившего из середины.

– У костра заночуем, – решил Фредди. – А завтра почистим Большой Дом. И вообще...

Они расседлали лошадей, задали им сена, из вьюков и сёдел соорудили укрытие и развели костёр, благо, обломков хватало. Поужинали хлебом и какой-то непонятной спиртной самоделкой. И легли. Спали опять по очереди. Да, только где-то в марте их отпустил страх перед ночным нападением. А с утра, с рассвета началось. И месяц не кончалось. Да и сейчас... Но не сравнить с тогдашним...

...Джонатан открыл глаза и сел прямо.

– Камень проехали?

– Только что, – Фредди ловко выплюнул в окно окурочек и, придерживая руль одной рукой, достал сигарету и закурил. – Выспался?

– Вспоминал, как начинали.

Фредди негромко рассмеялся.

– Лихое было время. Месяц с автоматом не расставался. Помнишь ту троицу?

– Ещё бы, – улыбнулся Джонатан...

...Это был их третий день в имении. Они уже обшарили все уцелевшие постройки. Закопали найденные в Большом Доме обезображенные трупы. Кто бы ни были те бедолаги, но смерть им досталась не самая лёгкая и не очень быстрая. И взялись за самые неотложные и посильные починки. Как раз возились с крышей на сенном сарае, настилая снятые с Большого Дома листы кровельного железа и закрепляя их изнутри, когда Фредди заметил троих темнотных оборванцев, опасно бредущих по подъездной аллее. Первым же выстрелом Фредди

сбил шляпу с заднего. А когда те замерли, вогнал пулю в снег у самых ног переднего. Третью посылал уже вдогонку поверх голов резво улепётывавших пришельцев.

– Надоело копать и закапывать, – кратко объяснил Фредди свой приступ человеколюбия. – А остальным они объяснят.

И действительно, их потом долго никто не беспокоил. Да, следующим в имение пришёл Сэмми. Уже в самом начале марта...

...Джонатан улыбнулся.

– Как это ты тогда Сэмми не подстрелил?

– Интуиция, – ухмыльнулся Фредди. – Да и март уже был. И страх схлынул, и мы подготовились. Ладно, Джонни, вечер воспоминаний пока закрываем.

– Да, – Джонатан потёр лицо ладонями. – Уже вот-вот.

– А, смотри, Джонни, не спят ещё, – за деревьями мелькнул огонёк. – Чего это они засиделись?

– Не иначе как Эндрю о своих подвигах рассказывает.

– Ну, тогда они до утра не переслушают, – засмеялся Фредди. – Язык у парня подвешен... похлеще, чем у Дона.

– Дону как раз пришлось его прикусить.

Фредди кивнул и плавно заглушил мотор, останавливая грузовик посередине двора. И первое, что они услышали – это взрыв хохота на кухне. Но тут пронзительно заверещал кто-то из негритят, и из кухни, всё ещё хохоча, повалили встречающие. Джонатан вышел из кабины, принимая сразу отчёты о сделанном и несделанном, важных и пустяковых происшествиях. Фредди мягко подал грузовик назад к приспособленному под гараж сараю. А когда вышел, наткнулся на Эркина, и вдвоём они молча открыли ворота. Фредди загнал грузовик внутрь, уже окончательно выключил мотор и забрал из кузова свой мешок. Эркин дождался его у входа и, помогая закрывать ворота, тихо сказал:

– Мне поговорить надо. Дело одно есть.

– Срочно?

– Не очень.

Фредди кивнул.

– Тогда завтра. Большой разговор?

– Да. И чтоб не мешали.

– Тогда вечером, – Фредди на секунду задумался. – Да, днём ни до чего будет. Джонатан сказал вам, что послезавтра уезжаете?

– Да. Слушай, – Эркин блеснул улыбкой, – слушай, хочешь, напоследок промну тебя?

– Давай, – не скрыл радости Фредди. – Тогда и поговорим.

– Идёт.

Эркин вдруг бесшумно отступил назад, слился с темнотой и исчез в ней. И Фредди услышал знакомые шаги.

– Фредди, готов?

– Да, Джонни. Всё в порядке?

– Да, как и думал, – Джонатан подошёл вплотную и тихо спросил: – Кто тут был? Эркин?

Фредди молча кивнул и протянул Джонатану свой мешок.

– Закинь ко мне, Джонни, а я загляну к Майору.

– Хорошо. Они в загоне.

Джонатан взял у него мешок и ушёл в их домик. Фредди прислушался. Да, расходятся уже. А ведь Джонни и не думал разгонять. Но лендлорд есть лендлорд. Приехал и порядок навёл. В принципе... так и надо, наверное.

– Смотри, проспишь, – голос Эркина.

– Не бойсь, всё в порядке будет, – ну, это Эндрю.

- Молли, не заезди парня-то, – вроде Сэмми.
- Он сам кого хочешь... – это Стеф.
- А ну, чтоб я вас не видела, трепачи чёртовы! – Мамми ни с кем не спутаешь.

Судя по шуму, Мамми окончательно разогнала собрание. Фредди тихо рассмеялся и пошёл к загону, где уже фыркал у загородки Майор, слышавший его голос.

Поговорив с Майором и огладив остальных подошедших к ограде лошадей, Фредди не спеша пошёл к их с Джонатаном домику. Окно в кухне рабского барака уже погасло, голосов не слышно, значит, улеглись. У Джонни слегка просвечивает штора, а ведь неплохо получилось, особо ничего не видно. Так, что-то смутное, даже силуэта не различить. Он толкнул входную дверь и сразу услышал:

- Заходи.
- Не спишь ещё?

Фредди вошёл в комнату Джонатана и невольно присвистнул. Джонатан прилаживал над камином призовые розетки. И в его работе было столько сосредоточенности, что Фредди воздержался от шутки, а прошёл к бару, выбрал бутылку и налил в два стакана. Джонатан оглядел свою работу, положил молоток на каминную полку и обернулся к Фредди. Фредди протянул ему стакан. Джонатан молча взял его и кивком указал на кресла у камина. По-прежнему молча они расположились в них. В камине горел огонь. Джонатан вдруг встал, выключил верхний свет и вернулся к камину. Теперь комната освещалась только живым пламенем.

- Это не смешно, Фредди, – наконец заговорил Джонатан. – Я столько лет мечтал об этом.
- Я не смеюсь, Джонни, – тихо ответил Фредди. – Я всё понимаю. Ты строишь свой дом, свой мир...

– И да, и нет. Дом, мир... Я хочу возродить семью, клан, называй это как угодно, Фредди, но когда-то я обещал сестре, что выживу. А себе... себе я дал клятву, что семья Бредли возродится. И вот... я начал, Фредди. Да, я создаю свой мир.

– Не надо меня убеждать, Джонни. И не надо так много объяснений, – Фредди улыбнулся. – Лучше скажи, какие тут новости. Я всё же месяц был при бычках.

- А я редкими наездами. Но пока идёт без перебоев. В общем, все работают. Даже парни.
- Я думал, они будут отсыпаться.

– Ну, это они не забывают. В первый день после полудня глаза продрали. Но ты сам говорил, что Эркин всегда себе дело найдёт. А Эндрю за ним тянется. Словом, они помогли Стефу с углём. И плотничали сегодня с Сэмми, – Джонатан усмехнулся. – Отзывы благоприятные.

- Попробуешь уговорить?
- Нет, Фредди. Я не буду их уговаривать. На эту зиму ещё двух работников не нужно.
- Думаешь? Нужен конюх. Мы об этом уже говорили.

– Да. Нужен. Но один. И хороший специалист, – Джонатан посмотрел на пламя сквозь стакан. – Даже если бы парни так не рвались обратно... всё равно. Конюха брать придётся, ты прав, Фредди. Поищем такого, чтоб мог и на скотной помочь.

- И с Молли поладить, – продолжил Фредди.
- Да, это тоже придётся учитывать, – рассмеялся Джонатан. – Кстати, вот тоже аргумент. Эркина Молли не интересуется, а Эндрю, как я понимаю, собирается отгулять всё недобранное ранее.

– И самый главный аргумент, Джонни. Они не хотят работать в имении. Независимо от своих завязок в том городишке.

- Да. Всё так. И всё к лучшему. Завтра с утра начнём с ними.
- Премия ты им просчитал?
- Да, конечно. Три тысячи на двоих.

- Фредди покачал головой.
- Зарплата старшего ковбоя. Не ошалеют парни?

– Ты их знаешь лучше меня. По-моему, не должны. Я обещал премию с привеса. Ни одного меньше тысячи. Законный процент умножь на цену. Вот и считай.

– Да, – почти сразу кивнул Фредди. – Так и выходит. Что ж, парни заработали.

Джонатан кивнул. Они сидели у камина, и стояла особая ночная тишина. Ветер за окнами да редкое потрескивание поленьев в огне. Фредди допил свой стакан и усмехнулся:

– Ну, всё, я на боковую. А то ещё спектакль просплю.

– Какой?

– А Эркин завтра будет тебе обеспечение сдавать.

Джонатан рассмеялся.

– Да, действительно. Как бы у него излишка не оказалось.

– Ну, это ты зря, Джонни, – возразил Фредди. – Насчёт этого парни ни-ни. Чтоб они на чужое позарились...

– Ты о чём, Фредди? – искренне удивился Джонатан. – А-а, извини, конечно, я не думаю, что они нечисты на руку. Но недостачи не будет, спорим?

– В ремнях убыль естественна. Рвутся, сшиваются, обрывки попросту выбрасываются...

– За каждый дюйм вычту, – свирепо сказал Джонатан и рассмеялся. – Неужели ты думаешь, что буду ремни перемерять?

– С лендлорда станется, – пробурчал Фредди, вставая.

– Хорошая идея, – кивнул Джонатан. – Вот я со старшего ковбоя и вычту. За недосмотр.

Спектакль получился на славу. Эркин действительно сдавал всё. Сначала предъявил лошадей. Лошади здоровы, вычищены.

– А Резеду, сэр, вы продали.

Джонатан кивнул. Фредди прилагал героические усилия, чтобы сохранять серьёзное выражение. Тем более что парни не играли. А зрители – что за спектакль без зрителей?! – Мамми, Дилли, Молли, потом подошли Ларри и Сэмми и прибежал из котельной Стеф, мелюзга с самого начала крутилась рядом, – все они следили за сдачей инвентаря в почти-тельном молчании, явно переживая за парней. Пожалуй, только Стеф чувствовал комичность ситуации. Но на него Фредди не смотрел, боясь не выдержать и расхохотаться.

После лошадей была сдана седловка, включая лассо. Тоже всё на месте и в полном порядке. Наступила очередь вьюков. Эркин и Андрей их заранее вытащили из кузова грузовика и перенесли к кладовкам. Джонатан невозмутимо принимал решётку, котелки, сковородку, кофейник... всё, вплоть до точильного камня, вся мелочь, обрывки ремней, связанные в пучок. Тут у Фредди начался приступ кашля, и ему пришлось отойти. Правда, ненадолго. Такое представление пропускать грешно. Миски, кружки, продукты... Джонатан оглянулся на Мамми. Та сразу вышла вперёд, открыла продуктовую кладовку и приняла от парней остатки крупы, муки, сахара, кофе, мешочки с солью и перцем.

Вот тут на мгновение и Фредди стало по-настоящему интересно. Когда Мамми, грозно подбоченившись, спросила:

– А перец где, парни? Его много было.

Фредди чуть было не влез с объяснениями, уже рот открыл, но тут Эркин спокойно ответил:

– Вот, Мамми. Мы и не тратили его, сэр.

И показал на маленький белый туго набитый мешочек. Незахватанно-белый. Мамми важно кивнула, забирая его. Распустила завязки и заглянула, проверяя.

– Да, всё точненько, масса.

Фредди озадаченно посмотрел на парней – Эркин невозмутимо серьёзен, Эндрю на мгновение не сдержал радостной ухмылки – встретился глазами с Джонатаном. Тот еле заметно улыбнулся и кивнул.

– С продуктами всё. Ещё...

– Вот, одеяла, сэр. Два брали. И вот, – Эркин снял с головы и положил на развороченный выюк шляпу, и тут же Андрей повторил его жест. – Две шляпы, сэр. Всё.

Джонатан очень серьёзно, глядя им в глаза, сказал:

– Инвентарь принят. Недостачи нет.

Широко улыбнулся Эркин, шумно перевела дыхание Мамми, засмеялся Андрей, радостно ойкнула и хлопнула в ладоши Молли, заулыбались и остальные, загомонила мелюзга.

– Ларри, Сэмми, – вмешался в начинающееся веселье Джонатан, – убирайте всё в кладовку. А вы, парни, идите со мной.

У себя в комнате Джонатан сел за стол, показав парням на стулья напротив. Фредди сел сбоку стола. Помягчешшее лицо Эркина снова отвердело, напрягся и как-то подобрался Андрей.

– Под расчёт, парни, – Джонатан говорил очень чётко, даже резко, улыбаясь только глазами. – Итак, плата. Вам причитается ещё одна треть. Пятьсот кредиток. Так? По стаду и инвентарю претензий нет, поэтому вы получаете её полностью. Теперь премия за привес. Средний вес бычка тысяча триста семьдесят пять фунтов. Средний привес составил тысячу двести пятьдесят фунтов. Мясо высокого качества, по кредитке за два с половиной фунта. Таким образом, прибыль на бычке пятьсот кредиток. Ваш призовой процент – шесть. Шесть от пятисот – тридцать кредиток. И на сто голов... это будет три тысячи кредиток.

Объясняя, Джонатан считал на больших массивных счётах, звучно щёлкая костяшками. Парни явно уже запутались в числах, и лицо Эркина стало угрюмо-покорным, а у Андрея зло заходили желваки на скулах. И если бы сейчас Джонатан упомянул о вычете... неизвестно, чем бы кончилось. Но Джонатан повторил:

– Три тысячи кредиток – это ваша премия за привес. На двоих. Понятно?

Они осторожно кивнули. Джонатан достал из ящика письменного стола деньги и отсчитал двадцать четвертных и тридцать сотенных кредиток. Парни переглянулись, и Джонатан молча достал и протянул им лист бумаги. Но Эркин снял свой шейный платок и, не пересчитывая, очень ловко завернул в него деньги.

– Правильно? – улыбнулся Джонатан.

– Да, сэр. Спасибо, сэр, – вежливо улыбнулся Эркин.

– Тогда последнее.

Джонатан раскрыл толстую бухгалтерскую тетрадь, в которой вёл учёт найма и расчётов с работниками. Быстро нашёл нужную строку, проставил дату.

– Вот, запись о вас. Наняты в мае, рассчитаны сегодня, пятого сентября, расписывайтесь. Да, опять две буквы.

Они медленно старательно расписались. Джонатан оглядел результат, кивнул. И раскрыл другую, приходно-расходную книгу.

– А теперь здесь. Полторы тысячи зарплаты, три тысячи премии. Здесь может расписаться один, так как деньги вы сами между собой делите.

Эркин посмотрел на Андрея и расписался.

– Ну, вот и всё, парни. Спасибо вам за работу, – улыбнулся Джонатан. – Сегодня можете отдыхать. А завтра на рассвете уезжаем. Привезём вас туда, откуда увезли.

– Да, сэр, – Эркин встал, взял свёрток с деньгами. – Спасибо, сэр.

– Спасибо, сэр, – встал и Андрей.

В дверях Эркин оглянулся на Фредди. Их глаза встретились, и Фредди кивнул.

Когда за парнями закрылась дверь, Фредди негромко засмеялся.

– Ну, ты и строг, лендлорд. Даёшь премию, а голос... И слишком быстро, Джонни, они сразу запутались. А так, всё нормально.

– Эркин же хорошо считает, – удивился Джонатан.

- Он умножать не умеет. А проценты для них вообще... тёмный лес.
- Ладно, учту. Но в целом... – Джонатан засмеялся. – А я прав оказался. Излишек-то... налицо.
- Какой излишек? – удивился Фредди.
- А перец! На перегоне-то его уже в Мышеловке не было. Ты ещё докупать собирался.
- Точно, – засмеялся и Фредди. – И ты заметил? Мешочек новый, не захватанный. Не иначе в Бифпите купили и подложили. Артисты!
- Артисты, – согласился Джонатан. – А чего ты с Эркином перемигивался?
- Дело есть, – усмехнулся Фредди. – Так что вечером я буду занят. У него ко мне разговор какой-то тайный. И ещё одно... Я переговорю с ним и скажу тебе.
- Ладно. Тайно если... ну, имение велико, найдёте место.
- Найдём, – кивнул Фредди. – Ты сейчас в Большой Дом?
- Да, надо посмотреть, что там Сэмми наломал.
- Хорошо. Я к Стефу зайду и скот проверю.

От Джонатана парни сразу пошли к себе в сенной. И там Эркин развернул на сене свой свёрток.

- Ну вот, – улыбнулся он. – Обошлось без вычетов. Держи.
- Он быстро поделил деньги пополам. Андрей кивнул и взял свою пачку. Достали из мешков узелки с деньгами, уложили, завязали, оставив в бумажниках мелочь. Андрей взвесил на ладони свой свёрток.
- А что? Хоть не зря корячились. Но с перцем ты здорово придумал. Мне и в голову не пришло...
- Парень один, – Эркин негромко рассмеялся, – в Бифпите плакался, что под расчёт с него за каждую тряпку вычли. Ну, я и чухнулся.
- Сам покупал?
- Зачем? Одному сверху на стакан обещал, тот пулей и слетал.
- Местный?
- Не дурак же я. Шакал безродный. Он для всех на посылках за выпивку. Андрей рассмеялся.
- Здоровско получилось. Фредди аж обалдел.
- Обошлось, и хорошо. И хватит об этом. Теперь мне ещё с Фредди одно дело уладить успеть. И всё.
- Ладно. Шумнёшь, когда, и я остальных на себя возьму.
- Трёпом?
- А что? Можно и трёпом, но я получше придумал. Играть сядем. Стеф в блэк-джек умеет. Должен уметь.
- Смотри, накостыляет тебе Фредди.
- Я аккуратненько.
- Они убрали деньги, переглянулись.
- Ну что? Пойдём, Сэмми поможем?
- Давай. Ломать не строить, – кивнул Андрей. – Не надорвёмся.
- Когда они вышли во двор, там было уже пусто. Не так много людей в имении, чтоб днём кто-нибудь без дела болтался. Даже мелюзги не видно. Из развалин Большого Дома доносились удары топора. На этот шум они и пошли.
- Сэмми отдирает панели тёмного дерева от стен одной из комнат.
- А, парни, – он опустил топор и выпрямился, утирая рукавом лицо. – Ну, как у вас? Обошлось?
- Да, всё в порядке, – Андрей огляделся. – Это что ж раньше было?

– А хрен его знает. Масса Джонатан кабинетом называет. Сказал, чтоб если бумаги какие или книги найдутся, то чтоб ему показали. А эти дурынды в сарай потом снести. Они вон целые все. Только те три с угла чуток обгорели.

– Ну, давай, – усмехнулся Эркин. – Топоры-то ещё где?

– Лом возьми и отжимай. У тебя силы много. А ты, парень, рамы посмотри. Вроде, в дело ещё пойдут.

Какое-то время работали молча, сосредоточенно.

– Мебель-то выбрали уже?

– Ну да, – Сэмми, крикнув, оторвал очередную панель. – Что поцелее и получше, масса Джонатан к себе в дом перенёс. Ну, и нам перепало. Вы не подумайте, чего-то такого, он сам брать разрешил. Так что... кровать там себе сделать, стол. Всем дал.

– И вычтет под расчёт? – ухмыльнулся Андрей.

– А как же! Мне дармового не надо, дармовое завсегда отобрать могут, – Сэмми усмехнулся. – Я, весной когда шатался, работу искал, то чтоб с домом. Чтоб надолго осесть.

– Понятно, – кивнул Эркин. – С весны здесь?

– Я первым пришёл. Сам. Болтали об этом месте, что стреляют, дескать, не спрашивая.

– А ты не побоялся? – Андрей осторожно вынул раму из оконного проёма. – Ну, вот. Тут только стёкла вставить.

– Со стёклами хреново, – вздохнул Сэмми. – Все осколки на счёт. Окна когда в выгородках делали, так под стёкла подгоняли.

– Заметно, – кивнул Андрей, переходя к следующему окну.

– Да, под сапогами не хрустит, – улыбнулся Эркин.

– Всё до осколочка подобрали, – кивнул Сэмми. – И черепки, ну, от посуды, тоже.

– А их-то куда?

– А масса Фредди всю мелочь стеклянную, ну, и черепки с цементом намешал и птичник обмазал от крыс. Чтоб не нагнели.

– Здоровско! – восхитился Андрей.

– А комнату для наказаний напоследок оставили? – усмехнулся Эркин.

– Вспомнил! – заржал Сэмми. – Её ещё до меня расшарашили. Я, когда ходил, приду в имение какое и первым делом барак и эту комнату смотрю. Кольца, цепи на месте, плети валяются... я сразу ухожу. Тут жизни не будет. А сюда пришёл... В бараке ни одного кольца нет, с мясом выдернуты, не вставишь. А по дыркам если смотреть, то на каждого заготовлено было. Я в Большой Дом, – гудел своим низким глубоким голосом Сэмми, – ну, комнату эту, камеру для битья, смотреть. Расшарашена подчистую. И не впопыхах разломана, а вот как мы сейчас. Ни цепей тоже, ни плетей с дубинками, ну, говорю, подчистую. Ну, думаю, здесь нужно пробовать.

– И не подстрелили тебя, когда по дому шатался? – Андрей даже работу оставил.

– А чего меня стрелять? Я ж не воровать пришёл. Это ж сразу по человеку видно. Ну, я и подошёл к ним, – Сэмми шумно вздохнул и замолчал, уйдя в воспоминания...

...Двух белых он заметил сразу, ещё на подходе. Они чинили крышу конюшни. И не окликнули его, хотя видели. И дали ему полазить по рабскому барaku и Большому Дому. Он дождался, пока они спустятся вниз, и подошёл, вежливо сняв шапку за три шага, сделал ещё шаг и остановился. Белые, оба высокие, одетые по-ковбойски, в ковбойских сапогах, пояса с кольцами, но без плетей, молча рассматривали его.

– Добрый вам день, масса, и вам, масса, – заговорил он, не дожидаясь вопросов. – Я вот работу ишу.

Они переглянулись, и тот, что помоложе, светловолосый, улыбнулся и спросил:

– И надолго тебе работа нужна?

– Надолго, масса, – твёрдо ответил он. – Чтоб и жить уже.

– Понятно, – кивнул светловолосый. – А что ты умеешь?

– Я в имении был, масса. Всё, что по имению надо, то и умею.

– И сколько лет в имении?

– Да давно, масса, с мальчика. Всем был, масса, – и выложил козырь: – Я и плотничать умею.

– Ну что, – светловолосый посмотрел на второго, – надо рисковать, – и снова повернулся к нему. – Посмотрим. Спать пока на кухне придётся. Только там плита топится. Еда будет. С ночлегом потом сам придумаешь. Да, тебя как зовут?

– Шмель, масса, – он привычно назвал свою кличку.

Светловолосый рассмеялся.

– Похоже.

И он улыбнулся в ответ. Кличка была давней и необидной, и вполне его устраивала. Но тут второй белый, постарше, светлоглазый и темноволосый, вдруг спросил:

– А по имени как?

Он растерялся, светловолосый удивлённо посмотрел на светлоглазого. Тот спокойно улыбался, ожидая ответа. А он не знал, что сказать. Не придумал он себе имя, не до того было. Обходился. Белые ждали. А... а вдруг без имени не наймут? И он назвал первое пришедшее на ум.

– Сэмми, масса.

– Это Сэмюель полностью, так?

– Сэмми, масса, – растерянно повторил он.

– Отлично, – улыбнулся светловолосый. – Я Джонатан Бредли, лендлорд.

– Фредди, – спокойно с насмешливой, но не злой улыбкой сказал второй.

– Ну, так. Еда, жильё, а плата... посмотрим по твоей работе. Согласен?

– Да, масса. Я согласен, масса...

...Сэмми ещё раз вздохнул и оглядел оголившуюся стену.

– Ну, с неделю я так работал, присматривались. Я к ним, они ко мне. А через неделю я контракт подписал. До Рождества.

– Угу, – Андрей высвободил из проёма вторую раму. – А в город чего не подался?

– А ну его на хрен, город этот! Суета, беготня... не по мне это. Да и здесь я знаю всё, а там... нет. Я уж зацепился здесь, парни, – Сэмми хохотнул, – корни пустил.

– Дом иметь – великое дело, – согласился Эркин.

У него что-то не ладилось с очередной панелью. Он чертыхнулся, опустил лом и стал ощупывать её края.

– Андрей, посмотри, что за хренотень здесь.

Андрей, а за ним и Сэмми подошли. Андрей отодвинул плечом Эркина, прошёлся пальцами по краям.

– А ну тихо, щёлкает чего-то, – Андрей посмотрел на Эркина округлившимися посветлевшими глазами. – Ни хрена себе!

– Чего это, парни?

– Тайник с замком, умереть не встать.

– Третий уже, – спокойно сказал Сэмми и свистнул.

На его свист отозвались быстрые детские шаги, и в комнату влетел негритёнок.

– Чего?! Случилось чего, да?!

– Беги к массе Джонатану или к массе Фредди. Скажешь, чтоб сюда шли. Дуй! – распорядился Сэмми.

Негритёнок исчез, а Сэмми обстоятельно заметил:

– Те два-то уже разломанными были. Один здесь. Вон дыра от него. А другой поцелее. Был. С баром. Масса Джонатан его к себе в дом забрал. Вместе с баром. Но они пустые оба были.

– Бар у него мы видели, – кивнул Андрей, продолжая ощупывать что-то в проделанной Эркином щели. – Эркин, давай соседние оторвём и посмотрим...

– Ты башку себе отрывать не пробовал? – поинтересовался, раздвигая их, Фредди. – Ну-ка, чего тут... Та-ак. Хороший ты мастер, Сэмми, но язык у тебя бабий. Болтается сильно. Та-ак. Ну вот. Тут не панель, а плитус отрывать надо.

– Не проблема, – пожал плечами Андрей. – Эркин, берись.

Фредди рта раскрыть не успел, как они оторвали плитус, открыв длинный толстый кабель.

– А теперь что? Фредди...

– А теперь на ленч идите, – сказал, входя, Джонатан. – У Мамми готово всё. Все идите. Эркин и Сэмми привычно повиновались, а Андрей задержался и быстро что-то зашептал на ухо Фредди.

– Это ты для Молли опытный, – спокойно ответил Фредди. – Все вон.

Андрею пришлось послушаться: таким был тон Фредди. И, уже уходя, услышал за спиной:

– Лендлордов это тоже касается.

Сворачивая за угол к кухне, Эркин оглянулся на Большой Дом и мрачно курившего перед ним Джонатана, придержал шаг и, поравнявшись с Андреем, спросил по-камерному:

– Мина?

Андрей кивнул и зло выругался.

Ленч прошёл в молчании. Сэмми, расстроенный разносом, который устроил ему Фредди, так обругал спросившую его о происшествии Дилли, что никто уже не рисковал лезть с вопросами. Даже мелюзга притихла. Мамми после каши налила всем по кружке молока и дала ещё по свежее испечённой горячей лепёшке, даже с промасленной верхушкой. Но и это не улучшило общего настроения.

Они уже заканчивали есть, когда в кухню вошёл улыбающийся Джонатан.

– Мамми, молоко холодное?

– Из погребца, масса Джонатан, а как же. И лепёшки горячие.

– Ну, и отлично, – Джонатан нашёл взглядом Сэмми. – Сэмми, на скотной решётки для сена наладить надо. Займись сейчас.

– Да, масса, – Сэмми полез из-за стола.

– А кабинет завтра сделаешь. И начнёшь соседнюю комнату.

– Да, масса, – заулыбался Сэмми. – Как скажете, масса.

– Ларри, – Джонатан кивком отпустил Сэмми. – У тебя что срочное есть?

– Да вроде бы нет, масса, – развёл руками Ларри.

– Тогда зайди ко мне. Минут через пять.

Эркин и Андрей переглянулись. Они уже не на службе, могут что хочешь делать. Надо сматываться, пока работы не дали. Мелюзга уже испарилась, Молли и Дилли тоже убежали, ушёл Стеф, Мамми протирала стол и накрывала его край небольшой скатертью. Эркин подтолкнул Андрея, и они за спиной Джонатана выскочили во двор.

– Айда в кабинет, посмотрим, – шепнул Андрей.

Входя в Большой Дом, они натолкнулись на Фредди.

– Ну, без вас не обойдётся, – остановил он их.

– Фредди! Живой! – заулыбался Андрей.

– Есть сомнения? – поинтересовался Фредди и улыбнулся. – Поиграйтесь в другом месте.

Мне здесь лишние глаза не нужны.

– Ладно, – покладисто согласился Андрей. – Мы к Сэмми на скотную пойдём.

– Валяй, – кивнул Фредди и, когда Андрей повернулся, взглядом остановил Эркина.

Эркин кивнул и незаметно подтолкнул Андрея.

– Давай на вечер договоримся, – улыбнулся Фредди. – После ужина. Согласен?
– На ночь? Хорошо, я тогда тебе большой сделаю, – кивнул Эркин. – Только в душ сходи перед этим, а потом спать сразу. Но... тогда у тебя, наверное, лучше?

– Отлично.

– А... Джонатан?

– Я с ним сам поговорю. Пока ты не уйдёшь, он не зайдёт. Устраивает? Всё тогда. Иди. Догоняй Эндрю.

Эркин кивнул и ушёл.

Втроём они к обеду всё сделали, хотя Андрей и ворчал, что инструмент ему не по руке. Сэмми молчал вмертвую, ограничиваясь самыми нужными по делу замечаниями. Но к концу работы повеселел и объяснил:

– Если чего ещё не дадут, домом займусь. С обеда-то уже наше время. Поможешь рамы подогнать? Я-то весной их ставил, разохлись за лето.

– А чего ж нет? – кивнул Андрей. – Как, Эркин, сделаем?

– А из чего делать есть? – спросил Эркин. – В Большой-то Дом сейчас нельзя.

– Есть, – улыбнулся Сэмми. – Я уже заготовил всё. И козырёк над окном сделать хочу. Чтоб не заливало.

– Сделаем. Если материала хватит, и на другие окна поставим.

– Сделаем, – согласился Сэмми и ухмыльнулся. – Молли первой. Ну вот, сделали. Давайте обрезки соберём.

– Щепки на растопку пойдут, – Эркин поймал за шиворот крутившегося неподалёку негритёнка. – Давай, малец, подбирай щепки, не надорвёшься.

Джонатан на обед не пришёл. Ларри как ушёл к нему, так и сидел там. И Фредди. Мелюзга видела, как он из Большого Дома прошёл в их с Джонатаном домик. И тоже не выходит больше. Так что нового задания Сэмми не получил и повеселел. Остальные, узнав, что Сэмми и парни будут налаживать окна, чтоб не дуло и не заливало, отнеслись к этому с полным одобрением. О тайнике в Большом Доме никто не поминал, будто и не случилось ничего.

А вот в домике Джонатана и Фредди его обсудили очень подробно.

– Ну что, Ларри?

– Здесь работа намного ценнее металла, сэр. Хотя пробы высокие.

– Сколько им лет, как ты думаешь?

Ларри задумчиво рассматривал высокие и узкие золотые бокалы.

– Лет триста, сэр. Или больше. Я не знаю этих гербов.

– Да, интересно.

Фредди осторожно взял один из бокалов, взвесил на ладони.

– Да, сэр, – понял его Ларри. – Но... ими очень давно не пользовались. По прямому назначению.

Пять больших золотых бокалов, серебряная шкатулка с мозаичной крышкой – мозаика из драгоценных камней, три маленьких пузатых серебряных стаканчика с золотыми инкрустациями, тяжёлая золотая цепь с большим, щедро украшенным рубинами крестом, серебряный портсигар с вделанным в крышку крупным сапфиром, медальон с крышкой из целого изумруда и миниатюрным портретом красавицы в платье очень давнего века, крестики из цветных бриллиантов на тонких золотых цепочках, фигурный золотой кувшинчик с изумрудным ободком по горлышку, серебряная кошка с изумрудными глазами в рубиновом ошейнике с бриллиантовым бантиком.

– Это дороже любого имения, – покачал головой Фредди.

– Да, сэр. Камни очень хорошие. А этот изумруд... Я не видел таких больших изумрудов.

– Ни одной вещи ты не знаешь?

– Нет, сэр. Я не знаю этой работы. Это всё антиквариат, сэр.

– Ну что ж, спасибо, Ларри. Отдыхай пока.

– Хорошо, сэр.

Ларри собрал весы и чемоданчик, встал и улыбнулся.

– Ещё одно дело, сэр, простите.

– Да, Ларри, в чём дело?

– Урожай с огорода всё-таки есть, – Ларри улыбнулся с насмешкой над собой. – Может, вы разрешите дать немного парням с собой.

– Конечно. Скажи Мамми, чтобы собрала. Всего понемногу, – улыбнулся Джонатан.

– Возьми в кладовке два больших мешка, – сказал Фредди. – На дно положите им, что отберёте, а сверху они тогда свои мешки засунут.

– Хорошо, сэр, большое спасибо, сэр, – Ларри открыл дверь, – большое вам спасибочко, масса Джонатан и масса Фредди.

Когда шаги Ларри затихли, Джонатан сдвинул бар, открыл сейф и стал закладывать туда находки. Фредди критически оглядел сейф.

– Скоро второй понадобится, да? – спросил, не оборачиваясь, Джонатан.

– Этот вообще не годится. Здесь только твою бухгалтерию и ходовую наличность хранить.

– Да, ты говорил, что эту систему все знают.

Джонатан закрыл сейф, поставил на место бар и сделал себе и Фредди по коктейлю.

– Как думаешь, в доме ещё много тайников?

Фредди пожал плечами, беря стакан.

– В кабинете больше нет. Я прошёлся по этому чёртову кабелю и ответвлений не нашёл.

– И где включалось?

– В парадном холле. Мина, кстати, слабенькая, только чтобы намертво заклинить дверцу и поотшибать пальцы, ну, и глаза, чересчур любопытному.

– Лихо. Спальню ты проверил?

– Пусто. Джонни, завтра мы уезжаем на неделю, так? Тайник нужен теперь нам.

Джонатан кивнул, оглядывая комнату.

– Не представляю, куда здесь всунуть сейф.

– Я говорю не о сейфе, Джонни, о тайнике.

– Здесь?

– Здесь, у меня, в кладовке... Давай смотреть. И делать. До ужина надо успеть.

– Допустим. А после ужина нет?

– После ужина сюда придёт Эркин, а ты чем-нибудь займёшься. И придёшь, когда он уйдёт.

Джонатан оглядел его с комичным изумлением.

– А ты не зарываешься, ковбой? Другого места не нашли?

– Другое место, лендлорд, не обеспечивает конфиденциальности. А сейчас, Джонни, иди на кухню и посмотри, чем все заняты, захвати мне поесть...

– Ты не боишься, что я всё перепутаю? – усмехнулся Джонатан, ставя стакан и берясь за шляпу.

– Ковбой боится только женской истерики, поэтому никогда не спорит с женщиной, а тихо делает по-своему. И важна не внешняя очерёдность, а внутренняя последовательность. Ступай. А я посмотрю кладовку. Есть у меня одна идея.

Джонатан осмотрел решётки на скотной и разрешил Сэмми взять остатки дерева для модернизации барака, одобрил выбранные Мамми и Ларри мешки и овощи. Тридцать фунтов картофеля, немного кукурузы, несколько кабачков, с десятков фунтов огурцов...

– Помидоры они в дороге помнут, Мамми, патиссоны есть? Ну вот, отбери штуки четыре. И цветной капуста столько же. Поровну только клади.

– А как же, масса Джонатан. Они ж это... напарники. А в дорогу дать им чего с собой можно?

– Вот и дай помидоров с десятка. Ну, и лепёшек, или сэндвичи сделай. На грузовике поедем.

– Ага, поняла, масса Джонатан, спасибочки вам. А масса Фредди обедать не придут разве?

– Нет, сделай ему чего-нибудь. Я сам отнесу.

– Сейчас всё сделаю, масса Джонатан. Вот, поешьте, а я уж мигом. Приятного вам аппетита.

– Мг-м, спасибо, Мамми.

Когда Джонатан с миской под крышкой в руках вернулся в их домик, Фредди уже всюду трудился в кладовке.

– Хей, Фредди! – окликнул его Джонатан. – Есть будешь?

– Сейчас. Иди сюда, Джонни.

Сооружая весной себе дом, они устроили в нём две комнаты и маленькую внутреннюю кладовку. Здесь хранились оружие, боеприпасы, большая часть спиртного, дорогие консервы и вообще всё то, что они не хотели или не могли держать в других кладовках. Об этом не знал даже Сэмми: домик распланировали и перегородили ещё до его появления. Он потом помогал таскать мебель, бывал, разумеется, в комнате Джонатана, даже как-то заглядывал по какому-то делу в комнату Фредди. Мамми и Молли подметали и мыли здесь полы и вообще слегка убирала. Но о том, что стена между комнатами двойная, они и не догадывались. Ещё в самом начале, только разметив будущие перегородки, Джонатан с Фредди перетащили сюда остаток парадного буфета из столовой, его нижнюю трёхстворчатую часть, а стены возвели уже потом, и приспособили её под бутылки и консервы. Вот в ней на одной из полок Фредди и делал внутреннюю сдвижную стенку.

– Вот смотри. Сделаем на всю высоту, косяк её прикроет.

– Доставать неудобно.

– Это не самое страшное, Джонни. И не так уж часто мы будем туда лазить.

– А запор?

– Элементарно. Эту я уже сделал. Попробуй.

Джонатан безуспешно пытался подцепить ногтями край.

– Нашупай выемку для пальцев.

– О чёрт, вот же она!

– Ну и открывай. То-то. А теперь от себя попробуй.

– Там же в упор, Фредди. Заднюю стенку пулей не прошибёшь.

– Это смотря из чего стрелять, но всё же попробуй.

Доска отодвинулась, открывая глубокое пространство шириной в ладонь.

– Ты гений, Фредди!

– Наконец-то ты это понял. Серьёзный обыск её вскрыет, конечно, но до серьёзного ещё надо допрыгаться. Так что по образцу делай нижнюю полку, а я пойду поем.

– Ты хочешь на всех трёх заложить?

– Конечно. Набьём пустые какой-нибудь дребеденью, чтоб не простукивались. И всё. Работай, лендлорд. Любишь иметь ценности, люби делать тайники. Чего там Мамми наложила?

– Иди посмотри.

Посменно работая, они закончили тайник и заполнили его. Окон в кладовке не было, работали с налобными фонариками и потому, закончив и выйдя в комнату Джонатана, внезапно оказались в темноте. Фредди посмотрел на часы и усмехнулся.

– Еле успели. Ну, Джонни, я в душ, и как уговорились.

– Грамотная ты сволочь, – вздохнул Джонатан, убирая оба фонаря и инструменты. – Ужидать ты тоже не будешь?

– Нет. Кстати, чего это они на кухне так расшумелись?

– Новые окна обсуждают. Сэмми с Эндрю их сегодня уплотняли, подгоняли...

– Вот и поучаствуй в обсуждении. Да, Эндрю в блэк-джек играет. Намекни, что ты не против сыграть. И дело в шляпе. Вам хватит надолго.

– И сколько ты мне разрешаешь проиграть?

Фредди с удовольствием заржал.

– Имение на кон только не ставь.

Джонатан невольно рассмеялся.

– Да, из парня лендлорд ещё хуже, чем из меня.

– Не скромничай, Джонни. Зрителей нет, а я тебе цену знаю. Всё, пошли.

Фредди почти насильно надел на Джонатана шляпу, и они вышли.

Появление Джонатана и Фредди на кухне вызвало лёгкий переполох. Но Фредди взял ключ от душа и ушёл, общий разговор был о сделанных окнах, и Джонатан очень ловко встроился в беседу. Андрей незаметно подмигнул Эркину и заговорил о городской жизни, Цветном квартале и городских развлечениях. И довольно плавно перешёл к играм. Оказалось, что Стеф тоже знает блэк-джек, а Ларри как-то видел игру. Джонатан заметно оживился. Мамми, правда, заявила:

– Баловство всё это, масса, и одно жульничество.

Джонатан усмехнулся:

– Ну, это смотря какие игроки.

– А что? – сразу предложил Андрей. – Сыграем?

– Тебе деньги карман жгут? – грозно подбоченилась Мамми, но, незаметно искоса глянув на Джонатана, смягчилась: – Ладно уж, раз масса Джонатан разрешают.

– Разрешаю и сам сыграю, – рассмеялся Джонатан.

За общим шумом Эркин встал и вышел. Зрители и игроки занимали места и его ухода не заметили. Не спеша, бесшумно ступая, Эркин прошёл к домику Джонатана и Фредди и сел на ступеньки. Зажал кисти рук между коленями, чтобы не замёрзли, и стал ждать. Андрей обещал всех держать, пока он не вернётся в кухню. А Фредди, видно, поговорил с Джонатаном, иначе бы тот так легко не согласился на игру. Если Андрей проиграется, надо будет отдать. Почему из-за него Андрей должен деньги терять? Только забрыкается Андрей. Один день остался. Завтра в это время... стоп, не надо, сейчас нельзя об этом...

Зайдя на кухню, Фредди повесил на место ключ от душа, мельком равнодушно оглядел стол, игроков и зрителей и вышел. На него даже обернуться никто не успел.

Он знал, что Эркин ждёт его, но невольно вздрогнул, когда перед ним выросла высокая тёмная фигура.

– А, ты. Заходи.

Войдя в комнату Фредди, Эркин огляделся. Кровать у стены, трёхстворчатый шкаф, стол с двумя стульями, плотная узорчатая занавеска на окне.

– Что, неудобно будет? – понял его замешательство Фредди.

– Я там камин видел, – медленно ответил Эркин. – Там теплее будет.

– Хорошо, – кивнул Фредди. – Что ещё нужно?

– Простыня, там ведь ковёр, так? Одеяло, и согреть его, чтобы потом завернуться. И, – Эркин улыбнулся немного смущённо, – есть что-нибудь, ну, кожу смазать, чтоб мягче было?

– Крем, лосьон? – Фредди открыл крайнюю створку, покопался там и достал два флакона. Зеленоватый и жёлтый. – Посмотри, что лучше, а я камин разожгу, – и вышел.

Оставшись один, Эркин осторожно отвинтил пробки, понюхал, капнул себе на ладонь, растёр тыльной стороной другой руки, снова понюхал.

- Ну? – вернулся Фредди.
- Вот этот, зелёный.
- Лосьон «райское яблоко», – усмехнулся Фредди. – Ладно.
- Фредди, я поговорить хотел. Дело есть.
- Серьёзный разговор? Тогда садись.

Они сели к столу. Зная свою привычку крутить, нервничая, что-либо в руках, Эркин отставил флакон с лосьоном и сцепил пальцы в замок.

- Так, Фредди, что ты ни ответишь, массаж я тебе всё равно сделаю, ты не думай.
- Понятно. Не надо вступлений, Эркин, давай дело. И говори без намёков, – Фредди улыбнулся, смягчая слова. – Устал я, не могу шарады разгадывать.
- Хорошо, – кивнул Эркин, пропуская незнакомое слово мимо сознания, потом у Андрея спросит, дело важнее. – Так. Есть три парня, вроде меня. Они хотят... ну, зарабатывать этим.
- Чем? Вроде тебя, и этим зарабатывать... это? – Фредди сделал выразительный жест.
- Ну, Фредди, они ж перегорели все. Ты что, подумал? – Эркин повторил его жест. – Нет, они хотят массаж делать, за деньги. Ведь это возможно?
- Массажистами? Возможно, конечно. А я тут чем могу помочь?
- Ну, они хотят сами работать, не по контракту. Они выплатят всё, постепенно, но выпла-
тят.

– А, так им ссуда нужна?

– Да. Понимаешь, ведь нужно помещение, столы, мази всякие, душ нужен обязательно, простыни, да...

– Много чего нужно, – кивнул Фредди. – Понятно. Своё дело... массажное заведение... понятно.

– Фредди, если ты не согласен, то ничего такого... Это очень много денег надо, мы понимаем.

– Не трещи, – остановил его Фредди, закуривая. И уже мягче попросил: – Не части, Эркин. Дай сообразить. Своё дело... ну, дом, инвентарь весь... это всё пустяки, деньги найти можно. Нужно разрешение. Патент. Слышал о таком?

– Нет, – растерянно ответил Эркин.

– Я слышал, но знаю мало. Это с Джонни надо обговаривать, – Фредди усмехнулся, глядя в глаза. – Доверяешь?

Эркин твёрдо выдержал взгляд.

– Иначе бы не заговорил об этом. Но...

– Дальше не пойдёт. И... где они сейчас?

– В Бифпите. Будут ждать.

– Хорошо. Как я найду их?

– Они тебя знают, сами подойдут. Ты тоже их знаешь. Они с нами в Мышеловке были. Негр, мулат и трёхкровка. Мулат передо мной на мастерстве прошёл.

– Помню его, – кивнул Фредди. – У него белолобый гнедой в чулках.

– Да, наверное, – улыбнулся Эркин и тут же стал серьёзным. – Если откажетесь вы, ты им тоже скажи. А то они ждут.

– А как же иначе, – серьёзно сказал Фредди. – И ещё... Я знаю, что это такое, какие вы мастера. А Джонатан нет. Теперь я прошу. Сделай Джонатану массаж. Мне с ним тогда говорить легче будет.

– Раз надо, – пожал плечами Эркин. – А когда?

– Да, чёрт. Только в дороге тогда. Так?

– Хорошо, – кивнул Эркин. – Но небольшой. Как тогда, на перегоне.

– Дело, – Фредди улыбнулся. – Чтоб он часика потом два поспал. Сможешь?

– Не проблема. Одежда только взять надо.

– Двух хватит?

– Да, – Эркин улыбнулся. – Раз надо, сделаю.

– Всё решили? – улыбнулся Фредди.

– Всё, – Эркин встал и взял флакон. – Пошли. Или ты здесь разденешься?

Фредди на секунду задумался. Проход голышом через открытую веранду его никак не привлекал, а показывать Эркину путь через кладовку тоже не хотелось. Но... а к чёрту, не замёрзнет он за три-то шага.

– Иди. Я сейчас.

Игра в кухне шла с переменным успехом. Ставку определили в полкредитки, и банк не превышал пяти. Джонатан, севший играть только по просьбе Фредди, с удивлением обнаружил в Андрее вполне приличного партнёра и противника, а Стеф не терял головы ни при выигрыше, ни при проигрыше. Андрей изо всех сил старался не зарываться и не заигрывать, но и Джонатан со Стефом не подначивали и не заводили ни его, ни друг друга. Каждый сам за себя. Сэмми и Ларри следили за игрой молча, зато Молли столь явно болела за Андрея, что это вызывало общий смех и град замечаний, от которых краснели и она, и Андрей. Мамми, последив немного за игрой, встала к плите. А то в кофейнике пусто совсем, надо приготовить.

– Это правильно, – одобрил Стеф. – Кофе, оно как раз.

– Кофе с устатку, – засмеялся Андрей.

Улыбнулся и Джонатан.

– Поставь и второй кофейник, Мамми.

– Это на дорогу, что ли? – улыбнулась Мамми. – А сей секунд, масса Джонатан.

– В дорогу чай лучше, – убеждённо сказал Андрей.

– Это где я тебе чай возьму?! – возмутилась Мамми.

– А у нас свой. Ты нам, Мамми, кипятку дай и заварить в чём. Заварим, во фляги разольём и в мешки. На дорогу.

– Он же холодный будет!

– Холодный чай, Мамми, самое оно, – стал просвещать её Андрей. – Он бодрит и сон разгоняет.

– Ага, – вздохнула Молли.

– Ты-то откуда знаешь? – подчёркнуто удивился Ларри.

Молли покраснела, но тут же вызывающе вскинула голову.

– А угощали! Полная фляга была!

– Ага, – загудел Сэмми. – Мы-то за стенкой, слышно же всё. Всю ночь пили. Я всё ждал, когда опьянеют, а это чай, значитца, был.

– Точно, – засмеялся Стеф. – На весь барак была музыка. То чмок-чмок, то буль-буль, то скрип-скрип.

Джонатан хохотал так, что едва не выронил карты.

– Это ты девку, значит, всю ночь на одном чае продержал?! – грозно спросила Мамми. Андрей изобразил испуг и даже голову в плечи втянул.

– Нет, Мамми, нет, мы ели, – сразу кинулась на его защиту Молли. – Он и хлеба с мясом принёс, и конфет.

– Хлеб ели, мясо ели, чай пили, – Ларри загибал пальцы, – да ещё конфеты. Это ж больше ни на что времени не остаётся.

– А вот и хватило на всё! – сказала Молли и осеклась: такой взрыв хохота потряс кухню.

Стеф лёг лицом на свои карты и, всхлипывая, стонал. Джонатан плакал, не в силах больше смеяться. Мамми едва не уронила второй кофейник. Дилли визжала, обхватив за шею гулко хохотавшего Сэмми. Андрей сидел весь красный, но с довольной ухмылкой. А когда наступила тишина, из глубины барака донёсся тоненький голосок кого-то из малышей:

– Да-а, у вас весело, а нас заперли!

Мамми сдёрнула с верёвки большое кухонное полотенце и затопала в барачный коридор со словами:

– А вот сейчас масса Фредди с кольцом придут!

Это было для Джонатана уже слишком. Он хохотал так, что Молли принесла ему воды.

Вернулась несколько смущённая вырвавшимися словами Мамми, суетливо загремела кастрюлями, но, видя, что Джонатан не сердится, объяснила:

– Запираю я их на ночь, масса Джонатан, чтоб не шастали попусту. Ведёрко поганое им ставлю, ну, и до утра.

Джонатан отдышался, допил воду, и Андрей возобновил игру.

Эркин трудился сосредоточенно, не спеша. Фредди только постанывал и кряхтел под его руками. От камина комната хорошо нагрелась, а верхний свет он выключил, заметив, что Фредди болезненно щурится на лампу. Разулся Эркин сразу, как вошёл, и рубашку снял. Но потом разделся до трусов, так разогрела его эта работа. Как когда-то, он смочил себе ладони лосьоном и понемногу подливал его на растираемое место. Понемногу, по чуть-чуть, но лосьон кончился, а работы ещё...

– Фредди, лосьон кончился, – растерянно сказал Эркин.

Фредди медленно, через силу открыл глаза, посмотрел на освещённые пламенем мокрые лицо и торс Эркина и, с трудом шевеля языком и губами, сказал:

– В шкафу... возьми.

– У тебя?

– Нет, здесь... Шкаф... левая створка...

Эркин встал и отправился на поиски. Шкаф, левая створка. На полках сложены рубашки, другое бельё, какие-то вещи. А, вот и полка с флаконами и тюбиками. И бритвенный прибор в такой же, как у Фредди, коробке. Эркин нашёл нужный флакон, закрыл шкаф и вернулся к неподвижно лежащему Фредди, показал ему находку.

– Вот, я взял...

– Ну и хорошо, что взял, – пробурчал Фредди, закрывая глаза.

Прежде чем открыть флакон, тоже, как и первый, чуть начатый, Эркин придирчиво сравнил их. Да, такой же, можно продолжать.

– На спину ляг. А руки за голову положи. Вот так.

Он растёр Фредди грудь, пресс, руки, ноги...

– А сейчас руки опусти, я тебе лицо помну. Я аккуратно, глаза закрой.

Кончиками пальцев Эркин разгладил и промял лоб, щёки, скулы, вокруг рта, подбородок, шею... Он уже не командовал и не объяснял, а сам молча переворачивал и укладывал Фредди, как удобнее для работы. А ничего, расслабился мужик, и пошло... И хребет в норме, мышцы закрыли выбитый кусок, теперь его только таким же ударом выбить можно.

Осторожно Эркин немного потянул основные суставы. Пока разогретый, это можно. Получилось. Если б Фредди тянулся каждый день, у него бы многое получалось, гибкий мужик. А теперь потеряем... каждую мышцу.

– Фредди, ты не спи. Не надо спать.

– О-ох, – выдохнул Фредди. – Не сплю. Это вы все такие... мастера?

– Они лучше меня, – убеждённо сказал Эркин. – Я-то уже сколько никому не делал? Пять лет. Ты вот первый. И забыл много, и у самого руки не те. А они всё время друг друга мяли и тянули. Всё помнят, всё умеют. И я никогда особым мастером тут не был. Ноги раздвинь, Фредди.

– Это зачем?

– У тебя здесь мышцы очень твёрдые. От езды, что ли? Их по второму разу надо.

– Шенкеля называются, – выдохнул Фредди, чувствуя, как руки Эркина проминают ему ноги сверху донизу. Да нет, прибедняется парень, скромничает. Лучше и быть не может.

– Ну вот. Всё, пожалуй, – Эркин улыбнулся, разглядывая распластанное влажно блестящее тело Фредди и пустые флаконы. – Еле хватило.

– Всё? – Фредди открыл глаза. – Слушай, может, я здесь останусь? На коврике.

– Я тебя сейчас заверну и отнесу, – спокойно ответил Эркин.

– Охренел?

– Ну, не тяжелее ты мешка, – пожал плечами Эркин, вставая с колен и одеваясь.

Сопротивляться Фредди не мог, и Эркин действительно закатал его в одеяло и, взвалив на плечи, перетащил в другую комнату. А там уложил на кровать, закутал сверху вторым, лежавшим в ногах, одеялом и удовлетворённо вздохнул, любуясь своей работой. Фредди вдруг завозился, извиваясь и пытаясь высвободиться из кокона.

– Тебе чего? – Эркин участливо наклонился над ним. – Кольт дать?

И прежде, чем Фредди успел ответить, Эркин и в самом деле взял из кобуры со стула в изголовье кольт и неожиданно ловко засунул его под одеяло. Фредди невольно вздрогнул, когда холодный металл коснулся его груди.

– Ничего, сейчас нагреется, – сказал Эркин. – Я уберу там быстренько. Отдыхай.

Эркин сложил простыню, расправил ковёр перед камином и взял пустые флаконы. Оглядел комнату. Ну вот, вроде порядок. Он плотно закрыл за собой дверь и опять зашёл к Фредди.

– Фредди, простыню куда?

– У двери табурет для грязного, – глухо донеслось из кокона.

Эркин положил на указанное место сложенную простыню, поставил на стол пустые флаконы и выключил свет.

– Всё, Фредди, спи. Я пошёл.

Ему ответило невнятное бурчание.

На улице Эркина обжёт холодный воздух. Зайти в сенной за курткой? Нет, надо на кухню. Андрей уже устал, наверное. И чего это кухня так далеко? Вроде раньше ближе было.

Пока дошёл до кухни, усталость немного отпустила. Но зашёл, снял с гвоздя ключ от душа и... сел рядом с Андреем. Как стержень выдернули. Мамми быстро налила кружку горячего кофе и поставила перед ним. У Эркина не было сил даже поднять её, и он пил, согнувшись, наваливаясь на край стола грудью. Слипшиеся от пота волосы торчали неровными прядями.

– Ой, а чай-то? – вскинулся Андрей. – Кипяток-то есть, Мамми?

– За заваркой беги, игрок! – фыркнула Мамми.

– Ага, – Андрей бросил свои карты. – Двадцать одно.

Джонатан, улыбаясь, подвинул к нему несколько смятых кредиток и собрал карты. Андрей сгрёб деньги и убежал. Джонатан перетасовал колоду и положил её на стол.

– Ну, и засиделись мы.

– Ваша правда, масса Джонатан, заигрались, – вздохнула Мамми. – Давайте по кружке всем налью, и на боковую все.

– Спасибо, Мамми, – Джонатан встал. – Мне не надо.

– Как скажете, масса Джонатан, – Мамми ставила на стол кружки.

Вбежал Андрей, на ходу накинул на плечи Эркина его куртку, положил рядом на скамью свёрток и прошёл к плите.

– Спасибо, Мамми, я сам заварю.

Джонатан попрощался со всеми кивком и ушёл, пожелав спокойной ночи.

– И вам спокойной ночи, масса Джонатан, сэр, – проводил его нестройный гул голосов.

– А хорошо посидели, – улыбнулся Стеф, беря свою кружку.

– Да уж, кто сидел, а кто, – начала Дилли, но Эркин поднял на неё глаза, и она не закончила фразу: таким знакомо усталым было это лицо.

На мгновение всем стало как-то не по себе. Словно прошлым повеяло от всей фигуры Эркина. И он, почувствовав это, заставил себя улыбнуться.

Андрей заварил чай и отставил кофейник на край плиты.

– Пусть настоится, Мамми. Потом перелю. Эркин, идём в душ?

– Куда ты его дёргаешь? Дай отдышаться парню.

– Нет, Мамми, – Эркин ещё раз улыбнулся, и получилось уже легче. – Не шевелится только мёртвый. Пошли.

– Держи. Я сменку твою захватил.

Эркин кивнул и встал. Его качнуло, но он стиснул зубы так, что вздулись и опали желваки на щеках, и овладел собой.

– Пошли.

И вышел уже твёрдо. Андрей обернулся в дверях.

– Мамми, так я зайду после душа.

– Заходи, а чего ж? Я и в дорогу вам соберу чего-нибудь.

– Ага, спасибо.

Все допивали кофе и вставали из-за стола. Мамми сгребла кружки, сбросила их в таз и залила горячей водой. Строго посмотрела на Молли. Та вздохнула и встала.

– Я... я нарежу хлеба, Мамми? На сэндвичи.

– Режь, – разрешила Мамми, обмывая кружки. – Мяса я сама им нарежу.

Джонатан шёл, улыбаясь, к своему домику. Однако Эндрю действительно неплохой игрок. Не знавшего Грязного Гарри он обдует элементарно. И Стеф... ну, это обычный уровень. На крыльце он остановился и прислушался. Так... ну, это Эркин и Эндрю в душ пошли. Не проспали бы завтра.

Он вошёл к себе и остановился на пороге. Резкий странный запах ощутимо ударил в лицо. Что это? Джонатан нащарил выключатель и включил свет. Всё как обычно. Но запах... Вроде знакомый и в то же время...

– Фредди, – позвал он.

Ему ответила тишина. Джонатан резко повернулся и побежал в комнату Фредди. Рванул дверь... И тот же запах, только чуть слабее. Включил свет... и сразу бросились в глаза на столе две... бутылки?! Да нет, это же флаконы. Лосьон после бритья «Райское яблоко». Оба флакона пустые. Они что, пили его?!

– Фредди!

Теперь ему ответило неясное бурчание, и он обратил внимание на кровать и подобие древней мумии на ней.

– Фредди! – Джонатан растерянно затоптался рядом, пытаясь определить, где голова. – Ты как?

– Чего орёшь? – наконец разобрал он. Помолчав, Фредди добавил: – Я в порядке, – и попросил: – Разверни меня.

Джонатан откинул верхнее одеяло и расхохотался. Фредди был туго закатан в одеяло так, что наружу торчала только всклокоченная голова.

– Фредди, что с тобой тут делали? – ржал Джонатан. Он наконец-то нашёл край и потянул за него. По мере того, как он разворачивал Фредди, запах лосьона усиливался. – Ты ж как... сосиска в тесте. И «Райское яблоко» вместо кетчупа, да? Ты что, купался в нём? Лосьонная ванна, да?

Фредди молча позволял себя переворачивать, а когда Джонатан развернул до конца и увидел впечатанный в грудь колыт, силы его покинули, и он рухнул прямо на Фредди не в силах стоять от хохота.

Фредди лежал, не дёргаясь, хотя Джонатан сидел у него на животе. Когда Джонатан перевёл дыхание, Фредди стал распоряжаться:

– А теперь встань с меня. Сунь мне кольт под подушку. И укрой нормально.

– Фредди, ты что? – опять встревожился Джонатан, быстро выполняя все предписания. – Шевелиться не можешь?

– Не хочу, – честно ответил Фредди и улыбнулся. – Слишком хорошо, Джонни.

– Вижу, – Джонатан переставил стул и сел так, чтобы видеть лицо Фредди. – Ты в самом деле в порядке?

– В полном, – Фредди говорил медленно, словно пробуя слова на вкус. – Хорошо сыграл?

– Продул пять кредиток, – улыбнулся Джонатан, переходя на ковбойский говор. – И обхотался вусмерть. Шикарное зрелище пропустил, Фредди. Принести тебе выпить?

– И влить. Мне действительно не хочется шевелиться, Джонни.

– Это было так хорошо?

– Я не думал, что такое возможно.

– Ладно, отдыхай, – Джонатан ухмыльнулся. – Нам осталось часа три, максимум. Один вопрос, Фредди. Неужели одного флакона не хватило бы?

– Эркин никогда не халтурит, Джонни. Меня промазали всего. Везде. И очень тщательно.

– Ладно, – Джонатан встал. – Завтра поделимся. Я пошёл спать. Не проспи.

– Свет погаси, – сонно сказал ему в спину Фредди.

Джонатан щёлкнул выключателем и уже открыл дверь, но остановился и обернулся.

– Фредди, – сказал он в темноту. – Ты хоть в душ завтра сходи, а то благоухаешь... неправильно понять могут.

– А пошёл ты...! – прорычал Фредди, и Джонатан удовлетворённо закрыл за собой дверь.

У себя он быстро постелил и посмотрел на часы. Высокие напольные часы из кабинета в Большом Доме несмотря ни на что уцелели, только стёкла – циферблата и нижнее, закрывающее маятник – разбиты. Они тогда вытащили осколки и попробовали завести. Удивительно, но механизм не пострадал, и они, как только домик стал пригоден к жилью, перетащили часы сюда. И шли те хорошо, точно и бесшумно. Похожие были в дедовском кабинете, но там – с боем. Угасающее пламя камина играло на маятнике. Да, всего ничего осталось, и... конечно, надо проветрить, убрать запах.

Джонатан встал, открыл окно и отодвинул штору. Если мошकारа и налетит на огонь, то... нет, ничего, не страшно. Он лёг и по-ковбойски завернулся в одеяло.

Эх, не дал Фредди налюбоваться находками, хотя тоже прав. Конечно, тайник нужен. А у сестры был маленький серебряный мопс. И совсем крохотная золотая кошечка, тоже с изумрудными глазами. Грейс собирала такие фигурки. Из камней, фарфора... эти были самые ценные. Но такой кошки не было. Ларри прав: здесь работа дороже, а одного металла... можно пол-округи скупить. Но обойдёмся без такого безумства. Вот имение и окупило себя. Даже с прибылью. Хотя... надо будет у русского капитана узнать. Болтали, что у русских какие-то закавыки в законах с находками. Жаль, тот уехал. Но... в Бифпите будем через три дня. Капитан может и вернуться. Будем надеяться, что его не перевели, а то наводи связи и отношения по новой... Но надо же, как Фредди... не видел его таким...

Мысли уплывали и путались.

В душе Эркин немного отошёл.

– Ну, как сыграл?

– Нормально. Одну проиграл, три с половиной выиграл. Ты как?

– Порядок, – Эркин закинул голову, подставляя лицо под тёплые струи. – Давай я холодной сейчас врублю, и пойдём. На сон всего ничего осталось.

– Ты точно в порядке? Я тогда за флягами схожу. Заберу у Мамми чай, ну и чего ещё она нам сделала.

– Давай. К Молли завернёшь?

– Да нет, пусть отвыкает, – Андрей встал со скамьи. – Так я пойду...

– Ага, иди. Ключ я занесу.

Но Андрей медлил.

– Ну, чего?

– Эркин, это... это вот такая работа? Ты ж вон, осунулся даже.

– Работа – она работа и есть, – усмехнулся Эркин. – Ты ж сам вроде говорил. Легко только лежать и в потолок плевать. И то стараться надо, чтоб долетело.

– Я подожду тебя, – вдруг сказал Андрей.

– Ладно. Я быстро.

Андрей вышел в переднюю часть, а Эркин потянулся немного под душем и резко включил холодную воду. И чуть не задохнулся: с такой силой ударили его жгучие струи. Сразу прояснело в глазах, стянуло кожу и напряглись мышцы. Он рассмеялся и завернул кран. Стирать они сегодня не стали: до утра всё равно не просохнет, а мокрое везти – это гноить. Эркин зашлёпал к двери, привычно оглянулся, проверяя, в каком виде оставляет помещение, и вышел.

Андрей, уже одетый, ждал его, сидя на скамейке и вертя в пальцах незажжённую сигарету. Эркин быстро оделся, собрал грязное в узелок, натянул сапоги и куртку. Андрей молча встал, открыл дверь и взял ключ.

И запирали дверь, и шли к сенному сараю молча. Эркин сразу лёг, а Андрей взял фляги и тихо спросил:

– Дело-то... ну, с Фредди... уладил?

– Что мог, я сделал, – устало ответил Эркин. – А дальше... дальше Фредди сам решать будет, – и совсем тихо, уже засыпая: – Нас оно ни с какого боку теперь не касается.

– Баба с возу... – хмыкнул Андрей, спрыгивая вниз.

Как он вернулся, Эркин уже не слышал.

Алабама

Новиков гнал машину в Бифпит. Надо повидать Старцева и привезти его к Спинозе, раз уж решили собраться у него. Гольцев захватит Шурочку, Золотарёв... ну, Коля сам доберётся. Так, теперь о деле. Информации у Аристова набрал, а толку... нет, любая информация в дело идёт и лишней не бывает, и отрицательный результат – тоже результат, но...но попросту обидно, когда продуманная подготовленная комбинация разваливается, не начавшись. Хотя... хотя хорошо, что, не начавшись, а то могли быть весьма нежелательные последствия. Но всё-таки кое-что кое о чём... Конечно, индеец – спальник. Все косвенные за это. Хотя...

...– Я смотрю, ни одного индейца у тебя среди них нет.

– Я за всё время видел двух полунегров-полуиндейцев, метисов трое. Трёхкровок, правда, много. А чистых индейцев... нет, ни одного.

– Почему?

– Насколько я понял эту систему, их отбирают по питомникам в пять лет, а из резерваций забирали, в основном, постарше, после семи или десяти. А то и вовсе подростками...

...– Вы расслабьтесь, сэр, так будет легче.

– И нравится тебе эта работа, парень?

– Да, сэр, конечно.

И какая гордая радость в глазах парня от малейшей похвалы его умению массажиста...

... – Горячка – страшная штука, Костя. Но... теперь, когда мы знаем. Не всё, но кое-что. Когда поступает очередной, если он не горел, я сам ему предлагаю. Хочешь остаться спальником, мы тебя в два дня подлечим и на выход. Иди, работай и живи дальше. Таким же. Не хочешь быть спальником – должен перегореть. Тогда терпи.

– И что выбирают? Ну, в основном?

– В основном? Эх, Костя, ни один, понимаешь, ни один ещё не захотел остаться спальником.

– Но неужели ничего нельзя сделать? Я сегодня видел одного...

– Одного? Ну да, сейчас он один такой, на чёртов День чёртовой Империи привезли. А когда их двадцать, кричат, бьются, ни сестёр, ни санитарок к ним зайти не заставишь, да и мужики... робеют... Это сейчас они уже сами за новичками ухаживают. Я только контролирую, назначаю и записываю. Да, что делать, ты спрашивал. Пока болевой период, только, ты видел, вентилятор ставим. Или кто-нибудь сидит, обмахивает, обтирает холодной водой. Понимаешь, боли сопровождаются ощущением жжения. Они не просто так это горячкой прозвали. Есть практически не могут. Поим водой с глюкозой. Во второй стадии... там витамины, сердечные и начинаем трудотерапию. Хотя бы встать и принести воды другому. Заставляем жить.

– Желание жить...

– Желание приходит потом, когда он осознаёт, что, перегорев, может жить самостоятельно, работать. А вначале... выручает их привычка к послушанию...

...Новиков резко крутанул руль, входя в поворот. Да, если индеец горел зимой и Трейси ему как-то помог, да просто не пристрелил, а дал отлежаться, то против Трейси индеец не пойдёт. Достаточно вспомнить, как эти парни отзываются о Юре, о Тёте Паше...

... – Ну, Тётя Паша! Она же первая, ещё зимой, мы ни одну сестру, ни одну санитарку к ним поставить не могли, от великого ума взаперти их держали. Как же, сексуальные маньяки! На стену кидаются, женщину просят, себя предлагают. А Тётя Паша заявила, что на неё ни один маньяк не польстится, а польстится – так сильно пожалеет, и пошла в эти палаты работать. Она и придумала и обмахивания, и обтирания. И когда у первых депрессия началась, она же их на ноги ставила, заставляла палаты убирать, за горящими ухаживать. Они за неё теперь... сами умрут и любого убьют...

... Сам умрёт и любого убьёт. Да, если так, то Ротбуса убила эта пара: индеец и белый мальчишка. Ротбус угрожал Трейси, и этого оказалось достаточно. И попробуй теперь объяснить индейцу, что Трейси – убийца и ничем не лучше Ротбуса. Что не жертва, а тоже преступник. Ладно, может, Старцев что-нибудь подскажет. Умён и наблюдателен капитан. Видимо, поэтому и отстаёт в звании. Правда, не переживает из-за этого. Ну, его дело...

Алабама

графство Олби

округ Краунвилль

Имение Джонатана Бредли

Фредди разбудил Джонатана за полчаса до рассвета, самым бесцеремонным образом сдёрнув одеяло.

- Вставай, лендлорд! Тебя ждут великие дела. Я ничего не перепутал, Джонни?
- Изверг, – простонал Джонатан, протирая глаза. – Рано же ещё.
- Эркин с мешком уже у гаража стоит. Так что вставай, брейся, и в дорогу.
- Мой бог! – Джонатан зевнул и встал. – Знал бы, в жизни на этот чёртов аукцион не пошёл. А Эндрю? Тоже у гаража?
- Эркин сволок его к колодцу умыться. Давай, лендлорд, а то я тебя тоже к колодцу понесу. А это твой авторитет уронит.
- Ну да, – Джонатан умылся в тазике у двери и стал бриться. – Вчера ты меня заставил с ними в блэк-джек играть. Это мой авторитет не уронило, что ли?
- Акт единения с народом пробуждает у подданных любовь к монарху.
- Грамотный ты, – пробурчал Джонатан, ощупывая щёки. – Лосьону совсем ничего не осталось?
- Не-а, – с удовольствием ответил Фредди. – Оба флакона до доньшка.
- Люди им лицо протирают, а ты... небось и задницу тоже.
- Ну, – привалившись к дверному косяку, Фредди смотрел, как Джонатан одевается. – Что годится для лица лендлорда, сойдёт и для ковбойской задницы, – и после паузы, мечтательно улыбаясь, добавил: – И шенкелей.
- Джонатан, натягивавший сапоги, поднял голову.
- Это на ком ты ездить собрался, что шенкеля «Райским яблоком» протираешь?
- Интересная мысль, Джонни, спасибо за идею. Кобылка, значит, «Шанелью» пахнуть должна. Сочетаются запахи?
- Сочетаются, – улыбнулся Джонатан, вставая. – Зачем вам вообще лосьон этот понадобился? Он после бритья, а ты вроде небритый. По основной поверхности.
- Эркин сказал, что для мягкости. Я согласился. Окно я закрыл, не дёргайся. Пошли, лендлорд.
- Подойдя к Фредди, Джонатан принялся. Фредди засмеялся.
- Успел я в душ, успел. Пошли, а то Эркин всерьёз психует.
- Джонатан с удивлением оглядел Фредди. Ну, надо же! И не скажешь, что всего три часа назад ковбой лежал в полной прострации. Свежевыбрит, весел, весь какой-то... лоснящийся, как вычищенный выхолненный конь.
- Ага, Джонни, – радостно улыбался Фредди. – Как заново родился, правда. По дороге расскажу. И ещё у меня для тебя сюрприз заготовлен. Но это потом. Пошли.
- Грузовик уже стоял во дворе, пофыркивая включённым мотором. Эркин и Андрей сидели на подножке и встали, когда Джонатан и Фредди подошли.
- Доброе утро, парни, – поздоровался Джонатан, чувствуя себя уже совсем проснувшимся.
- Доброе утро. Доброе утро, сэр, – ответили они вразной.
- Мешки забросили? – Фредди открыл дверцу. – Тогда залезайте. Джонни, садись в кабину.
- Андрей, а за ним и Эркин залезли в кузов. Фредди, встав на подножку, заглянул к ним.
- Ага, стекло мне только не загораживайте. Джонни, готов? Отправляемся.
- Имение ещё спало. И их отъезда никто не видел. Фредди мягко стронул грузовик и повёл его по въездной дороге с сохранившимися каштанами по обеим сторонам.
- Пусть доберут парни.
- Я бы тоже добрал, – вздохнул Джонатан. – Но Эркина ты вчера... умотал.
- Эркин если за что берётся, – улыбнулся Фредди, – то вполсилы не работает.
- Это такой каторжный труд?
- Видимо. Вообще-то, Джонни, он меня третий раз мнёт. Ну, в первый раз он мне спину чинил.

– Кстати, ты давно на неё не жаловался.

– Кстати, похоже, уже и не буду. Сделал он мне её... капитально. Второй раз на перегоне. Так, выкупались, и он мне её немного помял. Я с полчаса полежал и встал. А вчера был большой и общий. Так вот, он всякий раз после массажа весь мокрый был. И садился отдыхать. Ну, а вчера...

– Ты вчера был хорош. Сосиска в тесте. Как ты не задохнулся?

– Не знаю. Но было хорошо.

– Ты так говоришь, что я начинаю завидовать.

– Ла-адно, – Фредди вывел грузовик на шоссе и прибавил скорость. – Составил я тебе протекцию. Без лосьона, правда, и не на ковре у камина, а в кузове. Но одеяла я туда забросил, так что полежишь... сосисочкой.

– Ну, уж гадость ближнему устроить ты не упустишь. А теперь признавайся, ты что-то ещё заготовил.

– Заготовил. Возьми термос и хлебни. Проясни голову.

Джонатан кивнул и нашарил под сиденьем термос. Чёрный, очень крепкий горький кофе. Да, Фредди постарался.

– Когда ты всё успел?

– После такого массажа каждая жилочка играет. Всё могу. Ну как, готов слушать?

Джонатан убрал термос и улыбнулся. В голове действительно просветлело, и он, словно только что проснувшись, огляделся. Серо-голубой свет уже стал золотистым, а временами между деревьями у земли показывалось солнце.

– Да, готов.

– Нам предлагают дело.

– Какое?

– Выгодное, Джонни. Инвестиции.

– Это кто нас собрался инвестировать?

– Инвестировать будем мы. Трое бывших коллег Эркина хотят открыть массажное заведение. Им нужна ссуда и юридическое обеспечение.

– Ни хрена себе! Нужен же диплом, это идёт по разделу медицинской практики.

– Думай, Джонни. А чтоб тебе лучше думалось, Эркин на первой остановке тебе массаж сделает. Лёгонький. Только для вразумления.

– Вразумление, – хмыкнул Джонатан. – Ну-ну. Посмотрим. Да, ты сказал: Эркин психует. Из-за чего?

– А ты не заметил, Джонни, что он каждый день считает? Его ждут. И он очень боится, что не дождутся.

– Ждёт? Кто?!

– Джонни, каждый человек имеет право на личную жизнь и на тайну личной жизни. Эндрю не рискует даже намекать. А уж нам-то лезть...

– Но ты что-то вызнал, – рассмеялся Джонатан. – Давай, Фредди, раскальвайся.

Фредди бросил руль, закурил и мягко положил ладони на заботливо обмотанное шнуром рулевое кольцо.

– Ты знаешь Локлана?

– Рыжий продавец у Монро? Знаю, конечно.

– Я завернул к нему кое-что присмотреть.

– Для русской?

– Ещё не заслужила. Неважно для кого. Я же не интересуюсь, кто теперь шеголяет в комплекте из кружев с ручной вышивкой. Верх сорок один дюйм, низ сорок два, между ними двадцать восемь. Неплохие параметры, кстати.

– Трепач.

– Не спорю. Тем и ценен. Локлан изнывает от безделья и одиночества. У него каждая покупка – событие и сенсация. И наши парни повергли его если не в нокаут, то в долгое грогги.

– Что им понадобилось у Монро?

– Подарки, Джонни.

– У Монро?! Кому?

– Наши чемпионы иначе не могут. Я ж сказал. Эркин вполсилы не работает. Эндрю ради выпендрёжа на всё пойдёт. А кому? Официально если, для протокола, то квартирным хозяином. А какие подарки, тебя не интересует?

– Давай-давай. Слушаю.

– Итак, классические ковбойские подарки. Шали. Эндрю приобрёл чистую ангору. Красно-чёрную клетку с белым. А Эркин... Сиди крепче, Джонни. Натуральный шёлк, золотой жаккард, модерн, матовое на блестящем. Ты ещё на неё сказал, что слишком аристократична для Бифпита.

– Верно! Чёрт, Фредди, я эту золотую шаль помню. У парня такой вкус?

– Видимо.

– Это же сумасшедшие деньги, Фредди.

– Но парням это было по карману. Призовые, игровые... Для них триста кредиток – не проблема.

– Ну да, конечно. И гранд-дюшес на завтрак.

– И ужин от Дюпона. Это ещё не всё, Джонни. Ты помнишь у Монро баул для рукоделия?

– Да, помню. У сестры такой был. Я чуть было не купил его. Как память. А потом сообразил, что не для кого.

– Угу. Не откладывай покупок, Джонни. Увели баульчик.

– Да?! И кто?

– Эркин. Я ж тебя предупреждал. Сиди крепче.

– Это что же, тоже ей?

– Вообще-то я советовал им купить подарки и хозяйкиным детям. Но до такого...

– Хозяйкам такие подарки не покупают, Фредди.

– Поучи меня, Джонни. Люблю, когда ты мне тайны жизни открываешь. Вот Эркин и психует.

– Понятно. Хотел бы я посмотреть.

– На что?

– На плечи, для которых эта шаль предназначена.

– Не советую шутить с этим. Чувство юмора у Эркина... сильно избирательно.

– Это-то понятно. И думаешь, у неё ребёнок? Девочка?

– Мальчику такой баул ни к чему. Локлан рассказывал, Эркин вокруг баульчика долго ходил, стеснялся покупать. И Эндрю разыграл интерлюдия, якобы он подначил. Но больше всего Локлану понравилось, что они явились за покупками с армейскими рюкзаками. Он им даже фирменные пакеты не успел предложить. Упаковал и всё. Только рот открыл, а они уже покупки в мешки, мешки на плечо и ходу.

– Конспираторы.

– Не так уж глупо, Джонни. Если предположить, что она белая, то поведение Эркина логично... до неправдоподобия.

– Да. Повезло.

– Ей? Безусловно. Такого мужа, как Эркин... можно всю жизнь искать и не найти. И если бы не наш идиотизм с расами... Ладно. Сон я тебе разогнал. Так...

– Ты чего головой завертел?

– Место ищу. Сейчас тебе массажик соорудим и до ленча закатаем. Ага, вон как раз. И ручеёк, и травка, и кустики, чтоб с дороги не увидели.

Джонатан обречённо вздохнул.

Фредди мягко съехал с дороги и остановил грузовик за зарослями. Заглушил мотор.

– Выходим, Джонни. Эй, парни, как вы там? Привал. Джонни, шляпу в кабине оставь.

– Зачем это? – Андрей спрыгнул из кузова и шумно зевнул.

За ним спрыгнул Эркин. Вид у него уже был не такой сонный.

– Ну как, Эркин, подходящее место?

Эркин с улыбкой огляделся и кивнул. Потом наклонился и пощупал траву и землю.

– Для небольшого сойдёт. А где второе согреем?

– На моторе, – сразу решил Фредди. – Эндрю, лезь, достань одеяла.

– Так... – Андрей даже задохнулся, – вчера ещё задумали?! А мне ни слова!

– А зачем? – Эркин деловито расчищал место. – Чтоб ты языком трепал и мне спать не давал?

Андрей сбросил из кузова одеяла. Одно упало к ногам Эркина, а другое на капот грузовика.

– Держите. Развели тайн...

Эркин улыбнулся, а когда Андрей спрыгнул вниз, быстро обнял, ткнувшись лбом в его плечо, и оттолкнул от себя. И так быстро, что никто ничего не заметил, а Андрей не сразу понял.

– Идите к ручью. Или к дороге, – Эркин складывал одеяло вчетверо по всей длине.

– А посмотреть? – Фредди подмигнул Андрею.

– Я к тебе зрителей звал? – не выдержал Эркин. – Пока не уйдёте, не начну.

– Ладно, – сказал Андрей. – Нельзя смотреть, так послушаем. Пошли, Фредди.

Когда они отошли, Эркин повернулся к Джонатану.

– Пожалуйста, сэр. Снимите куртку и сапоги. И пояс. А рубашку расстегните.

– Совсем раздеваться не надо? – попытался пошутить Джонатан. – Уже легче.

– Холодно уже, – спокойно ответил Эркин, аккуратно закатывая рукава ковбойки. – У вас что-нибудь болит, сэр? Или так, лёгкий общий?

– Ничего не болит, – пожал плечами Джонатан, бросая на землю пояс с кобурой.

– Пожалуйста, сэр, ложитесь. Руки вытяните и лбом упритесь.

От кустов донеслись смачное ржание Андрея и укоризненный голос Фредди:

– Тихо ты, не слышно ж ни хрена.

– Ну, я доберусь до него, – мрачно пообещал в пространство Эркин, становясь на колени и берясь за плечи лежащего ничком Джонатана.

Джонатан, не признаваясь в этом самому себе, боялся. И в первый момент вздрогнул. Но тут же почувствовал, понял не разумом, а... кожей, что ли, всем существом, что боли не будет. Что эти сильные пальцы знают, действительно, сами знают и делают всё правильно.

Эркин взялся сделать Джонатану массаж и потому, что Фредди попросил, и потому, что без Джонатана парням своё дело не поднять. Разрешение... патент... они-то только о деньгах думали, но видно... да что ж это все белые такие... дубовые! Желваки одни.

– Вы расслабьтесь, сэр.

Эркин уже втянулся в работу, даже не заметил, как подошли Фредди и Андрей и остановились в нескольких шагах.

Фредди смотрел на напряжённое суровое лицо Эркина с закушенной губой и сведёнными бровями, на выступающие на скулах и лбу капли пота. И это... как сказал Эркин? Лёгкий общий? И вот так парни хотят зарабатывать себе на жизнь? Полегче работы не нашли? Но если они знают и умеют... когда знаешь и умеешь, легче.

– Ну вот, сэр. Отдохните теперь, сэр.

– Закатывать? – спросил Андрей, беря одеяло.

Только тут Эркин заметил их и встал.

– Ну, и чего припёрлись?

– Больно тихо было, – ухмыльнулся Андрей. – Вот и пришли посмотреть. Живой или нет? Фредди присел на корточки у головы Джонатана.

– Ну как ты, Джонни?

– Отстань, – простонал Джонатан.

– То-то. Сейчас закатаем тебя, в кузов положим...

– Сосисочкой! – заржал Андрей.

Эркин отобрал у него одеяло и накрыл Джонатана сверху.

– Пошли бы вы оба отсюда. Сказать куда?

– Нет, мне интересно, как ты его закатывать будешь, – не уступил Фредди.

– А просто, – Эркин, легко переворачивая Джонатана, завернул того в одеяло и поднял на руки. – Андрей, с земли подбери и там подстели.

– Да закидывай ты его, – посоветовал Фредди, влезая за Андреем в кузов. – Чего возишься, как с хрустальным.

Джонатан дёрнулся, но упакован он был надёжно. Его подняли в кузов и уложили между мешками парней.

– Чтоб не катался, – объяснил Фредди очень заботливым тоном. – Не дёргайся, Джонни, вот сапоги твои, пояс, куртка, всё рядом кладу. Шляпой от солнца накрою. Так, парни, одному теперь со мной в кабине придётся.

– Я спать буду, – сразу сказал Эркин.

– Может, чаю глотнёшь? – предложил Андрей.

Эркин молча покачал головой. На него опять наваливалась вчерашняя усталость, и Фредди, увидев и поняв, сразу прекратил свои шуточки и подначки, сказав уже совсем другим тоном:

– Конечно, ложись. Ты бы взял себе второе одеяло, он и в одном не замёрзнет. Ну, как знаешь. Эндрю, давай вниз. Пусть отдыхают.

Их голоса доходили до Джонатана глухо, как сквозь воду. Просто продолжалось то состояние блаженного покоя, которое началось ещё во время массажа. И он, уже не сознавая окружающего, растворялся в этом покое. И было совсем не страшно, и не больно, и вообще ничего не было... И только совсем смутно ощущалось чьё-то живое дыхание рядом...

Эркин спал. Беспокойство о Жене и Алисе, загнанное глубоко внутрь, причиняло уже физически ощутимую боль, и только привычным усилием он удерживался от стога. Солнце припекало всё сильнее, кабина и борта защищали от ветра, и становилось жарко. Эркин лёг на спину, локтем заслоняя от солнца глаза. Ну вот, что мог, он сделал. Дальше не от него... Дальше... нет, не могу... Женя... Я уже еду... Женя...

Фредди гнал грузовик, придерживая руль одной рукой. Андрей следил за его работой с таким живым и даже детским интересом, что Фредди рассмеялся:

– Иди на шофёра, парень. У тебя глаза на машину горят.

– Хорошо бы, – кивнул Андрей. – Но грамота нужна. Да и больно чистая работа для цветного. Не пустят.

Фредди быстро посмотрел на него и снова отвёл глаза, рассматривая дорогу.

– Решил цветным остаться? Не передумал?

– Нет, – покачал головой Андрей. – Дважды такое не решают. Я ж говорил.

– Помню. Но... но не все ж белые сволочи, чтоб от расы отрезаться.

– Не все, – согласился Андрей. – Я таких классных мужиков встречал! Там ведь... лучшие, может, и не лучшие, но хорошие. Я ж с полами был, с присами. Да и среди кривов... люди попадались. Но... но они не белые, они... люди. А охранюги вот – сплошь белые. Понимаешь?

Фредди кивнул.

– Тяжело тебе будет, парень.

– Ничего. Из оврага когда вылезешь... покружится голова и пройдет. Тяжелее, чем было, уже не будет. Мне главное – не сесть. Второй раз через решётку смотреть не буду. Не смогу. А на всё остальное... – Андрей ухмыльнулся и длинно выругался. И тут же продолжил серьёзно: – И не один я теперь. Где он, там и я буду. Что ему, то и мне, – тряхнул головой и резко сменил тон. – Слушай, Фредди, а кольца эти, ну, на потолке, зачем?

– Для винтовки, – улыбнулся Фредди. – Ну, или чего другого стрелкового можно подогнать. Снаружи не видно, а руку поднял и взял.

Андрей поднял руку, провёл пальцами по обшивке крыши.

– Здорово придумано. Буду знать.

– Ты стрелять совсем не умеешь?

– Нет. И не хочу уметь. Как охранюги палят по-всякому, видел, а сам в руках не держал, – искоса посмотрел на Фредди. – Я и на стрельбы, ну, на олимпиаде, не пошёл, потому что видел... охранюги тоже так, на спор. Привяжут к столбам или крестами поставят и палят. Я как увидел, что по команде кольца поднимают... И ушёл. Чтоб не сорваться.

Фредди кивнул.

– А на показательных ты вроде нормально смотрел.

– Это ж ты стрелял. Совсем другое дело.

Фредди невольно улыбнулся.

– Ну, спасибо, парень. Как сыграл-то вчера?

– Нормально, – Андрей негромко рассмеялся. – Джонатан не в полную силу работал, а так, баловался. Ну и я... Время потянули, и всё.

– Тебя... Эркин попросил? – сообразил Фредди.

– Ну да, ему с тобой поговорить надо было, и чтоб не лез никто. Я и взял всех на себя. А... а ты, значит, Джонатана с тем же отправил?! – Андрей расхохотался. – Ну здорово! С двух сторон в одну дверь лезли.

Фредди рассмеялся.

– Да, бывает. И много выиграл?

– Три с половиной. Проиграл одну. Стеф две с половиной выиграл, проиграл половинку, и Джонатан половинку выиграл и пять проиграл.

– Для таких игроков банк маловат. Чего вы Стефа так пощадили?

– Его бы Мамми запилила, ты что, без механика хочешь остаться?

Фредди с удовольствием заржал. Засмеялся и Андрей.

– А говорили о чём? Ухохотались, я слышал.

– А, – Андрей ещё смеялся, но покраснел. – Меня с Молли дразнили.

– Представляю, – хмыкнул Фредди. – Ну, и чего ты?

– А чего? Подыгрывал, конечно. Раз было – значит, было. И нечего в бутылку лезть и компанию ломать.

– Ты попрощался с ней?

– А как же! Я сразу ей сказал, что не останусь. Так что, – Андрей рассмеялся, – на мне греха нет. Не силой и не обманом. Слышал я от одного приса, – Андрей заговорил тягуче с явным даже нарочитым акцентом, но не передразнивая, а подражая. – Когда насильно или обманом – это грех. А когда по доброму согласию и в общее удовольствие, то греха нет.

– Хорошо сказано, – кивнул Фредди. – Успокоился ты, значит? Нет проблем?

– Не-а, – ухмыльнулся Андрей.

– И жениться пока не думаешь?

– А зачем? – подмигнул ему Андрей.

Фредди кивнул. Тронув висящее над ветровым стеклом зеркальце, оглядел кузов и вернул зеркало обратно.

– Спят голубчики.

– Умотало Эркина, – вздохнул Андрей. – Он что, вчера тебе делал?
– Да, общий. Всего промял, – Фредди улыбнулся воспоминанию. – Не знал я, что такое возможно. Золотые руки у парня.

Андрей кивнул и вдруг неожиданно для себя зевнул.

– Долго ты с Молли прощался, – усмехнулся Фредди. – Поспи и ты немного.

– Ага.

Андрей поёрзал, усаживаясь поудобнее и закрыл глаза.

Эркин проснулся резко, как от пинка, и сел, протирая глаза. Ломило руки и плечи, потянуться бы, да в кузове и на ходу... Эркин растёр себе руки от пальцев к ключицам и обратно. Солнце как высоко уже... Не вставая, он скинул куртку и пересел к заднему борту, подставив лицо ветру. Фу, разоспался как, и сны какие-то бестолковые, тяжёлые. Никогда он в сны не верил. Разве только в детстве. И то... нет, снам верить нельзя, незачем. Джонатан спит, аж похрапывает, и солнце ему не мешает. Потный весь, блестит. А массаж ведь лёгкий был. Видно, и у него... накопилось. Отсыпается теперь. Если ему понравилось... поможет парням. У него и деньги есть, и знает много, может... может, и выгорит у них. Своё дело, ни на кого не пахать, самим жить, своим делом, своим домом... хорошо бы. И заработок... не от случая к случаю, а постоянный, постоянная работа... Попробуй её найди, постоянную. Дворники, грузчики, нет, грузчики тоже на подёнке, только на заводе если, но там все белые, даже грузчики. Дворники... все места забиты, почти все ещё ж прежние, рабы, что у своих хозяев остались. Нет, пока получается только подёнка. Правда, деньги теперь есть. Полторы тысячи и ещё пятьсот. Две тысячи он Жене отдаст...

Эркин шлёпнул себя по губам ладонью: так испугался, что у него сорвалось запретное, и посмотрел на Джонатана. Нет, вроде спит, значит, всё-таки не сказал, только подумал. Можно дальше думать.

Ладно. Большие деньги. Хватит надолго. Надо дрова на зиму запастись. Ну... напилить, поколоть – не проблема. Надо опять... чёрт, какие самые лучшие? Что хорошо горят. Ладно, найду, у кого выпросить. Из одежды на зиму... всё есть, куртка, шапка, сапоги – всё целое, крепкое. Сапоги потёрлись, конечно, но подошвы ещё год выдержат, а может, и два. Подковки в Цветном поставить, тогда точно на два года. А до холодов в кроссовках можно. Две тысячи. И ещё игровых... почти две сотни. Мелочь. А если вспомнить, как сотню на кроссовки набирал... Нет, всё отдам. Купит на зиму себе, Алисе, что там нужно. Зима – трудное время. Все так говорили. И в Бифпите, и на перегоне. На дрова, на керосин – расход большой. А ещё одежда тёплая. И еда зимой дорогая, и больше её нужно. Ладно. Задел есть, а остальное они с Андреем заработают. Всё ж не один он теперь, а Андрей – мастер. Это здесь в подручных ходил, а в городе уже он у Андрея на подхвате. В Цветной сходим, пропишемся заново, если из прежних вожаков не уцелело никого. Ну, это не проблема. А если забыли нас – Эркин ухмыльнулся – то и напомнить можно.

Грузовик свернул в лес, и на кузов легла плотная тень. Фредди вывел машину на поляну с родником и заглушил мотор. Тронул за плечо Андрея. Тот вздрогнул и открыл глаза.

– Чего? Случилось чего?

– Ленч, – улыбнулся Фредди.

– Пожрать – это я всегда! – Андрей неловко дёргал ручку.

Фредди перегнулся через него и открыл дверцу.

– Вылезай и буди Эркина. Будем сейчас лендлорда разворачивать.

– Ага!

Андрей вывалился из кабины и наткнулся на Эркина.

– Доброе утро, сэр, – Эркин ловко развернул его лицом к поляне. – Идём, глаза промоем. Они и без нас управятся.

Фредди ухмыльнулся и полез в кузов. Джонатан, безуспешно пытавшийся вывернуться из одеяльного кокона, услышав Фредди, закрыл глаза и притворился спящим.

– Ну, со мной этот номер не пройдёт, Джонни, – засмеялся Фредди. – Слишком крепко жмуришься, лендлорд. Или ты есть не хочешь?

– Ты меня развернёшь, или мне парней звать? – открыл глаза Джонатан.

– Разверну-разверну, – Фредди нашёл край и не так развернул, как вытряхнул Джонатана на дно кузова. – Ну как, шевелишься?

– Где мы, Фредди? – Джонатан вытащил платок и вытер лицо. – На нашей поляне?

– Да, у родника. Слышишь? Эркин Эндрю макает.

– А может, и наоборот, – улыбнулся Джонатан, обуваясь.

– Может, – прислушавшись, согласился Фредди. – Пошли, умоемся. Время ленча.

– Чувствую, – Джонатан потёр ладонью живот, потянулся и неожиданно гибким движением перемахнул через борт.

Фредди одобрительно хмыкнул и спрыгнул вниз.

Расположились на траве недалеко от родника. Холодный чай во флягах и горячий кофе в термосе, лепёшки, сэндвичи с мясом, шпротами и ветчиной, помидоры и ковбойские конфеты.

– Однако, живём! – засмеялся Андрей, оглядывая теснящуюся на салфетке еду.

– Боишься, останется? – хмыкнул Эркин.

– Должно хватить, – улыбнулся Фредди.

Джонатан с горящими после умывания родниковой водой щеками тоже оглядел трапезу и озабоченно спросил:

– Фредди, ты на второй привал оставил?

– Оставил. Ешь, не волнуйся.

Парни переглянулись, но убирать ничего не стали.

Проголодались все, и установилось сосредоточенное молчание. Ели дружно, только парни предпочитали пить чай, а Джонатан и Фредди – кофе.

Первым встал Эркин и не спеша ушёл за деревья.

– Тянуться пошёл, – ответил Фредди на вопросительный взгляд Джонатана, продолжая есть.

– Зря он после еды, – Джонатан с наслаждением отхлебнул из термосного колпачка-стаканчика кофе.

– А он всегда так, – ответил Андрей. – Привычка, наверное.

Эркин ушёл не столько размяться, сколько сбросить напряжение от неотступных мыслей о Жене и Алисе. Он выбрал подходящее дерево, уцепился за толстый сук и стал подтягиваться. Странно, стоит ему подумать о Жене, так сразу и Алиса в голову лезет. Женя говорит не Элис, а Алиска, Алиса. По-русски похоже на лису. Fox – лиса. Алиса. Белая, как Андрей. У Андрея волосы золотистые, где седины нет, а у Алисы совсем белые. А глаза... глаза темнее, видно, что синие. У Андрея совсем светлые. И у Фредди такие. У Алисы синие, как у Джонатана. А у Жени тёмные, и волосы тёмные. И кожа чуть темнее. Только всё равно видно, что она белая. Женя белая, а Алиса – недоказанная. Глупость какая. Алиса чисто белая, сразу видно. Говорят, теперь всей этой... не будет. Белый и цветной. И всё. Увидит Алиса баул – вот визгу будет! Эх, не сообразил конфет ещё купить, в баул положить. Да так упаковано было хорошо...

– И долго ты грушу изображать будешь?

Эркин разжал пальцы и спрыгнул, едва не свалив Андрея.

– Собираемся, что ли?

– А ты, может, здесь хочешь остаться? – ухмыльнулся Андрей. – Конечно, едем уже.

– На второй привал у нас осталось чего?

– Осталось, – кивнул Андрей и поучительно добавил: – Главное – остановиться вовремя.

– А ты это разве умеешь?! – изумился Эркин.

Андрей замахнулся, но тут же был схвачен поперёк туловища и поднят на воздух.

– Ну, и куда тебя теперь?

– В кузов! – крикнул из-за кустов Фредди. – Я уж думал, ты пешком отправился.

– Не такой уж я дурак, – сказал Эркин, твёрдым шагом направляясь к грузовику.

– Это точно, – хотя Андрей и лежал на его плечах вниз головой, и говорить ему потому было трудно, но смолчать не смог. – Раз меня несёшь, значит, не такой.

За что был тут же слегка приложен к ближайшему дереву.

– Это у меня нога подвернулась, – деловито объяснил Эркин, сбрасывая Андрея как мешок на землю возле грузовика.

Андрей немедленно закрыл глаза, вытянулся и сложил руки на груди.

– Сейчас я тебя оживлю, – Фредди вытащил сигарету и помахал ею над лицом Андрея.

Андрей не изменил позы, но рот открыл. Фредди вставил сигарету и щёлкнул зажигалкой. Андрей открыл глаза и встал, закуривая.

Эркин уже был в кузове. Андрей стоял, держась одной рукой за борт и быстро докуривая.

– Вы уже на месте, или я уезжаю, – высунулся из кабины Джонатан. – Фредди, в кузов.

– Слушаюсь, сэр! – рявкнул Фредди, лёгким пинком помогая Андрею перевалиться через борт.

Джонатан так рванул с места, что они в кузове попадали друг на друга.

– Фредди, ты спать будешь? Закатать тебя? – заботливо предложил Андрей.

– Я сейчас тебя закатаю и твоим же языком перевяжу, – пообещал Фредди, размещаясь между мешками и ногами сидящих у заднего борта парней. Поёрзал, укладывая голову в тень, и накрыл лицо шляпой. – Всё, парни. Вырубаюсь.

Эркин вытащил у Андрея изо рта сигарету, затащил и вставил обратно. Грузовик уже летел по шоссе. Встречный ветер дыбил и перебирал им волосы.

– Рад, что едем? – по-камерному тихо спросил Эркин.

– Рад, – так же тихо и серьёзно ответил Андрей. – Хорошо было, конечно, но... надоело.

– Бифпит – хороший город.

– И работа только на бойне, – Андрей обернулся и сплюнул окурок за борт. – Ну её. Деньги у нас сейчас есть, первое время перекрутимся, а там... видно будет.

– Без меня ты и остаться мог. У Молли.

– Да на хрена она мне?! – искренне возмутился Андрей. – Этого добра... везде навалом. И сам говорил. В имении работать – это на глазах быть. А мы сами по себе.

Эркин кивнул.

– Своё дело, конечно...

– Своё дело мы не потянем, – решительно сказал Андрей. – Ни денег, ни мозгов у нас на это не хватит.

– Так и будем на подёнке крутиться?

– Не бойсь, – ухмыльнулся Андрей. – Мне знаешь, как говорили? Не умирай до расстрела.

Раз выжили, то и проживём.

Эркин кивнул и улыбнулся.

– Лёгкий ты парень, Андрей.

– А иначе жить совсем погано.

– Тоже верно.

Андрей посмотрел на Эркина.

– Поспишь ещё?

– Сам не знаю, – Эркин потёр лицо ладонями и подвинулся, подставляя лицо ветру, расстегнул ворот рубашки. – И спать неохота и заняться чем не знаю.

– Держи, – Андрей вытащил из кармана и протянул ему конфету. – Всё дело.

Эркин рассмеялся и взял конфету, сунул за щеку. Андрей достал вторую конфету, ловко закинул себе в рот. Эркин сидел теперь чуть выше Андрея и видел его голову сверху.

– Лохматый ты стал.

– Ага, – Андрей попробовал пригладить волосы, но ветер тут же взъерошил их. – Приедем, зайду к Билли Скиссору, пусть... подровняет.

– А то оставь. Пусть растут.

– Ага, до плеч и ремешок с перьями, – засмеялся Андрей.

Рассмеялся и Эркин, представив Андрея с перьями в волосах, как у этого из резервации... Дэвиса. Конечно, короткие волосы удобнее.

– А они у тебя, смотрю, вьются. На полное кольцо. Хорошо.

– Ага, вопросов меньше. Хоть что-то от цветного.

Джонатан вёл машину плавно, без толчков. По сторонам парни не смотрели: дорогу они, когда ехали в имение, не запоминали, а потому сейчас не пытались узнавать.

Фредди вздохнул, пошевелился и сел. И почти сразу грузовик свернул с дороги и остановился за кустами на краю пологого склона к реке. Фредди зевнул и потёр лицо ладонями.

– Привал, Джонни?

– Да, – откликнулся, выходя из кабины, Джонатан. – Разомнёмся.

Эркин встал в кузове во весь рост, огляделся.

– А здесь, вроде, мы были...

– Правильно, – улыбнулся Фредди. – Когда весной ехали, ленч здесь был.

– Пожрём? – Андрей перелез через борт. – Эркин, а может, искупаемся? Не холодно сегодня.

– Обойдётся, – Эркин взялся рукой за борт и одним движением выбросил себя из машины.

Спрыгнул вниз и Фредди.

Да, вода несмотря на солнечный день уже холодная. Эркин с берега зачерпнул полные пригоршни, плеснул себе в лицо, остужая вспыхнувшие – сам ощущал, как загорелись – щёки. Ведь если... если это место их первого ленча, то... то до города совсем ничего осталось. А солнце ещё высоко, только-только склоняться начало. Неужели до темноты успеем? Почувствовав, что лицо вроде уже не так горит, пошёл к остальным.

Допивали чай и кофе, у Фредди оказался большой запас сэндвичей. Ели спокойно, болтая о всяких пустяках. Эркин, как ни хотелось ему крикнуть: «Поехали!» – держался, как все. Джонатан пересказывал в лицах вчерашние разговоры за картами так, что все хохотали взахлёб, до слёз.

А когда нахохотались и всё съели, Фредди стал серьёзным.

– А теперь вот что, парни. Вас не было три месяца, всякое могло случиться. У вас с собой большие деньги и вещи. Мы вас доведём до дома, – и, поглядев на Эркина, жёстко повторил: – До самого дома. И будем ждать, пока вы не покажетесь. В окне там, или ещё где. Чтоб мы поняли, что всё в порядке. Если что... кричите, бейте окно, сразу назад бегите. Я подстрахую.

Эркин нахмурился, но промолчал. Джонатан, поглядев на Фредди, молча кивнул. Андрей на мгновение задумался, напряжённо сведя брови, тряхнул головой.

– Дело. Ко мне первому тогда, – Эркин опустил глаза, а Андрей продолжал: – Я ближе к въезду, если... – он запнулся, – если с Цветного въезжать.

– Через Цветной ехать, – хмуро сказал Эркин, – на месяц разговоров, такого наплетут... Что к тебе, что ко мне, крюк от рынка одинаковый.

– Как улица называется? – спросил Джонатан.

– Не знаю, сэр, – Эркин усмехнулся, – всегда без этого обходился.

– Сядете в кабину и будете показывать, – решил Фредди. – Если не от рынка, от въезда, сможете?

Эркин молча кивнул. Андрей, улыбаясь, но с очень серьёзными глазами, ответил:

– А чего ж тут сложного?

– Поехали, – встал Фредди. – До города я поведу, Джонни. Там поменяемся.

Вставая, Эркин мимолётно опёрся на плечо Андрея.

Теперь они были в кузове вдвоём. Спрятали пустые фляги в мешки и опять сели у заднего борта. На ветру. Эркин молчал, и Андрей заговорил сам:

– Я всё понимаю, Эркин, чего там. Когда не за себя...

– Спасибо, Андрей, – перебил его Эркин. – Только не надо сейчас, ни о чём не надо. Ничего я не могу сейчас.

Они сидели рядом плечом к плечу и молчали. Андрей изредка скашивал на Эркина глаза, но не заговаривал. И Эркин так же изредка молча шевелил плечом, касаясь им плеча Андрея.

Когда показались окраины Джексонвилла, Фредди притормозил. Джонатан сел за руль, а Фредди залез в кузов. Андрей молча прыгнул и сел в кабину.

Эркин опасался, что Фредди заговорит с ним, но тот молча сосредоточенно курил, сидя у кабины.

Эркин узнавал улицы. Да, Андрей ведёт к своему дому долгим путём, минуя и Цветной, и Мейн-стрит. Правильно, светиться нигде ни к чему. Вот вроде и тот поворот. Да, вон его дом.

Джонатан остановил грузовик. Андрей, независимо вскинув голову, вышел из кабины, толкнул калитку... Фредди напряжённо собран, рука на поясе возле рукоятки кольца. Шевелюра Андрея среди листвы и его звонкое:

– А вот он и я!

И в ответ старческий женский голос:

– Принесло наконец. Ты б до Рождества ещё гулял, а я койку твою держи. До пожухлой травы обещался, а она уж когда...

– А всё свежей тебя!

Смеющийся Андрей, быстро идущий к грузовику.

– Давайте барахло моё.

– Держи. Который твой? Этот?

Фредди переваливает мешок через борт на спину Андрея. Мягко подаёт, умело. И совсем тихо:

– Удачи, парень.

Андрей кивает и, чуть покачиваясь под мешком, уходит.

– Эркин, в кабину.

Эркин прыгивает вниз и занимает место Андрея. Джонатан помогает захлопнуть дверцу.

– Куда?

– Прямо... направо... налево...

– Говори о повороте заранее.

– Да, сэр. У зелёного дома направо.

Губы словно сами по себе выговаривают какие-то слова.

Вот и улица...

– За угол и сразу остановите, сэр, – Эркин заставил себя выдохнуть и улыбнуться. – Спасибо, сэр.

Джонатан открыл ему дверцу, вопросительно посмотрел.

– На втором этаже, сэр. Два окна от угла.

– Ясно, – кивнул Джонатан.

Эркин неловко вылез из машины, встретился глазами с Фредди и взглядом показал ему на окна. Фредди кивнул, и Эркин подошёл к кузову за мешком.

– Проверил бы сначала, парень, – тихо сказал Фредди.

Эркин молча покачал головой. Он не мог говорить, не мог сказать, что за то мгновение, когда Джонатан заглушил мотор, услышал:

– Алиса, не брызгайся, мне же подтирать.

Женя дома и купает Алису. Значит, калитка и двери не заперты. Он может идти сразу.

Эркин принял мешок на спину и пошёл к калитке. Кажется, Фредди ему что-то сказал, а он ответил. Но не понял ни слов Фредди, ни своего ответа.

Фредди, сидя на заднем борту так, что ему было видно, куда пойдёт Эркин, молча внимательно смотрел, как тот мягко ногой открыл калитку и скрылся за забором. Фредди встал и увидел, что Эркин, придерживая мешок одной рукой, открывает дверь и входит.

Калитка... четыре шага до двери... под мешком оказалось шесть шагов... три ступеньки... дверь... да, не заперто... лестница... Которые тут скрипучие? Ноги сами перешагнули. Площадка... верхняя дверь... не заперто...

Эркин вошёл в прихожую и затоптался, разворачиваясь к кухонной двери.

– Мама, кто там? – голос Алисы из комнаты.

– Кто там? – недовольный голос Жени из кухни.

Эркин наконец нашарил ручку и толкнул дверь, ввалился в кухню со своим мешком, выпрямился, мягко сваливая его на пол, и увидел Женю. И сказал заготовленную, придуманную ещё вчера, когда Мамми давала им мешки, фразу:

– Хозяйка, за картошкой посылала? Вот, привёз.

Женя выронила тряпку в лужу, оставшуюся после купания Алисы, шагнула к нему.

– Мам, да кто там? – требовательно повторила Алиса и зашлёпала к двери.

Услышав это шлёпанье, Женя ахнула и метнулась в комнату. Эркин перешагнул через лужу и подошёл к окну. Увидел Фредди в кузове, курящего возле кабины Джонатана. По их равнодушно-спокойным лицам определить направление взглядов было невозможно, но Эркин знал, что они видят его, и кивнул им.

– Эркин, – позвала Женя.

Он обернулся. Она стояла в дверях, держа на руках закутанную в простыню Алису.

– Возьми её, я окно закрою.

Он шагнул к ней, неловко, неумело взял на руки Алису. И та сразу обхватила его за шею, тыкалась ему в лицо мокрой головой.

Женя подбежала к окну, задёрнула и расправила штору, метнулась к другому и на мгновение застыла, задохнувшись, обводя невидяще счастливым взглядом сумеречную улицу и двух одетых по-ковбойски мужчин возле запylённого грузовичка. Женя медленно задёрнула штору, отгораживая свой дом от всего мира, и обернулась. Нет, ей ничего не привиделось. Эркин стоял посреди кухни и держал на руках Алису.

Фредди сплюнул окуроч, тщательно растёр его.

– Поехали, лендлорд.

– Да, – Джонатан, словно очнувшись, кивнул. – Отдых кончился. Поехали работать, ковбой.

– К Бобби?

– Да. Дай крюк на всякий случай.

Фредди сел за руль, включил зажигание. Джонатан сел рядом, и Фредди мягко, чтобы шумом не привлекать излишнего внимания, стронул грузовик с места.

– Не завидууй, Джонни, – тихо сказал Фредди. – У тебя ещё всё впереди.

– Утешил, – хмыкнул Джонатан. – Ладно, всё. Это мы свалили, теперь только за себя, – и жёстко повторил: – Всё.

– Всё, – кивнул Фредди, выезжая на параллельную улицу. – Через Мейн-стрит проедем. Женя медленно подошла к Эркину и обняла его вместе с Алисой, сразу обоих.

Это был суматошный и какой-то нелепый вечер. Женя так уверила саму себя, что Эркин вернётся обязательно утром, так продумала все свои слова и действия, что сейчас совершенно потеряла голову. И конечно, всё пошло и понеслось кувырком и кубарем. Она подтирала пол, убирала кухню и комнату, пыталась что-то быстро приготовить, он ходил за ней по пятам, помогал и уверял в своей сытости, они то и дело сталкивались. Путались под ногами его мешок и Алиса, которая ни за что не хотела возвращаться в кровать, громогласно уверяя, что стоит Эркину выйти за дверь, как он опять исчезнет. Потом вместо одного большого мешка почему-то оказалось три, какая-то картошка, кабачки...

– Деньги? Нет-нет, деньги завтра, и разберём всё завтра...

– И подарки?

– А какие подарки?

– Всё завтра.

– А мне тоже подарок?

– Ты ляжешь наконец?

– Я вынесу...

– Мама, не выпускай его, он опять уйдёт...

– Сейчас хлеба поджарю...

– Мама, а это что?

– Не поднимай, тяжело...

Эркин забросил свои мешки в кладовку, туда же не глядя кинул куртку и взял ведро с грязной водой.

Было уже совсем темно и по-осеннему прохладно. Он по памяти прошёл к выгребной яме, вылил грязную воду и огляделся. Светились окна в соседних домиках. Ну, что ж, если его и видели... ладно. Уезжал на заработки и вернулся. Обычное дело. Идя к дому, Эркин запер калитку, попробовал дверь сарая, запер за собой нижнюю дверь, поднялся по лестнице, запер верхнюю дверь.

– Ага! Вернулся! Мама, он вернулся.

Алиса в тёплой зимней пижамке и тёплом платочке проводила его на кухню, куда он отнёс ведро, оттуда в кладовку, а увидев, что он разувается, убежала и через мгновение вернулась.

– Вот, не ходи босым. Мама, правильно?

Эркин взял и повертел в руках странную обувь. Подошва и носок. А, так это для дома...

– Алиса, за стол, – Женя вошла в кладовку. – Ну как, не малы? Я сама шила. Идём ужинать, Эркин. Ты с дороги...

Она говорила быстро, будто боялась, что её перебьют, не дадут сказать. Он молча смотрел на неё, держа в руках эти... как их?... Да, шлёпанцы, да... Эркин уронил их, почти бросил и шагнул к Жене, обнял. Она, всхлипнув, уткнулась в его грудь.

– Мы ужинать будем? Я жду-жду... Мам, ты держи его, – Алиса радостно перемешивала русские и английские слова. – Я есть хочу.

– Да-да, – Женя подняла голову, – обувайся, пойдём.

Эркин с трудом заставил себя разжать руки, наклонился, отыскивая шлёпанцы, надел.

– Не малы? Эркин?

– Нет, спасибо, – медленно ответил он.

Алиса, вцепившись в его руку, потащила за собой в комнату.

Узорчатые плотные шторы. Их не было. Лампа. Лампу он помнит. И всё остальное... всё то же...

– А руки мыть? – дёрнула его за руку Алиса. – Ты всегда руки моешь, я помню.

Эркин вернулся на кухню, вымыл руки и лицо, подбивая палочку рукомыльника. Рядом висело полотенце. Вафельное.

– Алиса, ты сядешь за стол?

– Ну, мам, я Эрика стерегу.

Как только он повесил полотенце, Алиса опять вцепилась в его руку и потащила в комнату.

Наконец сели. Женя положила на тарелки обжаренный хлеб с вареньем, налила чай. Алиса удовлетворённо вздохнула, утыкаясь носом в чашку. Ну вот, всё в порядке, все в сборе.

– Бери ещё, Эркин.

– Я сыт, Женя, правда.

– Эркин, ну, как ты сыт, когда весь день в дороге.

– Женя, мы два раза ели.

Они всё время, в каждой фразе называли друг друга по имени, наслаждаясь возможностью произносить это вслух.

– И что же вы ели?

– Лепёшки, сэндвичи, чай у нас был. Фредди и Джонатан ещё кофе пили.

– Эркин, а кто это?

– Фредди? Он – старший ковбой, Женя. А Джонатан – лендлорд.

– Это он вас нанимал, Эркин?

– А что такое лендлорд?

Эркин посмотрел на Алису и улыбнулся.

– Ну, он хозяин имения.

– Ага, – глубокомысленно сказала Алиса, – а имение... – она не договорила, уложив голову на стол и закрыв глаза.

Женя негромко засмеялась.

– Утомилась. Сейчас я её уложу.

Эркин молча смотрел, как она вытаскивает из-за стола и укладывает в постель Алису, бормочущую, что она вовсе и не спит.

– Ну, всё, спи, маленькая. Спокойной ночи.

– Мам, ты его держи, он опять уйдёт, – очень ясно сказала Алиса, окончательно засыпая.

Женя укрыла её, поцеловала и вернулась к столу. Налила Эркину и себе ещё чаю, подвинула к нему тарелку с хлебом.

– Ты совсем ничего не ел.

– Я сыт, Женя.

– Ну, чаю выпей. С вареньем.

Он отхлебнул, не отводя от неё глаз. У Жени дрогнули губы.

– Сегодня я никуда тебя не отпущу.

– Я никуда не уйду, Женя.

Она смотрела, как он пьёт, изредка и явно машинально поднося к губам свою чашку. Эркин ждал, что она, как раньше, положит руку ему на плечо или погладит по голове, и он бы прижался к этой руке...

Женя допила чай и стала собирать посуду. Эркин залпом допил свою чашку и встал. Мягко отобрал у неё тарелки и чашки.

– Я сделаю.

Она пошла за ним на кухню. Он сложил посуду в тазик для мытья, вылил туда ковш тёплой воды и обернулся к ней.

– Завтра помоем?

– Завтра, – кивнула Женя, подходя к нему.

Эркин обнял её, мягко и сильно прижал к себе, провёл губами по её лицу. Женя, обхватив его шею, целовала, ошупывала губами его лицо, словно проверяла он ли это, пока их губы не столкнулись. Рот Жени дышал и шевелился под его губами, и он впервые ощущал её дыхание

– вот так, рот в рот... Эркин подхватил её на руки и понёс в комнату, посадил на кровать и сел рядом. Их руки сталкивались, мешая и помогая одновременно.

– Ой, лампа, – вдруг испуганно ойкнула Женя, всё ещё прижимая его голову к своей груди. – Выгорит, коптить будет.

Эркин мягко высвободился и встал. Подойдя к столу, оглянулся на Женю. Она сидела на кровати в распахнутом, открывающем грудь, ярком халатике... Эркин погасил лампу и, безошибочно пройдя в обрушившейся на комнату темноте к дальнему окну, отодвинул шторы. Чуть-чуть. Светлее не стало, но будто посвежело в комнате.

– Я всё равно тебя вижу, – улыбнулся в темноту Эркин, плавно подходя к Жене. – Ведь ты здесь, да?

Её руки нашли его, потянули к себе.

Впервые в жизни он путался в женской одежде. И впервые почувствовал, как это... хорошо, когда чужая ладонь гладит твои плечи и грудь. Женя не могла справиться с пряжкой ковбойского ремня, и он сам расстегнул пояс и джинсы, нетерпеливо сбросил их на пол, где уже валялась его рубашка. Руки Жени на его теле, губы Жени на его лице... Он раздел её, уложил. Пальцы Жени теребили его трусы, он опять помог ей, лёг рядом и прижался к ней всем телом.

– Эркин, это ты? Это вправду ты?

– Да, я, Женя, это ты, Женя...

Он прикивал полуоткрытым ртом к её плечам, груди... ртом вдыхал её запах, и губы Жени так же прижимались к нему...

– Женя...

– Что? Эркин...

Он не отвечал, не мог, сам не понимал, не сознавал, что повторяет её имя, что она зовёт его...

...Потом он лежал обессиленный, а она спала, лёжа щекой на его груди, и он накрывал её своими руками, защищая от холода.

Просыпаясь, Женя потёрлась лицом о его грудь, приподнялась. И он тут же схватил её влажное от пота тело.

– Ты... Женя... Ты где?

– Я здесь, – она засмеялась. – Ты потерял меня?

– Нет, просто испугался, что опять сон, – честно ответил Эркин. – Сплю и вижу тебя, проснусь, а тебя нет. Обидно. Тебе холодно, да? А одеяло где?

– А мы лежим на нём, – тихо смеялась Женя. – Я даже постель раскрыть не успела.

Эркин приподнялся на локтях и сел. Да, он как-то про всё забыл.

– Я сейчас сделаю.

– Нет, не уходи.

Неловко, мешая друг другу, они выдернули из-под себя и сбросили на пол покрывало. Женя вытащила из-под подушки край одеяла и ловко залезла в образовавшуюся норку.

– Вот так, а теперь ты.

Эркин осторожно втиснулся рядом с ней, обнял. Женя высвободила руку, натянула одеяло на его плечо, погладила по шее, взъерошила ему волосы на затылке.

– Ну, как ты жил без меня?

– Никак, – растерянно ответил Эркин. – Я... не жил, наверное.

Женя погладила его по голове, пропуская между пальцами пряди, и снова по шее, плечу, втянула руку под одеяло.

– Не могу поверить, что ты здесь.

– Я здесь.

– А ты часто меня во сне видел?

– Часто, – Эркин осторожно, чтобы не сбросить одеяло, покачивал Женю, касался сосками сосков. – Так просыпаться не хотелось. Злился.

– Я тоже тебя видела, – Женя вздохнула. – Ох, как хорошо, что ты вернулся. Я так ждала тебя. Так ждала...

Он плавно вошёл в неё, покачивал, мягко толкал ударами. Она охватила его за спину, прижалась и, как и он, не целовала, а прикивала к нему полуоткрытым ртом. На мгновение он даже ощутил её зубы на плече. Но это же не больно. Если ей так хочется...

– Ох, Женя, Женя... – он звал её, уплывая в чёрную, тёплую и мохнатую пустоту.

И она не отпускала его, они уходили туда вместе, оба, сразу. Он не один. Они вместе... вместе... вместе...

...Женя гладила его грудь, обводя пальцем соски, границы мышц, будто рисовала их. Эркин медленно просыпался, словно всплывая со дна. Как-то купались с Андреем, и он лёг на дно, а потом расслабился и всплыл, вода сама подняла его. Так и сейчас. Он лежит на спине – когда это он повернулся? Они же на боку были – закинув руки за голову, и Женя рядом, мягко трогает, гладит его, ощупывает, её пальцы скользят по его груди, животу, лобку и снова поднимаются вверх к груди.

– Женя...

– Я разбудила тебя? Извини, я так соскучилась по тебе.

– Нет, мне хорошо, я сам проснулся. Женя... тебе неприятно? Ну, трогать меня, ну... – он запинается, не зная, как назвать член и мошонку по-русски, они же весь вечер по-русски говорят, а по-английски ему сейчас даже думать не хочется, – ну, там, ниже.

– Нет, – дыхание Жени щекочет ему плечо. – Я просто... боюсь. Боюсь, что тебе будет больно.

– От тебя?! Ты что, – Эркин тихо смеётся, – что ты, Женя, чтоб от твоих рук и больно...

– Да-а? – искренне удивляется Женя. – А вот я обтирала тебя, ну, когда ты болел, уксусом, помнишь?

– Ага.

– И ты прикрыться тогда хотел.

– Это я не в себе тогда был, – убеждённо отвечает Эркин. – Жар был, а в жару... Потрогай меня.

И снова пальцы Жени двигаются по его телу, доходят до лобка, перебирают волосы, медлят, и эта заминка вызывает у него странную, никогда раньше не испытанную дрожь, он стискивает зубы, не давая прорваться напряжению, ну же... ну... вот... Рука Жени мягко, чуть касаясь, ощупывает его член, мошонку, гладит. Но... нет, такого с ним не было, никогда. Эркин заставляет себя лежать неподвижно, но мышцы напрягаются как сами собой. Он прикусывает губу, катает по подушке голову, какой-то не стон, не крик, нет, что-то иное клокочет, рвётся наружу, и...

– Тебе больно?

– Нет, – хрипит он, судорожно лова и прижимая руку Жени к себе. – Нет, я просто... я просто не знал, что такое бывает. Женя, ещё, пожалуйста.

– Тебе... это нравится? Тебе приятно?

– От тебя всё приятно, Женя... Женя...

И вот уже его руки шарят по телу Жени. Он резко поворачивается набок, зажимая руку Жени у себя в паху, укладывает Женю поудобнее.

– Вот так, тебе удобно?

– Да. Эркин...

– Нет, не убирай руку, не надо. Я... я потрогаю тебя... там. Можно?

– Конечно, можно. Тебе всё можно, Эркин, – смеётся Женя и вдруг охает, потому что рука Эркина огладила её бедро и по животу проскользнула вниз к лобку. – Ой, что это?

– Я осторожно, Женя... Да, пожалуйста... ещё... да... Тебе хорошо, Женя?

– Да... да... Эркин...

Не сделать ей больно, руки загубели, пальцы потеряли гибкость... Ох, что же это с ним? Никогда не было такого.

– Женя... я...

– Эркин... Что это...? Эркин...

И снова оглушающая звенящая тишина. И спокойствие. И забытая Женей рука на его теле. И не было ещё с ним такого. Он накрывает её руку своей ладонью. Теперь можно спать, она рядом. И если что... он сразу проснётся.

Просыпаясь, они, ещё не открыв глаз, на ощупь искали друг друга, натываясь на такие же ищущие руки. Просыпались и опять засыпали. И о чём-то говорили. И снова их тела бились друг о друга и замирали в изнеможении.

– Я... – Эркин запнулся, подбирая слово, – замучил тебя, да?

– Нет, – Женя сладко потянулась, поёрзала, укладываясь поудобнее в его объятиях. –

Мне так хорошо, Эркин, так хорошо...

Она обняла его за шею, притягивая его голову к своей груди.

– Тебе хорошо?

– Да, – он вздыхает, прижимаясь щекой к её коже. – Да, Женя, очень.

Спал ли он? Да нет, просто уходил куда-то, уплывал, но она была рядом, он всё время чувствовал её. И когда она осторожно перелезла через него и встала с кровати, он только спросил:

– Уже утро, да?

– Нет, ещё рано, поспи немного.

Но Эркин уже открыл глаза и увидел серый предутренний свет, потянулся, закинув руки за голову и выгибаясь.

Женя вошла в комнату, затягивая пояс на халатике, и посмотрела на него.

– Тебе надо поспать.

– Нет, я сейчас встану. Вода, дрова. Вынести, принести, – Эркин счастливо улыбнулся.

Женя тихонько засмеялась.

– Ты так говоришь, будто скучал по воде с дровами.

– Скучал, – согласился Эркин.

Женя присела на край кровати. Он взял её за запястья и накрыл её ладонями своё лицо, вздохнул:

– Хорошо, Женя, как же хорошо...

Она дала ему поцеловать свои ладони и, наклонившись, поцеловала его в переносицу.

– Вот так. Сюда я тебя ещё не целовала.

Она попыталась отнять руки. Он, держась за них, сел, по-прежнему прижимая её ладони к своим губам и щекам, и со вздохом отпустил.

– Ну вот, встаю.

Женя не успела ни подвинуться, ни встать, так гибко он вывернулся из-под одеяла и сел рядом с ней. Женя рассмеялась и обхватила его за голову.

– А вот и не пушу.

– А я и не ухожу.

Но, говоря это, он уже знал, что, в самом деле, пора, ночь кончилась. Эркин высвободился, вернее, Женя сама отпустила его. Когда он наклонился, собирая свои вещи, и взял джинсы, что-то стукнуло об пол.

– Что это, Эркин? У тебя из кармана выпало.

Эркин встряхнул джинсы. Ещё один... стук. Он на ощупь нашёл и поднял... две конфеты. Они-то откуда? Все конфеты были у Андрея. Это когда же он их ему в карман засунул? Ну... Ну...

– Что это? Конфеты?

– Да. Ковбойские.

Эркин положил конфеты на стол, ощупал джинсы и нашёл третью. Ну, Андрей, ну... Ладно. А трусы где?

– Ты что ищешь?

– Трусы.

– Я их уже замочила, и рубашку, и портянки.

– Ага.

– Давай остальное.

– Сейчас. У меня всё в мешках.

Они говорили шёпотом, как и ночью.

– Ага, ты сразу в ведро положи. Ой, шлёпанцы надень, пол же холодный.

Нагишом и в шлёпанцах – что-то новенькое. Эркин усмехнулся, всовывая ноги в непривычную, но мягкую и удобную обувь. Да, хорошая штука.

В кладовке он вытащил из мешка узелок с грязным бельём и чистую смену. Натянул трусы и джинсы, надел рубашку. А обувь? Да вон же они, кроссовки, даже не запылились. И все вещи его так и лежит. Носки, вот они. Кроссовки... Ах ты, это-то откуда?!

Женя заглянула в кладовку и фыркнула, увидев, как он вытаскивает из кроссовок комки смятых газет. Эркин обернулся. Шторы на кухне Женя уже раздёрнула, и света хватало.

– Женя, что это?

– Это я их набила. Чтоб не сохлись.

– А-а, понятно, – он кивнул и быстро обулся. – Я мигом.

– Грязное давай.

– Вот.

– И всё?! А остальное?

– Оно всё чистое, – Эркин протиснулся мимо Жени в кухню.

Как же после сапог в кроссовках легко! И утренняя работа... Вынести грязное ведро... Принести воды... а бак полный, ну да, Женя вчера так и не помылась... Трёх вёдер хватило. Теперь дрова. Эркин сдёрнул с гвоздя ключ и побежал в сарай. Дрова ещё есть, а лучина... э-э, совсем ничего осталось. Ладно, сегодня же и нащеплет. Он собрал последние щепки, вытащил приготовленную вязанку и запер сарай. Серый предутренний свет уже сменился золотистым, солнечным, и появились тени.

Эркин взвалил на спину вязанку и не спеша пошёл в дом.

Тетрадь двадцать восьмая

Алабама

Графство Эйр

Округ Гатрингс

Джексонвилл

Особняк Роберта Кропстона

Джонатан не спеша собрал карты и улыбнулся.

– Ну как, Бобби?

Роберт Кропстон кивнул.

– Уже уезжаешь?

– Да. У лендлорда отдых непродолжительный.

Бобби взял колоду и стал её тасовать.

– Рад, что у тебя так удачно получилось с бычками. Русские сильно мешают хозяйствовать?

– Если не нарываться, – усмехнулся Джонатан, – то не сильно.

– Нарываться никогда не стоит, – кивнул Бобби. – Когда опять завернёшь?

– Как выпадет свободная минута.

Бобби ласково смотрел на него.

– Приезжай на Рождество, повеселимся.

– На Рождество обязательно, – кивнул Джонатан. – А что, веселье гарантировано?

– Да. Прошое Рождество нам испортили, думаю на этот раз...

– Мы кое-кому испортим, – закончил за него Пит и гулко захохотал.

Бобби еле заметно поморщился.

– Рождество – святой праздник, Пит. Зачем его портить? Просто повеселимся. И твой Фредди душу отведёт, а то ты, Джонни, совсем его... засушил.

– Спасибо за приглашение, – Джонатан собрал и заложил в карман выигрыш. – Но, может, я и до Рождества заверну.

– Конечно. Но главное веселье – на Рождество.

В комнату вошёл Фредди и молча кивнул Джонатану.

– Ну вот, грузовик готов. До встречи. Удачи, Бобби.

– До встречи, Джонни.

– До встречи. И тебе удачи, Пит.

Пит расплылся в благодарной улыбке и взглядом проводил Джонатана и Фредди. Когда за ними закрылась дверь, немного выждал и посмотрел на Бобби.

– Ты веришь, что Нэтти не дошёл до него?

– У тебя есть другие варианты?

– Нэтти, Крыса... Старина Фредди не утратил квалификацию. Чисто сделано, Бобби. Слишком чисто, чтобы это был кто-то другой.

– Ты хочешь, чтобы Фредди проверил свою квалификацию на тебе?

– Упаси Господь, Бобби.

– Тогда, Пит, есть ещё вариант. Я слышал, там копают русские, можешь изложить свои соображения им. Помочь со встречей?

– Ты с ума сошёл! Это же... это финиш! Русские – полные придурки, они же не смотрят на расу.

– Ты прав, Пит, – Бобби закончил тасовать колоду, сбросил её в ящик стола, достал другую и стал раскладывать пасьянс. – Иди отдохни. Деньги у тебя кончились, а под будущую добычу я не играю.

Пит, заметно присмиривший после упоминания о русских, кивнул, отвесил церемонный, очень искренний поклон и ушёл.

Кропстон остался один. Теперь можно спокойно подумать, равнодушно выкладывая карты и не следя за лицом. Итак...

Джонни всерьёз влез в игру с именем. Что ж, имя без рабов нерентабельно. Значит, на Джонни можно будет рассчитывать. Если не торопиться и с умом... Да, правильно, Джонни увяз и рабы ему нужны. Поворот его устроит. Пообещать ему право первого выбора. И наверняка он захочет забрать тех двоих, что нанимал отсюда. Пит говорил: красивый индеец и белый мальчишка. Приметная парочка, слышал о них. Если они вернулись... да, о них говорили, что обоих к ликвидации. Особенно белого, чтобы не нарушал картину. Но если они нужны Джонни... Да, пусть выкупает, деньги у него есть. Пит, конечно, дурак и много болтает, но пока это не так уж и плохо, на версию с Рождеством клюнули все. А на Нэтти можно поставить крест. Его не нашли русские, не нашла полиция, не нашёл Джонни-Счастливчик. А у него с Нэтти старые счёты. Из-за камней. И Левине.

Кропстон снова прокрутил в памяти разговор.

...– Горячее было лето, друзья.

– Так много сгорело, Пит?

– Да, русские оказались действительно... мастерами по выжиганию.

– Да, Бобби, оказалось, что так, – в голосе Пита искреннее удивление. – Я от них такой прыти никак не ожидал. Ведь вошли тихо-мирно, в заваруху не вмешивались, а тут... Команда Нэтти сгорела полностью.

– Вот как? – искреннее любопытство, не более. И небрежно: – А он сам?

– Он побежал к тебе, Джонни.

– Ко мне?!

Ах, какое изумление! Но вполне объяснимое.

– Когда припечёт, из двух... гм, друзей выбирают того, чьи объятия послабее.

– Чтоб не задушил... в объятиях! – гогочет Пит.

– Ты думаешь, русские объятия крепче моих? – в голосе Джонни намечается холодок. – Ну-ну. Ладно, добежит – проверим.

И блеснувшие глаза Фредди. Да, приказ уже был. Нэтти ждёт горячая встреча. Но разговор не кончен.

– Он отправился к тебе ещё летом.

– И не пустым, Джонни.

– Надеется откупиться? Я думал, он умнее.

– Наверное надеется, что ты его возьмёшь в долю.

– Надежды никому не возбраняются. Но мог бы уже и дойти, – и короткая недобрая усмешка. – Или нашёл другой вариант.

– Ты думаешь, Джонни, он пустился в самостоятельное плавание?

– От этой сволочи всего можно ждать!

Ого, Счастливчик сорвался. Что ж, раз так, поможем Пауку.

– В одиночку не поплывёшь, сразу утонешь.

– Или утопят, – жизнерадостно ржёт Пит.

Попробуем прямой цитатой. Паук сказал чётко, не грех и повторить.

– Нэтти дурак. Он исполнитель, а возомнил себя... Не жалко.

Джонни задумчиво кивает...

...Кропстон усмехнулся, разглядывая сошедшийся пасьянс. Ну что ж, если Нэтти и доберётся до Бредли – интересно, конечно, а какая фамилия у Джонни-Счастливчика настоящая? Никто ведь не знает. Для всех и всегда только Бредли – так если Нэтти доберётся, там его путь и закончится. То, что на нём... ну, об этой мелочёвке не стоит и думать. Вряд ли у Нэтти было что ценное. Он слишком боялся Паука, чтобы рискнуть что-то утаить. На такое могла решиться только Изабелла, но с ней Паук управился сам. По-семейному. А ведь сдаёт семейка позиции. Старший уже на небесах, и всё его ведомство либо там же, либо дрожит по норам, либо болтает у русских. А наша Система напрямую с Пауком не работала. Но если у Паука на хвосте русские, то он их приведёт к нам. И сдаст нас русским так же, как сдал ведомство своего первенца. И Паук не так уж теперь неуязвим. Но... да, Белая Смерть. Если бы не она... Больше Пауку не на кого рассчитывать. А это очень серьёзная сила. И самое плохое, что о ней ничего не знаешь, кроме того, что она есть. Паук не мог не послать сюда кого-то оттуда, но кого? Паук...

...– Я доверяю тебе, Бобби. Я рассчитываю на тебя, на твоё благоразумие и осмотрительность. Мы не можем спешить. Но промедление смертельно. К Рождеству надо закончить. Я не дам этим скотам отпраздновать годовщину. На Рождество мы повеселимся. И сортировка, и чистка – всё на Рождество...

...Кропстон задумчиво покачал головой, собрал карты и, сменив колоду, начал другой пасьянс. Доверие Паука имеет большую цену. Цену жизни. Неизвестно, кому он доверяет, но ему верят. И предавать верящих он умеет давно. Так что не будем спешить с выводами. И с поступками. Пит, конечно, дурак, если бы Нэтти дошёл до Бредли, Джонни вёл бы себя иначе. Всё-таки он ещё слишком молод для таких игр. Его заинтересованность во встрече и этот срыв... Нет, с Нэтти ни он, ни Фредди ещё не пересеклись. Тут всё впереди. Если только Нэтти не попал к русским. Но об этом должен был позаботиться Паук. Ему такой вариант слишком невыгоден и даже опасен. Нэтти пока оставим, отложим. Теперь Крыса... Старина Ротбус получил своё, но только такому дураку как Пит придёт в голову связывать Фредди со смертью Ротбуса. Не будет такой стрелок мараться о проволоку и рисковать прямым контактом, это – во-первых. А во-вторых и главных... все, кто побывал на Крысином курорте, боятся Крысу до потери сознания, до рабского столбняка. Ненавидят, но ещё больше боятся. Что и как там в Уорринге с ними делали, никто не знает, но ни один из выкупленных не смог бы. Чистильщики, не чета Фредди, от одной мысли поднять руку на Крысу слетали с катушек. Никогда ни один из них не убил бы Крысу, никаким способом, даже приказать бы не смог. И Фредди – не исключение. Духу бы у него не хватило. Да... чего там, самому себе можно не врать, и сам бы не смог.

Кропстон невольно улыбнулся, вспомнив, как неделю назад ему привезли фотографию, добытую невероятно головоломным путём. Мёртвый Ротбус с проволокой на шее. И как Джимми Найф, способный обыкновенным ножом нарезать человека на ломтики, невзирая на пол и возраст жертвы, рыдал над ней:

– Господи, верую, что ты есть, господа, сподобил увидеть...

И чуть ли не целовал этот снимок, и предлагал всё, что есть, всё с себя, будущую добычу, лишь бы ему отдали. А потом попробовал с претензиями лезть. Но как напомнили о его карте и что, по слухам, русские нашли у Крысы карты чистильщиков, сразу притих. И напился так, что

и остановиться не может. А снимок пришлось отправить по назначению, Пауку. Дурак Пит, но, если русские доберутся и насядут, нужно будет скинуть им Пита. Их его домыслы о Бредли и Фредди интересуют. Как же из-под носа у них и Нэтти, и Крысу вынули. Этого никто не любит. А Фредди с Бредли... да, этой парочки русским надолго хватит, там есть что копать. Особенно по карте Фредди.

Кропстон удовлетворённо оглядел сошедшийся сложный пасьянс и окончательно собрал карты. Всё, день закончен, всё обдумано и решено, можно отдыхать.

На дороге

– Ну и гнида, – Фредди выплюнул в окно окурок и, придерживая руль одной рукой, закурил следующую сигарету.

– Ты это только сейчас обнаружил? – Джонатан просматривал выигранные деньги: не подсунули бы фальшивок, с них станется. – И потом, почему гнида? Их же двое было.

– Пит до гниды не дорос, – усмехнулся Фредди. – Зачем Бобби этот болтливый дурак?

– Для развлечения, наверное. Или чтобы откупиться им от русских, когда припечёт. Знает он много, но ещё больше сам выдумывает. Говорить будет, но толку русским от его болтовни...

– Может и так, – согласился Фредди. – Но это смотря о чём будут спрашивать и как слушать. Сейчас в Бифпит?

– Да, – Джонатан спрятал деньги и откинулся на спинку сиденья. – Вторая серия и обговорить с русским кое-какие моменты.

– Ещё дело с парнями. Ну, наши инвестиции...

– Это и хочу обговорить. И о находках. Болтали, что у русских здесь есть отличия, а я очень не хочу попасть под конфискацию.

– О чём речь, Джонни. Но... риск.

– Да, – кивнул Джонатан. – Конечно, риск. Но другого варианта нет. Не твою же русскую об этом спрашивать.

– Можно и её.

– Попробуй, – пожал плечами Джонатан. – Тоже риск, кстати.

Какое-то время ехали молча.

– Самое поганое, – вдруг сказал Фредди, – что Пит видел парней.

– Заткнуть ему глотку не проблема.

– Поздно, Джонни. Он этой гниде о парнях уже рассказал. А теперь и покажет.

– Может и не показывать, они и так приметные.

– Так что нам не к Рождеству, Джонни, а пораньше надо.

– Да. Думаю, дня за три.

Фредди кивнул.

– Как думаешь, Джонни, они поверили?

– Насчёт Нэтти и Крысы? Пит не поверил.

– Значит, Бобби поверит, – усмехнулся Фредди. – Он выслушает Пита и подумает наоборот.

– Тоже неплохо, – рассмеялся Джонатан. – Подменить тебя?

– После ленча. Поспи пока.

На дороге

– Поспите, капитан. До Бифпита часа четыре, не меньше.

– Хорошо. Спасибо, сержант.

– Да не за что, капитан.

Старцев закрыл глаза, но спать не стал. Не мог. Слишком сумасшедшими были эти сутки.

Он уже возвращался от Аристова, когда на подъезде к Бифпиту его перехватил Новиков и повёз к Спинозе. Хорошо, что хоть к себе не пересадил, и удалось выспаться в своей машине, предчувствуя бурную насыщенную ночь. А ночь выдалась... под стать компании.

Старцев полулежал на заднем сидении, закрыв глаза и покачиваясь вместе с машиной. Будто спал...

...Комната – обычное временное жильё. Кровати, тумбочки, чемоданы под кроватями. Два электрочайника на подоконнике. Стол, заставленный стаканами с чаем и тарелками с бутербродами. И вокруг стола команда. Лучшие умы, тузы, зубры, чистильщики, волкодавы, звёзды розыска... и он, непонятно, как и зачем затесавшийся в эту... стаю, пожалуй, если не свору. Вольность обращения, имена и прозвища, никаких чинов, шутки и намёки, понятные только присутствующим. И он никак не мог отнестись к этому серьёзно, не мог поверить в реальность происходящего. Потому что не понимал причины собрания и своего участия. И мешало увиденное, и услышанное у Аристова. И как всегда мешала не столько недостаточность, сколько необработанность информации.

– Не робей, капитан, – Гольцев дружески хлопает его по плечу. – Звание не главное.

– Бешеный, умерь натиск, – улыбается миловидная блондинка с майорскими погонами. Шурочка Милютина. Как о ней отозвался один из её поклонников? Очаровательная кобра? Похоже. – Садитесь, Старцев. А как вас по имени? Геннадий? Ну и отлично. Спиноза, подвинь тарелку. Геннадий, тут каждый сам за собой ухаживает. И кто не успел, тот опоздал.

– Шурочка, не обижай Костю. Он ревнивый.

– Ну и язва ты, Золотарёв. Как твои дела?

– Неделю назад ушёл последний транспорт.

– Неужели все уехали?

– Костя, из резерваций все, из городов практически все. Остались единицы, и то... метисы, полунегры.

– А интегрированные?

– Кто захотел, Спиноза, тот уехал.

– Коля, я тебя о деле спросила, про прикрытие ты кому другому расскажи. Многих выявил?

– Кое-что, Шурочка. Ты можешь язвить, сколько угодно, но...

– Но взял ты мелочь. И все они как один только стояли в наружных оцеплениях и ничего не видели.

– По их словам, Костя. И про себя врут, но охотно рассказывают правду о других. На перекрёстных элементарно ловятся. А тебе, кстати, единственную крупную добычу поднесли на блюдечке с каёмочкой. Уже разделанного и под соусом. Кушайте. И опять же, кстати, кем он был? Ковбоем! Так что я был прав. И за это, Шурочка, мне бутербродик из твоих ручек.

– Это ты про «вышеупомянутую сволочь Седрика»? – рассмеялся Спиноза. – Но тоже, кстати, Коля, он ведь не охранник, а кадровик. Канцелярская крыса, руки исключительно в чернилах.

– Однако расстрел ему обеспечен.

– Разумеется. Отдающий преступные приказы и исполняющий их равно ответственны.

– Ох, Спиноза, не повторяй прописных истин. А Седрика Петерсена, вот наглец, даже фамилию не сменил, нам преподнёс тот же Треиси.

– Спасибо, Шурочка, что напомнила, а то бы забыли, зачем собрались.

– Бредли и его команда, – усмехается Золотарёв. – Кстати, всё началось именно у Бредли.

– Это где ты стрельбой за переезд агитировал? – Шурочка распаивает глаза в столь невинном изумлении, что Гольцев фыркает прямо в стакан.

– Вы мне долго это поминать будете?

– А пока ты новую глупость не сделаешь.

Он пил, ел и слушал. Неплохие, в принципе, люди, отличные специалисты. И чего они на Бредли вызверились? Других объектов не нашли? Хотя... вся четвёрка Бредли интересна. И сами по себе, и вместе как команда. Но... но они совсем по другому ведомству должны проходить.

– О чём задумались, Гена?

– О причине этого собрания, Шурочка.

– Bravo, Старцев, а то мы всё в сторону и в сторону, – Золотарёв оглядел присутствующих. – Итак, Бредли и его люди. Кто что может о них сказать?

– А кто с ними контактировал?

– Каждый понемногу, Спиноза.

– Тогда сделаем перекличку, – Спиноза приготовил лист бумаги и ручку. – Коля, ты заварил, ты и начинай.

– Я видел троих. Бредли, Трейси и индейца, – Золотарёв аппетитно вгрызается в могучий бутерброд с колбасой.

– Так, Коля, а с кем говорил?

– С Бредли и с индейцем. А ты, Спиноза?

– Видел и можно считать говорил с Трейси и Мальцом. Индейца видел мельком. Он у меня за спиной стоял, – рассказывая, Спиноза быстро покрывал лист понятными только ему мелкими значками. – Костя?

– Видел Трейси, Мальца и индейца. Говорил... с Мальцом и Трейси. Саша?

– Чай со всей троицей у костра пил. Шурочка?

– Только видела. Бредли появлялся раза два. Саша, ты его тоже видел.

– Да, видел. Но говорил... больше всего с индейцем. Малец и Трейси только реплики подавали. Ты чего хмуришься, Гена?

– Да, в чём дело? – удивляется Новиков.

– Интересно получается, – он заставил себя улыбнуться и ответить не совсем то, о чём думал, но тоже... – Смотрите, двоих мы называем по именам, вернее, по фамилии, а двоих... одному дали прозвище: Малец. А четвёртого просто индейцем. А у них ведь тоже... есть имена.

– Д-да, – Гольцев смущённо покраснел. – Неладно получается.

– Чем это тебя не устраивает? – пожал плечами Золотарёв. – Не всё ли равно? Ну, дадим и Бредли с его подручным прозвища.

– Зачем? – сразу возразил Спиноза. – Я понимаю тебя, Старцев, ты уже во всём видишь проявление расизма, но нам надо просто знать, о ком конкретно идёт речь. И что обидного в слове индеец или малец?

– Цветные вообще зовут друг друга не по именам, а прозвищам, даже кличкам, – Шурочка подвинула Новикову стакан с чаем. – Мальца они звали Весёлым, а индейца – Певуном. Гена, а ты с кем контактировал?

– Видел всю четверку в разных ситуациях, а говорил... фактически только с Бредли.

– Ну что ж, отлично, – Золотарёв победно оглядел стол. – Суммируем. Давай, Спиноза, ты – мастер обобщать и делать выводы.

– Ладно, – Арсеньев взял чистый лист бумаги и быстро расчертил на четыре колонки. – Попробуем по старой методике. Зафиксируем и подведём итог. Итак, Бредли. Говорите. Всё, что знаете. Коля, основное у тебя?

Он сидел и следил, как по крупичам, по... отдельным словам создаются портреты Бредли, Трейси, парней. Спиноза быстро проставляет значки в колонках, помеченных латинскими буквами: *b*, *t*, *m*, *i*. Бредли, Трейси, Малец, Индеец.

– Да, – Золотарёв налил себе чаю и начал: – Бредли. Счастливчик-Джонни, игрок, счастливый игрок, болтается в этих краях уже лет десять, может чуть больше, работал управляющим, но дольше полутора-двух лет на одном месте не держался. То прёт танком, качает права, то смолчит с улыбочкой. Подозрительно дешёво и оперативно купил, сразу оформив, выморочное имение и хозяйствует в нём... неизвестно как. Единственный лендлорд, у которого нет конфликтов ни с цветными, ни с администрацией. Комиссия приезжала, нюхала, ни черта не накопила, в бумагах ажур, работники всем довольны, нарушений трудового законодательства не зафиксировано, работники за лендлорда горой, но чуть что – один ответ: «не знаем, масса».

– Запуганы?

– Трудно сказать. Приезжали дважды, без Бредли и при нём, разницы в поведении работников не отмечено. Но и ездили не оперативники, у них свои проблемы и работы выше крыши, наши им по очень дальнему боку.

– Вот и надо было самому ехать.

– Не хотелось светиться раньше времени, пришлось по отчётам.

– Ладно, – кивнул Спиноза, оглядывая заполненную колонку. – Давайте Трейси.

– Тоже известен здесь лет восемь, ковбой, стрелок каких поискать.

– Вот его и боятся.

– Непонятна его роль при Бредли.

– Ну, Петерсен его охарактеризовал, – Спиноза поправил очки. – Итак, он не Фредерик и не Трейси...

– Ежу понятно!

– Не перебивай. Давай, Спиноза, уже интереснее.

– Подлинного его имени никто не знает, вернее, если кто и знает, то только Бредли.

– Будем называть Трейси.

– Или, если хотите, как его зовут в округе – Фредди. Это уголовник-рецидивист. Примерно десять лет назад, опять же никто точно не знает, одни слухи и сплетни, он угодил в Уорринг.

– Об Уорринге слышали.

– Интересно.

– Да, безусловно.

– Вот и мотив с Ротбусом.

– Ещё раз прошу не перебивать.

– Давай, Спиноза, дальше.

– Так вот, был местной уголовной системой взят из Уорринга и стал киллером, наёмным убийцей, или, как их здесь называют, чистильщиком.

– Сволочи они, такое слово испоганили!

– Саша, успокойся.

– Вы слушаете?

– Да, давай.

– Брал он дорого, но работал чисто. Ротбус хотел заставить его работать на себя, для этого потребовал заведомо невозможную сумму: шестьсот восемьдесят тысяч...

– Да, он привёз сто семьдесят тысяч, оголил свои счета.

– Мы проверяли, Бредли их восстановил.

– На Ротбуса у него железное алиби.

– Что ещё на него?

– Председатель ковбойского суда чести.

– Ни в какие ворота не лезет.

– Почему же? Такой стрелок, кто захочет с ним связываться?

– Да, боятся его сильно.

- Имея сто семьдесят тысяч, работает ковбоем на контракте?
 - Да, контракт подлинный, оформлен по всем правилам.
 - А что, отличная крыша.
 - А формулировка... закачаешься. «Ковбой и другие хозяйственные работы».
 - Например, отстрел конкурентов и должников.
 - Значит, Бредли одного Трейси мало, и он готовит ему заместителей.
 - Ты про пастухов?
 - А кто ещё? Остальные работники, посмотри список. Трое мужчин и три женщины, две пары и двое одиночек. Но все – не бойцы.
 - Да, несомненно.
 - Имение вообще для отвода глаз, но какая-то работа там должна вестись. И вот шесть человек там копошатся, прикрывают другие дела. А пастухи, думаю, уже для серьёзных дел готовятся.
 - Хорошо. Давайте по ним пройдемся.
 - Ну, здесь тёмный лес.
 - Так, что у нас есть? Индеец, раб...
 - Да, номер есть, клейм нет.
 - Значит, не из резервации.
 - Связи с племенем, похоже, утратил.
 - Да какие к чёрту связи, когда он – спальник!
 - Ну, ты, Костя, хватил. Чтобы такое утверждать...
 - Я был у Аристовы. У него их несколько десятков...
 - Это столько выжило?!
 - Нет, подождите, я расскажу...
 - Верим-верим, что ты там всё вынюхал, но пощади нервы Шурочки.
 - Тише, интересно же.
 - А что это нам даёт?
 - Нет, дайте Косте сказать...
- ... Старцев ощутил, что ритм движения изменился, и открыл глаза. А, уже переезд. В ушах стоит гул голосов. Никогда так не уставал. А ведь тоже... интереснейшее социально-психологическое явление эта команда. Их тоже бы исследовать...
- ... Новиков говорил долго и горячо. Рассказывал, как горят спальники, как лежат неподвижно в депрессии, ко всему равнодушные и безучастные, даже едят только по приказу.
- Они инфантильны, пожалуй, даже больше остальных рабов, ласковы, привязчивы, очень чистоплотны, старательны.
 - Одни достоинства, – иронически хмыкнула Шурочка.
 - Но сексуальных потребностей у них нет. Напрочь. Импотент хочет, но не может, а они и не хотят.
 - Ладно, Костя, это всё интересно, – Гольцев с видимым отвращением отхлебнул остывшего чая. – Холодный чай – это... Ладно, Шурочка, не буду. Так вот, повторяю. Допустим, индеец – спальник. Какие у нас доказательства? Спиноза?
 - Красив, чистоплотен, старателен, физически очень силен, – перечислил Спиноза.
 - Интересно, – давал себе слово молчать, пока не спросят, но не выдержал. – Кого из присутствующих нельзя по этим критериям отнести к той же категории?
 - Меня, – сразу ответил Спиноза. – Я некрасивый, несильный и нестарательный.
- Шутка разрядила возникшую неловкость.
- Извините.

– Нет, – Гольцев внимательно смотрел на него. – Нет, Гена, ты прав, это не доказательства, а так... фуфло, шелуха. Но дело не в этом. Я начал с допущения. Допустим, что так, но что это нам даёт? – и перевёл взгляд на Новикова. – Какой вывод, Костя?

– Полная и безоговорочная преданность, – быстро ответил Новиков.

– Кому? – Гольцев пристально, даже прицельно смотрел на собеседников. – Трейси? Бредли? Мальцу? Я понимаю твою мысль, Костя. Я тоже был у Аристова. И с парнями даже пообщался.

– На массаже?

– Нет, в тренажёрном зале. Пришёл в их время. Они сначала перепугались до потери пульса, но убедились, что меня только тренажёры интересуют, и успокоились. А там слово за слово... и разговорились. Да, тому, кто помог им гореть и вылезти из депрессии, преданы они... но, кстати, это нормально и свойственно любому нормальному человеку. Благодарность за спасение. Так кто из троих фигурантов помог индейцу? Чьё слово для него теперь выше любого закона?

– Трейси, – по-прежнему быстро ответил Новиков. – А теперь я знаю, Саша, что ты хочешь сказать. Доказательств, верно, прямых нет, а косвенных...

– Только одно, – Гольцев закурил. – Убийство Ротбуса. И то... Участие индейца недоказуемо.

– Не доказано? – задумчиво и как бы вопросом поправил его Золотарёв.

– Можно и так, – пожал плечами Гольцев.

– Я думаю, Костя прав, – Спиноза поправил очки и невесело улыбнулся. – Меня индеец чуть не прирезал за Трейси. А приказа ему тот не давал, это уж точно. Не такой Трейси дурак, чтобы связываться с комендатурой. Это индеец инициативу проявлял. И если принять Костину версию, то индеец сделан. Его от Трейси не оторвать.

– Опоздали! – стукнул по столу кулаком Золотарёв. – Надо было сразу...

– Посуда ни при чём, – строго сказала Шуручка. – И сразу – это когда? Скорей всего эта встреча произошла зимой.

– Да, видимо, – кивнул Новиков. – Тогда ничего сделать уже нельзя.

– Есть ещё такая штука, – Гольцев раздавил в блюдце окурок. – Рабская клятва. Когда раб сам, подчёркиваю, сам покоряется, признаёт господство над собой. И освобождает от такой клятвы только смерть. Раба. Весьма унижительный ритуал, но... он существует и действует.

– А эта информация откуда?

– Оттуда же, Коля. Чай пили у костра, и индеец меня немного просветил.

– Думаешь, он дал клятву? Трейси?

– Не знаю, ребята. Честно. Трейси был не очень доволен тем, что парень стал рассказывать об обычаях рабства. Но это понятно. Они все здесь этой грязью помазаны. Ладно, примем это как рабочую версию. Что у нас дальше, Спиноза?

– Дальше? Малец.

Секундная пауза и... Золотарёв разводит руками, и говорят теперь остальные.

– Белый.

– Да, лет семнадцать, я думаю.

– Нет, старше, двадцать – двадцать пять.

– Хватил! Девятнадцать максимум.

– Да, то смотрится мальчишкой, то взрослым мужиком.

– Держится с цветными.

– Видимо, то, что называется «потерял расу».

– Балагур, остряк, ругатель.

– Да, не язык, а, как моя бабка говорила, помело поганое.

– Блатной.

- Ну, скажем, приклатнённый.
- И это всё? Да вы что, братцы, с этим и начинать нельзя.
- Словом, – Шурочка оглядела всех сидящих за столом, – индеец – спальник, а Малец – приклатнённый. Ну, поработали, ну, молодцы...
- Старцев, а ты чего молчишь? – Золотарёв смотрел в упор холодно-синими глазами. Да, отмолчаться не удалось. Да и не за этим тебя привезли, дали чаю и бутербродов. Пил, ел, теперь отработывай.
- А мне нечего добавить. В принципе у меня то же самое. И один вопрос.
- Какой? – оторвался от своего листа Спиноза.
- Что дальше? Вот мы сидим, собираем информацию, а... зачем? Кого и за что привлекать? Что... противозаконного они совершили? Какие претензии к ним?
- Много вопросов, – усмехнулся Гольцев. – Но все об одном. Кто ответит? Я – пас.
- Пас, – кивнул Спиноза.
- Пас, – улыбнулась Шурочка.
- Пас, – развёл руками Новиков.
- Пока пас, – вздохнул Золотарёв. – Ты выиграл, Гена.
- Как Пирр? – опять не удалось сдержаться, само выскочило.
- Как Бредли, – усмехнулся Спиноза. – Что ж, на этом надо закончить. Шулер, киллер, спальник и блатарь. Хороша компания, а уцепить не за что. Свою информацию, Гена, ты так и не дашь?
- А зачем? Вы ведь всё решили и без меня. Заранее.
- Уел, – усмехнулся Золотарёв.
- Вот, может твоя информация и переубедит нас, – ласково улыбнулась Шурочка. Спиноза принёс второй чайник, налил всем горячего чая и поставил на подоконник кипятиться опустевший.
- Давай, Гена, ты их в Бифпите неделю наблюдал.
- Хорошо. Начну всё-таки со среды. Вы говорите, Бредли – игрок. Согласен. Добавлю, все четверо. И ещё добавлю. Играют здесь все. Национальная черта характера – азарт, страсть к риску. Покер, бридж, блэк-джек, шелбаны, ну, чёт-нечет или, помните в детстве, ножницы-камень-бумага?
- Ну, понятно, помню, конечно.
- В детстве все играли, а здесь что...?
- Инфантильность? Задержка развития?
- Да нет, не думаю.
- Не мешайте. Давай, Гена.
- Так вот, у каждой социально-расовой группы свои игры. Играют все, играют мастерски. И общее – пари. На что угодно. Суммы... посильные, но могут в азарте дойти до предела своих возможностей и даже перейти. И здесь тоже есть интересная местная разновидность. И Трейси нет нужды отстреливать должников. Проигрыш отдают сами, немедленно. Никаких требований, но не отдающих долга презируют и попросту не принимают в игру, пока те не расплатятся.
- Как Бредли играет, ты видел?
- А я играл с ним.
- Гена, ты случаем в оперативники не хотел бы перейти? Я бы тебя к себе взял.
- Спасибо за приглашение, Саша, но мне моего хватает.
- Сашка, не мешай. И во что ты с ним играл?
- С ним и другими лендлордами в покер и пари держал.
- Обчистили тебя?
- Взаимно.

- Ты что, у Бредли выиграл?!
- Да, на скачках. А в картах... немного туда, немного сюда. В картах Бредли может всё. Если говорить о плутовстве, то плутуют все, но класс Бредли выше среднего уровня. И намного.
- Трейси?
- Трейси играет со старшими ковбоями в блэк-джек. Лендлорды в покер, леди в бридж...
- Это понятно. Цветные в, ты говорил, щелбаны...
- Да. Кстати, индеец считается асом, обыграть в щелбаны его невозможно, и ещё он лучший счётчик. Когда большая игра, много участников, кто-то, кому доверяют, ведёт счёт и получает часть с общего выигрыша.
- Мы отвлеклись от Трейси.
- А что Трейси? Я уже сказал. Он со старшими ковбоями играет в блэк-джек и каждый вечер сидит на игре у лендлордов телохранителем Бредли.
- Киллер?!
- Генка, тебя купили как... младенца. Телохранитель на игре – это стрёмщик, шестёрка.
- Киллер выше шулера.
- Я говорю то, что сам видел. В стрельбе Трейси виртуоз. Как Бредли в картах.
- И на ком он демонстрировал стрельбу?
- Прилюдно?! Не побоялся свидетелей?
- А это и были показательные выступления.
- Гена, у вас там что было?
- Ковбойская олимпиада. Золотое дно для научной и, если хотите, оперативной работы. Но по порядку. Говорили об играх. Итак, Трейси. Блэк-джек и пари. Тоже очень удачно. Индеец. Ас в щелбанах и ночных скачках.
- Каких?!
- Ночных. Что это, я не знаю, но цветные играют на них всю, просяживая за ночь всё с себя, залезают в долги, вплоть до месячной зарплаты. Индеец и... ещё несколько человек – признанные асы, обчистили догола всех, кто им попался. И, как вы говорите, Малец. Пари, играл очень удачно, и блэк-джек. Обчистил нашу шоферню.
- Ген, ты что?!
- Как это?!
- А просто. Пришёл к нам в гараж, сел играть с шоферами, и кто был из взвода, есть там любители, и классически их раздел. Оставил труссы и табельное оружие. Был не один, а со своим телохранителем, или, как вы сказали, стрёмщиком.
- У него-то, кто?
- Индеец. И как Трейси стреляет, так Малец управляется с ножом. Тоже сам видел.
- А чем владеет индеец?
- Ножом, как все цветные, на добротном среднем уровне. Но он первый в борьбе. Силён невероятно. И ловок. Тоже невероятно.
- И тоже сам видел?
- Конечно. И Малец не приклатнённый, а опытный битый блатарь.
- Гена, откуда у тебя эта терминология?
- От наших шоферов, Шурочка. Есть там двое. С большим опытом в данной области. Гольцев рассмеялся.
- Гена, признайся, Малец не сам пришёл.
- Да. Его пригласили по моей просьбе. Он купился. Они поиграли, понаблюдали и поделились со мной результатами. Сколько лет мы ему определили? Двадцать? А они говорят, что у парня тюремный стаж под десятку.
- Это невозможно!

- Если он из уголовной среды... – задумчиво сказала Шурочка.
- Да, этот вариант я не учёл, – кивнул Золотарёв. – Но совсем интересно получается.
- Да, – надо заканчивать. – Возвращаясь к Бредли... Здесь сказать о человеке, что он игрок... это не компрометация, а констатация факта, причём обыденного. Даже не особая примета, а так... цвет волос, не больше.
- Вся схема к чертям собачьим, – подвёл итог Спиноза.
- И ещё вопрос кто кого и куда втягивает, – усмехнулся Новиков. – Гена, что у тебя ещё есть?
- Ещё? Ну, это надо рассказывать про олимпиаду.
- А это разговор долгий, – кивнул Гольцев. – И остаётся вопрос, с которого ты начал, Гена. Зачем они нам? Так?
- Да.
- О себе. Я хочу раскопать убийство Ротбуса. Так нагло у меня из-под носа в первый раз увели. Сделано, а не уцепишь. Конечно, то, что мы знаем о Ротбусе... так за его убийство надо орден давать. И ещё. Желавших ему смерти – навалом, а никто не мог, Спиноза, помнишь, проходило? А тут смогли. И... и просто интересно. Чую, здесь много ниточек завязано.
- Гена, твоё мнение. Индеец – спальник?
- И опять не выдержал.
- Какое это имеет значение?! Их со стадами не меньше десятка пришло. Нормальные люди. Работяги все, труженики.
- И их что, не опознали?
- Какого чёрта?! Опознали, конечно. Бывший владелец Паласа хотел поправить свои дела игрой, так улепетнул, только увидев их. Все их опознали. И все, понимаете, все, от местной шпаны до почтенных леди, укрывают их от нас. Какой дурак делал перевод, хотел бы я знать. Вместо обследования поставил исследование.
- Постой, это же... ну да, analysis. Медицинский термин.
- Ну вот, и так все цветные врачей боятся, а исследование понимают здесь все опять же однозначно. Разрежут и посмотрят.
- Новиков хохотал, раскачиваясь на стуле. Не сразу, но рассмеялся и Спиноза. За ним Шурочка и Гольцев, нехотя улыбнулся Золотарёв.
- Да, лопухнулись, – Гольцев, отсмеявшись, поглядел на часы. – Жаль, но про олимпиаду в другой раз.
- Да, – кивнул Новиков. – Спинозе убирать и спать, а нам в дорогу.
- А с этой четвёркой что? – спросила, разглядывая себя в зеркальце, Шурочка.
- А ничего, – пожал плечами Золотарёв. – Собираем информацию дальше. Давай, Гена, у тебя лучше всех получается. Входи в контакт, пей, играй. Я попробую пройти по документам.
- Ты же занят лагерями. А там работы...
- Там одни бумаги, Шурочка. А работая с бумагами, можно кое-что обнаружить.
- А что, – Спиноза протирал очки, – лагерников совсем не осталось?
- Золотарёв молча мотнул головой.
- Так же думали о спальниках, – Новиков уже вставал и вдруг замер на половине движения.
- Ты что? Костя!
- Что случилось?
- Слушайте, – Новиков обводил их горящими глазами. – Лагерное убийство, песни про Хаархан, свисты... Да Малец же – лагерник!
- Тебе, Костя, не спать вредно, – засмеялся Золотарёв. – Заговариваться начинаешь.
- Лагерников расстреляли, – кивнул Спиноза.

– По бумагам и спальников всех расстреляли. А их только у Аристова больше сотни побывало, Гена вон десяток с ходу насчитал, и сколько их ещё... – Новиков резко тряхнул головой. – Нет, лагерник Малец. Или вырос при лагере.

– Охранники работали вахтовым режимом. Вырасти при лагере Малец не мог, – медленно, явно сдерживая себя, рассуждал вслух Гольцев. – А вот в лагере... Это многие нестыковки с тем же Ротбусом снимает. И ты, Коля, лагерный свист где услышал? У Бредли.

– Д-да, – кивнула Шурочка, – он же не просто блондин, он седой наполовину, и...

– И лагерная истерика, которую он тогда закатил. Демонстративно, но на полном самоконтроле. Тоже характерно.

Что уже решили расходиться, все мгновенно забыли. И этот вихрь замечаний и озарений никого не оставил в стороне.

– Да. И ещё одно, – как всегда в таких случаях мгновенно всплыло в памяти оказавшееся нужным именно сейчас. – Сам только сейчас понял и связал. Браун. Сидней Готфрид Браун.

– А! – кивнул Золотарёв. – Я его помню. Возил нас в резервацию возле имения Бредли. И что с ним такое, Гена?

– Он приехал в Бифпит. Поиграть и вообще... по делам. И прибежал к нам с повинной. Я был на совещании у мэра и только протокол читал. Так вот, явился в комендатуру и заявил, что работал в лагерной охране.

– Что?!

– Да, Коля, именно. Сам заявил, предъявил своё удостоверение. И вот что интересно. Прибежал он утром, а накануне вошли в город последние стада. В том числе и стадо Бредли с пастухами. Кого из них Браун мог так испугаться, что прибежал к нам? Хозяин Паласа, увидев спальников, сбежал из города, а Браун...

– Ты гений, Старцев! Где он? Этот Сидней, как его там?

– Не знаю, он был отправлен по инстанции.

– Найду! Но если это так... Если... из-под земли выгашу!

Глаза Золотарева горели знакомым всем присутствующим и не раз испытанным ими самими огнём «горячего» поиска. И все знали, понимали и помнили, что этот огонь надо гасить, пока в радостной горячке не натворили глупостей.

– И что? – Гольцев смотрел на Золотарёва, прицельно сощурился. – По какой статье ты его удержишь, Коля?

– Был бы человек, а статью я ему подберу, – отмахнулся Золотарёв.

– Значит, ввали бумаги? – сладко улыбнулась Шурочка. – Не всех расстреляли?

– Значит, за что-то его помиловали, – ответно и не менее сладко улыбнулся Золотарёв. – А вот это уже может быть статьёй. Во всяком случае, предметом расследования.

– Ну, бог в помощь, – иронически хмыкнул Спиноза. – Найти Брауна не проблема, раз он оформлен по всем правилам, да ещё по явке. Таких немного, не потеряется. Допросить его... Хотя... хотя, стоп. Я же тоже помню это имя. – Спиноза полуприкрыл глаза. – Сидней Готфрид Браун... охранник... Есть! – он открыл глаза и продолжил, глядя на Золотарёва с искренним сочувствием. – Кстати, не охранник, а тюремщик, привлекался к ликвидации лагерей, но сумел вовремя отделиться от коллег и потому уцелел. Его вывозили на эксгумацию одного такого рва. Место он указал точно, а когда стали вскрывать, он вдруг рванул бегом. И при попытке к бегству на месте.

Общие понимающие кивки.

– Так у кого сдали нервы? У него или... – Гольцев сделал выразительный жест.

– У наших, Саша, – кивнул Спиноза. – Больше половины трупов были дети. В лагерной робе. А он стал под протокол пересказывать инструкцию о контроле выполнения. Проще, как добивали, протыкая штырями. И штыри там же рядом лежали.

– Дети? Значит, в лагерях были дети? – Шурочка старалась говорить спокойно.

– Были-были, – небрежно ответил Золотарёв. – Вот невезуха! И как теперь выяснять, кого именно этот болван испугался? Трейси с Бредли тоже... я помню, как он о них отзывался.

– Ладно, – Спиноза стал собирать посуду. – Светает уже, – и, поглядев на Шурочку, подчёркнуто сухо, «протокольно» сказал: – на Горелом Поле дети составляли до сорока процентов от общего количества.

– Да, – кивнула Шурочка. – Я помню.

– Да, пора. Гена, подбросить тебя?

– Спасибо, Костя, я на своей.

Расходились, не договариваясь о будущей встрече. Понадобимся друг другу – найдём...

...Машина остановилась, и Старцев открыл глаза. На обочине стоял грузовичок и два ковбоя копались в моторе. Один из них выпрямился и обернулся. Старцев узнал Бредли.

Джексонвилл

Когда Эркин вернулся с дровами, Женя будила Алису, и, войдя в квартиру, он услышал:

– Эрик вправду вернулся или нет?

– Вправду-вправду, – рассмеялась Женя и окликнула его: – Эркин, покажись, а то она просыпаться не хочет.

Эркин положил дрова у плиты и повернулся, но Алиса уже вошла в кухню, протирая кулачками глаза.

– Ага! Вернулся! – она широко улыбнулась. – Mam, он вернулся!

– Тише, – Женя быстро вошла в кухню. – Ты всё забыла? Нельзя кричать. Ну-ка, быстро в уборную и умываться.

– Ты только не уходи, – Алиса сопя открыла дверь уборной.

– Не уйдёт, – Женя прихлопнула дверь уборной, так как Алиса хотела оставить её открытой, чтобы следить за Эркином, и захлопотала у плиты.

– Я сейчас достану, чего привёз.

Женя улыбнулась.

– Позавтракаем сначала. Ты же сегодня в город не пойдёшь, ведь нет?

Эркин на секунду задумался.

– В сарае разобраться надо и вообще... только, знаешь, я, наверное, уйду... после обеда, ненадолго. Я к Андрею только схожу.

– Конечно-конечно, Алиса, про зубы не забудь, – Женя, не оборачиваясь, командовала умыванием Алисы. – Эркин, захвати чайник в комнату. Не надо рукавом, вот же прихватка.

– Привык на выпасе, – улыбнулся Эркин, беря чайник.

– Эрик, а ты там чай пил?

– Алиса, шею...

Они сидели за столом. Чай, хлеб с маслом, варенье, каша... Эркин ел с неожиданным для себя аппетитом.

– Женя, так вкусно.

– Правда? – Женя засмеялась. – Это ты просто соскучился.

– По каше? – удивилась Алиса.

– И по каше, – улыбнулся Эркин.

– Поняла? Доедай быстренько.

– И будем подарки смотреть?

– Так это ты их не во сне видела?! – засмеялась Женя.

Алиса так торопилась доест кашу, что перемазалась, и была отправлена умываться вторично. Женя собрала грязную посуду.

– Сейчас уберём и... с чего начнём?

– С денег или овощей? – Эркин быстро вытряс себе в рот из чашки прилипшие ко дну ягоды от варенья и протянул чашку Жене.

– Ты б ещё пальцами залез, – Женя покачала головой, улыбкой смягчая выговор. – Ложка же есть.

– Слушаюсь, мэм. В другой раз обязательно, – счастливо улыбаясь, Эркин встал, отбирая у неё посуду. – Так овощи доставать?

– А подарки? – на пороге комнаты стояла свежеумытая Алиса.

– Подарки потом, – сразу решила Женя. – Учись ждать.

Пока Женя мыла посуду, Эркин в кладовке наскоро разобрал мешки. Здесь его куртка...

– Эркин, все вещи доставай. Я посмотрю, какое оно чистое, – заглянула в кладовку Женя.

– Хорошо. Вот... – Эркин вынес на кухню все свои мешки. – Вот. Здесь овощи, мне в имени дали. Подарили. Ларри, он на огороде работает, и Мамми. Она там на кухне и вообще... над жратвой главная.

– Над чем? – переспросила Алиса.

Эркин остановился и вдруг густо, до того, что лицо его стало коричневым, покраснел.

– Над едой, – заторопился он. – Вот. Вот кабачки, патиссоны, огурцы, кукуруза, – выкладывал он на стол подарки Ларри и Мамми. – Цветная капуста, помидоры мы съели, а там ещё картошки немного. Вот, Женя, это гостинцы, правильно?

– Правильно, – кивнула Женя, быстро обмывая огурец и вручая его Алисе.

Алиса оглядела огурец и убежала показать его Спотти и остальным.

– Эркин, ты... ты следи за языком, – тихо, но сердито сказала Женя. – Пожалуйста.

– Да-да, Женя, я понял, – так же тихо ответил он. – Прости, Женя, мы... мы там ругались легко. Я привык...

– Ну, так отвыкай. – Женя улыбнулась и уже мягче добавила: – Эта ж обезьянка всё за тобой повторяет. И за столом. Последи за собой, хорошо?

– Да-да, Женя...

У него был такое виноватое лицо, что Женя невольно потянулась к нему. Обнять, успокоить. Он порывисто ответил на её объятие.

– Вы опять? – Алиса вернулась на кухню. – А остальное?

– Сейчас, – Женя мягко высвободилась. – Овощи все?

– Да. Мало, да? Но это... нам так, подарили...

– Нет, что ты. И картошки много, Так. Кукурузу я прямо сейчас поставлю, – хлопотала Женя. – И на обед сегодня сделаю... рагу овощное, вот!

Алиса, догрызая огурец, молча стояла возле мешков Эркина, всем видом показывая, что терпение её велико, но не безгранично.

– Ты себе хоть купил что-нибудь? – Женя поставила на плиту кастрюлю с кукурузой. – Ей теперь долго вариться.

– Да, – улыбнулся Эркин. – И накопил, и... выиграл.

– Это как?

– Соревнования были. Олимпиада. Я призы получил такие, что... – конец фразы он успел проглотить. Да, язык придётся подвязать. Женя права: ругань так сама и лезет.

– Вот что, носи всё в комнату, и там посмотрим.

– И куртку?

– Конечно.

Эркин взял из кладовки свою джинсовую куртку, подхватил мешки и в сопровождении Алисы понёс всё в комнату. Тут же пришла Женя, посадила Алису на кровать и сама села рядом.

– Вот, мы теперь как зрители. Показывай.

– Вот, – смущённо улыбнулся Эркин. – Уезжал с одним мешком, а приехал с двумя.

– Правильно, – кивнула Женя. – Так и надо. Ты ж на заработки ездил, а не на гулянку. И куртка новая. Молодец, что купил.

– Я её не покупал, это приз, я на скачках четвёртым был.

– Ты в скачках участвовал? – удивилась Женя. – Ну-ка, надень, покажись.

Он надел куртку, повернулся перед ними.

– Отличная куртка, – похвалила Женя. – Тебе идёт.

Он улыбнулся, снял её и бросил на стул.

– Пояс тоже призовой, – пояснил Эркин, – за конное мастерство.

– А это что? – немедленно спросила Алиса.

– Потерпи, потом всё расскажут, – Женя обняла Алису и слегка прижала её к себе. –

Куртка, пояс... богатые призы.

– Это ещё не всё, – он торопливо рылся в мешке. Выругавшись про себя, вывалил на стол свои рубашки, нашёл многоцветную. – Вот, это тоже приз. За метание ножа. Я там шестое место занял.

– Какая нарядная! – восхитилась Женя.

– Ой, яркая какая! – засмеялась Алиса.

– Да, а вот... – Эркин дёргал застрявший ковёр. Мешал баульчик, но он не хотел доставать его раньше времени. – Вот. Я в борьбе ещё участвовал. Первое место взял. И главный приз.

Он наконец вытащил ковёр и развернул его. Взвизгнула, захлопала в ладоши Алиса, ахнула Женя.

– Ой, красота какая!

Алиса сорвалась с места, подбежала и зарылась лицом в ковёр.

– А мяконький! Ну, мама, ты пощупай какой!

– Ох, Эркин... господи, что же у вас там было? Неужели призы такие давали?!

– Olympiad, – ответил он по-английски и сразу спросил: – А по-русски как?

– Олимпиада, – пожала плечами Женя.

– Да, ковбойская олимпиада, вот. Женя, на пол положим?

– Мягкий он для пола. Ох, какая прелесть. Жалко его на пол, затопчем.

– Ну... на кровать тогда, да?

– Давай. Не велик он для кровати?

Алиса путалась у них в ногах, тёрлась лицом об угол ковра. Он покрыл всю кровать, свесился до пола и даже лёг на пол. Женя погладила мягкий ворс ладонью.

– Ну какая же прелесть, Эркин. А если... если его на стену повесить? Половина стене, а половина на кровать ляжет. Как ты думаешь?

Эркин вспомнил разговоры в Бифлите – ему тогда это же говорили – и кивнул.

– Ага, Женя. Давай так сделаем. А... а на ночь как?

– А просто, – Женя быстро подобрала свисающий край. – Вот так. Собрать, уложить к стене... он же мягкий.

– Хорошо. Его просто прибить к стене, так?

– Н-нет, надо подумать. Ладно, это потом. Давай пока... давай сложим пока пополам и вот так.

Вдвоём они застелили кровать ковром более аккуратно. Алиса скинула тапочки и немедленно залезла на кровать с ногами.

– Ну, мам, ну, я чуть-чуть, ну, он такой мяконький...

– Ладно уж, – рассмеялась Женя, – попрыгай.

– Вот, это призы, – Эркин вернулся к столу. – Остальное я всё купил.

Алиса самозабвенно кувыркалась и валялась на кровати, а Женя подошла к столу, и Эркин показал свои приобретения. Рубашки, трусы, новые джинсы на нём, носки, полотенца,

шейные платки, мыло, остатки чая в жестянке, рюкзак, бумажник... Женя одобрила все покупки.

– Ты молодец, Эркин, теперь ещё на зиму...

– Нет, у меня всё есть. А теперь... – Эркин запустил руку в мешок, нащупывая пакет. –

Вот. Это тебе, Женя.

Женя как-то нерешительно взяла блестящий, переливающийся золотом пакет, повертела в руках, разглядывая эмблему.

– Монро? Эркин, это от Монро?

– Да. Это тебе.

– Это же дорого, Эркин, безумно дорого. Что это, Эркин? – Женя никак не могла подцепить заклеивающую край пакета бумажную печатку с эмблемой Монро. – Ну, что это? – чуть ли не со слезами в голосе повторила она.

Пакет наконец раскрылся, и золотая шаль скользнула ей на руки, стремительно разворачиваясь.

– Ой, Эркин, – замирающим голосом сказала Женя, подхватывая падающее на пол золото. – Это же... это...

– Это тебе, Женя, – повторил Эркин, не зная, что ещё он должен сказать.

Наконец Женя справилась с выскальзывающим из рук шёлком, накинула шаль на плечи. Оглядела себя и пошла к стоящему на комодe зеркалу.

– Мам, ты вся золотая, – сказала сидящая на кровати Алиса.

– Господи, Эркин, – выдохнула Женя, – господи, у меня в жизни такого не было.

– Тебе... нравится?

– Ты ещё спрашиваешь?! – немедленно возмутилась Женя. – Да я о таком и мечтать не смела! Господи!!! – она порывисто повернулась к Эркину так, что концы шали взлетели, едва не задев показавшегося вдруг низким потолка, обняла и поцеловала в щёку. – Эркин я ж таких подарков никогда, да вообще, Эркин... ну что ты молчишь, Эркин?

– Я... я на тебя смотрю, – наконец выдохнул он.

Женя метнулась обратно к зеркалу, встала боком, вскинула голову. Эркин смотрел на неё, окутанную золотым переливающимся шёлком с длинной, ниже колен, тоже золотой бахромой, на гордо вскинутую голову с уложенными на затылке в узел тёмными, а сейчас будто подсвеченными этим золотом волосами. Переступив, Женя оказалась в солнечном луче, и шаль так заблестела на солнце, что Эркин даже зажмурился на мгновение. Даже Алиса замолчала, глядя на Женю.

Не отводя глаз от Жени, Эркин нащупал в глубине мешка пакет с баульчиком, но не решался нарушить тишину.

– Спасибо, Эркин, милый, – Женя медленно шагнула к нему и опять обняла за шею, поцеловала, нет, просто прижалась губами к его щеке.

– Мам, а за подарок дважды целуют?

– Сколько захочешь, – рассмеялась Женя, отпуская Эркина. – Теперь Алисе, да?

– Да, – кивнул Эркин, доставая пакет.

Взвизгнув, Алиса ринулась с кровати к столу.

– Тоже от Монро? – изумилась Женя. – Что это? Алиса, осторожно, не рви, сейчас открою.

– Сундучок! – ахнула Алиса. – И бабочка!

– Баульчик, – поправила Женя. – Как он открывается? Эркин?

– Под бабочкой... замочек...

Алиса залезла на стул с ногами, навалилась животом на стол. Наконец Женя, всё ещё в шали, несмотря на Алисину помощь справилась с замочком и раскрыла баульчик. Алиса даже не завизжала: настолько была потрясена.

– Мам, что это? Для чего оно?

– Это, – Эркин откашлялся, у него вдруг запершило в горле. – Это, мне сказали, для рукоделия. Ну шить, вышивать... Для девочки... Правильно?

– Господи, Эркин, ну конечно... Я о таком слышала, даже мечтала в детстве. Алиса, не хватай так. Это напёрсток, ой, и крючки для вязания, и челночок, Алиса, с иголками осторожней. Это ж не тряпочки, ой, даже узор нанесён. Вот вышьешь, и будет у тебя платочек нарядный. И ножницы, и тесьма... Алиса! Ты куда с ногами на стол?!

– Спасибо говорить! – Алиса встала на стол, оказавшись выше Эркина, и стала его целовать. В одну щёку, в другую и опять... – Вот, мама два раза, а я четыре, – при этом она самым бесцеремонным образом крутила ему голову.

– Эркин,ними её и шлёпни, – очень строго сказала Женя. – Разошлась совсем.

Эркин снял Алису со стола и поставил на пол, но шлёпнуть...

– Мам, он тебя тоже наполовину слушается, – заявила Алиса. – Как и я!

И тут же получила два шлепка от Жени.

– Вот и получи полностью!

– Ага, – согласилась Алиса. – Мам, а теперь дай мне его. Я его смотреть буду.

– Баульчик? Только аккуратно.

– Знаю, – кивнула Алиса, принимая на руки баульчик, и понесла его к своей табуретке, бросив через плечо: – Вы тут займитесь чем-нибудь, не мешайте мне.

– Ишь, раскомандовалась! – рассмеялась Женя. – Эркин, что с тобой?

Эркин сидел за столом и раскачивался, закрыв лицо скомканной рубашкой. Услышав Женю, он поднял на неё мокрые глаза и, опустив рубашку, с трудом выговорил:

– Я... смеяться тихо... отвык. Вот и пришлось...

– Представляю, – Женя пригладила ему взъерошенные волосы, поправила прядь на лбу. – Спасибо, Эркин. Такие подарки... дорогие, наверное.

– Нет, это не из заработка, – заторопился Эркин. – Что за работу заплатили и премию, я привёз. Вот.

Он протянул Жене тряпочный аккуратный свёрток.

– Здесь две тысячи, Женя.

– Сколько? – недоверчиво переспросила она.

– Две тысячи.

Она медлила, и он, небрежно сдвинув на угол стола свои вещи, при этом несколько рубашек и что-то из белья упало на пол, развернул свёрток и стал выкладывать перед Женей радужные кредитки.

– Вот, это четвертные, за работу, зарплата называется. Двести пятьдесят я ещё перед отъездом получил, тогда ещё отдал тебе, двести пятьдесят в Бифпите, когда пригнали бычков, и двести пятьдесят в имении под расчёт. У меня вычетов не было, вот, пятьсот. А сотенными – это премия, тысяча пятьсот за привес, я не понял, как это высчитывается, там проценты какие-то, но вот столько дали. Всего две тысячи. Правильно? И вот ещё, – он достал из куртки бумажник. – Вот, я там играл, в щелбаны, на спор держал. Призовые деньги, ну, что на олимпиаде давали, я все потратил, и ели мы, вот, осталось, двести семь ещё... Вот, Женя.

– Господи, Эркин, – Женя как-то недоверчиво рассматривала денежные россыпи, – это же сумасшедшие деньги! Я столько сразу даже не видела никогда, – она подняла голову и посмотрела на него, тёмного от загара и смущения, на его глаза... – Спасибо, Эркин, милый. Как же ты устал, наверное.

– Нет, нет, Женя. В Бифпите последняя неделя... ну, там работы уже не было почти. Так, с лошадьми только. А в имении три дня уже так, дурака валяли, а не работали.

– Ну, ты это только говоришь, – Женя медленно, очень аккуратно собрала четвертные и сотенные кредитки, сложила их пачкой.

– Возьми и эти, – он показал на мелкие кредитки из бумажника.

– Нет, – Женя строго покачала головой. – Ты же взрослый мужчина, ты не можешь ходить без денег. Тебе надо поесть, надо... ну, мало ли чего надо. Ты вот к Андрею пойдёшь... Нет, это оставь себе, – и улыбнулась. – На текущие расходы, – и, так как он медлил, не брал деньги, тихо сказала: – Я помню, отец маме всю зарплату отдавал, но у него всегда оставались... его деньги, для себя, понимаешь? Это – на хозяйство, вечером сядем и решим, как их тратить, а это... это твои. Понимаешь?

Эркин кивнул и взял деньги, сложил их в бумажник. Женя подошла к комоду, но пачка оказалась слишком толстой для шкатулки, пришлось взять тряпку, в которой их хранил Эркин, и так, тряпочным свёртком положить прямо в ящик.

– Вечером разберу.

– Да, – он спрятал бумажник, сгрёб свои вещи. – Пойду, разложу всё.

– Ой, кукуруза! – ахнула Женя и метнулась на кухню, но тут же вернулась, сняла шаль и бережно положила её на кровать. – Вот, пусть пока здесь.

Алиса, ничего вокруг не замечая, рассматривала свой баульчик, ведя оживлённую беседу с ним и с остальными игрушками. Эркин пошёл в кладовку и стал разбираться с вещами. Рубашки, трусы, носки, портянки... Рубашек много набирается, и ещё тенниска, штаны... это у него сколько выходит? На нём, старые и рабские, с ума сойти, носи не хочу. Носки длинные под сапоги. Так, полотенца, мыло. Кружка, миска, ложка... пусть в мешке лежат. Куртка рабская... На гвоздь её, пусть висит. Фляга... в мешок, комок тряпочный для шитья... туда же, жестянка с чаем...

– Женя, у меня чай вот остался, возьми.

– Поставь в шкаф, на полку, у меня руки мокрые, – Женя чистила картошку. – Может, ляжешь, поспишь ещё?

– Нет, что ты, – он улыбнулся, глядя на неё. – Совсем спать не хочу. Я в сарай пойду, посмотрю, что там.

Женя подняла на него глаза, улыбнулась. Он подошёл к ней, встал рядом, и она на мгновение положила голову к нему на плечо, прижалась щекой и тут же выпрямилась. Эркин успел коснуться губами её волос и с трудом заставил себя отойти и побежать вниз, привычным – сам удивился, что помнит – движением сдёрнув с гвоздя ключ от сарая.

На дороге

– Чего это у них, капитан?

– Посмотрим, – Старцев открыл дверцу и вышел из машины.

Вытирая руки ветошью, Джонатан смотрел на него с весёлым удивлением.

– Доброе утро, капитан. Рано встаёте.

– Доброе утро, Бредли. Вы тоже, смотрите, не залёживаетесь.

Фредди, бросив на них короткий взгляд, продолжал копаться в моторе. Шофёр подошёл к нему, посмотрел, и через мгновение они уже трудились вдвоём, объясняясь на русско-английской смеси жестов, ругательств и терминов.

– Когда люди заняты общим делом, – улыбнулся Старцев, – они всегда договорятся.

– Да, – Джонатан вытер руки и положил ветошь на подножку. – Я бы хотел поговорить с вами, капитан.

– Пожалуйста, – кивнул Старцев. – Есть проблемы?

– Да. Я нуждаюсь в юридической консультации.

– Я не юрист, – с искренним сожалением сказал Старцев, – но всё, что в моих силах... пожалуйста.

Они стояли между машинами. Фредди и сержант, дружно уткнув головы и плечи под крышку капота, чем-то звякали и гроыхали. Старцев озабоченно оглядел дорогу.

– Загородили мы... Хотите горячего чая, Бредли? За чаем и поговорим.

– Благодарю.

Они сели в машину и Старцев отогнал её на обочину. Достал термос и пластиковые стаканчики.

– Держите. Сейчас бутерброды найду.

Чай вместо кофе и открытые бутерброды вместо сэндвичей не вызвали у Джонатана ни малейшего удивления. По крайней мере, внешне.

– Спасибо. Я не такой уж знаток чая, но... но мне нравится.

Старцев улыбнулся.

– На здоровье. Слушаю вас.

– Первая проблема. Меня интересуют законы о находках, кладах и тому подобном.

Старцев кивнул.

– Собственник земли является и собственником найденного на его земле и в земле. Если вы имеете в виду месторождения, жилы, самородки.

– Понятно. А клады?

– С кладом, по-моему, обстоит так же. Но... нет, знаете, я проверю, там есть нюансы. Не хочу давать информацию, в которой не уверен.

Джонатан кивнул, отхлебнул чаю. Капитан, похоже, тоже не спал ночью. Ну, у каждого своя игра.

– Со вторым сложнее, – рано он начинает этот разговор, надо было бы сначала самому поговорить с парнями, при такой передаче они Эркину, Эркин Фредди, Фредди ему, что-то несомненно выпало, но и упускать такой шанс тоже нельзя. – Несколько парней, капитан, хотят открыть массажное заведение. Насколько это реально?

– Массажное заведение?! – Старцев и не пытался скрыть удивления. – Они что же, знают это? Или собираются нанимать? Массажистов.

– Я ещё не говорил с ними, – честно признался Джонатан. – Но, насколько я знаю, они собираются работать сами.

– И они цветные, – улыбнулся Старцев. – Я прав?

Джонатан кивнул, и Старцев задумчиво продолжил:

– Что ж, это, конечно, реально. Проблема, как я понимаю, не в деньгах. Деньги даёте вы. Проблема... в документах, так? Ведь ни дипломов, ни патентов у них нет. И, как я догадываюсь, у них вообще из документов только полученные у нас справки. С ещё непросохшими чернилами.

– С вами легко говорить, – Джонатан допил чай и с улыбкой вернул стаканчик Старцеву. – Вы очень быстро всё понимаете. Всё так.

– Хозяином этого заведения будете числиться вы?

– Я ещё не говорил с ними, – повторил Джонатан. – Не знаю их условий. Но хотел бы... инвестором.

Старцев вдруг посмотрел на грузовик, улыбнулся и движением головы привлёк внимание Джонатана. Тот посмотрел и увидел. Крышка капота уже опущена, а Фредди и шофёр, сидя на подножке, пьют кофе из термоса с сэндвичами. Старцев смеялся негромко, но с таким искренним удовольствием, что Джонатан также рассмеялся.

– Есть шанс решить и эту проблему. Как вы знаете, многие бывшие рабы имеют специальность, но не имеют диплома. Мы открыли несколько центров, где желающие сдают нечто вроде экзаменов и получают свидетельства о наличии практических квалификационных навыков. На основании этого свидетельства можно получить патент на право самостоятельной деятельности. Всё хорошо, так? – Джонатан настороженно кивнул. – Кроме одной детали. Про-

фессия массажиста не входит в номенклатуру центра. Для медиков и приравненных к ним предусмотрены совсем иные процедуры, – их глаза встретились, и Старцев улыбнулся. – Но, я думаю, шанс есть. И опять, но. Я должен...

– ...с ними встретиться и поговорить, – понимающе закончил фразу Джонатан.

– Да. Разумеется, после вас.

– Конечно. И тогда уже к вам. Мы должны прийти вместе?

– Как хотите. А по первой проблеме... думаю, буду готов завтра.

– Хорошо. Как к вам пройти?

– Скажете часовому у входа, что ко мне. Он укажет мой кабинет. А обычно я в седьмом.

– И во сколько?

– Мы начинаем приём в девять. Вот с девяти и до часу.

– Отлично. Спасибо, капитан.

– Пока ещё не за что, – улыбнулся Старцев. – Скажите, Бредли, а почему вы так заинтересованы в этих парнях? Вас действительно так волнует помещение капитала?

– Мои друзья просили помочь им, – спокойно ответил Джонатан. – А благотворительностью я не занимаюсь.

– Но они, видимо, и не хотят... благотворительности, так?

– Скорее всего. Я не знаю ещё, насколько это серьёзно. Может, я и зря побеспокоил вас с этой проблемой.

– Может, – кивнул Старцев. – Но знаете, Бредли, даже если вы сочтёте это невыгодным, откажетесь от инвестирования, всё равно, пусть зайдут ко мне. Я хочу, чтобы они использовали свой шанс.

– Хорошо, – согласился Джонатан. – Я скажу им. Обязательно.

Они понимающе улыбнулись друг другу. Старцев убрал термос.

– Проблема послевоенного трудоустройства, – Старцев говорил, как бы про себя, – включает несколько компонентов, зачастую противоположных. Обилие рабочих рук и одновременно нехватка специалистов. Имеющиеся, доведённые до автоматизма, военные навыки не нужны, а нужные отсутствуют. Неквалифицированный труд, и, следовательно, люмпенизация таких работников. И неизбежное в этих условиях разрастание криминальной среды. Прибавьте к этому конфликты между воевавшими и остававшимися в тылу.

– Да, – кивнул Джонатан. – Возвращение пленных уже создаёт определённые проблемы. А... у вас?

– У нас проблем с возвращающимися из плена нет, – Старцев смотрел не на собеседника, а прямо перед собой, но тут повернулся к Джонатану. – Они все расстреляны. Вы ведь знаете, что Империя напоследок уничтожила все лагеря и всех узников, лагеря пленных в том числе.

Джонатан не отвёл глаз.

– Я слышал об этом.

– Часть... ликвидаторов была впоследствии уничтожена, часть... затаилась, прячутся. Они многое дадут, чтобы избавиться от возможных свидетелей.

– А свидетели... есть?

Старцев смотрел ему прямо в глаза.

– Нет деяния без свидетелей. К сожалению, или к счастью, но это так.

– Резонно, – кивнул Джонатан. – Но свидетель, да ещё нежелательный...

– Вы правы, Бредли. Закон, что молчит только мёртвый, а лучший тайник – это костёр, соблюдается всеми преступниками. Особенно, если они уже знают, что проиграли. Один... из ликвидаторов, кстати, в немалых чинах, считал, что ими была допущена только одна ошибка. Они не сожгли трупы. И пока живы ликвидаторы... Но они очень рассчитывают на то, что свидетелей нет. Появление свидетеля приводит их, – Старцев усмехнулся, – в шоковое состояние. Когда бегут куда глаза глядят и ищут защиты у кого попало.

Джонатан кивнул. Вот, значит, что с Брауном, ну да, он же... ах, чёрт, значит, увидев Эндрю... узнал... нет, чёрт, нельзя об этом сейчас...

Старцев, глядя в сторону, позволил Джонатану привести в порядок мысли и лицо.

– Спасибо, – Джонатан сумел справиться с голосом. – Спасибо, капитан.

– Не стоит благодарности, – улыбнулся Старцев. – Эта информация не секретна. И к тому же даже не информация, а так... рассуждения.

Джонатан кивнул.

– Ну что ж, – Старцев с улыбкой поглядел на Фредди и шофёра. – Кажется, они уже устали нас ждать.

– Да, – ответно улыбнулся Джонатан. – Завтра с утра я буду у вас.

– Удачи вам, Бредли.

– И вам удачи, капитан.

Они обменялись рукопожатием, и Джонатан вылез из машины. Фредди и шофёр закончили свою беседу, обменявшись на прощание сигаретными пачками, и шофёр побежал к машине, а Фредди поднялся в кабину грузовичка. Когда Джонатан сел рядом с ним, машина Старцева уже тронулась. Пропустив её вперёд, Фредди мягко включил мотор и не спеша, очень плавно стронул с места.

– И поломка бывает удачной, Джонни, так?

– Да, удачно получилось.

– Но, когда в следующий раз будешь что-то совершенствовать... позови меня.

– Две головы лучше?

– Наверное, – пожал плечами Фредди. – Если позвать ещё этого русского, то как раз две головы и получится.

– А себя ты не считаешь? – удивился Джонатан.

Фредди рассмеялся.

– Молодец, лендлорд. Ну, что ты вынул из капитана?

– Завтра с девяти до часу я получу информацию по обеим проблемам. И кажется, с ним можно играть честно.

– С властями играть честно – это проигрывать, Джонни.

– Играть надо наверняка. Но... но он действительно хочет помочь. И ничего не потребовал с меня за информацию.

– Он же даст её только завтра, – усмехнулся Фредди. – Завтра скажет и цену.

– Кое-что он дал уже сейчас. Браун узнал Эндрю и с перепугу побежал сдаваться.

– Фью-ю! – присвистнул Фредди. – Да, это уже ценно.

– Эндрю – нежелательный свидетель для всей недобитой сволочи из ведомства моего тёзки.

– Чёрт, – Фредди зло выплюнул окурочек и тут же закурил следующую. – Об этом я не подумал. Но чтобы сейчас в Эндрю признать... это ж какой наметанный глаз надо иметь, Джонни, а? Что же он наболтал русским?

– Не знаю. И не спрашивал. Это трогать вообще опасно. Были расстреляны и все пленные. Трогать эту тему... это нарываться, Фредди.

– Да, чёрт. И что делать?

– Джексонвилл – тихий город, может, и обойдётся. До Рождества.

– А к Рождеству мы приедем, – кивнул Фредди. – Думаю, даже чуть раньше. Двадцатого...

– Да! – Джонатан порывисто повернулся к Фредди. – Двадцатого же годовщина освобождения, цветные начнут праздновать и...

– И непременно взорвётся раньше. Ты прав, Джонни. Но до декабря, я думаю, ничего не будет.

- Думаю, да, – Джонатан откинулся опять на спинку. – А как тебе русский шофёр?
– Толковый парень. Если б ещё язык знал...
– Как вы объяснились? Ты ж в русском...
– Хуже, чем он в английском, – ухмыльнулся Фредди. – Но мы поняли друг друга. Думаю, мы в Бифпите ещё встретимся.
– Завязываешь позиционные бои на русском фронте? Сначала девчонка из комендатуры, теперь шофёр...
– Пока готовлю позиции, Джонни. А бои... там посмотрим.

Джексонвилл

До обеда Эркин провозился в сарае. Женя успела израсходовать все заготовленные им тонкие поленья и лучинки. Значит, всё-таки он пробыл дольше, чем рассчитывал. Или она топила плиту чаще, или... а не всё ли равно? Сейчас-то... в момент наладит. Эркин заново наточил топор, перебрал инструменты и занялся дровами. Смотрят? Ну и пусть. Он снимает койку с работой. Всё путём. Везде так. В Бифпите, да и на перегоне он наслушался рассказов про то, как кто устроился с жильём. Койка с работой – неплохо, но бывает и получше. Вот так и вот так. Это сделано. Теперь... а смотри-ка, и солнце вроде вовсю, и топором машешь, а рубашку чего-то неохота снимать. Значит, и в самом деле осень началась.

Вышла во двор Алиса – Женя всё-таки оторвала её от баульчика и отправила гулять с наказом не подходить к Эркину, не разговаривать с ним и вообще помалкивать – покрутилась, краем глаза Эркин видел, что она вроде подошла к другим детям, но быстро ушла из круга, посидела на крыльце с куклой и убежала домой.

Он закончил работу, всё убрал, закрыл сарай и привычно, будто и не уезжал, глядя себе под ноги, пошёл к дому, поднялся по лестнице, открыл верхнюю дверь.

– Как раз вовремя, – Женя обернулась на стук двери. – Сейчас обедать будем.

Он хотел было сказать, что это ленч, но тут же вспомнил, что по-русски обедают днём. Он переобулся в кладовке, вымыл руки и прошёл в комнату.

Стол уже накрыт, Алиса сидит на месте и крутится, то и дело оглядываясь на свой баульчик, стоящий у табуретки с игрушками.

– Алиса, не вертись, – Женя разложила по тарелкам нарезанные кружочками и чуть присолённые огурцы. – И не руками. Вилка есть. Эркин, а кто вам готовил?

– Мы сами. На костре варили. Ну, а в Бифпите завтракали в гостинице, а остальное... где придётся. В номере запрещено готовить.

– Понятно. А что вы варили?

Он улыбнулся.

– Варёво. Ну, вроде каши. Крупу зальём водой и на костре оставим. Потом мяса копчёного нарежем туда, ещё раз прогреем и всё. Лепёшки себе пекли. Кофе варили.

– Большое хозяйство, – засмеялась Женя. – Продукты вам как...?

– Продукты раз в неделю привозили. На перегоне Фредди покупал, кормовые деньги у старшего ковбоя. А котелки, кофейник, сковородку, решётку, ну, вообще всё... это нам выдали. Потом мы сдавали. У нас хорошо, ничего не пропало, не поломалось, вот и без вычетов обошлось.

– Ну, понятно. Алиса доедай. Сейчас я суп принесу.

Он дёрнулся помочь, но Женя быстро собрала тарелки, убежала с ними на кухню и вернулась с кастрюлей.

– Эркин, глубокие тарелки поставь. Алиса, осторожней. Суп овощной, – и рассмеялась, – но с мясом. Алиса не вылавливай, всё подряд ешь. Эркин, так вы три месяца одно это варёво и ели? А овощи? Неужели и картошки не было?

– Нет, – он ел, чувствуя, как от горячего супа расходятся по телу тёплые волны. – Но мы... щавель собирали и варили. Ягоды...

– Ягоды варили? – изумилась Алиса.

– Заваривали. Заливали кипятком и пили, когда настоится. Малину, барбарис, – он невольно улыбнулся. – Потом вначале были такие маленькие ягоды. Красные. В траве на солнечном склоне. Листики маленькие с зубринками, а цветы белые.

– Земляника, – догадалась Женя. – Ну, хорошо, а то летом и без зелени... Так и цингу заработать можно.

– Что? – не понял Эркин.

– Цинга. Болезнь такая. Зубы шатаются и выпадают. Это когда без солнца, без зелени...

Он невольно зябко передёрнул плечами, представив такое, но встретился глазами с Женей и улыбнулся.

– Тебе нравится? Вкусно?

– Да, Женя, очень. Никогда такого не ел.

– А в Бифпите? Вы там куда-то есть ходили?

– Да. Но там суп тоже... вроде варева. Вкусно, сытно. Но у тебя лучше.

– Спасибо, – рассмеялась Женя. – Я старалась. Алиса, сядь прямо.

– В Бифпите у нас два ужина было... нас угощали. Фредди ковбойским, а Джонатан королевским.

– Как интересно! Сейчас второе принесу. Эркин, ты тарелки захвати.

– Я лучше кастрюлю возьму, – встал он из-за стола.

– Не обожжёшься?

Это опасение так насмешило его, что он действительно чуть не обжёгся.

Овощное рагу оказалось просто смесью нарезанных и тушёных овощей. Похожее, только с сыром и ещё чем-то, было на «королевском» ужине.

– Тебе нравится? Положить ещё?

– Да, очень. Спасибо, Женя.

– Ну, так что это были за ужины?

– Ковбойский – это когда мы в Бифпит пришли. Пригнали стадо и поехали в гостиницу. «Белый лев» называется. Ну, вот вечером в номере и ужинали. Яичница, – Эркин показал, – вот, с мою ладонь толщиной.

– А такая бывает? – удивилась Алиса.

– Значит, бывает, – улыбнулась Женя. – Это ж сколько яиц ушло?

– Потом нам сказали, что сорок.

– Сорок яиц?! А вас сколько?

– Четверо.

– По десять яиц на человека?! С ума сойти! А сковорода же какая?

– Нормальная, – пожал он плечами. – Вот такая. И не просто яичница, а с беконом.

– Ага, знаю, – кивнула Женя. – А к яичнице что?

– Хлеб с маслом, – Эркин улыбался воспоминаниям. – Масло не мазали, а ста... срезали и клали на хлеб. Ещё кофе и яблочный пирог. Тоже вот по такому куску. И ещё коньяк был.

– Ого! Даже коньяк, – засмеялась Женя. – Обойдёшься компотом?

– Конечно, обойдусь, – подхватил он шутку.

Компот был ещё тёплым, сразу кислым и сладким. Он с наслаждением выпил и, поймав краем глаза строгое выражение лица Жени, взял ложечку и выбрал сладкую мякоть.

– Это яблоки. Я купила вчера.

– Очень вкусно. Знаешь, мы там один раз груш нарвали, дичка, – она с улыбкой понимающе кивнула, – и стали компот варить. Весь сахар извели, а он кислый-кислый. Еле выпили. Не выливать же, раз столько сахара ушло.

Женя рассмеялась и встала.

– Алиса, умойся и спать.

– Ага, – переполненная впечатлениями, переживаниями и обедом, Алиса, сонно моргая, слезла со стула и пошла в уборную.

Эркин с улыбкой снизу вверх смотрел на Женю.

– Так вкусно всё. Никогда такого не ел. Спасибо большое.

– На здоровье. Ты...

– Я в город сейчас. Схожу к Андрею. Ну, и на завтра договориться надо.

– Хорошо, – Женя поставила обратно на стол тарелки и подошла к комоду, порылась в вазочке, где хранила мелочь, и повернулась к нему. – Вот, возьми.

Эркин встал и подошёл к ней.

– Что это, Женя?

– Ключи. Я в Гатрингс ездила, заказала там. Это от калитки, это от нижней двери, а этот, жёлтый от верхней. Чтобы тебе не стучать и не ждать меня... Вот, держи.

Он нерешительно взял проволочное кольцо с тремя ключами, смутно ощущая, что это имеет второй, скрытый пока от него смысл.

Женя улыбнулась, сама сжала его ладонь с ключами в кулак и нарочито строго сказала:

– Смотри, не потеряй.

Он улыбнулся, показывая, что понял шутку.

– Я пойду, да?

– Иди, конечно.

Вернулась Алиса. Она явно спала на ходу, но, столкнувшись с Эркином, ухватилась за него.

– Не уходи. Мама, не пускай его.

– Я вернусь.

– Он вернётся, – Женя оторвала Алису от Эркина. – Ложись спать.

– Да-а, – Алиса открыла глаза и шмыгнула носом. – В тот раз он тоже обещал...

– Так он и вернулся, – Женя обняла её и стала раздевать. – Слишком много всего, устала, моя звёздочка. Иди, Эркин, я уложу её.

Он кивнул и вышел. Взял в кладовке джинсовую куртку, обулся. Пожалуй, все деньги брать с собой не стоит. Он достал бумажник. Справки... пусть лежат. А деньги... Две десятки и семь мелочью, а остальное... Он вынул их из бумажника, огляделся... Взял шейный платок, завернул в него деньги и подсунул под стопку рубашек. Всё равно здесь никто по-ковбойски не ходит. Ключи в другой внутренний карман и застегнуть. Ну, всё.

Когда он вышел из кладовки, Женя мыла посуду и улыбнулась, встретившись с ним глазами.

– Заснула.

– Я, наверное, в темноте уже приду.

– Конечно, – кивнула Женя. – А я тоже прилягу сейчас. Ты просто захлопни двери. И калитку.

– Хорошо.

Эркин ещё раз посмотрел на неё и вышел, плотно без стука прихлопывая за собой дверь.

На дороге

– Ну как, сержант, поговорили? – Старцев с интересом посмотрел на водителя.

– Поговорили, капитан. По-русски он, конечно, ни в зуб ногой, но, – водитель усмехнулся, – свой своего всегда поймёт. Дельный мужик. Рукастый и с головой.

– Понравился он тебе, значит?

– А чего ж нет, капитан? Война-то кончилась. Жить надо. А с таким... с таким дело иметь можно.

Старцев кивнул. Да, что Бредли, что Трейси умеют расположить к себе, избегают явных конфликтов... разумеется, в интересах дела, своего дела. Конечно, контракт Трейси – это просто бумага. Их отношения намного сложнее. Не исключено, что наедине ведущим становится Трейси, а Бредли у него ведомым. Но на людях... Лендлорд и его ковбой. Игрок и его телохранитель. А какова роль Бредли, когда Трейси – киллер? Посредник на переговорах? Мозговой центр? Не исключено. Но это настолько слаженная система, что парни не нужны. И не станет Бредли для... уголовных дел брать исполнителей со стороны. Они и сами со всем таким справятся. Но парни составляют свою систему. Таковую же? Нет, там другие отношения, чем-то схожие, но другие. Итак, две пары. Шулер и киллер, спальник и лагерник. Интересно... Но парней в городе уже нет. Исчезли. Получили справки и... на следующий день их уже не видели. И ведь всё логично, всё обоснованно. Ладно. До Бифпита надо поспать. Бредли подкинул работёнку. Клады. Что он нашёл в своём имени, что ему понадобилось законодательство по кладам? Или он что-то из выигрышей хочет выдать за клад? Интересный ход. Он ведь интересуется камнями, а там... там возможны очень разные нюансы. И с парнями этими, массажистами... Наверняка спальники. Откуда у Бредли с ними связь? Через индейца? Другого варианта нет. На что рассчитывает Бредли? Зачем ему это нужно? «Мои друзья просили помочь им». Ладно, посмотрим, а пока – спать.

Джексонвилл

Джексонвилл субботним вечером немногочислен. Эркин шёл быстро, как-то заново оглядывая знакомые улицы. Да, после Бифпита... там цветных не то что больше, но держались те иначе. Здесь нарвёшься там, где в Бифпите и не посмотрели бы на такую мелочь. Ладно, завтра в Цветной пойдём, всё узнаем.

Подходя к дому Андрея, он замедлил шаг, но сверху раздался знакомый свист. Эркин поднял голову и увидел: Андрей латал крышу.

– Подваливай! – и призывный жест.

Эркин вошёл в сад и по лестнице поднялся к Андрею.

– Я знал, что придёшь, – Андрей говорил камерным шёпотом.

Эркин улыбнулся и кивнул.

– Ну, как у тебя? Нормально?

– Да. С дровами в сарае разобрался.

– Я тоже. Крышу вот попортило за лето, надо же сделать. Хоть и без работы снимаю, а всё-таки...

– Ну, понятно, – Эркин прижимал жестяной лист, пока Андрей закреплял его. – А то на тебя же и лить будет, – добавил он невинным тоном.

Андрей подозрительно посмотрел на него, но промолчал.

– Завтра в Цветной пойдём.

– Дело. Посмотрим, кто цел. Слушай, а бутылки мало будет.

– На халяву всегда мало. Посмотрим. Всех денег с собой не таскай.

– Ты что? – Андрей даже молоток опустил на мгновение. – Охренел? Или меня за фраера держишь?

– А язык подвязать не хочешь?

Андрей загнал очередной гвоздь, пристукнул его для верности и вздохнул.

– Это ты верно. Отвык я таиться.

– Я тоже, – невесело усмехнулся Эркин. – Я вот шёл к тебе... В Бифпите легче было.

Андрей кивнул и улыбнулся.

- Там мы временно были, вот и не напрягались. А здесь...
- Здесь надо наперёд думать, – закончил за него Эркин. – Этот край подбей.
- Ага. Надо будет гудрона достать, залить, а то всё равно потом течь даст.

Эркин пожал плечами. Здесь Андрей знает лучше. Молча они доделали крышу. Вышла хозяйка, посмотрела на них и, что-то тихо ворча, ушла в дом. Вернулась спустя несколько минут и поставила на стол в углу террасы кувшин с молоком, два стакана и тарелку с хлебом. И ушла, ворча уже чуть громче про оглоедов и охламонов.

- Во, – рассмеялся Андрей, – как начала вчера, так и не останавливается.
- Ну, так и ты... – усмехнулся Эркин.
- А что, конечно, ослабнуть заводу не даю, подкручиваю. Пошли, полопаем.
- Ага.

Они слезли с крыши, Андрей собрал в ящик инструменты и унёс его в дом, бросив через плечо:

- Садись, я мигом.
- А руки...?
- А! Вон висит.

Рукомойник – такой же, как у Жени – висел на столбе в другом углу террасы. И так же под ним ведро для грязной воды. Пока Эркин мыл руки, вернулся Андрей с новеньким, купленным в Бифпите полотенцем.

– Мыло, смотрю, тоже твоё лежит.

– А только я и пользуюсь. У неё свой умывальник на кухне. Я как пришёл, так и умылся сразу.

- И зимой так будешь?
- Зима здесь мягкая, не разорвёт его.
- Чего? – удивился Эркин, вытирая руки.
- Не знаешь? – удивился его удивлению Андрей. – Ладно, поедим и расскажем.

Они не спеша спокойно пили молоко, заедая его чёрным, «русским», как его назвал про себя Эркин, ноздреватым хлебом.

– Соскучился я по такому хлебу, ну, чёрному, – Андрей умудрялся говорить и есть одновременно. – Ну и, сгонял с утра на Мейн-стрит, знаешь, там от кондитерской через три налево, дом...

- Они что, тоже пристройку сделали?

– Нет, просто окошко сбоку. Постучишь, дашь деньги, и тебе, – Андрей невесело усмехнулся, – выкинут. Ну вот, когда мороз сильный, вода льдом делается, и льдом её больше. Если закрыто со всех сторон, разорвать может. Ну, тесно ей станет, понимаешь?

- Понимаю, но... не видел и не слышал даже.
- Слышать-то я слышал, – кивнул Андрей, – но... мне это ещё в школе рассказывали.

Посмотрим. А то к себе в комнату заберу.

- У тебя комната своя?!

– Выгородка. Фанерка с дверкой. Тогда, помнишь, шухер пошёл. Я и сделал себе. На всякий случай. Ладно, крышу мы сделали. Давай дрова, что ли? А то она купила, так и лежат. Брёвнышки.

- Давай, – кивнул Эркин. – До темноты успеем?
- А то нет.

Они допили молоко, встали из-за стола, и Андрей повёл вокруг дома на задний двор, где возле сарая лежали толстые в человеческий рост брёвна. Козлы, пила и топоры были уже наготове.

- А не пришёл бы я? – Эркин снял куртку и закатал рукава ковбойки.
- А что? Могло и такое быть? – усмехнулся Андрей, укрепляя козлы, чтоб не шатались.

– Уел, – Эркин очень похоже передал интонацию Джонатана, так что Андрей засмеялся в голос, и засмеялся сам. – Ну, берись.

Они положили на козлы бревно, и Андрей завёл пилу.

– Пошёл?

– Пошёл, – кивнул Эркин, привычно берясь за ручку.

Бифпит

Возле Бифпита они опять поменялись местами. Как всегда, не останавливая машину.

– Высадишь меня на въезде, Джонни. И я пойду искать парней.

– Ты их знаешь?

– Эркин сказал, что они знают меня. Да и видел я их. В Мышеловке и на олимпиаде.

– Мне долго пришлось учиться различать негров в лицо. Смотри, Фредди...

– Смотрю, – кивнул Фредди. – Слишком большой банк, чтобы играть не глядя. Ты в «Приме»?

– Я оставил номер за собой. Дорого, но... надёжно.

– Угу. Стоп, Джонни. К Цветному здесь ближе. Поболтаюсь на границе. Думаю, меня окликнут.

Выйдя из машины, Фредди дал грузовичку скрыться за углом и не спеша, не совсем прогулочной, но и не деловой походкой пошёл в обход Цветного квартала. День солнечный, но уже чувствуется осень. Народу на улицах заметно меньше. Пастухи и ковбои, получив под расчёт и погуляв напоследок, покинули город, а оставшиеся стали как-то незаметнее. Да, хорошо придумал СтARR с олимпиадой и балом. В три дня выплеснулось всё, что раньше тянулось неделю, а то и дольше. Спустили пар и всё. Ковбой, когда не в загуле и не при стаде, существо мирное и почти безобидное. Если его не трогают и не задевают.

Фредди почувствовал на спине чей-то взгляд и остановился, отворачиваясь от ветра и закуривая. И увидел их. Трёх парней в чистых ковбойках и рабских штанах, аккуратно заправленных в рабские сапоги. Негр, мулат и трёхкровка. Да, те самые, что в Мышеловке и на олимпиаде... Сами не начнут, вежливые, черти. Ну, поехали.

– Поговорим, парни?

Они переглянулись.

– Да, сэр, – ответил за всех мулат.

– Хорошо, – кивнул Фредди. – Где сядем, чтоб ни глаз, ни ушей лишних не было?

– Сюда, сэр, – предложил мулат. – Здесь не помешают.

В Бифпите можно найти что угодно. И тихое место для если не тайного, но очень конфиденциального разговора тоже. За отдельную плату. Фредди знал несколько таких мест, но предоставил инициативу парням. И не ошибся. Они тоже готовились к разговору.

Задняя комната одного из множества питейных заведений Бифпита с отдельным входом. Незнающий не зайдёт, а нежелательный не выйдет. Стол со стульями, окна если и есть, то всегда плотно занавешены, лампа на столе или под потолком и всё. А больше ничего и не надо.

Они расселись, и Фредди положил на стол пачку сигарет, предлагая закурить. Парни вежливо отказались. Секундная пауза, как всегда в начале серьёзного разговора. Фредди ждал.

– Певун говорил с вами, сэр? – начал мулат.

– Говорил, – кивнул Фредди. – Но я хочу выслушать вас. Что вы скажете.

Они снова переглянулись. Фредди невозмутимо ждал. До сих пор говорил мулат, но сейчас слово взял самый старший из них, негр.

– Сэр, мы хотим открыть своё дело. Делать массаж людям. За деньги. И жить на это. Это возможно, сэр?

– Возможно, – кивнул Фредди.

– Но у нас нет денег, сэр. Мы, все трое, получили под расчёт за выпас и перегон. Мы можем на них прожить...

– До Рождества, если покупать только еду, – тихо сказал трёхкровка.

– Да, но, чтобы начать дело, этого мало, – кивнул мулат. – Мы стали думать, сколько и чего нам надо...

– И вы просите денег, – очень серьёзно сказал Фредди.

– Мы выплатим, сэр, – быстро ответил трёхкровка, – постепенно, не сразу, но мы всё выплатим.

– Не всё так просто, парень, – покачал головой Фредди. – Дело вы задумали стоящее, сразу говорю. Но сделать его непросто. Нужен патент, разрешение. А для этого нужен диплом. Знаете, что это?

Они переглянулись и угрюмо помотали головами.

– Это официальный документ, что вы знаете и умеете, – объяснил Фредди.

– Значит, что, грузчиками на бойню? – спросил трёхкровка. – Откуда мы такую бумагу возьмём?

– Не спеши, – Фредди усмехнулся. – Слышал я такую фразу. Не умирай до расстрела.

Понял?

Трёхкровка нехотя улыбнулся.

– Ну вот, один я такое дело не вытяну. Поэтому, если хотите, надо поговорить с Джона-таном Бредли. Вы его знаете?

– Да, – кивнул негр. – Это... ваш лендлорд. Хорошо, сэр. Он... он согласен помочь нам?

– Он будет говорить с вами. А насчёт согласия... сумеете его убедить, что на вас можно рассчитывать...

– Что для этого нужно, сэр? Чтобы он поверил нам.

Фредди незаметно усмехнулся. Что ж, парни должны понравиться Джонни. Но надо предупредить их заранее.

– Так просто денег никто не даст. Если я даю деньги, я рассчитываю, что мне будет от этого какая-то выгода. Понятно? – он подождал их кивков и продолжил: – В этом нет ничего обидного, это общее правило.

– Мы знаем, – вздохнул мулат.

– Значит, сэр, мы должны доказать, что от нас, от нашего дела будет выгода, так? – спросил негр.

– Так, – кивнул Фредди. – Все вопросы с дипломом и патентом надо решать в комендатуре. Чтобы идти туда и просить за вас, мы должны быть уверены... что не фуфлю это, не болтовня, а дело. Так что, парни, хотите довести дело до конца – готовьтесь. И Бредли, и в комендатуре, и... не знаю, что ещё понадобится, но вам придётся объяснять и доказывать. Не хотите... ну, будем считать, что разговора не было.

– Из игры с полкруга не выходят, – резко сказал трёхкровка.

– Не спеши, – остановил его Фредди. – Думайте, решайте, как это у вас устроено будет, что для этого нужно...

– Когда мы сможем поговорить с... мистером Бредли, сэр? – спросил негр.

Фредди поглядел на часы, мысленно прикинул их день.

– Сегодня часов в пять. Устроит?

– Да, сэр. Мистер Бредли сможет прийти сюда?

– Да.

– Спасибо, сэр, – негр встал, показывая окончание разговора. За ним поднялись остальные. – Мы будем здесь в пять часов, сэр.

Обменявшись вежливыми кивками, все вышли.

Фредди ушёл первым, не оглядываясь. Незачем. Кто из них и как расплачивается с хозяином комнаты и договаривается на пять часов... это их проблема. В разговоре заинтересованы они, им и обеспечивать место для беседы. Так, теперь в «Приму», немного поспать. Джонни пока занят своим. В пять с парнями и вечером как обычно. Ну а ночь... по заведённому порядку. В комендатуру завтра. Джонни здорово рассчитывает на капитана. Ну что ж... Капитан, похоже, не из тех, что виляют и пакостят исподтишка.

Джексовилл

Хорошо, когда инструмент подогнан по руке. И вообще... сделан. Сэмми за инструментом совсем не следит. А у Андрея что пила, что топор, что колун... да за что ни возмись... в порядке. Легко работать. Попилили, покололи, сложили, снова пилим.

– Купила дрова, называется, – ворчал на суковатое бревно Андрей. – Говорил ей. Берёза дорогая, да жаркая, хоть не зазя уродуешься. А тут... И мороки столько, и толку... Как специально суковатых набрала. Да за такую работу...

– Ну и купил бы сам.

– Ни хрена! – шёпотом возмутился Андрей. – Я деньги даю, а остальное – не моя забота, а её печаль.

– Колоть-то тебе приходится, – усмехнулся Эркин.

– Поязви мне тут! Ещё раз такие купит – пусть со стороны нанимает. Но чтоб со своим инструментом приходили.

– Инструмент – великое дело, – согласился Эркин.

– Понял наконец. Ну, ещё три бревна и всё.

– За один заход сделаем.

– Ну не до темноты же возиться.

Они по привычке говорили камерным шёпотом. И зная, что подслушать их невозможно, говорили по-русски. Свободно, практически не затрудняясь в подборе слов.

В сумерках они закончили и уже убрали козлы и инструмент в сарай, когда опять появилась хозяйка Андрея.

– Вам что, приглашение по почте посылать нужно?! Или последние мозги из вас выбило?!

– И чего разоралась? – спокойно спросил Андрей, незаметно подмигивая Эркину.

– А то тебе повылазило, что темно уже?! Я стараюсь, кручусь, а он ещё зубы скалит! Лопать идите сей же секунд, пока сковороду на тебя не вывернула!

– Я крышу в другой раз твоим языком перекрывать буду. Аж в два слоя получится.

– Чтоб ты свой поганый язык откусил и подавился им!

Эркин с трудом сохранял безучастное выражение лица. Под эту перебранку они вымыли руки и сели за стол на террасе. Большая сковородка жареной картошки на деревянном кружке, нарезанный толстыми ломтями хлеб... Они уже ели, когда старуха пришла опять и грохнула на стол чайник и две кружки.

– А заварку заначила? – спросил Андрей с набитым ртом.

– Чтоб тебе на голову, что ты другим желаешь! Лопай и заткнись. У меня не сто рук. Ухаживаешь за ним как за лордом каким, а он пасть свою разявит и тебя же...

Не прерываясь ни на секунду, она принесла маленький чайник и тарелку с крупно нарезанным пирогом.

– Ишь, выпендрёжник, от кофе нос воротит, чай ему подавай как лорду, а был шпаной и есть шпана...

– А другой и близко к твоей халупе не подойдёт, – Андрей налил себе чаю.

– Да кто б ещё пустил тебя подзаборника... Душно ему на кухне вишь ли, тоже... принц Уэльский! – и она ушла, хлопнув дверь.

– Духота у неё в кухне страшная, – пояснил Андрей Эркину, засовывая в рот полкуса пирога. – Как потеплело, я стол этот сбил и здесь ем. Говорил ей, давай, дескать, форточку сделаю, не кухня, а душегубка, – и камерным шёпотом: – Газовая камера, ну, газом там травили насмерть, – и опять в полный голос по-английски. – Так нет, холодно ей всё.

– Потому ты ангору и выбрал? – шёпотом спросил Эркин.

Андрей, покраснев, кивнул.

– Понравилось ей?

– Н-ну! Вон, – Андрей ухмыльнулся. – Пирог спекла. Ладно. Завтра в Цветной с утра?

– В самую рань не стоит. Дрыхнут ещё все. Давай как на День Матери.

– Дело, – кивнул Андрей.

Пока ели, стало совсем темно. Эркин встал из-за стола, застегнул куртку. И совсем тихо, так что Андрей еле слышал, сказал:

– Мои тоже понравились. И шаль, и баульчик.

Андрей молча мягко хлопнул его по плечу.

– Ну, бывай.

– До завтра, – кивнул Андрей. – Бывай.

Бифпит

Когда без трёх минут пять Фредди и Джонатан подошли к условленному месту, их встретил трёхкровка, поздоровался кивком и провёл в ту же комнату. Негр и мулат были уже там.

Джонатан остался верен себе и начал с представления:

– Джонатан Бредли, лендлорд.

И Фредди невольно про себя восхитился тому, насколько естественно, без натуги было сказано. И ответ парней поразил его такой же естественностью, этим умением мгновенно подстраиваться под собеседника:

– Роберт Слайдер.

– Метьюз Слайдер.

– Найджел Слайдер.

Они представились по старшинству, и негр по праву старшего повёл разговор:

– Добрый вечер, сэр. Благодарим за честь, оказанную нам вашим согласием на беседу.

«И куда ты, ковбой, к лордам лезешь?» – сказал себе Фредди, усаживаясь рядом с Джонатаном. Взгляд Джонатана заставил его представиться полностью:

– Фредерик Трейси.

– Я слушаю вас, – благожелательно улыбнулся Джонатан.

– Сэр, вам, наверное, известно, что мы, трое, хотим начать своё дело. Массажное заведение. Мы все умеем это. Нам нужна ссуда и некоторая организационная помощь.

Сохраняя на лице вежливо-внимательное выражение, Джонатан под столом восторженно подтолкнул Фредди и получил такой же незаметный ответный пинок, а негр продолжал:

– Мы позволили себе обратиться к вам за помощью, потому что знаем о вашей добросовестности и надёжности в делах. И мы рассчитываем на вашу помощь и добрые советы. Со своей стороны, мы обещаем, что вся ссуда будет вам выплачена в разумные сроки и с определённой нашим договором прибылью.

Если речь и была срепетирована и придумана совместно, то говорилась она с такой естественной непринуждённостью, будто парень всю свою жизнь вёл подобные переговоры. Впечатление, правда, несколько портили выступившие на лбу капли пота.

– Благодарю за столь лестный отзыв, – начал ответную речь Джонатан. – Но представляете ли вы размеры ссуды и всю сложность организационного периода? Я верю, что вы хорошие массажисты, но собственное дело требует от человека полной самоотдачи. Существуют раз-

личные места, где требуются массажисты, это спортивные центры и клубы, госпитали... Работа массажиста хорошо оплачивается. Вы можете зарабатывать большие деньги, не связываясь со всеми проблемами самостоятельного дела.

Негр вежливо кивнул. Мулат и трёхкровка сидели рядом, не вмешиваясь, но слушая очень внимательно, и явно готовые в любой момент прийти на помощь своему старшему... судя по общей фамилии, брату.

– Да, сэр, вы, разумеется, правы.

Негр смотрел прямо в глаза, не опуская ресниц, длинных и пушистых как... как у остальных, как у Эркина – успел подумать Джонатан.

– Мы обсуждали этот... эту возможность. Но, сэр, мы хотим работать не на кого-то, а на себя. Мы не хотим зависеть от хозяина... от нанимателя, от его желаний и его соображений. Мы потому и обратились к вам, что сознаём всю сложность задуманного дела.

– Я должен быть уверен, что вы не бросите дело на полдороге, что я получу обратно свои деньги. И прибыль.

– Вы можете быть уверены, сэр, – негр позволил себе еле заметно улыбнуться. – Мы привыкли любое дело доводить до конца.

Все улыбнулись, показывая, что поняли тактично намеченную шутку.

– Хорошо, – кивнул Джонатан. – Уверены ли вы, что дело будет доходно, что у вас будут клиенты?

– Сэр, те, кому мы делали массаж, остались довольны, – вступил в разговор мулат. – И хотели повторения.

– У вас уже были... клиенты? – удивился Джонатан.

– Да, сэр, – мулат взглядом спросил разрешения у негра и, когда тот кивнул, продолжил: – Это наш старший ковбой. Он очень... страдал. От радикулита. Потому и пил. Мы как-то сделали ему массаж. Ему помогло, сэр.

– И он бросил пить? – улыбнулся Джонатан.

– Нет, сэр, – не выдержал трёхкровка. – Теперь он пил от радости, что ничего не болит. Фредди с удовольствием расхотелся. Засмеялись и остальные.

– Если массажем можно снимать радикулит, – стал серьёзным Фредди, – то вы правы, клиентура у вас будет. Все ковбой ваши.

– Мы рассчитываем и на это, сэр, – снова заговорил негр.

– Хорошо, мы согласны, – кивнул Джонатан. – С чего вы думаете начать? С ссуды?

Они быстро переглянулись, и негр медленно покачал головой.

– Нет, сэр. Нам... мы узнали, что нужно разрешение на такую работу. Диплом и патент, так? – Джонатан и Фредди кивнули. – Пока нет этих документов, деньги не нужны, сэр.

– Вы правы, – Джонатан радостно улыбнулся. – Начинать надо с этого. А как думаете дальше?

– Если у нас будут... – и тут же поправил себя, – Когда у нас будут необходимые документы, надо будет выбрать город, купить или нанять там дом, оборудовать его...

– Стоп, – остановил его Джонатан. – Вы не хотите остаться здесь?

– Бифпит – маленький город, сэр, мы не наберём столько клиентов, а ковбой... они же приходят в город раз в год на две недели, ну, на месяц. За месяц мы не нарботаем на весь год.

– Резонно, – кивнул Джонатан. – Я согласен с вами. Значит, начинаем с документов. Для этого надо обратиться в комендатуру. Сможете ли вы завтра подойти к комендатуре, скажем, в полдень? Я к этому времени наведу необходимые справки.

– Да, сэр.

– Спасибо, сэр.

– А о нашем соглашении будем говорить, когда решится вопрос с документами, так?

– Да, сэр, так.

Они одновременно встали, и Джонатан очень естественно протянул негру руку. Удивлённый взгляд, секундная заминка, и рукопожатие вышло естественным. Потом Джонатан обменялся рукопожатиями с остальными. За ним так же попрощался с парнями и Фредди.

Джонатан и Фредди ушли первыми: всё-таки нежелательно, чтобы их видели всех вместе. Когда они отошли достаточно далеко, Фредди усмехнулся.

– Если бы переговоры о капитуляции, – кивнул Джонатан, – вёл этот парень, условия были бы куда легче.

– Легче для кого, Джонни?

– Ты прав. Ну что ж, на парней можно ставить. Завтра к капитану в одиннадцать. Часа на предварительный разговор хватит.

– Должно хватить, – кивнул Фредди.

Джексовилл

Эркин шёл быстро, почти бежал. Обещал Жене, что ненадолго, а сам... Женя вчера так и не помылась, а вода, дрова... всё бросил, убежал. Но ведь не мог он не сходить к Андрею. За лето так привык, что Андрей всегда рядом... Кроссовки мягко стучали по земле. В сапогах так не побегаешь. Джексовилл – не Бифпит, до утра не гуляет, если не соваться на Мейн-стрит и в богатые кварталы рядом, то тебя никто и не увидит. Ну, вот и поворот, калитка... Он осторожно тронул её ладонью. Заперто. Медленно Эркин расстегнул куртку и вынул из внутреннего кармана ключи, нашёл на ощупь нужный, вставил в скважину. Ключ повернулся с тихим шелчком. Эркин даже не услышал, а почувствовал его. Войдя, закрыл и запер калитку. Несколько шагов, и он у двери. И снова ищет ключ, нащупывает скважину, вставляет, открывает дверь... Он пришёл домой, это его дом, у него ключи от дома. Только сейчас до Эркина стало доходить то, что смутно ощутилось днём, когда Женя отдала ему ключи. Так же тщательно и тихо он запер за собой дверь и поднялся по лестнице. Верхняя дверь тоже закрыта. И снова, всё снова. Он вошёл в крохотную прихожую, запер за собой дверь и тщательно вытер ноги о расстеленную у двери тряпку.

– Эркин? – позвал его из кухни голос Жени.

– Да, – откликнулся он внезапно севшим голосом.

– Подожди в комнате, я сейчас.

Значит, она моется.

– Хорошо.

Эркин вошёл в комнату. На столе ровно горит лампа, окна занавешены... И тут на него обрушилась Алиса.

– Ага, вернулся! – она с размаху ткнулась в его ноги. – А мама на кухне. Мы тут спали-спали, а потом полдничали, а потом я гуляла, а тебя всё не было, а ты работал, да?

– Да, – кивнул он. – Работал.

Она потащила его за руку к своей табуретке.

Когда Женя вошла в комнату, закручивая в узел мокрые волосы, они изучали баульчик. Алиса показывала Эркину крючки, челночки, ножнички, тесьму, платочки с узорами... Эркин рассматривал всё это с таким живым интересом, что Женя умилилась, любясь ими. Почувствовав на себе взгляд Жени, он поднял голову и обернулся к ней. Женя улыбнулась.

– Мыться будешь? Тогда иди, пока плита тёплая.

– Ну-у-у... – обиженно протянула Алиса. – А мы ещё не всё посмотрели.

– Потом, – утешила её Женя. – Сегодня не последний день.

– Ладно, – вздохнула Алиса. – А ты мне считаешь?

– Считаю, – кивнула Женя. – Эркин, иди мойся, и ужинать будем.

Он встал, осторожно, чтобы не задеть ненароком, перешагнул через рассыпанные на полу игрушки и пошёл на кухню.

Красный свет от плиты, корыто, ведро. Жаркий, наполненный паром и запахом мыла воздух. Он быстро разделся в кладовке. Рубашка, трусы, носки – всё в ведро с грязным и залить тёплой водой, да, взять полотенце, мочалку, мыло... ещё у Роулинга покупал, обмылок остался, ну, на сегодня ему хватит, в корыто тёплой воды и ещё в ковше, чтобы облиться потом. Ну вот... А, для головы ещё... ну, вот теперь всё. Он сел в корыто, намочил и намылил голову. Ух, хорошо как! Не сравнить с душем. Там просторно, конечно, а здесь зато...

– Давай солью тебе.

– Женя? Ты?

– А кто ж ещё!

Женины руки теребят, перебирают его волосы. Тёплая мыльная вода течёт по лицу, шее. Он, проморгавшись, открывает глаза.

– Ага, спасибо.

– Сиди. Я тебе спину потру.

Он упирается лбом в согнутые колени, чтобы ей было удобнее, и только побряхтывает. Мочалка – прав Андрей – совсем мягкая стала, надо бы новую.

– Ну вот, – Женя удовлетворённо выпрямляется, и он ждёт её обычной фразы, что вот теперь он по-настоящему краснокожий, но она молчит, и он поднимает на неё глаза с немым вопросом. Женя улыбается. – Тёрла, тёрла тебя, а ты всё коричневый.

– Это я загорел. На выпасе, ну, когда там без рубашки ходил.

Он мягко выдёргивает у неё из руки мочалку, намыливает заново и начинает растирать себе плечи и грудь. Обычно она уходила, а он вставал и домывался стоя, но сейчас Женя почему-то всё стоит рядом.

– Ты чего? Женя?

– Смотрю на тебя. Я так давно тебя не видела.

Эркин улыбается.

– Меня смотреть не пускаешь, а сама... – говорит он нарочито обиженным голосом и довольно ухмыляется, услышав её смех.

Женя шутливо шлёпнула его по шее и ушла. Эркин осторожно, чтобы не наплескать на пол, встал, растёр себе живот и ноги и облился из ковша чуть тёплой водой. Остыла, пока мылся. Он вышел из корыта, вытерся новеньким – ни разу ещё не брал – полотенцем и повесил его сохнуть на верёвку рядом с полотенцем Жени. Теперь аккуратно воду в лохань, корыто ополоснуть и на место, пол подтереть, а то всё-таки наплескал, размахался, как в душевой, а здесь осторожно надо. Ну вот, тряпку к плите и пусть сохнет, руки ещё разок ополоснуть у раковины и одеться. В кладовке он прямо на голое тело натянул свои старые рабские штаны, слежавшиеся за лето и пахнущие так, как пахнут старые чистые, но давно не надевавшиеся вещи. Повертел в руках тенниску. Маленькая какая-то стала. Ну-ка, попробуем. К его изумлению, она налезла, туго обтянув плечи и грудь. Ну... да, шлёпанцы. Он сложил джинсы. Завтра в них пойдёт. Рубашка, трусы, ну, у него теперь этого добра завались, есть что надеть.

Когда он вошёл в комнату, Женя читала Алисе и, увидев его, улыбнулась:

– Я уж думала, ты утонул там, нет и нет. Сейчас ужинать будем.

Она чмокнула Алису в щёку.

– Завтра с этого места и продолжим, – вскочила и закрутилась в так знакомом ему вихре множества одновременных дел.

И вот они уже сидят за столом. Дымится в чашках чай, влажно блестит тёплая варёная кукуруза, которую, к полному восторгу Алисы, едят руками, обгрызая початок и обмакивая его в подсоленное масло. Ровно, без копоти и треска, горит лампа, за плотно задёрнутыми шторами шумит в деревьях ночной ветер.

- Я боялась, она не налезет на тебя, села сильно.
- Это пока я не шевелюсь. Рукой махну – лопнет.
- Вот и будешь её дома носить. А зимой для тепла поддевать.
- У меня куртка тёплая.

Алиса занята выгрызанием на початке узора и только время от времени вскидывает на Эркина глаза, словно проверяет: не пропал ли он куда.

- Мне на зиму ничего не нужно, Женя. Одежды... на три года хватит.
- Ну, это ты хватил! – фыркает Женя. – На три года! Я ещё сапоги твои не смотрела.

Выдержат они зиму?

– Выдержат, – кивает Эркин. – Сапоги, как и куртку, на три года дают, а это вторая зима будет.

- Как дают? – не поняла Женя.
- Ну, рабам. Это ж рабские сапоги.
- Вот и купишь себе нормальные ботинки, – сердито говорит Женя. – И пальто на зиму.
- Для работы куртка удобнее. И сапоги, – он глотает горячий чай, с наслаждением ощущая разливающееся по телу тепло. – Я себе в Бифпите столько всего накопил. Мне надолго хватит.

– А почему Бифпит? – влезает Алиса.

– Не знаю, – пожимает он плечами. – Называется так город.

– Смешно, – заявляет Алиса и утыкается лицом в чашку за что тут же получает от Жени шлепок между лопатками. – Мам, а конфеты? Я утром ещё их видела.

Женя смеётся и достаёт три «ковбойских» конфеты.

– Ковбойские конфеты, – улыбается Эркин.

– Их ковбои делают? – изумляется Алиса.

Эркин не выдерживает и смеётся.

– Нет, ковбои их любят, – смеётся Женя. – Так, Эркин?

– Да, – кивает он. – Это мы себе там покупали и вот... остались.

Алиса гоняла во рту конфету, стуча ею о зубы.

– Не грызи, а соси, – улыбнулась Женя. – Дольше хватит.

Эркин на секунду замер, едва не поперхнувшись чаем. Но... но это же совсем другие слова. И голос. И... и всё, всё другое.

– Алиса, допивай.

– У меня ещё конфета не кончилась, – возразила Алиса.

Женя вздохнула.

– Опять ведь за столом заснёшь.

– Ага-а, – вразяжку согласилась Алиса.

– Ладно, сиди уж, – Женя встала, собирая посуду. – Сейчас с деньгами разбираться будем.

Эркин дёрнулся было встать, но Женя качнула головой, и он остался сидеть, положив руки на стол. Не усталость, нет, не мог он устать от такой работы, что ему пару часов помахать топором, нет, что-то другое не давало ему шевелиться. Какое-то глубокое спокойствие, почти оцепенение охватило его. Он ничего не хотел. Вот так сидеть и слушать ветер за окнами и позвякивание посуды на кухне, и смотреть на Алису, что никак не может доесть конфету, потому что то и дело достаёт её изо рта, смотрит на свет и засовывает обратно.

В комнату вернулась Женя, на ходу вытирая руки полотенцем.

– А-ли-са!

Алиса посмотрела на неё снизу вверх, вздохнула, слезла со стула и, недовольно сопя, поплелась на кухню. Но с полдороги вернулась, вытащила изо рта конфету и протянула её Жене.

– На, – и со вздохом: – Утром доем.

Женя улыбаясь кивнула, завернула остаток в фантик и положила на стол.

– Хорошо, пусть лежит до утра.

Эркин улыбнулся, но позы не изменил и сидел так, пока Женя укладывала Алису. Но вот Алиса уже в постели, укрыта одеялом, Женя поцеловала её в щёку со словами: «Спи, маленькая», – и вернулась к столу, посмотрела на Эркина.

– Устал? Налить ещё чаю?

Он покачал головой.

– Нет, просто... – Эркин смущённо улыбнулся. – Просто так хорошо, что шевелиться неохота. Бывает так?

– Бывает, – кивнула Женя и пригладила ему влажно торчащие на макушке пряди. Он поймал её руку, прижал к себе, поцеловал в ладонь. – Ох, Эркин, как я ждала тебя. Как я боялась за тебя.

Он снизу вверх смотрел на неё. Женя наклонилась, поцеловала его в щёку рядом со шрамом и нарочито строго спросила:

– Мы делом займёмся?

– Давай, – Эркин обхватил её обеими руками и посадил к себе на колени.

– Эркин, надо с деньгами разобраться.

– Ах, это-о! – он изобразил разочарование и разжал объятия.

Женя тихо рассмеялась и встала. Выложила на стол свёрток с деньгами, поставила шкапулку.

– Вот, смотри, – и тут же рассмеялась. – Нет, я даже не знаю, чего с такой кучей денег делать.

– Я тоже, – улыбнулся Эркин.

– Ну ладно, – Женя села за стол и развернула свёрток. – Давай так... – и задумалась.

Эркин терпеливо ждал. Женя тряхнула головой и решительно взялась за пачки купюр.

– Я всегда сразу откладываю на квартиру. А если уплатить заранее до Рождества? Чтоб об этом уже не думать и свободно тратить остальное. А до Рождества – это... за сентябрь я оплатила. Октябрь, ноябрь, декабрь. Три месяца. Это... нет, отложим побольше, вдруг он опять поднимет плату.

– Он – это кто?

– Хозяин, – Женя оторвалась от денег и посмотрела на него. – Я же только снимаю. Эту квартиру и сарай. И плачу больше всех во дворе.

– Почему? У них дома, у тебя квартира, так?

– Так, – Женя вздохнула. – Из-за Алисы. Она же незаконная и «недоказанная», да и я к тому же «условная». Хорошо ещё, что пустили.

Эркин как от удара перехватил ртом воздух. А Женя продолжала раскладывать деньги. На дрова, на керосин, на еду. И такая большая, такая толстая пачка таяла, рассыпалась на маленькие. И что же... ничего не останется?! Женя подняла на него глаза и улыбнулась.

– Ты что, Эркин?

Он кивком показал на деньги.

– Дрова, еда, керосин, квартира... И больше ничего?

– Кабы не есть, так в золоте ходили бы, – вздохнула Женя и строго добавила: – На еде не экономят. Понимаешь, Эркин, получается, что на всё это у нас деньги есть. И что это значит? – она улыбнулась.

– Что? – подыграл он.

– Что заработок можно спокойно тратить. Покупать вещи, из еды что повкуснее.

Эркин кивнул и медленно, словно пробуя слова на вкус, сказал:

– Я думал, ты купишь чего-нибудь себе. И Алисе. Я думал, это, – он кивком показал на деньги, – много.

– Конечно, много, – сразу поняла его Женя. – И вот теперь до самого Рождества я всю зарплату могу тратить. На жизнь-то деньги есть.

Он неуверенно кивнул.

– А... до Рождества долго?

– Столько, сколько ты был на заработках, и ещё две недели.

Эркин улыбнулся.

– Теперь понял. Действительно здорово. Женя, я работать буду, на еду хватит. Ты сразу себе купи. И Алисе.

Женя вздохнула.

– Хорошо бы. Но... посмотрим. Для начала я за квартиру заплачу. И дрова куплю.

– Бери не пиленные. Так дешевле, а мы с Андреем всё сделаем.

– Хорошо, – кивнула Женя. – И смотри. Это то, что осталось. Что уже можно тратить.

Эркин смерил взглядом стопку кредиток и вздохнул.

– Мало.

– Это же сотенные, – улыбнулась Женя. – Почти тысяча. Вот увидишь, как теперь всё будет.

Она, как всегда, аккуратно обернула пачки бумажными ленточками с надписями и убрала часть в шкатулку, а часть в комод.

– Вот видишь сколько. Даже в шкатулку не влезает, – Женя подошла к нему, и Эркин сразу встал.

Женя обняла его, прижалась и тут же не то, что отстранилась, а просто встала рядом, положив руки ему на плечи и очень мягко, очень плавно погладила. Эркин наклонился и поцеловал её в щёку. Она сама подставила губы, но тут же отвернулась и прижалась щекой к его груди. Эркин обнимал её, не понимая и не желая ничего понимать. Женя плакала. А он не знал, что делать. Она плакала тихо, даже не вздрагивая, и только тенниска на его груди намочала от её слёз.

Наконец Женя успокоилась и снова подняла к нему мокрое, но уже улыбающееся лицо.

– Ох, Эркин, как же я... как же ты... – она запуталась и засмеялась.

– Я не понял, – признался он.

– И не надо, – рассмеялась Женя. – Поздно уже.

– Ты устала? – спохватился он. – Женя, да?

– Немного, – она смущённо улыбнулась. – И тебе надо поспать как следует.

– Да, – бездумно согласился он.

И всё решив, они никак не могли оторваться друг от друга. Стояли обнявшись, словно боялись упасть без этой поддержки.

Тетрадь двадцать девятая

Графство Олби

Округ Бифпит

Фредди ждал Джонатана в баре напротив «Примы». В одиннадцать они должны быть в комендатуре, а уже скоро десять. В двенадцать парни будут у комендатуры. Фредди с отвращением отхлебнул безвкусного кофе. В комендатуру надо идти трезвым, вот и пьёшь кофе. Поганое это дело – власть. И иметь с ней дело... от властей подальше – целее будешь. Но надо. Ну, почему так погано всё устроено. А поганее всего был вчерашний вечер. Ну, надо же было затесаться в такую паскудную компанию...

...Игра шла нормально. Играли каждый сам за себя, не поймали – выиграл, поймали – твои трудности. Банк не велик, но на пределе игроков. Всё нормально.

– Боишься рисковать, Грег?

– Рисковать надо с умом. По делу.

– Ну и как, много ты нарисковал?

– Ну, что он нарисковал, то и прогулял, так, Грег?

– Игровые надо пропивать, согласен.

Грег кивает. Да и остальные не спорят. Выиграл – поставь остальным, проиграл – жди, пока тебе поставят. И всё просто.

– Я вот мечтал миллион выиграть...

И дружный хохот.

– Это с кем играть надо, чтоб он тебе столько проиграл?

– И чего бы ты с миллионом делал, Пол?

Пол начинает рассказывать. Его перебивают, хохочут, Пол живописует всё более смачные подробности. Пол – шут, за шутовство ему перепадает. Шакал. А дружок его, Грег, ещё держится. По возможности блюдёт себя.

– А что бы ты делал с миллионом, Грег?

– У меня его не будет, Фредди, я о нём и не думаю.

– А вот выпадет, а ты не готов, а?

– Найди миллионера, Сэл, который сядет играть со мной.

– Не прибедняйся, Грег, сознайся, – Пол подмигивает остальным. – Ты ж хотел быть лендлордом, скажешь, нет?

– Заткнись, Пол, – Грег стискивает зубы, пересиливая себя. Его пустили в игру из милости, и он должен помнить это. Но его ещё хватает, чтобы тихо сказать: – Не хотел, а мечтал. Улавливаешь разницу, Пол?

– Улавливаю, – кивает Пол. – Хотеть – это копить деньги на покупку имения, а мечтать – это пить.

– Пьяный – всегда король, – хохочет Сэл.

Грег медленно кладёт на стол карты рубашкой кверху, обводит сидящих за столом блестящими глазами.

– Когда полгода копишь, а потом соображаешь, что нужной суммы не соберёшь за всю жизнь, то, что делать с накопленным, а?

Он невольно кивает, соглашаясь. Да, похожее и у него... было. Когда сообразил, что ему самому на Южные острова не заработать, за всю жизнь столько не собрать. Грег прав. Он сам, правда, не запил, не до того было. А Грег продолжает:

– Самое ведь обидное, что я поздно сообразил, как мне вывернуться. Ведь когда имение начинаешь, на что главный расход идёт? Не на землю, землю можно дешёво купить, не на обзаведение, здесь если с умом и без выпендрёжа, то тоже можно малой деньгой обойтись.

Он с интересом смотрит на Грега. Выходит, не такой уж это дурак. Ну-ну, как он дальше поведёт?

– Главный расход – рабы.

– Да, прокормить их...

– Да ни хрена, и кормить можно дешёво. Каши ему навалить побольше, или бобов там, нет, это всё пустяки, если умеючи. Сами они дорогие, поганцы.

– И купить можно дешёво, – возражает Сэл.

Смотри, как забрало их, всерьёз заговорили.

– Дешёво на торгах мелюзга необученная, или кого ты сам через неделю на Пустырь све- зёшь, – Грег пренебрежительно сплёвывает. – Я похитрее придумал. Ведь как. Вот ты привёз раба в распределитель, и тебе сразу за него отвалили. Так? А на торг он уже по другой цене идёт. Там-то свой процент накидывают.

– Это уж как везде.

– Ну, можно и из рук в руки купить.

– Это ж самому помотаться надо, вызнать, высмотреть...

–хлопотно очень.

Он молча слушает, не вмешиваясь.

– Во! Я и подумал. На чёрта я этот процент платить буду? Да ещё ведь на торгах не угадаешь. По виду бык, а нутро хлипкое. Пори такого, не пори, а толку не будет. Или ты его... для скотной купил, а он корову впервые видит и где у неё вымя не знает.

– Ну, загнул! Это-то не проблема.

– Да, выпороть, как следует, так всё узнает.

– А как ты старательного на торгах угадаешь?

– И угадывать нечего. Все они одинаковы. Кого порешь, тот и старательный.

– Все они воры и бездельники. Я сколько лет надзирателем работал, так ни одного, чтоб без порки работал, не видел.

– Плохо смотрел, Пол, – усмехается Грег и продолжает: – Ну вот, я и решил купить рабов там же, у хозяйки. Всё-таки я их всех уже видел и знал, как облупленных. Кому и оплеухи много, а кого и запори насмерть, а всё равно мало будет. Присмотрел имение маленькое. На большое не потянул бы. Сам за всем не углядишь, а надзирателя нанимать... сами знаете, почём наша работа обходилась.

Дружный хохот.

– И думаешь, хватило бы? А если те, ну у кого брать собирался, дорожиться бы стали?

– Ну, это не проблема. Это бы я сделал. И прикинул, что на первое время мне пятерых хватило бы.

– Это как?

– Это что ж за имение, что пятерых рабов хватит?

– Да на любой ферме больше надо.

– А считай. Я думал так. Пахоту не потяну. Значит, буду стадо делать. Молочное. И на откорм.

– Дело.

– Эт-то да, конечно.

– И всё равно пятерых мало. Даже для начала.

– Считай. Одна баба в доме управляться. Чистить там, убирать и готовить мне. Вторая стирать и рабам готовить. И трёх мужиков. На дворе там и вообще на подхвате, второй на огород, чтоб свой овощ был, и скотник. На первый год я бы перекрутился. На второй год подкупаю мелюзги, и пусть она при этих крутится и растёт. А там бы и пошло.

– А не дурак ты, Грег.

– Да-а, разумно.

– Пятерых, если с умом подобрать да напороть сразу... хватило бы.

– Скотника надо толкового.

– Да, при таком раскладе всё на скотнике держится.

– Вот я и приглядел себе. Рабов много держали, пятерых, чтоб работали, найти можно. Я уж хозяйку обрабатывать начал. Кручёная была, впрямую не подойдёшь. Да тут... русские припёрлись.

Все вздыхают, и ненадолго устанавливается мрачное молчание. Всем им русские помещали.

– Ну, после заварухи имение совсем задёшево можно было взять.

– Так-то оно так, Фредди, а кто бы работал? Раньше купил, и он твой. Всё. А теперь? Попробуй, заставь его, если ни пороть, ни по морде ему съездить, ну, ничего нельзя.

– Как-то ж заставляют.

– Так, Сэл, они и работают... как-то. И не я выбираю, кто мне нужен, а, видишь ли, если он согласен наняться, – Грег сбрасывает уже было собранные карты. – Вот смотри, вот не выдумываю, честно, как было, так и говорю. Присмотрел я одного. Как раз в скотники себе.

– Это кого, Грег?

– Угрюмого помнишь?

– Чего?! Ты что, с перепоя?! Да тупее и упрямее скотины во всём имении не было, да я за жизнь свою второго такого тупаря не знал, – Пол тоже сбрасывает карты и рассказывает: – Это в имении скотник был. Индеец. Раб. Сколько ж он... ну, лет пять, а может, и больше держали его.

– Индеец раб? Так чего ж ты хочешь?

– После двух-то побегов...

– Я б таких сразу кончал. Толку всё равно не будет.

– Этот питомничный был, – усмехнулся Грег. – Всё-то ты верно, Пол, говоришь. Пять лет он прожил. Ни разу не улыбнулся, глаз ни разу не поднял. Говоришь ему что, так он как каменный, слышит, нет ли – не поймёшь. Морда тупая, стоит перед тобой... и сапоги свои рассматривает.

Он слушает, с трудом сохраняя неподвижное, как и положено в игре, лицо. Угрюмый, индеец, питомничный раб, скотник, пять лет... Слишком много совпадений. Это Эркин. Тогда эти... Грег и Пол... Так это ж Грегори и Полди! Это о них Эркин рассказывал. Суки надзирательские, шакалы.

– Как каменный, – кивает Пол. – Бьёшь его, а он, стервец, что придумал. Качается под ударом. Ну, чувствую, что не так кулак ложится. Так я что делал. За волосы ухвачу и держу, чтоб башкой не крутил. Нахлещешь его, у самого рука болит, а ему... Хоть бы хны. Ничем не проймёшь. Чего ты его выбрал?

– А того. Дурак ты, Пол. Тупарь он, конечно, тупарём, как все индейцы, и скотина неблагодарная, но работал. Его подгонять было не нужно. И со скотиной он ладил.

– Сам скотина, вот и ладил, – ржёт Пол.

– Верно, – соглашается Грег. – Только к быку, бык племенной был, он один и мог зайти. И коровы от его дойки не болели. Ну, о нём много чего рассказать можно. Мне он чем пришёлся? Работяга – раз, с другими рабами не стакнется – два.

– Ну, это ты загнул.

– Разогни, Пол. Он с кем из рабов в стачке был? А? За пять-то лет. Вспомни. Даже с Зибо... Ну, это тоже целая история.

– Смехота! Понимаете, был такой черномазый, Зибо, скотник. Старик уже, на Пустырь пора. Когда Угрюмого купили, я и скажи Зибо, что это его сынок, ну, десятый в награду.

Дружный хохот заглушает Пола.

– И он поверил?!

– Да черномазый же! Они всему верят!

– Да, в чём другом, а в этом... они как психованные.

– Хуже жратвы.

– Ну да, скажешь только, это там сын твой, и всё. Они уже родня, понимаешь.

– Да, крови совсем не чувствуют.

– Ну вот, так Зибо ему: сынок, сынок, сам слышал, а он...

– Как каменный, – кивает Грег и вдруг усмехается. – Видно, понял, что ты это в насмешку сказал. Мне как-то старика даже жалко стало. Нахлестал я Угрюмого, что Зибо, дескать, отец твой, уважай и почитай его.

– Ну и как? – хохочут остальные.

– А никак. Был Угрюмым, таким и остался. Ну, так вот, что третье-то было? Да. Что он делал, то уж без булды. Старательный. И силён был. Как бык. Это четыре. Пятое забыл. Ну и ладно. И так... Куда ж ещё. Ему уже за двадцать было, но десяток лет он бы ещё покрутился у меня.

– А вообще-то да. Вполне возможно.

– А вообще-то, он бы придушил тебя, Грег. При случае. Индейцы – они подлые, ни одному верить нельзя.

– Ну, это просто. На ночь приковать или запереть, а днём я с оружием. Ну вот, заваруха грянула, ну, кто куда рванули.

– Побыстрее и подальше.

– Это уж у всех одинаково.

– Ладно, все помним.

– И вот через месяц приезжаю я туда. Хозяйка испугалась, что имение бесхозным и выморочным объявят.

– Это да, русские это резво провернули.

– Ну да. А бесхозное выморочное живо с торгов пойдёт. Вот и рванула. Ну, приехали мы.

– А ты при чём?

– А я ж на контракте. Успел подписать, дурак. А ей по хрену капитуляция там или ещё что, неустойку сдерёт... из-под земли выкопает. Да и родня у неё. Я ж чего думал. Что если они, ну, у кого я имение присмотрел, заартачатся, я хозяйку подкручу, она братцу своему шумнёт, и только тех... упрямых и видели.

– Ого!

– Вот тебе и ого! Ну, приехали. Всё поломано, побито, разграблено.

– Ну, как везде.

Он, не вмешиваясь, но внимательно слушая, кивает. Навидался. Да что там, их с Джонни имение было не лучше.

– Ну, я пошёл смотреть. Хозяйка там над тряпками своими рыдает, хозяин вокруг прыгает, утешает... Смотрю, лакеи есть, повариха. Кланяются, трясутся.

– Шваль швалью.

– Кто бы спорил. А я, ещё когда въезжали, приметил. На скотной дверь не сорвана, а открыта. И окна-продухи не разбиты. Зашёл, – Грег выдерживает паузу. – Полы вымыты!

– Ни хрена себе!

– Во-во. Я в молочную. Книжки удойные стопочкой на столе, бидоны с молоком вдоль стены в шеренгу, отмытые, блестят. А у другой стены на рогожке... рабский хлеб. И не навалом, а аккуратной такой стопочкой до середины стены. И на столе банка консервная вместо кружки и полбуханки. И проволока. Ну, чтоб резать.

– Понятно.

– Рабские хитрости.

– Ну, думаю, это кто ж здесь так по-хозяйски расположился? Пошёл дальше. Сено, концентраты... брикеты, мешки... Всё разложено. И с умом, скажу. Кое до чего, и я бы не додумался. Коровы все на месте, сытые, лоснятся, бык тоже... аж блестит, так вычищен. Ореховый концентрат жрут, сеном закусывают. Я к телятам. И вижу... – снова интригующая пауза. – Угрюмый! Ходит и молоко телятам наливает. Свеженадоенное. Телята лоснятся, сытые все, здоровенькие.

– Это... это ж получается...

– Во-во! Оно и получается, что он этот месяц так на скотной и жил, и за скотиной смотрел.

– Один?!

– А никого больше я не нашёл. Натаскал, значит, хлеба и жил себе припеваючи.

– Ещё бы!

– На молоке-то.

– И на сливках, небось.

– Ну да, краснорожий жратву не упустит.

– Да чтоб молоко и сливки были, он работал! – взрывается Грег. – Понимаете вы это?! Полы мыл, брикеты эти чёртовы по-своему перекалывал, поил, кормил, чистил, бидоны отдраивал... Да что там, мне черномазые потом на него жаловались. Ябедничали, что он в скотную никого не пускал. Утром им бидон выкатит, они отольют себе, сколько успеют, выйдет, бидон заберёт, и попробуй кто сунуться на скотную. Бьёт, не глядя и не думая. Так что не зря я на него глаз положил.

– Да, выходит, не зря.

– Ну, ты скажи, а?!

– Ну, а дальше-то что?

– К тому и веду. Я, значит, даже похвалил его, что, дескать, молодец, правильно, хозяйское добро уберёт. Он и ухом не повёл. Как, скажи, нету меня для него. Ладно. Угрюмый – он Угрюмый и есть. Пошёл я дальше. Думаю, хоть здесь порядок и одной головной болью меньше. Отловил одного черномазого, велел двух телят забить и всё молоко на кухню перетаскать.

– Ну да, пока краснорожий всё не выпил.

– Ну да. И тут мне кричат, что Угрюмый бежит. Я на крыльцо. Вижу: идёт. И у ворот уже. Я как гаркну ему, чтоб вернулся.

– И послушался?

– Ты же без плети уж наверняка.

– Послушался! Вот что я ещё пятое забыл. Послушный был. Не прекословил. И делал, что скажешь.

– Ни хрена он не послушный. Я о нём тоже кое-что расскажу.

– Заткнись. Давай, Грег.

– Ну что. Я его к хозяйке. Закрепить надо.

– Ну да, понятно.

– Так эта стерва верещит, что её разорили, и не слушает ни хрена. А всего-то и надо было... Ну, она орёт, я ей чего-то втолковать стараюсь, а он...

– Ну?!

– Повернулся и ушёл. Ну! На кухню завернул, полбатона белого хлеба взял и ветчины кусок, мы там с собой кой-чего привезли, и ушёл.

– Всё-таки уворовал!

– Не удержался!

Грег хотел ещё что-то сказать, но махнул рукой и стал собирать карты.

– И что? – разжал он губы. – Не встречал ты его больше?

– Бог миловал, – усмехается Грег. – Мне ещё жить хочется. Полу вон тоже... повезло.

– А ни хрена. Я и не боюсь. Я над ним спьяну не куражился.

– Ага. Ты это трезвым делал.

– Я шутил. А что он дурак, тупарь красноречивый и шуток не понимает...

– Ну да, – кивает Грег. – Это когда он из душа шёл, а ты его лицом в навоз тыкал, ты, значит, шутил?

– Он на душе повихнутый был, – хохочет Пол. – Это ж смехота! До вечера его проманежишь, чтоб время впритык вышло, и отпустишь... Так он бегом бежал до душевой. Не пожрёт, лишь бы в душ попасть.

– А ты его от самой двери заворачиваешь.

– А что? – ухмыляется Пол. – Темно уже, и где раб должен быть? То-то!

И снова дружный гогот. А ведь он и раньше слышал, и слушал такие рассказы. О тупых неблагодарных рабах. Но теперь...

... – О чём задумался, Фредди?

– Тебя жду, – ответил он сразу.

Улыбающийся Джонатан уселся напротив и, сохраняя на лице выражение полного довольства жизнью, встревоженно спросил:

– Ты что, Фредди?

– В паскудную компанию вчера попал, – буркнул Фредди и нехотя пояснил: – Надзиратели. Гнусняк к гнусняку. Пьян что ли был, что так вляпался. Ладно. Мы идём?

– Сейчас кофе выпью и пойдём.

Фредди повертел свою чашку.

– Понимаешь, Джонни, там были двое... Мне о них ещё Эркин рассказывал.

– Понятно, – кивнул Джонатан. – Рассказы про тупую двуногую скотину, так?

– Да.

– Всё это – дело прошлое, Фредди. Хорошо, конечно, что Эркин с ними не столкнулся.

– Эт-то да, пришлось бы выкупать парня.

– Вот именно. Я готов. Пошли.

– Пошли, – Фредди решительно отодвинул недопитую чашку и встал.

Они шли без спешки и задержек, мимоходом здороваясь со встречными. Вот и комендатура. И снова Фредди, как и тогда, как всегда при входе в «казённый дом», дёрнуло холодком по спине, когда проходил мимо часового. Мимолётно взглянув на Джонатана, понял, что и того тоже... дёргает. А вот и уже знакомый кабинет.

– Добрый день, капитан.

– Добрый день, Бредли, – улыбающийся Старцев встал из-за стола. – Здравствуйте, Трейси. Садитесь.

Усадил не у стенки, а у стола. И так ловко, что Фредди оказался не за спиной Джонатана, а рядом. Ловок. Фредди привычно держал каменную маску, но по быстрому смеющемуся взгляду русского понял: можно не играть. Вернее, не нужно. Чего этот и не знает, так догадывается, если не уже...

– Кажется, я могу вас порадовать Бредли. Обе проблемы решаемы. Сначала о кладках.

Старцев вежливо дождался кивка Джонатана и продолжил:

– Собственник земли является и собственником найденного на этой земле или в её недрах, если иной вариант не оговорен в сертификате на владение. Так что проверьте формулировку своего сертификата.

– Спасибо. Но это старый принцип. Значит, он сохранён?

– В общем, да. Но мы добавили несколько пунктов. Первое. Безусловной и безоговорочной сдаче подлежит армейское стрелковое и тяжёлое вооружение, стрелковые, артиллерийские, миномётные и инженерные боеприпасы, их составляющие и другое армейское имущество за исключением обмундирования, продуктов и медикаментов. В случае добровольной сдачи ответственность не наступает.

Фредди невольно кивнул: ну да, как в Крутом Проходе, та же формулировка. Но это первое. А что второе?

– Второе, – невозмутимо продолжал Старцев. – Музейные и исторические ценности, вывезенные в ходе войны с территории России, выкупаются в обязательном порядке. Если же доказано, что владелец таких ценностей участвовал в ограблении России, то есть собственник является военным преступником, то ценности конфискуются, а... грабитель несёт ответственность.

И снова не поспоришь: награбленное конфискуется. Логично.

– Ну, и если на клад предъявляются претензии, – Старцев улыбнулся, – оставившим его, то дело решается в суде. Гражданским иском в обычном порядке.

Джонатан улыбнулся. Третий вариант не грозит, первый... ну, это не сейчас, а вот второй... да, здесь могут быть сложности.

– Благодарю, капитан.

– Пожалуйста, Бредли, – Старцев продолжал улыбаться, но глаза у него стали серьёзными. – И вот что ещё. Вы слышали такое выражение: night yield?

– Как? – искренне удивился Джонатан. – Ночной сбор урожая? Бессмыслица. Ночью собирать урожай? Зачем?

– Это кодовое обозначение операции, которую провела Служба Безопасности Империи перед капитуляцией и заканчивала уже после капитуляции, зимой. В, так называемую, заваруху. Это был обыкновенный грабёж брошенных имений. Вскрытые сейфы помечались буквами NY. Видимо, чтобы не искать дважды в одном месте. Свидетели при этом уничтожались.

Прикусив изнутри губу, Джонатан с трудом удерживал спокойное лицо. Не глядя, чувствовал напряжение Фредди. А Старцев продолжал:

– Если имение не было брошенным, его делали таким. То есть убивали владельцев и имитировали разгром. Под конец бандиты стали уничтожать друг друга. Возможно из-за споров при дележе добычи. Но скорее всего, так и было задумано.

– И где же урожай? – очень спокойно спросил Фредди.

– Вы правы, Трейси. Урожай был собран и исчез. Но его надо продать. Нужны деньги, а не камни и золото. Аукционы покажут. И продавца, и покупателей. Аукцион Сойнби, не так ли, Бредли?

– Да, – кивнул Джонатан. – Вы не рекомендуете участвовать в нём?

– Я рекомендую подумать, кому пойдут вырученные деньги. И на что их употребят. Вы ведь слышали о рождественском повороте, не так ли?

– Пьяная болтовня, – буркнул Фредди.

– У нас, русских, есть пословица. Примерно так. Пьяный говорит то, о чём думает трезвый.

– Резонно, – кивнул Джонатан. – Но на языке юристов... попытка с негодными средствами. Ведь вы не допустите... поворота, не так ли?

– Приложим все усилия, – кивнул Старцев.

– Я думаю, – осторожно сказал Джонатан, – многие вас поддержат в этих усилиях.

– Спасибо, – улыбнулся Старцев. – Разумеется, мы будем учитывать все факторы. Теперь вторая проблема. Она так же решаема.

– Наверное, стоит позвать парней. И будем говорить все вместе.

– Конечно, – кивнул Старцев. – Это будет оптимальным вариантом.

Джонатан посмотрел на Фредди.

– Без пяти двенадцать, они уже наверняка пришли, – улыбнулся Фредди и встал. – С вашего разрешения, капитан.

– Разумеется, – вежливо согласился Старцев.

Фредди вышел, и, когда за ним закрылась дверь, Джонатан посмотрел на Старцева.

– Пока они идут... я должен заявить о кладе?

– На ваше усмотрение. Если вы его не продаёте, то это ваше дело.

– Ясно, – Джонатан улыбнулся несколько смущённо. – Я ведь действительно нашёл клад.

В собственном имении. Видимо... сборщики не заметили тайника.

– Я думаю, – Старцев на мгновение свёл брови, – думаю, они не особо и искали. Вернее, они знали, что и где находится. Сейфы открыты, а взлом имитирован. Клад большой?

– Не очень. Но ценный, – честно ответил Джонатан.

– Поздравляю, – улыбнулся Старцев. – Вещи или... камни?

– И то, и другое, – сразу ответил Джонатан.

– Ещё раз поздравляю. А вот... слышите?

Джонатан кивнул. Он тоже услышал осторожные и в то же время уверенные шаги. Шаги людей, которые решили не отступать.

Открылась дверь, и они вошли. Фредди, а за ним трое парней. Старцев опять встал им навстречу, вышел из-за стола, сам переставил стулья и усадил так, что образовался полукруг перед его столом, и каждый видел всех.

– Слушаю вас.

– Сэр, – заговорил негр, – мы, втроём, хотим открыть своё дело, массажное заведение. Для этого нужны деньги и, – он еле заметно запнулся, – диплом, чтобы получить патент. Мистер Бредли согласен помочь нам с деньгами. А с дипломом...

– Мы рассчитываем на вашу помощь, сэр, – улыбнулся трёхкровка.

– Спасибо за доверие, – улыбнулся Старцев. – Итак. Вы, наверное, слышали о Квалификационных Центрах. Там можно сдать экзамен по какой-либо специальности и получить диплом или сертификат. Но профессия массажиста считается медицинской и в таком Центре не сертифицируется, – парни настороженно ждали. – Медицинскую квалификацию можно подтвердить и получить соответствующий документ в Центральном военном госпитале.

Парни быстро переглянулись, мулат и трёхкровка заметно побледнели.

– Это... это больница, сэр? – осторожно спросил негр.

– Не только, – спокойно ответил Старцев. – Это и госпиталь, и реабилитационный центр, то есть там не только лечат, но и помогают восстановить здоровье, работоспособность. И там же Центр повышения квалификации и переподготовки медиков. Там работает много массажистов. Они смогут определить вашу квалификацию, а Центр подготовки выдаст диплом. На основании диплома вы получите уже патент на право открыть своё заведение. Без патента, только с дипломом, вы можете работать массажистами по найму.

Парни снова быстро переглянулись, потупились. Фредди, сохраняя на лице безучастное выражение, напряжённо думал. Эркин боялся врачей... «Покажи мне врача, я как Андрей вырублюсь»... «Ты хороших врачей встречал?» – «Нет»... «Врачи меня таким сделали»... «Колют... я долго таблеток боялся...»... Всё так, но другого варианта нет... Чёрт, что же делать? Если парни не решатся... Но самому лезть в западню... Чёрт, а ведь и впрямь другого варианта нет.

– Я могу съездить с вами, парни, – Фредди холодно улыбнулся изумлённым взглядам парней и Джонатана и понимающему взгляду Старцева. – Думаю, не помешаю.

– Спасибо, сэр, – тихо ответил негр. – Мы очень благодарны вам за поддержку, – и открыто посмотрел на Старцева. – Мы можем просто ехать туда, господин офицер, сэр?

– Я дам вам официальный запрос, – спокойно ответил Старцев. – И письмо к доктору Аристову. Он поможет вам, – Старцев улыбнулся. – Заодно посмотрите, как там устроен массажный зал. Чтобы у вас потом было не хуже.

– Спасибо, сэр, – негр быстро переглянулся с остальными. – Когда мы можем получить эти бумаги, сэр?

– Зайдите ко мне после трёх. Бумаги будут готовы.

– Спасибо, сэр, – негр встал, и за ним поднялись мулат и трёхкровка. – Мы придём, сэр. До свидания, сэр.

– До свидания, сэр, – эхом откликнулись двое других.

– До свидания, – кивнул Старцев.

Фредди был готов идти за ними, но Джонатан сидел, явно не собираясь двигаться. Когда за парнями закрылась дверь, Джонатан, твёрдо глядя в лицо Старцева, спокойно сказал:

– Я бы не хотел, чтобы у парней были неприятности.

– Никаких неприятностей у них не будет, – так же спокойно ответил Старцев.

– Вы гарантируете? – иронически улыбнулся Джонатан.

– Да, – твёрдо прозвучал ответ.

– Доктор... Аристофф, – несколько затруднённо выговорил Джонатан, – парни могут ему доверять?

– Да.

– И он не положит их на исследование? – со злой улыбкой спросил Фредди. – Нарушит приказ?

– Произошла ошибка при переводе, – Старцев был по-прежнему спокоен. – Не analysis, а inspection. Не исследование, а обследование, – Фредди явно растерялся, а Старцев продолжал: – Доктор Аристов, разумеется, в курсе, он отличный специалист и порядочный человек.

– Вы знакомы с ним? – спросил Джонатан.

– Да. Недавно я был у него... Поголовный расстрел возможен только на бумаге. Уцелели многие из тех, кто был в распределителях, у хозяев, даже в Паласах уцелели единицы. Многие погибли потом, кого-то забили, кто-то замёрз... – Старцев говорил спокойно, но с внутренним напряжением. – Доктор Аристов спас десятки... тех, кто успел попасть в госпиталь.

– И что с ними сейчас? – Фредди требовательно смотрел на Старцева.

– Некоторые работают в Центре, санитарями, массажистами, – Старцев улыбнулся, – получают зарплату, желающие учатся на медбратьев. Некоторые ушли, где-то тоже устроились. Кто как смог, – Старцев пожал плечами. – Они свободные люди и вправе устраивать свою жизнь. По своему желанию.

– Вы видели их? Сами говорили с ними? – Фредди спрашивал резко, исключаящим недомолвки тоном.

– Видел, говорил. Видел, как они работают, как живут, – Старцев улыбнулся воспоминаниям, – в гостях за чаем сидел.

– Спасибо, – кивнул Фредди. – Но я поеду с ними. На всякий случай.

– Разумеется. Это ваше право, – кивнул Старцев.

– Разумеется, – Джонатан встал и протянул Старцеву руку. – Благодарю вас, капитан. Я надеюсь, наша встреча не последняя.

– Конечно, – Старцев ответил на рукопожатие.

Фредди легко встал и повторил жест Джонатана.

– Благодарю вас, капитан, и надеюсь на встречу.

– Взаимно, – улыбнулся Старцев.

Покинув кабинет, Джонатан и Фредди молча прошли по коридору к выходу. И на улице сразу увидели парней. Те стояли на углу, о чём-то беседуя между собой.

Джонатан и Фредди переглянулись и пошли... не в открытую к ним, а так, чтобы пройти мимо, но рядом. Захотят – окликнут.

Их окликнули. Вернее, встретились с ними глазами и взглядом попросили остановиться.

– Мы благодарны вам за помощь, сэр, – начал негр.

– Короче, – с улыбкой перебил его Джонатан. – Не время для длинных оборотов. Что вы решили?

– Мы берём эти бумаги и завтра едем, – твёрдо ответил негр. Остальные кивнули, и он продолжил: – Или мы вернёмся с бумагами, ну, дипломом, или не вернёмся совсем. Это так, сэр.

– Хотите ехать одни, – понимающе кивнул Джонатан.

– У вас есть и свои дела, сэр. Мы, правда, благодарны вам за поддержку... но это военный госпиталь, сэр.

– Кольт не спасёт, – виновато улыбнулся трёхкровка.

– Если что, вас ведь тоже тогда... – мулат запнулся, не желая договаривать.

– Арестуют, – закончил за него Фредди. – Посмотрим. Вы решили, но и я решил. Завтра во сколько собираетесь ехать?

Они переглянулись.

– С первым поездом, сэр.

– Хорошо, – кивнул Фредди. – Первым, так первым. Увидимся на вокзале. До завтра, парни.

– До завтра, сэр, – вежливо ответили они.

Джонатан тронул шляпу приветственным жестом, и они разошлись.

– Как ты это себе представляешь, Фредди? – заговорил Джонатан, когда они достаточно отошли от парней.

– Просто. На поезде, они правы, доезжаем до Спрингфилда. Центральный военный там. Едем долго, но без пересадок, по прямой. Ты завтра на грузовике возвращаешься в имение. Этот парень, что мы присмотрели, найдёт тебя завтра в полдень. Думаю, он подойдёт и нам, и Молли. Вот сразу и отвезёшь его, оформишь, представишь.

– Это не проблема...

– Серия тоже не проблема. В другой раз и начнём, и закончим. Сезон только начинается.

– Уговорил, – кивнул Джонатан. – Через неделю от сегодня я в Спрингфилде.

– От завтрашнего, Джонни.

– Но если что срочно...

– Я взялся прикрыть парней, Джонни.

Джонатан понимающе улыбнулся.

Графство Эйр

Округ Гатрингс

Джексонвилл

Эркин проснулся и не сразу сообразил, где он. Ну да, у себя в кладовке, под тёплым и мягким ватным одеялом. Вчера они с Женей долго говорили и никак не могли расстаться. Вроде Алисы стали: разожмёшь руки – и всё исчезнет. Потом он всё-таки ушёл к себе в кладовку, начал стелить, но тут пришла Женя, принесла чистые простыни и наволочку. Они опять поговорили. А о чём... не помнит. Помнит, что было так хорошо, так спокойно.

Эркин медленно напряг и распустил мышцы. Пора вставать. Обычные утренние дела. А потом в Цветной. Он ещё раз прогнал по телу волну мышечного напряжения и уже рывком откинул одеяло. В крошечной темноте кладовки встал, на ощупь нашёл и натянул трусы. Ну вот. Теперь убрать постель, чтоб зря по ней не топтаться. Шлёпанцы где? Вот они. Права Женя: пол холодный, босиком неприятно. По-прежнему на ощупь он надел джинсы и рубашку и вышел на кухню, отдёрнул шторы, впусив серый предутренний сумрак, и сразу, благо с вечера остались дрова, затопил печку и поставил чайник. Быстро умылся, переобулся и захлопотал. Вынести лохань с грязной водой и ведро из уборной, принести из сарая дров, принести чистой воды. Как-то он даже не понял в этой круговерти, когда на кухне появилась и захлопотала Женя. А когда он принёс последнее ведро, Алиса, сопя, умывалась под рукомойником, на чайнике прыгала крышка, а кухня уже наполнилась восхитительным запахом оладий.

– Ага, спасибо.

– Стирать не будешь? Хватит воды?

– Большой стирки не будет. Так, мелочь. Алиса, не брызгайся, – Женя на мгновение обернулась, обдала Эркина сияющим взглядом и тут же вернувшись к шипящей сковородке. – Эркин, мой руки и за стол. Завтракать будем. Алиса, не балуйся.

– Я не балуюсь, я полотенце Эрику держу.

– Так держи, а не размахивай им.

Эркин вымыл руки и взял у Алисы полотенце. Раньше она просто стояла и смотрела, как он умывается, а сейчас... с чего бы это? Неужели из-за баульчика? Он усмехнулся, вешая полотенце, посмотрел на Алису и встретился с её очень серьёзным, даже чуть строгим взглядом снизу вверх.

– Спасибо.

Алиса просияла широкой и очень смешной из-за выпавших зубов улыбкой и потащила его за руку в комнату.

– А сегодня оладушки, правда, хорошо?

– Хорошо, – кивнул он.

Женя внесла в комнату тарелку со стопкой оладий.

– Эркин...

Она не закончила, потому что он уже ушёл на кухню и через секунду вернулся, неся чайник.

– Вот спасибо. Алиса, не вертись. Сейчас сметану принесу.

В комнате уже отдёрнуты шторы, лампа стоит на комодe, утренний золотистый свет, тёплые оладьи со сметаной, румяная мордашка Алисы, счастливое лицо Жени...

– Возьми себе ещё сметаны. Ты сегодня надолго?

– Не знаю, Женя. Как получится. Надо осмотреться, поговорить. Всё лето нас не было. Пропишемся заново, если надо.

– Ну конечно. А мы на Мейн-стрит пойдём погулять, – Женя улыбнулась. – Тоже посмотрим, чего-нибудь вкусенького купим.

Он кивнул. Отчего же нет, раз деньги есть.

– Ты купи себе чего-нибудь. Ну, одежды там или ещё чего.

– Мне тоже надо осмотреться, – улыбнулась Женя. – А ты совсем хорошо стал по-русски говорить.

– От Андрея научился, – улыбнулся Эркин. – Мы, на выпасе когда были, да и потом, если одни, по-русски говорили. Ну... мы не хотели, чтобы кто другой знал об этом.

– Понятно, – Женя кивнула. – Знаешь, я тоже... не то, что скрывала, но не говорила, что я русская. Чем меньше о тебе знают, тем лучше. Алиса, допивай, а не хлюпай.

Эркин невольно рассмеялся. Алиса обиженно посмотрела на него, но тут же улыбнулась.

– Я не хлюпаю, я язык полощу.

– Тем более, – строго сказала Женя.

Воскресенье, можно не спешить, но Эркин привык есть быстро.

– Налить тебе ещё?

– Нет, спасибо, я пойду.

– Удачи тебе, – улыбнулась Женя.

Эркин начал было собирать посуду.

– Иди-иди, я сама, – Женя мягко остановила его руки, и он ловко перехватил её ладонь и прижался к ней щекой и губами. Но тут же отпустил и встал.

– Всё, я пошёл.

Он взял в кладовке джинсовую куртку и только тут сообразил, что не переобулся, так и сидел за завтраком в кроссовках. Свинья он, конечно, Жене пол мыть. А ни хрена, вечером сам вымоет.

В кухню вошла Женя с посудой.

– Женя, пол я, как приду, вымою.

Женя удивлённо посмотрела на него, но ответить ничего не успела: он уже мягко захлопнул за собой дверь и сбегал вниз по лестнице.

Воскресное утро начинается поздно. В будни в это время он и Андрей уже крутились бы на станции или на рынке, а сегодня... и народу на улицах мало, и все какие-то... мягкосонные. До Цветного Эркин добрался без приключений, а уж Андрея найти – не проблема. Да, Андрей же стричься собирался, тогда, значит надо к Скиссорсу.

Парикмахерская Билли Скиссорса была местом сбора серьёзных людей, где хороший разговор ценился выше дармовой выпивки. Эркин пошёл туда. Судя по тому, как с ним здоровались встречные, его помнили, а значит, проблем с пропиской возникнуть не должно. Вернее, даже не о прописке речь пойдёт, а об угощении с хорошего заработка. Поделись своей удачей, и тебе от чужой удачи перепадёт. Ещё на подходе он услышал взрыв хохота и понял, что Андрей уже там. Ага, вон его лохмы торчат.

– А, Меченый!

– Долго спишь!

– Не сплю, а отсыпаюсь.

– Белёсый нам уже тут рассказал.

– Ну, так у него и язык длиннее моего.

– А наломались сильно, парни?

– А ты думал?!

– Бычки – не дрова, на потом не оставишь.

– Я вот тоже до Свободы в имении был, меня как-то тоже на выпас дёрнули. На хрен такая работа! Днём бегаешь, и ночью тебя у стада держат.

– Да, когда белый платит...

– То спину не гладит, знаем.

– А хорошо заработали?

– Ну, так известно, – смеётся Андрей. – Как потопашь, так и полопашь. Как покоражились, так и получили.

– Обмыть надо.

– Не проблема, – Эркин взмахом головы отбрасывает со лба прядь.

– Ща и начнём!

– Дело!

– Закрой пасть, успеешь.

– Белёсый, стричься будешь? Вон оброс как.

– Для тебя берёг, Билли.

– Ну, садись тогда.

Андрей сел в потрёпанное парикмахерское кресло, и Билли, гордо оглядев окружающих, занялся делом. Клиентуры у Билли немного. Большинство ещё совсем недавно стригли наголо, и они только отращивали волосы. Билли любил рассказывать, что до Свободы он даже хозяина своего стриг и хозяйку причёсывал, но ему не то что не верили, а просто как-то обходились, не заморачиваясь такими пустяками: в глаза не лезет, ничему не мешает – и ладно. И жил Билли на подношения собиравшихся в его халупе. Но шакалом его не считали. Ну, выбрал человек бездоходное дело, так не клянчит, не подличает, а когда кто и сядет к нему, такое представление устроит, что за просмотр заплатишь.

Билли окутал Андрея почти чистой – редко используется, потому и не грязнится – простыней и защёлкал вокруг его шевелюры ножницами под комментарии и шутки окружающих. Андрей весело отругивался, а Билли, к общему восторгу, именовал его милордом и почтительно советовался по поводу каждого щелчка.

– Прикажете выпрямить, милорд?

– Кругли! – рявкнул Андрей, подмигивая в пятнистое от старости зеркало.

Ему ответил дружный хохот. Билли хвастал, что умеет выпрямлять курчавые волосы, продемонстрировать, правда, своё искусство ему ещё ни разу не пришлось, но предлагал он это каждому, что всем нравилось.

– Как прикажете, милорд, – улыбался Билли. – Могу и завить, милорд.

– Это Меченому завить надо.

– Мне и так хорошо, – рассмеялся Эркин.

Страхивая с простыни светлые завитки, Билли заметил:

– Мягкие у тебя волосы, парень.

– У меня вся жёсткость в другом месте, – ответил Андрей, доставая бумажник.

Ржали до слёз, до икоты. Билли принял от Андрея кредитку и рассыпался в благодарностях. Вид бумажника привёл всех в совершеннейший восторг.

– Ну, как у белого...!

– Надо же такому!

– Ты глянь, у Меченого-то... тоже!

– Ну, сильны, парни, ну, дают...!

После небольшого спора, когда Андрей и Эркин хотели угостить пощедрее, а остальные вежливо самоограничивались, определили сумму обмыва и решили самим никуда не идти, а послать за выпивкой и закуской. А то куда ни сунься, шакальё набезит, а здесь – уже своя компания и дверь закрыть недолго. Но стоявший здесь же Гундосый выставил бутылку от себя, и чисто из вежливости пошли в его кабачок. Благо, и идти-то... улицу пересечь.

Женя оглядела кухню. Вот теперь всё как положено. Чистота и порядок. Она вымыла руки, расправила сохнувшие полотенца и пошла на чердак, собрала там высохшее бельё, своё и Алисы, вещи Эркина она, как уж повелось с самого начала, сушила в кухне. Ну вот, гладить она сейчас не будет. В ведро с замоченным настругать мыла и взболтать, и пусть бельё дальше само по себе мокнет потихоньку.

Женя внесла высохшее бельё в комнату и положила на кровать. Алиса сидела со своим баульчиком, шёпотом разговаривая с его содержимым и куклами. «Конечно, – подумала Женя – всерьёз всему этому учиться она ещё мала, на вырост куплено, но всё равно... Потрясающая вещь! Какой же молодец Эркин». Она быстро сложила бельё в шкаф на полку, где держала чистое, но не глаженное, и открыла другую створку. Что надеть? Сегодня солнце, но летней жары уже нет. Летнее платье и жакетик от костюма? Будет в самый раз. А туфли... ну, выбора нет, у неё одна пара на все случаи жизни. Туфли, что ли, себе купить? Ну, ладно, посмотрим. Алисе... платьице и кофточку. Женя закрыла створку и вернулась к полкам. Себе чулки, Алисе... гольфы, бельё, вот теперь всё готово.

– Алиса, давай собираться. Гулять пойдём.

Алиса в общем радостно, но без обычного восторга оторвалась от игры.

– Баульчик закрой и убери. Вот так. Умница.

Женя одела Алису, расплела ей косички, расчесала волосы и собрала их в украшенный бантом хвостик повыше затылка.

– Теперь посиди спокойно, пока я оденусь.

– Ага, – согласилась Алиса.

Женя быстро переделалась, заново уложила волосы, достала свои нарядные маленькие серёжки с искристыми стёклышками. Вот так. Теперь ещё деньги. А возьмёт она... сотню, нет, даже две. Гулять – так гулять! Конечно, в кондитерскую к мисс Милли и мисс Лилли, она всегда открыта, и... все магазины в воскресенье закрыты, только их кондитерская и... правильно! «Аппетит» старого Бакстона. Вот у кого «вкусненькое» мелкой фасовки и уже нарезанное. Как раз для воскресного ужина, к обеду Эркин вряд ли вернётся.

– Всё, пошли.

Они спустились во двор и вышли на улицу, запирая за собой все двери. Солнечный, но не жаркий и не ветреный день. Осень? Ну и пусть осень. Эркин уже вернулся, теперь – Женя улыбнулась – пусть приходит осень и жухнет трава.

На улице Алиса забыла про баульчик. Тем более, что она вспомнила брошенные мимоходом мамы слова про покупку «вкусненького». Посещением кондитерской баловали её нечасто, хотя сам по себе визит был для Алисы бременем. Приходилось изображать хорошую девочку, не болтать, не лезть и вообще... ничего интересного не делать, но зато там её угощали, и дома потом пили чай с, ну, необыкновенной вкуснятиной. И на Мейн-стрит обязательно ходили смотреть на игрушки, и мама никогда не торопила её, обсуждая с ней каждую куклу и каждую игрушку. Нет, такая прогулка заслуживает самого полного внимания.

К кабачку Гундосого подтягивались люди: вожаки ватаг, работяги, неизбежные шакалы. Правда, шакалы держались поодаль. Уж больно серьёзные люди собрались. Полезешь не вовремя – схлопочешь по уху, а руки тут тяжёлые и умелые. Собирались те, кто с декабря сами упрямо пробивались к жизни. Старые обитатели Цветного, что и тогда рабами не были, держались отдельно. Нет, ни явных ссор, ни серьёзных драк, но бывшие рабы водили свои компании, а и раньше свободные – свои. Так уж повелось.

По рукам ходили три бутылки: Андрея, Эркина и Гундосого, – и с десятков сигарет. На столе нарезанные толстыми ломтями две буханки тёмного хлеба и несколько вяленых рыбин. Немного на такую ораву? Так не пожрать, а поговорить собрались.

- Вон ты послушай, каково парням пришлось.
- Как ты сказал? Бифпит?
- Не слышал о таком.
- А кто слышал?
- Это где ж?
- А хрен его знает, нас привезли и увезли.
- Ну, понятно.
- Я вон тоже на лето нанялся и сбежал. Хрен с ними, с деньгами, жизнь дороже.
- Чего так?
- Да кормили одной баландой и спать в бараке, аж цепи наготове. Пошёл он с такой работой...
- Не, от пуза кормили.
- Да, лендлорд недельную засыпку честно отвечивал.
- А старший-то беляк?
- Ага.
- Ну, так везде положено.
- Много покрал?
- Не, ни хрена, мы сами кашеварили.
- Меченый небось над жратвой главный был.
- Ну, а как же.
- Не, мы по очереди. Нас двое, вот кто может от стада отъехать, тот и кашеварит.
- Лендлорд-то этот сильно прижимал?
- Не, в меру.
- А старший с руками не лез?
- Х-хо, мы ему сразу укорот дали.
- Толковый мужик, своё пахал без булды.
- Бывает.
- Да ни хрена, все они, беляки, на нашем горбу ездят!
- Заткнись, вон на завод мы прибились, там этот, ну, рука у него покалечена, пашет, будь здоров.
- Бывает.
- Беляк завсегда своё на нашего брата скинет.
- А ты не стой близко.
- Чтоб не докинул, что ли?
- Ну да.
- А в этом, как его, ну, в как ты его обозвал...
- Бифпите?
- Ну да. Хорошо погуляли?
- Да уж, как положено.
- Все три радости под завязку.
- Это какие?
- Не слышал, что ли?
- Постой, парень, это пожрать, поспать и...
- В морду беляку дать.
- Ага, порадуйся тут, когда полиции навтыкали.
- Ну, на каждом шагу.
- Не, парни, ковбойские радости – это подрасться, надраться и трахнуть.
- Ну, этого добра и здесь навалом, не стоило и ехать.
- Кабы только за этим, то да.

– Заткните его, он, акромья траха, ни об чём не моёт...

Гундосый посмотрел на Андрея. Тот кивнул, и Гундосый пустил по рукам ещё одну бутылку, а на стол кинул ещё пару рыб.

– Шикуюешь, парень.

– А что ж? Пока есть – поедим, а когда не будет – так вспомним!

– Во, дело!

– Это ты верно!

– А тут как?

– На День Империи чудом пронесло.

– Потряслись, да-а...

– Не чудом, а русские не дали.

– Ага, кольцом вокруг Цветного встали, свора и не полезла.

– А тех бедолаг забили.

– Одного, грят, русские увезли.

– Ну, его счастье.

– Ну да, от пули, грят, смерть лёгкая.

– Сколько раз пробовал?

– Да они сами дурни, на хрена они к шлюхам, ну, тем беляшкам, полезли?!

– Ты что, головой приложился?! Поле-езли, послали их.

– Я тебя пошлю, ты пойдёшь? А они...

– Я свободный, а они...

– И давно?

– Чего давно?

– Свободный.

– А, как и ты.

– Ну, так и заткнись. Белый гаркнет – ты в штаны наложишь и волю его сполнять победишь.

– А ты нет?

– И я. Так что нечего, все мы такие.

– А парням не повезло.

– Да, что уж тут...

– Ладно, не нашей ватаги...

– Так, помянем, что ли?

– Тебе лишь бы в глотку влить...

– Голову ему рыбью в пасть воткни, чтоб заглох.

– А с работой как?

– А никак.

– Было хреново...

– И лучше не стало.

– Бога моли, чтоб хуже не было.

– А с чего хуже?

– Станция, дрова, ну, и на рынке поворочать, больше ничего нет.

– И не б-будет!

– Выкинь его, пусть полежит.

– Так что, крутитесь, парни.

– Другой работы беляки не дают.

– В имениях только ещё...

– Да, приезжают тут, нанимают.

– А там чего?

- На уборку если, так мороки много, а кормёжка плохая.
 - Поганая это работа, помню...
 - А кто не помнит?
 - Ползаешь, картошку эту выбираешь, и не пожрёшь её, сырую-то...
 - У нас жрали бывало. Животами потом мучились.
 - Да нет, ну их на хрен, имения эти. Думал, выжгли их зимой, так нет, смотри, чтоб их...
опять наплодились!
 - Беляки-то?
 - А кто ж ещё?
 - И опять на нас ездят, сволочи!
 - А ты спину не подставляй.
 - А жрать тогда что будешь? Кто тебе задарма-то даст?!
 - А я задарма и не возьму!
 - Ишь ты какой!
 - А такой! Я с Освобождения дармового куска не взял. Что на мне, всё мной заработано!
- А ты...
- А ну остынь.
 - Чего вы?
 - Ну, на пустом же завелись.
 - Не, в имении – это не жизнь.
 - А где она, жизнь?
 - Говорят, на Русской территории хорошо.
 - Ага, в рот кладут и проглотить упрашивают.
 - Не, парни, такая уж судьба наша.
 - Это на беляков-то горбатиться?
 - А что, так оно и есть.
 - Точно, в Овраге отдохнём.
 - Не-а, мы и после смерти на них работать будем.
 - Охренел, Белёсый?
 - Это как это?
 - А просто. Они будут в котлах кипеть, а мы будем дрова подкладывать!
- И дружный мощный хохот, и десятки рук, восторженно бьющих Андрея по плечам и спине.
- Ну, парень, ну, даёшь...!
 - А возьми!
 - Ну, за такое ставлю всем!
 - И я ставлю!
 - И я, чтоб...
 - Жратва кончается.
 - Гундосый, у тебя ещё есть что, или рыба одна?
- Гундосый смёл со стола на обрывок газеты рыбы ошмётки и вынес их на улицу. Отдав свёрток забормотавшим благодарность шакалам, вернулся и спросил:
- Платить кто будет? Восемь кредиток стоит.
- Андрей и Эркин переглянулись, и Эркин ответил:
- Мы. Но на этом всё.
 - А как же... – ответил многоголосый гул. – Понятное дело... Что мы, вовсе без совести?
- И так вона...

Гундосый положил на стол большой кусок жирного копчёного мяса и длинным – длиннее, чем у Андрея – острым ножом стал нарезать его на тонкие ломти. Взглядом пересчитал присутствующих и, нахмурившись, проверил, хватит ли ломтей.

– А с меня за хлеб возьми, – сказал Арч. – Две буханки клади.

– Я бутылку ставлю, – кивнул Одноухий. – Получи, пока мы ещё в трезвом.

Гундосый собрал деньги, выложил на стол две уже нарезанные буханки тёмного хлеба и, слегка пристукнув, поставил бутылку с почти прозрачной жидкостью.

– Ну что, за удачу, так, что ли?

– Всем удачи!

– Кому не везло, так пусть повезёт.

– А кому везло, пусть и дальше так.

– За нас, парни!

– Идёт!

– За нас!

Они возвращались домой усталые, переполненные впечатлениями, но очень довольные прогулкой. Женя несла сумку с покупками и вела Алису. Вернее, Алиса, цепляясь за её руку, брела рядом и даже болтать перестала от усталости. Но мужественно не просилась на руки.

– Потерпи, мой зайчик, скоро придём.

– Потерплю, – кивнула со вздохом Алиса.

Конечно, потерпит, она не маленькая. Мама повела её на ленч в кафе, значит, она уже большая. Какая улица длинная... всё было так вкусно и интересно. Только чего-то спать хочется.

Пока Женя открывала калитку и нижнюю дверь, Алиса ещё держалась, но на лестнице Жене пришлось всё-таки взять её на руки. Алиса успела сказать: «Я сама...» – и заснула. Женя раздела её, уложила и занялась покупками.

Так много на еду, да за один раз она ещё никогда не тратила. И никогда не покупала таких дорогих вещей. Женя выкладывала на кухонный стол прозрачные из целлофана и блестящие из фольги пакетики и коробочки. Салами, ветчина, сервелат, сыр трёх видов, копчёный лосось, пикантная телятина. Коробочка с «пьяной» вишней в шоколаде, пакетик фигурного миндального печенья, пакетики с сахарными куклами, изюм и арахис в шоколаде... Конечно, это безумие – так тратить деньги, но, боже мой, как же приятно безумствовать! Это же не еда, так, баловство, и дорого, и не сытно, но должно быть так вкусно.

Она разложила все эти пакетики и коробочки и вернулась в комнату. Алиса спала, разметавшись. Женя поправила ей одеяло и передвинула штору, заслоняя кровать, а то солнце уже низко и далеко достаёт. А она сама... приляжет на минутку и возьмётся за ужин. И на завтра надо всё приготовить, но хоть на минуточку прилечь... Странно даже, от чего бы ей устать? Женя переоделась и в халате прилегла на кровать, на мягкий пушистый ковёр. Поджала ноги, чтобы их прикрывали полы, и прижалась щекой к плюшу, погладила его рукой. Мягкий какой ковёр Эркин привёз...

Эркин пришёл домой засветло, когда и улицы, и двор ещё заполнены людьми. Как и вчера, он своими ключами открыл калитку и нижнюю дверь. Разумеется, его видели, но никто не подошёл и тем более не заговорил. Он поднялся по лестнице, открыл верхнюю дверь и вошёл. Его встретила тишина. Женя дома? Почему так тихо? Но тишина была не страшная, а какая-то тёплая и живая. Он осторожно заглянул в комнату и увидел их. И Женю, и Алису. Спят. Он бесшумно прошёл в кладовку, оставил там куртку, заглянул в кухню. Похоже, Женя не готовила сегодня – плита совсем остыла. Эркин развёл огонь в топке и поставил чайник. Потом переоделся в кладовке в рабские штаны и тенниску, переобулся и пошёл в комнату.

В шлёпанцах тяжело идти бесшумно, но он сумел подойти к кровати, не разбудив ни Женю, ни Алису. Алиса спит, разбросав руки и ноги во все стороны, так что видно, что скоро ей кровать станет тесной. А Женя свернулась клубком на боку, и он видит её лицо. Такое спокойное, такое... счастливое. Очень осторожно, совершенно бесшумно Эркин встал на колени у кровати лицом к лицу и осторожно коснулся губами её руки.

Женя вздохнула и открыла глаза.

– Я разбудил тебя?

– И правильно сделал, – Женя улыбнулась и положила руку ему на затылок, погладила, пропуская между пальцами пряди его волос. – Который час, Эркин? Уже вечер?

– Не знаю, – Эркин говорил, уткнувшись лицом в её руку. – Ещё светло.

– Ага, – Женя, не убирая руки, медленно выпрямилась и потянулась. – Надо вставать. Сейчас Алиса проснётся.

– А я и не сплю, – откликнулась Алиса совсем не сонным голосом. – Я уже давно лежу и вас слушаю.

– Тогда вставай, не валяйся.

Эркин ещё раз потёрся лицом о руку Жени и встал. И Женя легко вскочила, расправила, разгладила складки на ковре и подошла к окну.

– Джен, мисс Джен! – позвали её снизу.

Эркин бесшумно метнулся к двери, чтобы его не заметили со двора.

– Да, миссис Маури, – высунулась в окно Женя. – Добрый вечер.

– Добрый вечер, милочка, вы не спуститесь на минутку?

– Разумеется, миссис Маури.

Женя оглянулась, но Эркина уже не было в комнате. Она пошла в прихожую и спустилась по лестнице.

Элма Маури ждала её у крыльца. Разумеется, обычные жалобы на годы и больные ноги, что делают для неё недоступными любые лестницы. Женя, как всегда, посочувствовала.

– У вас снова есть работник, Джен?

– Да, – спокойно ответила Женя.

– Вы умница, Джен, разумеется, грязная работа не для леди. И много вы ему платите?

– Я сдаю ему койку, – улыбнулась Женя. – Так что платит он.

– И работает, – засмеялась Элма. – Вы прижимистая хозяйка, Джен, так и надо. И где же вы поставили эту... койку?

– Ну, это только так называется, а спит он на полу в кладовке.

Элма пришла в восторг от находчивости и ума Жени. И перешла к главному. Надо уже думать о зимнем запасе дров. Как Женя смотрит на то, чтобы повторить тот весенний эксперимент? Закупить совместно несколько грузовиков фактически брёвен. Оптом это будет дешевле. Эти же... работники напилят и поколют. На тех же, что и летом, условиях. Женя смотрела положительно.

– Агент из конторы уже приходил.

– Я, наверное, была на работе. Контора та же, что и тогда?

– Да. Дрова были неплохие.

– Да. Имеет смысл, миссис Маури. Я согласна.

– Значит, вы разрешите своему работнику поработать на остальных?

– Да, конечно. У него есть напарник, справятся.

– Ну конечно. Справились тогда – справятся и сейчас. И условия те же. Ленч, обед и деньгами. Всё вскладчину.

– Да, я согласна.

– Вы будете брать грузовик?

– Да, один, миссис Маури. Больше в сарай не войдёт, а оставлять открыто...

– Разумеется, Джен, это кого-то снабжать. Честных людей совсем не осталось.

Они ещё немного поболтали о падении нравов, миссис Маури занесла Женю в свой список, и они расстались.

Женя поднялась наверх, заперев за собой нижнюю дверь, а то ещё, не дай бог, влезет кто-нибудь непрошенный. И верхнюю тоже. Хотя всё и кончилось благополучно, но страху она всё-таки набралась.

Она заглянула в кухню. Эркин сидел на корточках у открытой топки, поправляя поленья. Алиса стояла рядом, очень серьёзная, даже хмурая.

– Всё в порядке, Эркин?

Он обернулся к ней и улыбнулся, но она увидела, что улыбка не слишком весёлая. Женя подошла к окнам, задёрнула и расправила шторы.

– Алиса, постель убрала?

Алиса вздохнула, но побрела в комнату. Женя подошла к плите, опустилась на корточки рядом с Эркином, обняла за плечи и уткнулась в него лбом.

– Ничего, Женя, – Эркин старался говорить весело. – Всё в порядке, правда. Чайник я поставил.

– Вижу, – вздохнула Женя. – Я... спасибо тебе, милый.

– Не за что, – Эркин шевельнул плечом так, чтобы лицо Жени передвинулось, и он смог поцеловать её в висок. – Ужинать будем?

– Ты голодный? – обрадовалась Женя.

– От еды я никогда не отказывался.

– Вот и отлично! – Женя поцеловала его в щёку и встала. – Я всякой вкуснятины накупила сегодня.

– Накупила чего?

– Ну, очень вкусного.

– А-а, – он кивнул и встал. – Понял. Я здесь подожду, пока стемнеет.

– Эркин...

– Всё в порядке, Женя. Ещё рано для штор, ведь так?

– А ты на кровати посидишь, её не видно со двора.

– Лучше не рисковать, – улыбнулся Эркин. – Мне и здесь хорошо.

Женя обняла его, прижалась щекой к груди. Эркин мягко обхватил её, прижимая к себе.

– А меня?! – требовательно спросила Алиса.

Эркин сразу отпустил Женю и взял Алису на руки. Алиса обхватила их обоих за шеи, и теперь они так и стояли. Все вместе.

Алисе надоело первой, она забарахталась, и Эркин опустил её на пол, посмотрел на плиту и тихо засмеялся:

– Смотри, закипает уже.

Женя оторвалась от Эркина.

– Да, я сейчас всё приготовлю. Алиса, помоги мне.

Женя всё всегда делала быстро, но сейчас она ходила медленно, забывала то одно, то другое. Эркин, догадавшись о её идее, передвинул чайник на край плиты, чтобы не закипел раньше времени. Подумал было, не сходить ли за дровами и водой на утро, но так не хотелось выходить... Ладно, всегда это делал с утра, вот завтра и сделает. Завтра им с Андреем на станцию. На рынке работы мало, и она дешёвая, а на станции... Прокормиться можно, но не отложить. Ладно, запас пока есть, а на еду он заработает. Себе, Жене и Алисе.

– Эркин, всё готово, идём ужинать.

Он вздрогнул от голоса Жени, тщательно закрыл топку у плиты и встал.

– Да, сейчас. Руки только вымою.

В комнате уже задёрнуты и расправлены шторы, а на столе... Эркин чуть не присвистнул от изумления. Нарезанный белый хлеб и... ветчина, салями, сыр... Опять королевский ужин?

– Вот это да!

– Садись, – рассмеялась Женя. – Пировать будем.

– Что? Пировать? – переспросил он.

– Пир – это праздничный стол, – объяснила Женя. – Гости, или праздник, или просто всё очень вкусно.

– Понял, – кивнул Эркин, усаживаясь на своё место. – Только у тебя всегда всё вкусно. Каждый день пирую. Правильно?

Женя вместо ответа чмокнула его в висок.

– Мы и сладкого закупили, – сообщила Алиса. – Только мама не достаёт. Мам, а сладкое?

– Сладкое потом. Алиса, не хватай, сейчас я тебе сделаю. Эркин, бери хлеб и накладывай себе.

Копчёный лосось со сладким чаем... Непривычно, но здорово вкусно. Лучше, чем с водкой или вином. Нет, тогда было хорошо, но сейчас вкуснее.

– Я такое в первый раз пробую, – улыбнулась Женя. – А ты?

– Во второй, – ответил он улыбкой и тут же стал рассказывать: – Помнишь, я говорил, Джонатан ужин праздничный устроил? Королевский. Вот там и попробовал.

О Паласных угощениях он не то что умалчивал, а просто не вспоминал. Эркин уже понимал, что в еде главное не что ешь, а как. Доесть надкусанное – это одно, как их угощал Джонатан – это другое, а сейчас – и вовсе третье.

– Только там мы не чаем запивали.

– Водку пили? – шутя спросила Женя. – Или вино?

– И водку, и вино, и коньяк, и коктейли разные, – рассмеялся Эркин.

– А самое вкусное что? – заинтересовалась Алиса.

– Чай, – сразу ответил Эркин.

Он так убеждённо это сказал, а Алиса так серьёзно с ним согласилась, что Женя рассмеялась и долго не могла остановиться. И Эркин смеялся, и Алиса. Такого весёлого ужина у них ещё вообще не было.

Салями Алисе не понравилась.

– Жжётся, – заявила она. – Мам, поменяй мне жгучку.

– Ладно, – согласилась Женя, – давай меняться. Держи с рыбой. Эркин, а тебе как?

– Мне нравится, – он подмигнул Жене. – Меняться не буду.

Потом пили чай со сладким. Женя положила каждому всего понемножку.

– А этого я никогда не ел, – сразу сказал Эркин, увидев коробочку с «пьяной вишней». – Даже не видел.

– Возьми ещё, – предложила Женя.

Он мотнул головой.

– Всё сразу съесть, что на потом останется?

Алиса допила чай, явно через силу затолкала в рот остаток своего печенья и слезла со стула.

– Вы как хотите, а я спать пойду.

– Ну и умница, – Женя встала, собирая посуду. Посмотрела на Эркина. Он кивнул, и Женя оставила на столе две чашки. Свою и его, а остальное унесла на кухню.

Эркин встал и подошёл к кровати. Как же с ковром-то сделать? С Андреем посоветоваться, что ли? Может, он вспомнит, как у них дома было. Не прибавать же, в самом деле, к стене.

– Ты что, Эркин? – Женя уложила Алису и подошла к нему.

– Смотрю, как ковёр повесить, – сразу ответил Эркин. – Думаю... с Андреем посоветоваться.

– Конечно, – кивнула Женя. – Ещё чаю, да?

– Для разговора, – улыбнулся он.

– Как всегда, – ответила улыбкой Женя.

Они снова сели к столу, и Женя налила себе и ему чаю.

– А знаешь, – Эркин с наслаждением отпил, – там, ну, где мы были, чай совсем никто не пьёт. Только кофе.

– А тебе кофе нравится?

– Чай лучше, – и совсем тихо: – Лучше всего.

– А раньше, – Женя с удовольствием смотрела, как он пьёт, – ну, до Освобождения, ты чай пробовал?

– Не-а, – помотал он головой. – Только здесь. Завтра мы на станцию пойдём.

– Значит, удачно прошло у вас сегодня? Ну, с пропиской?

– Да. Нас помнят. Вожаки и вообще... основные все уцелели. Я-то чего боялся, что на День Империи побили их, но обошлось.

– Обошлось? – Женя зябко передёрнула плечами. – Ты не представляешь, что здесь было.

– А что? – его лицо стало встревоженным. – Тебя... коснулось?

– Стороной, – она попыталась улыбнуться, но воспоминание было слишком страшным.

– Расскажи, Женя, – его голос стал необычно твёрдым, даже жёстким. – Я должен знать.

Кто тебя... посмел?

– Да не меня, что ты. Меня, видишь ли, защищали. А парня этого... мулата...

– Расскажи, – повторил Эркин.

Она не могла, не решалась начать, и тогда он взял её за руки.

– Я здесь, я с тобой. Не бойся, Женя, расскажи мне.

И Женя подчинилась его силе, стала рассказывать. Сбиваясь, путаясь и с трудом удерживая слёзы. Он слушал, не перебивая, ни о чём не спрашивая, и только лицо у него потемнело, да сошлись на переносице брови. А когда она закончила, тихо сказал:

– Вот, значит, как они думали. Ну... ну... – он сдержал себя, не выругался вслух. – Не повезло парню.

– Почему, Эркин? Он же... остался жив. Остальных забили.

– Никто не знает, что русские делают с нами, Женя. Говорят... analysis, – сказал он по-английски. – Это – хуже смерти. Это очень... долгая смерть, Женя.

Она смотрела на него расширенными глазами, и он заставил себя улыбнуться.

– Я испортил вечер, Женя, так?

Она молча покачала головой. Эркин встал и поднял её, прижал к себе.

– Я здесь, Женя, я живой.

Она, всхлипнув, обняла его.

– Я здесь, – повторил он.

– Я боялась за тебя, – всхлипывала Женя. – Так боялась.

Эркин молча прижимал её к себе, покачивал, пока она не успокоилась, и тогда поцеловал. В глаза, щёки, углы рта, снова в щёки. И наконец её губы ответили ему, а глаза заблестели.

– Завтра рано вставать, ничего?

– Ничего, – улыбнулся он. – Лампу гасить?

– Нет, я ещё не видела тебя толком.

– И я тебя, – тихо засмеялся он. – А мне можно посмотреть?

– Тебе всё можно, – так же засмеялась Женя.

Эркин медленно, ощупывая, оглаживая взглядом и ладонями, раздел её.

– Вот так, да? Хорошо?

– Ага, – вздохнула Женя. – А я тебя давай. Тебе приятно?

– Очень.

Раздевать она не умела, но её прикосновения были настолько приятны, что он не помогал ей, тянул время. Только с завязкой на штанах чуть-чуть помог, а то бы она намертво затянула узел.

Женя, отступив на шаг, так откровенно любовалась им, что Эркин улыбнулся и, хвастаясь, заиграл мускулами.

– Была бы музыка, станцевал бы для тебя.

Женя засмеялась и обняла его.

– А ты как выше стал.

Он приподнял её и посадил на себя.

– Теперь ты выше.

– Ой, тебе же тяжело.

– Да не в жисть!

Ему и в самом деле не тяжело. Нет, конечно, Женя при всей своей худобе и хрупкости что-то весила, да и хрупкая она только по сравнению с ним самим, но её веса он не ощущал. Эркин тёрся лицом о её грудь, трогал губами и языком соски. Почувствовав, что она дрожит, донёс до кровати и, прижимая по-прежнему к себе, стал одной рукой отворачивать ковёр. Но Женя вдруг напряглась, пытаясь отстраниться.

– Тебе неудобно?

– Нет, тебе, не обижайся, – ответила Женя. – Пусти, я помогу.

Она высвободилась, успев поцеловать его в щёку, и очень быстро и ловко разобрала постель.

– Ну вот, – Женя нырнула под одеяло, прижалась к стене, освобождая ему место. – Иди сюда, Эркин.

– Тогда я лампу погашу, – он совсем тихо засмеялся. – Под одеялом свет не нужен, так?

– Ага, – она охотно поддержала шутку. – Там не смотреть надо.

Эркин подошёл к столу и погасил лампу. Вернулся к кровати и сразу наткнулся на руки Жени.

– Ну, где же ты?

– Здесь, я здесь, Женя.

Он лёг рядом с ней, и она всё поправляла одеяло, укрывая его, обнимая, притягивая к себе, и наконец замерла, обхватив его руками и прижавшись всем телом. Он осторожно мягко нажал, и она поддалась нажиму, впуская его. Эркин толкал её медленно, плавно качаясь на всю длину. Женя всё крепче, судорожнее цеплялась за него, и сама всё сильнее отвечала ему встречным движением.

И опять горячая волна туманила ему голову, и, уже теряя контроль над собой, он обхватывал Женю, прижимался к ней, словно боялся потерять...

...Они лежали рядом. Женя спала, крепко спала. Эркин чувствовал это по её ровному дыханию, по тому, как легко лежали на нём её руки. Она не проснулась, когда он осторожно высвободился из её объятий, только вздохнула и спросила:

– Уже утро?

– Нет, – тихо ответил Эркин, вставая и укрывая её. – Ещё ночь.

– Ага, – согласилась Женя, подсовывая под щёку угол одеяла.

В комнате по-ночному темно. Середина ночи, или только-только перевалило за середину. Эркин прислушался к дыханию Жени. Спит. Пусть спит. Он ощупью подобрал с пола свои вещи и босиком, чтобы стуком шлёпанцев не разбудить Женю, пошёл к себе в кладовку. За три месяца он ничего не забыл. Да и не изменилось здесь ничего. Эркин вытащил и развернул свою постель и лёг. От белья пахло Женей. Она стирала, гладила, это запах её рук.

Эркин поёрзал щекой по подушке. Тело было лёгким и сильным. Он мог бы ещё. Всю ночь. До утра. И потом. Но Жене надо отдохнуть, выспаться. И каждый раз он не помнит себя, теряет. Никогда с ним такого не было. Никогда. Слышал о таком и не верил. И в первый раз у него было... тогда... с Женей... ещё в Паласе. И опять не поверил. Даже не думал об этом. И вот опять... Каждый раз. И помнит ведь. Где он, что делает, как делает... и всё равно... теряет. Со спальницей той, с мулаткой ни разу не потерял. Работал легко, играючи, всё получалось, а вспомнишь... И будто впрямь смену отработал, даже Палас потом снился. А с Женей... Что ж, получается, Фредди правду сказал: «Сам другой, и всё другое». Значит, бывает и такое, о чём шептались иногда в питомнике, на учебке. В Паласе об этом не говорили. За три, много пять смен доходило. Это самое страшное, что может случиться со спальником. Страшнее горячки, страшнее любого тока, страшнее камеры с лагерниками. Пока тебя бьют, пока над тобой кто-то, ты ещё можешь увернуться, прикрыться, просто вырубиться, чтобы уже ничего не чувствовать. А когда тебя самого, нет, когда сам себя... От самого себя не прикроешься. Как он тогда после Жени смог год в Паласе продержаться? Ничего не помнит. Будто и не было ничего. Менялись Паласы, клиентки... В имение его уже двадцатилетним привезли, а с Женей он в девятнадцать был. Год или меньше? Вроде тогда... Нет, не знает, не помнит. В имение его перед весной привезли. Летом его тогда на выпас дёрнули. Да, он уже перегорел, и не болело ничего. «Сам другой, и всё другое».

Эркин поворочался, кутаясь в одеяло. Ничего ему не надо. Пусть будет всё как есть. Хуже бы не стало, а лучшего и не бывает. Не надо ему лучшего. Это бы сохранить.

Тетрадь тридцатая

Алабама

Графство Дурбан

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Центральный военный госпиталь располагался на окраине Спрингфилда. Город невелик, от вокзала по прямой полчаса хода. Они шли по разным сторонам улицы, придерживаясь той же тактики, что и в дороге. Трое цветных сами по себе, а Фредди отдельно, но друг друга видят, чтобы в случае чего... ну, в дороге ничего особого случиться не могло. Документы на случай патруля есть у всех.

Рано утром – первый поезд на Спрингфилд уходил в шесть тридцать семь – Фредди, придя на вокзал, сразу заметил их. Парни стояли на дальнем конце перрона. Рабские куртки, заплечные мешки. Всё взяли – ясно. Яркие полосы на перроне отмечали границы класса вагонов, зоны стоимости. Парни стояли в самой дешёвой. Скользнув по ним равнодушным взглядом, Фредди прошёл в самую дорогую зону. Перрон пуст, так что им всё равно видно друг друга. Подбежал перронный кассир.

– Далеко, сэр?

– До Спрингфилда, – Фредди достал бумажник.

– Пожалуйста, сэр. Счастливой дороги, сэр.

Отдав сдачу и получив чаевые, кассир быстрым, но непочтительным шагом направился к парням.

– Эй вы! Куда это собрались?

– В Спрингфилд, сэр.

Голоса гулко отдавались под навесом над пустынным в это время пассажирским перроном.

– Носит вас. Гоните деньги. На товарняке они уже не могут, скажите, лорды какие.

Кассир как раз успел отдать билеты, когда подошёл поезд. Фредди увидел, как парней впустили в вагон, и тогда, небрежным щелчком отбросив в урну окурков, вошёл сам. Проводник принял билет и провёл на свободное место.

– До Спрингфилда, сэр? Прошу сюда, здесь вам будет удобно. Виски, коньяк... Как прикажете, сэр.

В купе он один. Пока. Фредди бросил свой кейс в багажную сетку. Снял и повесил плащ и шляпу. В Спрингфилде ковбойский костюм – лишняя примета. Незачем бросаться в глаза там, где можно остаться незаметным. Другое графство – другие нравы.

– Газету, сэр?

Фредди кивнул и взял газету. Ну что ж, будем надеяться, что всё обойдётся. В самых дешёвых вагонах тоже пришлось поехать, и он хорошо представлял, как парни устраиваются на жёсткой деревянной скамье с высокой спинкой, размещая мешки под скамьёй, чтобы при-

держивать их ногами. Интересно, сообразили они запастись в дорогу едой, хотя... это их проблемы.

– Сэр?

– Пожалуйста.

Фредди, не отрываясь от газеты, кивнул, пропуская попутчика. Похоже, из лендлордов. Да, видел в «Приме», играет неплохо, но из боязни проигрыша пару раз упустил хороший куш.

Лендлорд сел напротив и также развернул газету. Ну и хрен с ним. Русский капитан наверняка предупредил о них, хорошо, если только врача, а если и тамошнюю комендатуру? Тогда... тогда их встретят уже на перроне. Три спальника и... интересно, конечно, как русский его охарактеризовал. От этого многое зависит. Если на вокзале обойдётся, то до госпиталя добраться – не проблема. По прямой и полчаса ходьбы не будет. Войти... не проблема, вход нигде не проблема, проблема в выходе. Там и посмотрим, по обстоятельствам. Конечно, верить власти, тем более военной, да ещё оккупационной... глупость, помноженная на глупость и ещё раз на результат. Шансы... меньше пяти из сотни, но другого выхода нет. Сумел вляпаться, никто тебя за язык не дёргал, стволом в затылок не тыкал, сам пасть раззявил, ну так давай. Вперёд и не оглядываясь.

Купе постепенно заполнялось. До Спрингфилда это не самый удачный поезд. Много остановок и прибытие только к вечеру, но зато без пересадок.

Дорога прошла спокойно, в необязательных, ненужных и неважных разговорах. Приехали без опоздания, всё-таки жизнь налаживается, да и то, больше полугода прошло, как война кончилась.

В Спрингфилде Фредди закурился на перроне, пока не схлынули остальные пассажиры. И тогда, встретившись глазами с негром, пошёл к выходу. А ловкие парни – мелькнула одобрительная мысль – с ходу понимают и подстраиваются. Сами сообразили идти по другой стороне: и видно, и как сами по себе.

Они дошли до госпиталя без остановок, не встретив ни одного патруля. Но пока ещё день, а что здесь вечером... Ладно. До войны, а чёрт его знает, что здесь было до войны и было ли что вообще. Ладно, это всё побоку. Забор цементный, в девять футов, но проволоки по верху нет, ворота... ну, в ворота входят, а выходят... уж как получится.

Фредди остановился чуть сбоку, не дойдя до ворот ярдов пятьдесят. И что там? Будка внутренняя, часового не видно. Та-ак... Взглядом попросил парней подойти.

– Входим, сэр? – улыбнулся трёхкровка.

– Прежде, чем войти, подумай, как выйти, – спокойно ответил Фредди. – Как тебя, Найджел, так? Пройдись вдоль ворот и посмотри охрану. Аккуратно только.

Парень оторопело хлопнул ресницами, но тут же сообразил. Кивнул, сбросил свой мешок на руки мулату и неспешно, будто так, сам по себе, от нечего делать по улице болтается, пошёл к забору. Фредди, чуть шурясь, следил за ним. А молодец парень, сообразил, взял чуть вбок, так, теперь вдоль забора и... обратно? Рискует. И когда улыбаясь, Найджел вернулся к ним, Фредди встретил его неожиданным:

– С одного раза надо всё видеть. Ну?

– Там будка. В ней один... солдат.

– Телефон есть?

– Не видел, сэр.

– Всё равно хреново.

– А... телефон? Он какой из себя, сэр? – осторожно спросил мулат.

– Уже неважно, – усмехнулся Фредди. – Так, парни. Уже смеркается, второй вход проверять некогда. Идём сейчас или завтра? Решайте.

Они быстро переглянулись.

– Охрана бывает на всех воротах, сэр, – тихо сказал негр. – Завтра её не уберут для нас.

– Соображаешь, – кивнул Фредди. – Рисуем?
– Если нас ждут там сегодня, сэр, – мулат старался говорить с улыбкой, – то будут ждать и завтра.

– Тоже правильно. Значит, идём. Одно скажу. Между мной и кем другим не становитесь.

– Ваша пуля лучше, – резко ответил негр.

Остальные кивнули.

– Вы... вы же не дадите нам мучиться, – трёхкровка улыбался. – Вы же умеете... одной пулей, сэр.

– Умею, – кивнул Фредди. – И всё равно. Если что, за меня и слушаться... как бога. Пошли.

Когда они вошли в ворота, из будочки навстречу им шагнул русский в форме. Сержант? Не офицер, во всяком случае. Оружие... кобура расстёгнута.

– Вы к кому?

Он говорил по-английски с акцентом, но понятно.

– К доктору Аристоффу, – твёрдо ответил Фредди.

– Минутку.

Русский вернулся в будочку. Да, говорит по телефону, но по-русски. Чёрт, Эндрю бы сюда. Или Эркина... Чтоб хоть знать: пуля сразу или после разговора. Так, выходит...

– Третий корпус, второй этаж, кабинет двадцать семь.

Русский точно указал направление. Ошибиться нельзя. Ну, что же...

– Благодарю, – Фредди вежливо коснулся края шляпы.

Русский откозырял и вернулся в будочку. Ну, что ж, вперёд.

Парни шли за ним и чуть сбоку. Барбарисовые кусты, вымощенная цветной плиткой дорожка, ухоженные газоны. Что же здесь раньше было? Не могли русские так быстро настолько развернуться. Но это неважно. Пока неважно. Пустынно. Ну да, уже сумерки, если есть ходячие... со свободным выходом, то уже в палатах, ужинают.

Третий корпус длинный, но на один подъезд, в четыре этажа. Стандартная коробка. Двери широкие, под каталки. Небольшой, но просторный вестибюль, лестница... ага, ну, это легче.

Молоденькая девушка в белых халате и шапочке сидела у входа на лестницу за маленьким столом и читала толстую, изрядно затрёпанную книгу. Когда Фредди и парни подошли, девушка подняла голову. Шапочка низко надвинута на лоб и уши, полностью скрывая волосы. Левая щека, висок, часть лба... залиты багровым следом ожога с заметными рубцами. Левый глаз закрыт и будто прищурен, а правый... смотрит грустно и отчуждённо. Фредди улыбнулся самой обаятельной улыбкой:

– К доктору Аристоффу.

Она молча кивнула и снова уткнулась в книгу.

– Спасибо, мэм, – нежно воркуя, сказал негр, и она быстро вскинула на него глаз и снова опустила.

На лестнице Фредди вопросительно посмотрел на него, и тот быстро улыбнулся:

– Нам ещё выйти надо.

– Соображаешь, – невесело усмехнулся Фредди.

Двадцать седьмой кабинет оказался напротив лестницы. Коридор в обе стороны пустын. Темнеет уже. Отступить всё равно некуда. И незачем. Пока незачем. Фредди оглядел всех троих. А крепко держатся парни. Ну...

– Я начну. Но основной разговор ваш. Я на страховке.

– Да, сэр, – кивнул негр. – Мы готовы.

Фредди постучал. Мужской голос что-то сказал и тут же по-английски:

– Входите.

Фредди толкнул дверь, и они вошли.

Стандартный кабинет общего осмотра. Весы, ростомер, кушетка за ширмой, стеклянный шкаф с инструментами, деревянный глухой... или сейф под дерево? Нет, на ножках, значит, шкаф. Стол врача, стол сестры... Окно, цветы, выющийся стебель на стене...

– Добрый день. Вы доктор Аристофф? – Фредди улыбнулся. – Мы к вам.

– Добрый день. Вы из Бифпита, не так ли?

– Да, сэр. Добрый день, сэр, – немного вразнобой, но довольно уверенно поздоровались парни.

– Садитесь. Меня известили о вашем приезде. Чем могу быть полезен?

Ты смотри, в открытую играет. Ну, парни, теперь вы.

Фредди нашёл взглядом негра, и тот кивнул, показывая, что всё понял.

Парни устроили, рассаживаясь, небольшую неразбериху, позволив Фредди сесть так, чтобы дверь не оказалась за его спиной, а он мог видеть сразу всех. И негр заговорил:

– Сэр, мы хотим открыть своё дело. Массажное заведение. Мы все знаем это, но нам сказали, что только вы можете дать нам на это разрешение. Поэтому мы и приехали к вам. У нас есть официальный запрос и письмо для вас. Вот, пожалуйста.

Он встал, положил перед доктором два конверта и снова сел.

– Понятно, – Аристов быстро вскрыл конверты. – Это запрос. Письмо... минутку...

Он быстро пробежал глазами по тексту письма. В принципе ничего нового. Всё это Старцев сказал ему ещё по телефону. Но интересный какой расклад получается. Напряжены до предела, но держатся. Первые, кто пришли сами. А это, значит, и есть Трейси. На ковбоя он сейчас похож... как я на балерину. Прежде всего – успокоить. Гена прав: Трейси импульсивен. Для отличного стрелка опасное качество. Успокоить.

– Хорошо. Разумеется, это, я имею в виду проверку и подтверждение вашей квалификации, вполне возможно. Но это займёт не менее трёх дней. Кроме того, вам самим надо будет пройти проверку.

– Какую, сэр?

Фредди досадливо прикусил изнутри губу. Самый молодой сорвался. Влез с вопросом, да ещё явный страх в голосе. Нельзя показывать слабинку. Сразу же туда и надавят.

– Накожные заболевания, паразиты, туберкулёз... – Аристов пожал плечами. – Для такой работы, которую вы себе выбрали, вы должны быть абсолютно здоровы.

– Сэр, и долго будет длиться эта проверка? – очень спокойно спросил негр.

– Всё вместе, не думаю, что больше недели, – так же спокойно ответил Аристов.

Негр осторожно покосился на Фредди. Фредди, поймав этот взгляд, еле заметно кивнул.

– Мы согласны, сэр.

– Отлично. Сегодня уже поздно, завтра приходите к девяти.

Их выпускают так запросто?! Нет, сейчас ударят. Вот оно!

– Вам есть где остановиться? Или вы, – Аристов глазами показал на мешки, – прямо с поезда?

– Да, сэр, – кивнул негр. – Спасибо, сэр, но мы найдём ночлег.

Но Аристов уже нажал кнопку на маленьком пульте в углу стола. Фредди напрягся, но в дверь никто не вошёл. А, так это селектор!

– Добрый вечер, кто дежурит, Леон?

– Добрый вечер, сэр, да, это я, – динамик откликнулся бархатистым низким голосом. – Дежурит Стив, но он ушёл в столовую. Что-нибудь нужно, сэр?

– Нужно. У вас найдётся свободная комната на три койки?

– А что, – вмешался высокий звонкий голос, – кого-то привезли? Добрый вечер, доктор.

– Добрый вечер, Андрей.

Фредди невольно вздрогнул, но доктор, не заметив этого, продолжал:

– Нет, они сами приехали. По делу. Но им надо где-то остановиться на неделю.

Из динамика доносились чьи-то неразборчивые голоса, похоже, там завязался спор. Парни прислушивались с таким напряжением, что Фредди понял... похоже... они что, узнали кого-то? Лучше или хуже?

– Доктор, – пробился наконец один голос. – Мы подойдём сейчас, можно?

– Только мы уже так, не в форме, – вмешался опять тот, кого доктор назвал Андреем.

– Ничего, – улыбнулся Аристов. – Ко мне можно.

– Мы сейчас.

Аристов щёлкнул выключателем, погасив лампочку на своём пульте, и улыбаясь посмотрел на них.

– Ну вот. Дело в том, что у нас есть небольшое общежитие для обслуживающего персонала. Если есть свободные места, вы сможете там остановиться. Ночлег и питание, – он улыбнулся, – есть душ. И стоять это вам будет дешевле, чем в городе.

– Спасибо, сэр, а если...

Негр не договорил, потому что в дверь стукнули, вернее, её со стуком распахнули, и в кабинет ввалилось трое парней в ярких ковбойках и армейских брюках. И Фредди сразу – набил уже глаз – признал в них... коллег Эркина. Влетевший первым рослый мулат лет двадцати замер с открытым ртом, глядя на медленно встававшего трёхкровку.

– С ума сойти, – справился он наконец с нижней челюстью. – Прутик? Живой?!

– Еды тебе, Глазастый, – улыбнулся трёхкровка.

Они неуверенно, как-то неуклюже обнялись и остались так стоять посреди кабинета.

Вскочили на ноги и остальные. И вся шестёрка сгрудилась, обхватив друг друга за плечи и сблизив головы. Фредди, тоже невольно вскочивший, встретился глазами с доктором, и тот, улыбаясь, тихо сказал:

– Сейчас нам переведут.

Фредди кивнул и сел. Наконец круг распался, и все заговорили наперебой:

– Конечно, найдём...

– Там две койки уже...

– Ещё одну перетащим...

– Спасибо, сэр.

– Берите мешки, парни.

– Сейчас ужин как раз...

– Я скажу от вас, можно?

Тот, которого называли Глазастым, уже пробрался к пультам и уверенно включил его.

– Сол, ты? Ну, я это, Арчи.

– Чего тебе? – откликнулся динамик глубоким певучим голосом.

– Я от доктора Юри, слушай, ещё три порции сделай, а? Ну, попроси там, поулыбайся.

– Что, привезли кого?

– Сами приехали, понимаешь, всё сами, ну, потом объясню, они с дороги, голодные.

– Как всё сами? Ты чего несёшь?

Арчи-Глазастого оттолкнул высокий широкоплечий метис.

– Сол, это я, Крис, узнал? Делай три двойных, как хочешь, понял? Всё потом, – и выключил селектор. – Треплешься ты, Арч, много, а всё без дела. Всё, парни, берите мешки и пошли. Всё вам будет. И еда, и ночлег, и квалификация. Всё в порядке, доктор.

Он буквально вытолкнул всех из кабинета и, обернувшись в дверях, окатил Фредди такой белозубой улыбкой, что у того перехватило дыхание.

– Большое вам спасибо, сэр, можете всегда на нас рассчитывать, сэр.

И только быстро затихающий топот за дверью. Фредди посмотрел на доктора. Аристов улыбнулся.

– Всё будет в порядке, вы можете не беспокоиться.

Фредди кивнул, а Аристов продолжал:

– Завтра с утра они начнут проходить общее обследование.

– Они здоровы, – разжал губы Фредди.

– Охотно верю, – кивнул Аристов, – но для работы им необходимо пройти обследование и регулярно его повторять. Раз в год обязательно. Это общее требование ко всему медперсоналу.

– Хорошо, – Фредди вежливо улыбнулся. – Завтра в девять я буду здесь.

Улыбка Аристова стала чуть насмешливой.

– Хотите... тоже обследоваться?

– Нет, доктор, в своём здоровье я уверен. Но я хочу удостовериться в том, что у парней всё в порядке.

– Ну что ж, увиденному веришь больше, чем услышанному, не так ли? Пожалуйста, приходите. Пропуск не нужен. Скажете на входе, что идёте ко мне.

– Хорошо, – Фредди встал. – Благодарю вас, доктор. До завтра.

– До завтра, – встал и Аристов.

Они обменялись рукопожатием. Фредди ждал слов о пропуске. Уже стемнело, выпустят ли его часовые у ворот? Но доктор промолчал, а сам он таких разговоров никогда не заводил.

Девушка с обожжённым лицом по-прежнему читала. И, похоже, за это время и страницы не осилила. Бывает. На Фредди она не посмотрела, и он прошёл мимо, ограничившись молчаливым кивком.

Уже стемнело, но не настолько, чтобы не отличить дорожку от газона. Фредди шёл к воротам, смутно ощущая чьё-то присутствие, где-то в шагах десяти сзади, но не оборачивался. Решат послать пулю в затылок, так пошлют и из окна, и ничего ты сделать не сможешь.

Дошёл он благополучно. Когда оставалось не больше пяти шагов, из караульной будочки вышел русский – уже другой, значит, сменились – молча открыл ему узкую – на одного – калитку и так же молча закрыл за ним. Ни одного вопроса. Интересные порядки.

Отойдя на десяток ярдов, Фредди перевёл дыхание и закурил. Что ж, дело сделано и его не исправишь, как сказал шериф, перепутав приговорённых. Опять же за язык никто не дёргал. Завтра к девяти сюда. Сейчас, да, пожалуй, в «Экселенц». Не самый дорогой отель, но лучший из не самых дорогих. Парни среди своих. Если и есть какие-то сложности и заморочки, то найдётся кому предупредить. И доктор, похоже, как и капитан, предпочитает честную игру. Уже легче.

Навстречу быстро прошли, почти пробежали, негромко разговаривая между собой, четверо, но Фредди успел узнать ловкую бессознательную грацию движений. Тоже... из того же табуна. Он прислушался, чуть замедлив шаг. Да, звякают госпитальные ворота. Значит, свободный выход в город есть. Пусть не у всех, но это уже что-то. Совсем даже неплохо.

Аристов заканчивал работу с бумагами, когда в дверь осторожно постучали.

– Входите, парни, – сказал он по-английски.

Как всегда, Крис, Андрей и Эд пришли немного поболтать. Ну да, сегодня они работали в дневной смене.

– Можно, доктор Юра?

– Я же сказал: заходите. Устраивайтесь и подождите немного. Я сейчас закончу.

Бесшумно, очень ловко двигаясь, парни переставили стулья и расселись вокруг его стола. Как это Андрей сразу не прибежал посмотреть на новеньких? Аристов на секунду оторвался от очередной истории болезни.

– Я думал, Андрей, ты первым прибежишь посмотреть.

Молодой негр с пышной шапкой мелких кудряшек улыбнулся.

– Я за койкой побежал. Мы с Леоном всё сделали... бельё нашли, застелили.

– Где их устроили?
– В одиннадцатой камере, – ответил Эд.
– Комнате, – поправил его Крис. – Не привыкнешь всё, что ли? В комнатах живём.
– А работаем в палатах и зале, – рассмеялся Андрей. – И в кабинетах убираемся.
– Замололи, – фыркнул Эд. – Ну и что, главное, что поняли, – и усмехнулся. – Стар я переучиваться.

Все рассмеялись. Улыбнулся и Аристов, возвращаясь к ненавистной, но обязательной писанине. Эд – самый старший. Ему уже двадцать четыре, и он любит изображать этакого патриарха, смехом прикрывая свой страх перед роковой цифрой в двадцать пять лет. Да, старше Эда были только те двое, но их не удалось вывести из депрессии. Ещё зимой. А по госпитальному стажу старше всех Крис. Его привезли одним из первых, вытащив из развалин Паласа, уже горящим. Крис горел тяжело, до самого конца января, от депрессии начал отходить в марте. Пока горел, приходя в сознание, кричал, чтобы пристрелили. Не просил, не умолял, как другие, требовал. Пытался драться, бить врачей и сестёр, надеясь, что за сопротивление его убьют. Если бы не Тётя Паша, насильно кормившая его в депрессию... А Андрей только плакал и просил не трогать его, ему и так больно. В начале февраля солдаты отбили его у банды подонков, что таскали парня за собой, развлекаясь издевательствами над безответным рабом. Андрей тогда судорожно цеплялся за сержанта, просил не отдавать врачам, оставить своим рабом. Он и имя себе потом взял как у сержанта, что первый накормил его и не бил, и ничего за еду не потребовал.

Аристов дописал и захлопнул папку.

– Всё? – улыбнулся Андрей.
– Всё, – кивнул Аристов. – На сегодня. Ну, выкладывайте. Я же вижу.
– Доктор Юра, ты видишь и когда не смотришь? – прищурился Эд.
– Вижу, – улыбался Аристов.
– Они, ну, эти трое, – начал Эд, – интересные вещи говорят. Врут, конечно.
– Привирают, – поправил Крис.
– Ну да. Это уж, как всегда. Но что-то же и правда? А чему верить?
– Ну вот. Они говорят, что сами горели, – вступил Андрей. – Никто не помогал. Ну, положим, может. Хоть и трудно поверить, но... ладно. Но чтоб из чёрного тумана самим вылезти...
– Или треплют, что пастухами были, – заговорил Эд. – Это что ж, не болит у них, что ли? Или вот, скажем...

– Ладно, – перебил Крис. – Горячка, чёрный туман... это всё пустяки. Горим по-разному все. Ты о главном не спрашиваешь. Доктор Юра, сколько нам остаётся? Сколько после горячки и чёрного тумана прожить можно?

«Опять этот разговор», – досадливо подумал Аристов. Но для парней действительно это – самое главное. Как и для любого человека. Сколько ты ещё проживёшь? Про себя бы самого узнать...

– Не знаю, парни. Мы же говорили об этом.

– Да, – Крис обвёл их блестящими глазами. – Что больше года не проживёшь, мы знаем. Это нам всем ещё когда объяснили, – Андрей и Эд кивнули. – А вот они говорят, что знают парня, который пять лет назад перегорел, сам. Да ещё в горячку и в чёрный туман работал, скотником ворочал. А сейчас ему двадцать пять полных. И жив, и здоров, и не болит у него ничего, и...

– И с бабой ночь провёл, – улыбнулся Андрей. – И тоже...

– Про бабу не к делу, – остановил Андрея Эд. – Это мне... с приплатой не нужно. А другое... Что же получается? Получается, не год, а пять лет у нас есть, так? Или врут они?

– Да нет, – качнул головой Крис. – Незачем им врать. Вот тот парень, может, им наврал. Ну, в утешение. А они поверили. И мы следом.

– Ежели бы они гадость какую сказали, ты бы поверил, а? – прищурился Андрей. – Чему плохому ты сразу веришь?

– Так надёжнее, – усмехнулся Крис. – Рассуди, доктор Юра. Ты о нас всё знаешь.

– Не всё, – покачал головой Аристов. – Что сам видел, о чём вы мне рассказали, то и знаю. Если бы я смог этого парня осмотреть...

– Они его даже нам не назвали, – хмыкнул Эд. – Боятся.

– И чего? – насмешливо улыбнулся Андрей. – Мы же им объяснили всё.

– Себя вспомни, – посоветовал Крис. – Тебе, как привезли, тоже объясняли, ты много понимал тогда? Но перетрухали парни здорово. Завтра на осмотр кому-то из наших с ними идти надо. Можно, доктор Юра? А то они одни могут и не пойти.

– Можно, – кивнул Аристов. – Арчи пойдёт?

– Арчи с утра работает. Посмотрим. Если они на кого другого не согласятся, подменим Арчи.

– Не проблема, – кивнул Эд. – Хлебнули они, конечно, досыта.

– А кто не хлебнул? – пожал плечами Крис. – Доктор Юра, можно им верить? Поговори с ними.

Аристов твёрдо посмотрел ему в глаза.

– А они будут говорить со мной?

– Они очень боятся, но, – Крис хмыкнул, – попробуем их убедить. Мы, конечно, уж слишком насели.

– Ну, так не привезли их, а сами приехали, – усмехнулся Эд.

– Их этот беляк привёз, – вмешался Андрей. – Вот тоже. Беляк, а они о нём говорят... хорошо говорят. Чудно!

– Тебе твоего сержанта напомнить? – прищурился Крис.

– Сержанта не трожь! Он первый...

– Слышали. Чего там. У каждого такой первый был. Поняли это не сразу – другое дело. Ты его, ну, беляка этого, видел, доктор Юра, говорил с ним.

– Слишком мало, чтобы решать, – покачал головой Аристов. – Да и...

– Надо ли решать, так? – подхватил Крис. – Это их дела, правда?

– Их, – согласился Андрей. – А вот насчёт того парня, скотника, интересно. И ещё... они говорят, что в Бифпите их вообще десятков был. И все сами и горели, и из чёрного тумана выдирались. Один так вообще думал, что только он и уцелел.

– Получается, много нас осталось, – улыбнулся Эд.

– Так сколько ж нас было, если всех стреляли, и столько недобитков?! – Крис с заметным усилием сдержал себя. – Ладно, радоваться за парней надо. А мы... Ладно. Давайте о чём весёлом.

– О чём? – подозрительно спросил Эд.

– Ну, хотя бы, как ты сегодня растирки перепутал.

– Старческий склероз, – понимающе кивнул Андрей. – И этот... как его? Маразм, вот! Бывает.

Крис так хохотал, закрыв лицо ладонями и раскачиваясь, что едва не упал со стула. Эд обиженно надувал губы, но всё-таки рассмеялся со всеми.

– Сам виноват, – наконец отсмеялся Аристов. – Всё твердишь, что старик. Вот все и поверили.

– Выучили слова всякие, – ворчал Эд. – Учёные... мочёные...

– А тебе кто мешает учиться? – ухмылялся Андрей.

– Он своё и так доскрипит, – поддержал Крис. – Не лезь к старику, малец.

– Да ну вас... Учатся они... Как же! Андрей вон по-русски как знал два слова, так третье не выучит. Два скажет, на третьем застрянет.

- Крис много по-русски знает. Полчаса говорить может.
- Не говорить, а ругаться, – вздохнул Крис и улыбнулся. – Но меня понимают.
- А ты? Всё понимаешь? – спросил Аристов.
- Когда медленно говорят и... о несложном, ну, о том, что я и так знаю, то я почти всё понимаю. И сам могу сказать. Почти всё.
- А вы, парни? – Аристов посмотрел на Андрея и Эда.
- Ну-у... – замялся Эд. – Ну, не то, чтобы всё...
- Ну, кое-что, конечно, – неуверенно кивнул Андрей.
- Учи язык, Андрей, – усмехнулся Крис и медленно, тщательно подбирая слова, заговорил по-русски: – Имя русское, надо уметь говорить. Твой сержант придет, а ты говорить не умеешь. Тебе стыдно, ему обидно, – и посмотрел на Аристову.
- Тот с улыбкой кивнул.
- Молодец, – сказал по-русски и перешёл на английский. – Всё правильно сказал. И слова все на месте, и по смыслу ни одной ошибки.
- И чего это он наболтал? – Андрей обиженно смотрел на Криса. – Чего это он мне сказал, доктор Юра?
- Сейчас повторю, – усмехнулся Крис.
- А я понял, – сказал Эд.
- Так переведи, ну? Не можешь?
- Могу, – Эд пересказал слова Криса по-английски. – Ведь ты это сказал, так?
- Так, – кивнул Крис. И добавил: – Почти.
- В дверь постучали. Парни обернулись, недоуменно переглядываясь.
- Входите, – улыбнулся Аристов.
- Я убирать пришёл, – в кабинет вошёл полунегр-полуиндеец в синем халате. – Смотрю: свет из-под двери. Добрый вечер всем.
- Добрый вечер, Люк, – кивнул Аристов.
- Кивнули и парни. Люк ловко подвинул Андрея и сел рядом с ним.
- Крис опять хвастается, что по-русски лучше всех знает, да?
- Я не хвастаюсь, но что знаю, то знаю. А что лучше всех... это ты сказал, а не я. Как там парни?
- Эти трое-то? Дрыхнуть завалились, – Люк подмигнул. – В душ сходили и в отруб. Все рассмеялись.
- Перетрухали парни, конечно, – отсмеялся Люк.
- Себя вспомни, – посоветовал Эд. – Тебя когда привезли, ты уже горел всюду, а туда же...
- Не, я побитый был сильно, а горел слабо.
- Ага, в раскорячку в побег рванул.
- Ты что, умнее был? – огрызнулся Люк, но тут же улыбнулся. – Крис, ты уже покупкой похвастался? А то я так и не видел.
- Забыл совсем, – рассмеялся Крис. – Только рот открыл, как эти трое приехали, ну, и закрутился.
- Так давай, показывай, – подался вперёд Андрей. – Чего ещё купил?
- Крис вытащил из кармана плоский кожаный футляр на молнии.
- Чего это? – протянул руку Эд. – Ну-ка...
- Не лезь, – Крис медленно расстегнул молнию и раскрыл футляр.
- Ух ты-и!! – восхитился Люк. – Полный!
- Конечно, полный, – кивнул Крис. – Иначе и не стоило, – и посмотрел на Аристову. – Надоело, что один на всех... как в Паласе.
- Аристов кивнул, рассматривая маникюрный набор.

– Я на него давно глаз положил. Были и дороже, но там из-за футляра, а дешевле... там неполный. – Крис говорил не спеша, будто сам себя убеждал в правильности выбора.

– Всё своё хочешь иметь, – хмыкнул Эд.

– Я рассчитываю больше, чем на год, – резко ответил Крис.

– Ну да, тебе ж сколько? Двадцать три будет? Так это же два года, не больше, – зло улыбнулся Эд. – Поверил этим? Что и потом жить будешь?

– Я не верю белякам, – Крис аккуратно закрыл и спрятал футляр. – И никогда не верил. Мы не умирали, нас убивали, – он твёрдо посмотрел на Аристов. – Извини нас, доктор Юра, опять мы завели... Шар-ман-ка, – медленно выговорил он по-русски. – Так?

– Так, – согласился Аристов.

– Поздно уже, – Люк улыбнулся и встал. – Мне убирать надо.

– Верно, – встал Крис. – Пошли, парни. Спокойной ночи, доктор Юра.

– Спокойной ночи, – кивнул Аристов.

Парни попрощались и ушли. Люк деловито внёс ведро с водой.

– Я быстро, доктор Юра, – он улыбнулся. – Я не помешаю вам.

– Нет, Люк, работай спокойно, – Аристов быстро убрал бумаги в шкаф, навёл на столе порядок. – Я ухожу.

– Тогда спокойной вам ночи.

– Спасибо.

Аристов снял и убрал в шкаф халат. Вот и кончается день. Суматошный денёк выдался. Но как эта тройка разбередила парней?! Братья Слайдеры. До парней ещё не дошло, что те с фамилиями. Для наших пока имя, а не кличка – предел независимости. А тут...

Аристов не спеша шёл к жилому корпусу. Уже прохладно, осень. Как у парней много окон светится: не спят, обсуждают. И Трейси... интересная личность. С характером мужик, сразу видно. А вот как завтра будет, ещё посмотрим.

Без семи девять Фредди миновал госпитальные ворота. Часовой только кивнул, услышав фамилию доктора.

Утренний госпиталь был заметно многолюднее. Фредди то и дело ловил на себе удивлённые и любопытные взгляды встречных. Белые халаты поверх военной формы, голубых и зеленоватых костюмов, синие глухие халаты уборщиков и санитаров... а вот раненых почти не видно. Ну да, сейчас завтрак, обход... Вот и корпус. У входа на лестницу... Стол дежурной пуст. Заступают позже? Тем лучше.

Фредди легко взбежал по лестнице, поглядел на часы. Без одной девять. Вовремя. И постучал в уже знакомую дверь. Ему ответили по-русски, но Фредди счёл это разрешением войти и толкнул дверь.

Аристов поднял голову от своих бумаг и улыбнулся.

– О, военная точность. Здравствуйте.

– Здравствуйте, – улыбнулся Фредди. – К армии я никаким боком, но точность люблю. Извините, я вчера не представился. Фредерик Трейси. Можно Фредди. А вы?

– Доктор Аристов, просто доктор, а можно и по имени. Юрий.

– Юри?

– Пожалуйста, – кивнул Аристов. На пульте селектора замигала лампочка, и он включил его. – Слушаю.

– Доктор Юра, это Крис. Мы идём.

– Опаздываете. Две минуты десятого.

– Бежим.

Аристов улыбаясь посмотрел на Фредди.

– Значит, пойдёте с парнями до конца.

Он не спрашивал, а констатировал факт, но Фредди счёл необходимым ответить:

– Налил – так пей, разве не так?

Аристов хотел что-то сказать, но, как и вчера, дверь со стуком распахнулась и в кабинет влетела многоголосая толпа.

– Доброе утро...

– Доктор Юра, мы вместе...

– Можно?

– Доброе утро, сэр...

– Мы, если что, рядом...

Аристов встал и вышел из-за стола.

– Доброе утро. Слайдеры, готовы? Роберт? Метьюз? Найджел? – спрашивал он, пожимая руки растерянно кивавшим парням. – Отлично. Остальные быстро решайте. Больше одного нельзя.

– Я пойду, – сразу сказал Крис. – Парни, согласны? – и, не дожидаясь их ответа, стал выталкивать остальных за дверь.

Аристов открыл шкаф, достал оттуда белый халат и протянул его Фредди.

– Возьмите. Так вам будет удобнее. А плащ повесьте сюда.

Слайдеры, оторопело смотревшие на Фредди, уставились теперь на Аристова. Фредди спокойно, будто ничего особенного не происходит, подошёл к шкафу, повесил туда шляпу, снял и повесил плащ и надел халат. С удовлетворением отметив про себя, что чуть коротковато и тесновато, но в принципе... ничему не помеха.

– Отлично, – кивнул Аристов.

– Вы... вы тоже идёте, сэр? – справился наконец с нижней челюстью Роберт.

Фредди твёрдо посмотрел ему в глаза, перевёл взгляд на остальных и слегка улыбнулся.

– Я должен быть уверен, что всё в порядке.

– Так, – спокойно сказал Аристов. – Сейчас заполнят на вас карты.

– Я готова, Юрий Александрович, – незаметно вошедшая в кабинет девушка с обожжённым лицом уже сидела за маленьким столиком.

Она сказала это по-русски, но Фредди понял. Поняли и Слайдеры, но Крис всё-таки перевёл на английский и слегка подтолкнул Роберта.

– Имя... Фамилия... Год рождения...

Она медленно старательно заполняла графы, склонив голову набок, почти ложась здоровым глазом на стол.

– Вот, держи. Теперь следующий.

Заполнив и отдав им карты, она посмотрела на Аристова.

– Спасибо, Люся. Разбери пока истории и отнеси в регистратуру.

Напряжённо хмураясь, Крис не так перевёл, как пересказал по-английски его слова. Аристов кивнул и перешёл на английский.

– Молодец, справляешься. Пошли.

Они шли по коридору почти торжественным маршем. Впереди доктор, за ним сосредоточенные до паники Слайдеры, сжимавшие в руках свои карты, за ними Крис, дававший на ходу им пояснения камерным шёпотом, а замыкал шествие Фредди. Со стороны зрелище, как он понимал, если не комичное, то достаточно оригинальное. Но было не до смеха. Казённых коридоров с одинаковыми дверями он никогда не любил.

Окулист, отоларинголог, стоматолог, дерматолог... Здесь парни было запаниковали. Предложение раздеться чуть не повергло их в бегство. Но уточнение, что только до пояса, несколько успокоило. Да и Крис держался подчёркнуто спокойно.

После очередного осмотра Аристов привёл их обратно в свой кабинет и усадил перед столом. Люся собрала карточки и ушла.

– Итак, всё в порядке, – Аристов смотрел на них спокойно и уверенно. – Думаю, и дальше проблем не возникнет. Здоровье у вас отменное. Сейчас вы пойдёте на обед, после обеда посмотрите тренажёрный и массажный залы. И потренируетесь заодно. И зайдёте к психологу, он с вами поговорить хочет. Крис?

– Это к доктору Ване? – улыбнулся Крис. – А он сегодня как раз тоже на тренировку придёт.

– Вот и познакомитесь. Завтра с утра продолжите обследование. Но начать придётся до завтрака. Крис, объяснишь причину?

– Не проблема.

– И начнёте готовиться к экзамену.

– Они должны всё время находиться на территории Центра? – вдруг спросил Фредди.

Крис удивлённо посмотрел на него, а Аристов спокойно ответил:

– Нет, для находящихся на обследовании выход в город свободный.

– Отлично, – кивнул Фредди и посмотрел на парней. – Если я не смогу завтра прийти, когда и где встретимся? Решайте.

Они быстро переглянулись.

– В пять, – сказал Крис. – В это время ничего нет.

– В пять, – кивнул Фредди. – Теперь где?

Парни посмотрели на Криса. Тот молча покачал головой и развёл руками. Фредди на мгновение задумался. Не так много мест, куда смогут прийти и парни, и он. Да не просто пересечься, а поговорить. Нет, придётся рисковать.

– Парк Броуна, – он посмотрел на Криса. – Знаешь, где это?

Крис неуверенно кивнул и сказал:

– Я был там только у дальнего пруда, сэр.

– Хорошо. А Каскад видел?

– Да, сэр.

Фредди улыбнулся: уже легче.

– На левом от входа конце Каскада.

– Это у верхних прудов, сэр?

– Правильно. Там, в одной из кабинок я и буду. Пройдёте, увидите и подсядете. Буду ждать до половины шестого.

– Да, сэр, – ответил Роберт, – спасибо, сэр...

– Не за что, – остановил его Фредди и посмотрел на Аристову.

Аристов был серьёзен и смотрел на него очень спокойно и даже как-то оценивающе.

– Что ж, я согласен с вами, – наконец сказал он. – Это разумно, – и улыбнулся. – Не во все кабинеты, как сегодня, я могу вас ввести.

– Естественно, – кивнул Фредди.

Крис встал.

– Мы пойдём, доктор Юра.

Но Слайдеры остались сидеть. Они быстро переглянулись, и на этот раз заговорил Метьюз, мулат.

– Сэр доктор, большое спасибо вам за всё, но есть ещё одно...

– Одна проблема, – поправил его с улыбкой Найджел.

– Да. Мы знаем, что все парни платят. За жильё, за еду, стирку. Вы сказали, сэр доктор, что это дешевле, чем в городе. Но... но мы хотим знать, сколько нам придётся заплатить.

Крис дёрнулся, но Аристов взглядом остановил его.

– Ваших денег хватит.

– Сэр, – Найджел обаятельно улыбнулся. – Нам не нужно... Деньги у нас есть, мы работали всё лето. Но нам не надо...

– Дармового, – закончил за него Роберт. – Извинимте за грубое слово, сэр доктор. Но нам надо считать деньги, а жить за чужой счёт мы не хотим. И ведь... ведь всё это, ну, что нас смотрят врачи, и экзамены, и остальное... Это всё тоже стоит денег. Мы должны знать, хватит ли нам наших денег.

– Хватит, – твёрдо ответил Аристов. – Крис, помоги им рассчитать.

– Мы платим ежемесячно, – спокойно сказал Крис. – за четыре недели, так? Значит, за неделю... Двадцать восемь кредиток с каждого. Вот и всё.

– Мало, – Роберт резко повернулся к нему. – На сколько занизил?

– Ни на сколько. Получаю сто пятьдесят семь, отдаю за всё это сто двадцать. Не мало.

– За койку?

– За комнату. Я один в ней. За еду, за бельё и стирку, – Крис насмешливо щурил глаза. – А насчёт обследования... оно бесплатное. Всем нам, бывшим, так положено. И экзамен. Ладно. Пошли.

– Пошли, – кивнул Роберт, вставая. – А когда платить, сэр доктор?

– Когда будете уходить, – улыбнулся Аристов. – Комендант подсчитает, и вы ему заплатите. Идите обедать.

Роберт посмотрел на Фредди.

– Спасибо вам, сэр. Завтра в пять мы придём, сэр.

– Я с утра завтра работаю, вечером свободен, – улыбнулся Крис. – Покажу, ну, где это.

– До свидания, сэр... до свидания, – попрощались они вразнобой и вышли.

Когда за парнями закрылась дверь, Аристов негромко засмеялся:

– Золотые парни.

Фредди кивнул и стал снимать халат. Тот был ему всё-таки тесен, и, когда Фредди вылез из него, то пиджак распахнулся, открывая наплечную португепю с кобурой под мышкой. Насмешливая улыбка Аристова показала, что он всё заметил.

– Вы всегда с оружием, Фред?

– Всегда, Юри, – Фредди встряхнул, складывая, белый халат и застегнул пиджак. – Спасибо, что позволили походить с парнями.

– На здоровье. А теперь, Фред... Я заметил, что вы сами тоже боитесь врачей, так?

Фредди с интересом посмотрел на доктора.

– Ну-ну.

– Не отпирайтесь. Так боится врачей человек, который к врачам не приходит сам.

– Интересно.

– Дальше будет ещё интереснее. А которого приносят. С различными дырками, разрывами, порезами и так далее. Так что сейчас я вас посмотрю, Фред. Насколько тщательно вы заштопаны.

– А если я откажусь?

– Вы производите впечатление разумного человека, – улыбался Аристов. – Так что проходите за ширму и раздевайтесь.

– Послушайте, Юри...

– С удовольствием выслушаю вас после осмотра, Фред. Ну-ну, не уподобляйтесь вашим подопечным. Ждать полчаса, пока вы наберётесь смелости...

– А что? – Фредди с улыбкой расстёгивал пиджак. – Потом входят санитары?

– Вам так необходимы зрители? – Аристов прошёл в угол к раковине, закатал рукава и стал мыть руки.

– Предпочту без них, – Фредди медлил у ширмы.

– Никто не войдёт, – Аристов тщательно вытирал обнажённые до локтей руки. – Я уже включил табло над дверью. Карты я на вас не завожу, так что Люся не нужна. Вы готовы?

– Меня ничего не беспокоит, – Фредди складывал одежду на стоящий за ширмой стул.

– Сейчас посмотрим. Ложитесь на спину и приступим.

Графство Эйр

Округ Гатрингс

Джексонвилл

К удивлению Эркина, жизнь вошла в привычную колею неожиданно быстро. Будто и не уезжал никуда. Привычное пробуждение на рассвете, вынести грязную воду, принести чистую, принести дрова и затопить плиту, торопливый завтрак и бегом на станцию. Ну, а там уже совсем обычно. На рынок они с Андреем сходили пару раз, но там работы было мало, и... и не та работа. И платят мало, и смотрят на тебя как на шакала. А на станции... к ватаге ли какой подвоят, вдвоём ли работают, но совсем другое дело. Хоть и только погрузка-разгрузка. Андрей злится, что инструмент у него без дела лежит, но спокойнее, чем весной. Великое дело – задел иметь, знать, что если сегодня и не заработал ничего, то и ужин, и ночлег всё равно у тебя есть, жить не в долг, не одним днём...

В закутке у крана они присели передохнуть. Сразу как из-под земли появилась девчонка с ведром.

– А вот кофе, парни, кофе с устатку.

– Как и не уезжали, скажи, – Андрей заплатил за три кружки, и девчонка, просияв бело-зубой улыбкой, бережно вручила им по большой жестяной кружке, налитой до краёв тёмно-бурой жидкостью.

– Пейте, парни, я потом за кружками подойду.

Эркин развернул купленные с утра у входа пирожки. Ели не спеша, но без вкуса.

– Стоящей работы совсем нет.

– Мг-м, – Андрей кивнул с набитым ртом. – Всё пленные эти, откуда их столько? И злые...

– Не довоевали, – подсел к ним Джейми из ватаги Арча.

– Ты чего, разругался со своими? – сразу спросил Андрей.

– Да нет, вон идут уже.

В закуток вваливалась ватага Арча. Снова появилась девчонка с ведром. Эркин и Андрей быстро допили кофе и отдали кружки: другим тоже надо. Разговор стал общим, но всё о том же. Работа, жратва, бабы, выпивка... Но главное – работа. Будет работа – будет и остальное. Без работы не проживёшь. А кто бы спорил?

Андрей вытащил сигареты и закурил. Равнодушно обшарил взглядом штабеля и верхние этажи конторы.

– Больше не следят, – усмехнулся Арч.

– Как избавились? – спросил Андрей, сохраняя на лице безучастное выражение.

– А никак. Со Дня Империи отвалили. П-пиявки.

– Притихла, значит, свора, – сделал вывод Андрей, передавая сигарету по кругу.

– Лучше б шумела, – хмыкнул метис с перебитым носом. – Вон в Питерстауне пошумели,

так русские их всех загребли. Там теперь лафа.

– Угу. Только ты оттуда чегой-то к нам сюда подвалил.

– Я по другому делу. Город маленький, работы на всех нет...

– Иди, в полиции поври, здесь работы не больше.

- Говорят, где лафа, так это у русских, ну, на ихней земле.
- Ага! – заржало несколько голосов.
- В рот кладут и проглотить уговаривают.
- А за цвет приплачивают.
- Чем, значит, темней...
- Давай, Уголёк, дуй к русским, тебе там больше всех платить будут.
- Врут, конечно, много, – отсмеялся Арч. – Но я одно скажу. Русские на оплате нас ни разу не нагрели. Разве не так?
- Так...
- Так, старшой...
- Оно-то так...
- И ещё. Кто первый подвалил, того и нанимают, на цвет не смотрят.
- Тоже так.
- Против не попрёшь.
- Но туда ехать...
- Язык знать надо.
- Чудно, ведь смотри, белые, а языка не знают.
- У них свой.
- Зачем? Учили б наш. А то не по-людски как-то.
- Ихний трудный, говорят. Язык поломаешь, пока выучишь.
- Лишь бы не голову.
- Да враки всё это, – негр с сильной проседью в волосах тоскливо вздохнул. – Нашему брату...
- В Овраге только легко, слышали.
- Заткнись, старик.
- Без тебя погано.

По кругу уже ходило не меньше пяти сигарет. Хоть и немного поели, а повеселели, **заблагурили**. Жары уже такой нет, так что ещё чуток посидеть и опять на работу. Уже до сумерек. А кому пофартит, то и на ночь. За ночную больше платят.

Андрей сплюнул и затоптал крошечный окурочек, Эркин кивнул и встал: их перерыв уже закончился.

Когда они отошли от остальных, Андрей по-камерному тихо спросил:

- Ты не думал об этом?
- О чём?
- Ну, рвануть отсюда.

Эркин покосился на него.

- Куда и зачем?

Против обыкновения Андрей не завёлся и не отшутился, ограничившись кратким:

- Ладно, посмотрим.

Они работали как обычно: в паре, слаженно, без спешки и задержек. И как всегда не думая, что они грузят и зачем. По фигу всё это. Над этим задумываться – себе дороже.

- С чего это ты?
- О чём?

– Ну, чтоб рвануть.

– Понимаешь... – Андрей сосредоточенно двигает ящик к краю вагона. – Чую я... бери.

– Взял... Чего чуешь?

– А хрен его... но чую. Надо рвать.

Обрывистый на бегу разговор. Сосредоточенно хмурое лицо Андрея. Нахмурился и Эркин. Ведь только-только вернулись, всё хорошо, есть деньги, с работой... ну, скажем так,

найти можно, а Андрей записывал. Ну, весной тогда понятно. Белую Смерть увидел. А сейчас-то чего? Ведь всё спокойно.

Они закончили до темноты. Но искать новую работу всё равно поздно. Спрятали деньги и неспешно пошли к выходу.

– Ты домой сейчас?

– Ага, – Андрей закурил, оглядываясь вызывающе сощуренными глазами.

Эркин невольно нахмурился. Поздно уже, конечно, но... когда-то же надо. Он дома у Андрея работал. И... и вообще...

– Слушай, ты лестницу починить можешь?

– А чего там? – спокойно спросил Андрей.

– Ступеньки. Скрипят и шатаются.

– Это на полдня работы, не меньше. И ещё посмотреть надо, вдруг доски понадобятся.

Эркин кивнул.

– Посмотреть... сейчас можно. А делать... тогда в воскресенье, что ли, – Эркин старался говорить спокойно.

– Давай так, – так же спокойно согласился Андрей.

И Эркин решился. Как в воду прыгая, с трудом удерживая дрожь в голосе.

– Там ещё ковёр повесить... Ума не приложу, как его приделать. Не прибавать же.

Андрей по-прежнему спокойно, даже небрежно ответил:

– Прибить рейку с крючками. А на ковёр петли нашить. И всё тут.

Они миновали станционные ворота, и, отойдя шагов на двадцать, Андрей посмотрел на Эркина. Эркин твёрдо выдержал его взгляд.

– Пошли, посмотрим лестницу.

– Пошли, – кивнул Андрей.

Глаза у него повеселели, а губы морщились в улыбке. Эркин перевёл дыхание. Теперь они шли быстро, торопясь уложиться с этим делом по светлому времени.

Калитка не заперта, и Алиса сидит на крыльце с куклами. Увидев Эркина и Андрея, она округлила глаза и побежала в дом. Значит, Женя дома... Додумать Эркин не успел.

– Которые шатаются? – деловито спросил Андрей. – Ты подопрй дверь, а то не видно ни... – конец фразы он проглотил, потому что из верхней двери показалась Женя, но тут же громко заговорил по-английски: – Не извольте беспокоиться, мэм, в наилучшем виде всё сделаем.

Женя оглядела их, улыбнулась.

– И когда вы это делать собираетесь?

– А в воскресенье, мэм. Ежели только вы нам другой день не назовёте.

– Хорошо, – кивнула Женя. – Приходите с утра.

– Ясенько, мэм.

А когда Женя ушла, Андрей, всё ещё улыбаясь, снова занялся ступенями.

– Гнильё здесь всё. Переберём, укрепим, а через полгода опять... – он говорил негромко, но по-английски: вдруг услышит кто.

Эркин только вздохнул в ответ. Андрей снизу вверх посмотрел на него.

– Ладно, сделаем. Ты доски пригляди пока подходящие.

– Много досок? – разжал губы Эркин.

– Смотри. Четыре точно менять надо. Вот и прикидывай. Я тоже посмотрю. Может, обрезки где найду. И рейку присмотрю. Длинная нужна?

Эркин растерянно развёл руками.

– Я не мерил ещё.

– Ладно, – отмахнулся Андрей, – сделаю на семь футов, в два метра с небольшим. Длиннее не короче.

– А крючки?

– У меня гвозди красивые есть. Ну, шляпки у них... фигурные. Загну, вот и крючки. С десяток наберу, а больше и не надо.

Андрей выпрямился. Теперь они стояли на лестнице почти вплотную друг к другу. И шёпот Андрея был тише лагерного.

– Спасибо, брат, – по-русски и уже обычным голосом по-английски: – Ладно, бывай. Завтра на станции.

– Бывай, – кивнул Эркин.

Он вместе с Андреем спустился во двор, запер за ним калитку. Уже темнело, и в домах зажигали лампы. Эркин оглядел ещё раз быстро темнеющий двор и вошёл в дом. Запер за собой нижнюю дверь, поднялся по лестнице, привычно перешагивая через ненадёжные ступеньки. «На полгода», – сказал Андрей. Что ж, дальше такого срока он никогда не загадывал.

– Уже посмотрели? – встретила его Женя.

– Да, в воскресенье сделаем, – Эркин быстро переоделся в кладовке и вышел в рабских штанах и тенниске.

Женя сняла со сковородки тонкую, чуть ли не прозрачную лепёшку и вылила на шипящее масло ложку теста. Покачала сковородку, чтобы тесто растеклось тонким слоем.

– Сейчас ужинать будем. Мойся и садись.

– Ага, – Эркин с трудом отвёл от неё глаза. – Деньги только положу, – он сжимал в кулаке свой сегодняшний заработок.

– У меня уже готово всё. Потом с деньгами.

Помедлив, Эркин кивнул, засунул деньги в карман штанов и стал мыться. Сразу явилась Алиса и, как всегда, встала рядом, рассматривая его очень внимательно, даже строго и прижимая к груди его полотенце. «Когда только Женя успела его снять с высокого гвоздя и дать ей?» – мимолётно удивился Эркин.

Он умылся и взял полотенце.

– Алиса, мой руки и за стол. Эркин, захвати сметану, ладно? Алиса, не брызгайся, – распоряжалась, не отворачиваясь от плиты, Женя.

Наконец сели за стол.

– Женя, – на четвёртой лепёшке Эркин не утерпел. – А почему они такие тонкие? Чтобы больше получилось?

– Это же блины, Эркин. Они такими и должны быть.

– Бли-ны, – медленно повторил он, запоминая новое слово, и кивнул. – Вкусные какие!

Женя счастливо улыбнулась. Алиса подняла перемазанную сметаной мордашку.

– Эрик, а кто это был? Ну, все волосы кверху?

– Это... это Андрей, – растерянно ответил Эркин.

– Он ведь твой напарник? – Женя положила ему на тарелку ещё блинов.

– Д-да, – Эркин, не чувствуя вкуса, заглотал блин и решил: – Мы... мы в Бифпите, справки когда получали, на одну фамилию записались, – и, помедлив, решительно закончил: – Братьями.

Женя положила руку ему на плечо.

– Я сделаю в воскресенье хороший большой обед, хорошо?

Эркин быстро наклонил голову, прижимая щекой её руку к своему плечу. И тут же выпрямился.

– Мы лестницу сделаем. И... и ковёр повесим.

Женя кивнула.

– Вот и отлично.

– На ковёр только петельки нашить надо. Мы рейку прибьём. С крючками.

– Понятно, – улыбалась Женя. – Бери ещё сметаны.

– Мг-м. С утра начнём, к обеду управимся. Я тогда зайду к этому, ну, бельмастому, посмотрю там обрезки подходящие, ну, доски. Деньги у меня есть.

– Хорошо. Алиса! – Женя взяла салфетку и стала вытирать перепачканную Алису. – Ну, как тебе не стыдно, руками в тарелку лезть!

– Так вкуснее! – заявила Алиса.

– Я вот нашлёпаю тебя и из-за стола выгоню, будет совсем вкусно! Поняла? Ешь как следует, – Женя положила салфетку и снова посмотрела на Эркина. – Конечно. Петли я пришью. Посмотрим только, как его повернуть удобнее. Ну, и последний давай доедай. Я сейчас чай принесу.

– А сладкое? – подала голос Алиса.

– Кто аккуратно есть не умеет, тем сладкое не положено.

Алиса гневно нахмурилась, но решила промолчать. Женя дождалась, пока Эркин доест, и стала собирать посуду. Эркин встал.

– Я чайник принесу.

– Ага, спасибо.

Женя быстро, как всё, что она делала, накрыла для чая, достала было коробочку с «пьяной» вишней, но тут же убрала и выложила печенье. Алиса собралась возмутиться, но была остановлена строгим взглядом Жени.

– Нельзя всё сразу.

– Ла-адно, – протянула Алиса, поймав лукавую улыбку Эркина, пристраивающего на столе чайник.

Женя подозрительно посмотрела на них и вздохнула.

Сели пить чай.

– Сохнет уже печенье.

Эркин кивнул, вгрызаясь в своё.

– Тогда их надо побыстрее съесть, – заявила Алиса.

Женя невольно засмеялась: настолько серьёзно согласился с этим высказыванием Эркин.

– Ну, Эркин, опять?

– Опять, – упрямо кивнул Эркин, подвигая к Алисе половинку своего печенья.

– Расскажи лучше про королевский ужин, – попросила Женя. – Или про олимпиаду.

– Ага, – кивнул Эркин. – Про борьбу я уже рассказывал, так? Давай про ножи расскажу.

Андрей там всех... обставил.

Женя поставила на стол локти, подперев кулачками подбородок, и стала слушать. Слушала она так, что Эркин, рассказывая, забыл обо всём. А Алиса потихоньку грызла одно печенье за другим. Нет, за языком Эркин не забывал следить. Говорил по-английски, потому что вечер сегодня английский, и обходился без ругани. Ну, только изредка запинался, проглатывая неуместное за этим столом слово.

Когда он закончил, Женя вздохнула, словно просыпаясь.

– Как хорошо ты рассказываешь, Эркин. Я словно сама там побывала. А знаешь, давным-давно на олимпиадах, я читала, ещё соревновались в пении, в стихах, ну, кто больше знает...

– Ага, – рассмеялся Эркин, – это и у меня было. Не в Бифпите, правда, на перегоне. Знаешь, я много их помню... Ну, я думал, песни, а это стихи, сонеты, – он с еле заметной неуверенностью выговорил это слово. – Их оказывается... Шекспир сочинил, мне сказали. И вот спорили, ну, все я знаю или нет.

– Их же очень много, – удивилась Женя.

– Сто пятьдесят четыре, – гордо ответил Эркин. – Мне когда сказали, я не поверил.

– И ты все знаешь? – ахнула Женя.

– Ага, – счастливо кивнул Эркин. – Мне даже подарили... сейчас покажу.

Он выскочил из-за стола, метнулся к двери и быстро – Женя даже не успела заметить, что Алиса уже сгрызла и его, и её печенья и запустила руку в пакет – вернулся и сел, протягивая Жене пухлый затрёпанный томик.

– Вот. Если хочешь, проверь меня, Женя.

Женя бережно раскрыла книгу наугад и прочитала:

– Скажи, что я уплатой пренебрёг...

– За всё добро, каким тебе обязан, – подхватил Эркин, – что я забыл заветный твой порог, с которым всеми узами я связан...

Эркин говорил чуть нараспев, глядя на Женю, и она следила за ним, а не за текстом. И покачала головой, когда он закончил:

– Я виноват, но вся моя вина покажет, как любовь твоя верна.

– Нет, Эркин ты ни в чём не виноват, это не про тебя, нет.

Он оторопело заморгал, покраснел и наконец, смущённо нагнув голову, признался:

– Женя, я, когда их говорю, не понимаю ничего, так, болтает язык, и всё.

Женя улыбнулась.

– Тогда слушай, – и стала читать.

Скажи, что я уплатой пренебрег
За все добро, каким тебе обязан,
Что я забыл заветный твой порог,
С которым всеми узами я связан,

Что я не знал цены твоим часам,
Безжалостно чужим их отдавая,
Что позволял безвестным парусам
Себя нести от милого мне края.

Все преступленья вольности моей
Ты положи с моей любовью рядом,
Представь на строгий суд твоих очей,
Но не казни меня смертельным взглядом.

Я виноват. Но вся моя вина
Покажет, как любовь твоя верна.

Она читала медленно, словно сама с трудом понимала. А он слушал и всё сильнее краснел, даже слёзы на глазах выступили.

– Женя, – у него дрогнул голос, – Женя...

– Ну что ты, милый, – засмеялась Женя. – Это же стихи, только стихи.

И тут она заметила заснувшую за столом Алису с недоеденным печеньем в руке и ахнула:

– Господи, ну, наказание, а не девчонка!

Женя сунула книгу в руки Эркину, вскочила и захлопотала.

Эркин так и сидел за столом, пока Женя бегала взад и вперёд, убирая со стола, расстилая постель и укладывая Алису. Мимходом она взъерошила ему волосы, но он, против своего обыкновения, даже не попытался поймать её руку. И, закончив дела, Женя подошла к нему, наклонилась, заглядывая в его лицо:

– Ну? Ты что, Эркин?

Он поднял на неё глаза.

– Ты... ты думаешь, я... нарочно... я же всё время помнил тебя, Женя, всё время.

– Глупыш мой, – она мягко взяла у него книгу и положила на стол. – Я же сразу сказала, что это не про тебя.

Он обхватил её за талию и прижал к себе, уткнулся лицом в её халатик. Женя пригладила ему волосы на макушке, взъерошила и снова пригладила.

– Ох, Эркин...

– Что, Женя? – ответил он, не поднимая головы.

Вместо ответа она только прижала его голову к себе. Эркин потёрся лицом о её живот, осторожно раздвигая полы халатика, пока не коснулся губами её кожи. Женя негромко рассмеялась, и он уже смелее повёл губами по её телу. Приоткрыв губы, касался её тела языком короткими щекочущими толчками. И руки Жени всё плотнее прижимали его голову, становились всё горячее, а её тело мягче и податливее. И вот она уже теребит ворот его тенниски, гладит его шею и плечи.

Эркин вставал медленно, скользя губами, всем лицом по её телу, не отпуская её от себя, прижимаясь к ней. И когда их лица встретились, он так же мягко коснулся губами её губ. И Женя ответила на его поцелуй. Губы в губы, глаза в глаза. Она никогда не жмурилась и не отводила взгляда, он всегда видел её глаза, внимательные и ласковые. И сам не боялся смотреть на неё. Руки Жени мягко соскользнули по его спине вниз, выдернули тенниску и уже под ней начали движение вверх.

– Ага! – выдохнул он, на секунду оторвавшись от её губ.

– Тебе нравится? – успела она спросить.

Но он уже опять целовал её и только моргнул в ответ. Руки Жени блуждали по его спине, гладили, то щекотно, еле касаясь, то вжимаясь всей ладонью. Неумело, беспорядочно, но у него перехватывало дыхание от этих прикосновений.

Тенниска затрещала, и Женя остановилась.

– Ой, порвала, да?

– А н-ну её!

Он рывком содрал тенниску, путаясь и недовольно фыркая в ткань, бросил на пол.

– Ну, что ты, Эркин, я зашью...

– Да ну её, Женя. Не люблю я...

Она рассмеялась.

– Ну, наконец-то! А то ты всегда со всем согласный.

– Когда её снимаешь, тебя не видно, – уже спокойно объяснил Эркин, обнимая Женю.

Женя всё ещё смеялась, пока он развязывал пояс и распахивал её халатик, очень осторожно, очень мягко накрыл её грудь ладонью и улыбнулся.

– Как раз по моей ладони, – вырвалось у него.

– Маленькая, да? – дрогнувшим голосом спросила Женя.

– Нет, что ты? – огорчение в её голосе удивило его. – Так хорошо...

Левой рукой он охватывал её плечи, прижимая к себе, так что она плечом упиралась в его грудь, а правой всё поглаживал, мягко мят её грудь, нежно зажимая между пальцами напрягшийся сосок. Женя вздохнула, и он, не отрывая рук, наклонился и поцеловал другую грудь, тронул сосок языком. Женя дернулась, высвобождая руки. Он понял и сдвинул халат с её плеч, дал ему упасть на пол. Женя обвила руками его шею, запрокинула голову. Он поцеловал её в горло, в ямку между ключицами. Женя часто дышала, хватая воздух полукрытым ртом, а он всё не мог оторваться от её груди, целуя своды полушарий, ложбинку между ними, соски. Снова выпрямился, целуя ключицы, горло, приник ко рту Жени. Прижимал её к себе... И вдруг опомнился.

– Тебе холодно, да? Я сейчас...

– Нет, Эркин, что ты... – голос Жени вздрагивал, прерывался.

Но он уже подхватил её халатик, набросил ей на плечи.

– Прости, Женя, я совсем голову теряю, не помню ничего... – бормотал он, суетливо стаскивая с кровати ковёр.

Женя рассмеялась и отодвинула его от кровати.

– Ну, что ты, Эркин. Сейчас я всё сделаю.

Он топтался рядом, потом подобрал свою тенниску, повертел в руках, не соображая, куда её сунуть. Женя решительно отобрала её.

– Ложись, я сейчас, – и вышла.

Эркин присел на край разобранной подготовленной постели, потёр лицо ладонями. Что же это с ним такое? «Сам другой, и всё другое». Вот это оно и есть? Он не додумал, потому что вошла Женя. И снова горячая волна ударила его так, что даже слёзы на глазах выступили. Как от боли. Женя быстро ходила по комнате, выходила, возвращалась, а он молча следил за ней, бессильно уронив на колени руки. Потом зачем-то полез в карманы, нащупал там какие-то бумажки. А, это же деньги! Совсем забыл о них. Эркин заставил себя встать, подойти к комоду и выложить деньги, расправить смятые бумажки, сложить их в шкатулку, высыпать мелочь в вазочку. А когда обернулся, Женя, уже в ночной рубашке, сидела на кровати, расчёсывая волосы. Эркин медленно подошёл к ней и сел рядом.

– Женя...

– Что, милый? – она быстро отложила гребёнку, встряхнула головой, рассыпая волосы.

– Женя, знаешь, я... я вспомнил сейчас, послушай. Только... я это только петь могу.

Вот...

Когда в раздоре с миром и судьбой,
Припомнив годы, полные невзгод,
Тревожу я бесплодную мольбой
Глухой и равнодушный небосвод

Он пел еле слышно, почти шёпотом, глядя перед собой расширенными глазами.

И, жалуясь на горестный удел,
Готов меняться жребием своим
С тем, кто в искусстве больше преуспел,
Богат надеждой и людьми любим, —

Тогда, внезапно вспомнив о тебе,
Я малодушье жалкое кляню,
И жаворонком, вопреки судьбе,
Моя душа несется в вышину.

С твоей любовью, с памятью о ней
Всех королей на свете я сильней.

Закончив, Эркин посмотрел на Женю.

– Вот, я, может, не всё понимаю, но это про меня, точно. Не сейчас, а раньше. До Свободы. Сейчас что, а тогда... Я выжил, потому что тебя помнил, правда, Женя. Ты... ты веришь мне?

Женя молча, чувствуя, что скажет что-то обязательно не то, обняла его и поцеловала в щёку. Он, как-то всхлипнув, ткнулся лицом в её волосы.

– Женя, – и как когда-то по слогам: – Ми-ла-йа... Джен-нийа...

Она гладила его плечи, спину. Не горячила его, не распалила себя, нет, он же всё это знает, почувствовал бы, нет, это другое, совсем другое. И опять... опять эта же горячая волна, туман перед глазами, и только Женя... Всё тает, расплывается, и только руки Жени на его теле, только глаза Жени, и тело Жени под его руками, а больше ничего нет, и не надо ему ничего... не надо... не надо...

...Они лежали рядом под мягким тёплым одеялом, и такая же тёплая мягкая темнота окружала их. А когда ж это он лампу погасил? Не помнит. Ничего не помнит. Только то, что ему было хорошо, и сейчас хорошо. Женя спит, обхватив его обеими руками и положив голову на его плечо. Надо встать, уйти к себе, в кладовку. Ему нельзя привыкать спать здесь, нельзя. Он не может вспомнить почему, просто знает. Но не то что встать, шевельнуться нельзя: разбудит Женю. А ей надо выспаться. Завтра у неё две работы. Двойная смена. Это тяжело – двойная смена, он помнит... Надо встать и уйти, пусть Женя спит, отдыхает. Но глаза сами закрываются, и он опять уплывает в сон, мягкий и тёплый, пахнущий Женей... Нет, Жене надо выспаться. Ну же, давай, аккуратненько. Только бы не разбудить её.

Эркин мягко вывернулся из рук Жени и соскользнул с кровати. И застыл, прислушиваясь. Нет, спит. Где-то тут его штаны должны быть. И шлёпанцы. Да, вроде он их бросил на пол, рядом... да вот же они. А тенниску... Тенниску Женя куда-то положила. Ладно, а то ещё громыхнет чем, разбудит.

Прижимая к груди штаны и шлёпанцы, Эркин бесшумно выбрался из комнаты в кухню и прикрыл за собой дверь. Здесь вроде посветлее... и похолоднее. По-прежнему на ощупь он вошёл в кладовку, вытащил и развернул постель. Обтереться бы надо, но ладно. А то зазвякает, забулькает – точно разбудит. Обойдётся-переколотится. Эркин лёг, завернулся в одеяло. Поёрзал щекой по подушке. Чего-то шрам чешется. Ладно. Хорошо было, а ничего не помнит. Завтра... пятница завтра. А там суббота и воскресенье. Завтра к бельмастому за досками... на четыре ступеньки две доски взять? Обрезки останутся, ну, придумаю, куда их, а хоть на лучину. Деньги взять надо. Из тех, летних ещё. Ну, не больше пятёрки доска. А если больше... взять двадцатку, тогда точно хватит... Но он уже спал, не успев додумать.

Алабама

Графство Дурбан

Спрингфилд

Лабиринт из зелёных кустов, подстриженных на высоту человеческого роста, тянулся вдоль всего Каскада, образуя маленькие беседки. В каждой стол и четыре скамьи, соединённые в квадрат. Всё закреплено намертво. Множество птиц, заглушающих любой не слишком громкий разговор, расторопные безупречно вышколенные официанты, всё выдавшие и предпочитающие обо всём молчать. Место конфиденциальных бесед и ещё многого другого.

Фредди сидел в дальней кабинке на самом конце Каскада и пил пиво. Его здесь знали, но показали это только тем, что сразу, как только он сел, подбежали, поставили перед ним жестянку его обычного пива и исчезли. Было без пяти пять. В пять ноль две пришли парни. Все трое. Вернее, четверо. С ними был тот метис, Крис, так его вроде, но в кабинку Крис не зашёл, а сразу как-то исчез из виду. Ушёл по своим делам или встал на стрёме где-то рядом? Не существенно.

Фредди молча кивнул парням, и они сели напротив, теснясь втроём на скамье, рассчитанной максимум на двоих. И старший – Роберт – заговорил сам быстрым тихим шёпотом.

– У нас всё в порядке, сэр. Выходим свободно, когда хотим.

Фредди кивнул.

– Когда экзамен?

– Значит, так, сэр. Завтра нас ещё смотрят, потом день на подготовку, потом экзамен.

– В субботу?

– Д-да.

– Да, сэр, – кивнул Метьюз. – Нам так и сказали. В субботу. А в понедельник выдадут документы.

– Там у них, – вступил Найджел, – ещё учатся. Переквалификация, – с трудом выговорил он непривычное слово. – У них тоже экзамены. В пятницу и субботу. А в понедельник всем дипломы выдавать будут. И им... и нам.

– С десяти утра в конференц-зале, – улыбнулся Роберт. – Мы запомнили уже даже.

– Вы... – Найджел осторожно улыбнулся. – Вы придёте, сэр?

– Приду, – сразу кивнул Фредди и так же сразу решил, что если приедет Джонни, то тоже придёт, никуда не денется.

Парни заулыбались, даже сели посвободнее, не так зажато.

– Я здесь каждый день в это время, не в этой кабинке, так в другой. Если всё в порядке, проходите мимо. Я должен знать, как у вас, – они кивнули. – Если случилось что, или, – Фредди усмехнулся, – рассказать что-то захотите, подсаживайтесь.

– Обязательно всем приходиться, сэр? – спросил Роберт.

– Как хотите. Экзамен сложный?

– В два захода, сэр. Мы должны рассказать, что знаем, на разные вопросы ответить, а потом показать, как делаем.

«Серьёзно тут, однако, – хмыкнул про себя Фредди, – и теория, и практика».

– Справитесь?

– Остальные все сдали, сэр.

Фредди невольно присвистнул, и они стали наперебой объяснять:

– Они, ну, остальные парни, кто работает здесь, тоже сдавали.

– На санитаря экзамена не было.

– А на массажиста у них у всех дипломы.

– Они... вольнонаёмные, сэр.

– Да, на зарплате.

– Только не на контракте, а у русских по-другому как-то называется.

– А кто хочет, ещё учится.

– Да, сэр, им всем разрешили грамоте учиться.

– Русские этого не запрещают.

– А закончат, тоже экзамены и будут этими...

– Не санитар, а повыше.

– Медбратьями, вот, сэр.

Фредди кивнул. Ишь как разобрало парней. Действительно... серьёзно поставлено. С размахом. И без булды и туфты.

И тут далёкий еле слышный свист сорвал парней с места. Удивительно ловким бесшумным движением они вывернулись из-за стола и выстроились у лиственной стены. Тупое покорное выражение на лицах, ставшие сразу нескладными мешковатыми фигуры. Не будь у Фредди нынешнего выпаса с перегоном, не связал бы он тот свист, больше похожий на птичий голос, и поведение парней. Но Эркин с Андреем многому научили. И сейчас он слегка подвинулся, освобождая полы пиджака и руки.

Мимо кабинки прошли трое. Фредди их знал. Подлые твари, любят добивать лежащего. Больше сигналов не было, значит, надо выводить парней. Игру они ему подсказали.

– Раз всё поняли и запомнили... идите.

– Да, сэр.

– Как скажете, сэр.

И опять та же поразительная ловкость, с которой они вылетели из кабины и исчезли в лабиринте. Фредди не смог не оценить их сообразительность и быстроту реакции. Значит, тот парень – Крис – всё-таки был на стрёме. Ловки. А он сам – лопух. Лабиринт не место для таких встреч. Надо будет завтра зайти в госпиталь. А вот при ком здесь эта тройка шустрит?

– Привет.

Фредди молча кивнул, разрешая Мику присесть.

– Ждёшь кого? Или так... пивком балуешься? – Мик, как всегда, спрашивал, не ожидая ответов. – Это твои парни, Фредди? Зачем тебе черномазые? Ну, как знаешь, своё дело.

Мик картинно пожал плечами и убрался. Рыба-прилипала. С кем он здесь? Да, ковбой, расслабился ты на перегоне, потерял хватку, а как от Ротбуса избавился, так вообще... голову потерял. Ну ладно. Сейчас посмотрим.

Фредди допил пиво и встал. Возникший у входа в кабину официант приветливо улыбнулся и коротким жестом показал налево, вниз по Каскаду. Даже приглашают?! Ну-ну... Он небрежно сунул официанту деньги и пошёл вдоль кабинок, вежливо любуясь гирляндой фонтанчиков. Кому он нужен, сам окликнет.

– Фредди...

Не меняя шага, он повернул голову и увидел. Ты смотри... Колченогий! Колченогого надо уважить. Фредди улыбнулся и подошёл к кабинке. Сидящая напротив Колченогого троица шарахнулась, освобождая место. Фредди спокойно сел.

– Рад тебя видеть, Фредди.

– Взаимно, Рип.

Фредди специально назвал старое прозвище, и Колченогий улыбнулся чуть теплее.

– Немного наших заваруху пережили. Ты, я смотрю, в порядке.

– Не жалуюсь.

– В заработке не нуждаешься?

– С мелочёвкой не связываюсь.

– Я тебе и мелочёвку?! Ты что, Фредди?! – Колченогий изобразил обиду. – Для мелочёвки мелочь и нужна.

Тройка шестёрок угодливо захихикала. Колченогий скучающе посмотрел мимо них на стенку, и они, толкаясь, вылетели из кабинки. И исчезли.

– Ты заводишь своё дело, Фредди?

«Вот оно что, – мысленно усмехнулся Фредди, – за свой бизнес боится. Ладно, успокою».

– Много расходов, а доходы сомнительны.

– Да, – кивнул Колченогий, – я уже жалею, что связался с этой шушерой. Жрут, пьют и боятся русских. Ни одного дела не провернёшь. Если братья с размахом.

– Русские так рьяно шуруют?

– Не очень, но эта шваль собственной тени боится. Ты с этими черномазыми сильно завязан?

– Они тебе нужны, Рип?

– Их видели в русском госпитале. Если русские сочтут тебя, – Рип ухмыльнулся, – расовым эксплуататором, то кранты. Из Уорринга выкупали, но кого взяли русские, то всё.

– Неподкупные? – Фредди недоверчиво улыбнулся. – Ты поверил в неподкупность, Рип?

– Их цены мне не по карману, Фредди. Ты о Крысе слышал? – Фредди кивнул. – Но весь архив Крысы у них. Эта падаль не уничтожала карты выкупленных.

- Это же входило в оплату! – Фредди крепко выругался.
- Это ещё пустяки. Крыса вёл дальнейший учёт. На каждого. И всё теперь у русских.
- Это точно? Или одни слова, а мы уже в панике.
- Ты помнишь Айка? Он выкупился вслед за тобой.
- Не спился ещё?
- В заваруху протрезвел и решил немного поработать. Он только задёргался, и...
- И, Рип?
- И ему показали его карту с подшитыми бумагами и пообещали, что при первом трепыхании он пойдёт по совокупности.
- Весело! – Фредди присвистнул. – И что он?
- Открыл на последние придорожную едальню для шоферов и аккуратно платит налоги. И обслуживает всех. Не глядя на цвет.
- Я думал, он глупее.
- Когда трезвый, он соображает.
- Что ж, – Фредди задумчиво покачал головой. – Тоже выход. Спасибо за предупреждение, Рип. Будет за мной.
- Попробуешь сейчас, Фредди?
- Что нужно?
- Вокруг Бифпита запели по-лагерному. Мне нужен парень, который поёт про Хаархан.
- Ошалел, Рип? Их всех кончили. Это даже воробьи знают.
- Чирикание не запротоколируешь, Фредди. А человека... Я стар, чтобы менять бизнес, и мне нужна страховка. Поищи, а за мной не станет. Он белый, цветных в лагерях не было. Отдам, сколько ты назовёшь и столько же сверху.
- Тебе так нужно прикрытие от русских?
- От Паука, Фредди. Русские не лезут в наши игры. Пока. А Паука держат только русские. Они у него на хвосте. Если у меня будет лагерник, Паук отвалит. От меня. Я играю честно, Фредди.
- Вижу, – кивнул Фредди. – Паук стал так опасен?
- Он лезет к нам, а на хвосте тащит русских. Если притащит...
- Затихнуть – не проблема.
- Для тебя, Фредди. У тебя надёжная крыша и есть чистые деньги. Мне сложнее, но за лагерника... Сможешь купить большое имение здесь или ранчо в Аризоне и накласть на всё прошлое.
- Идея неплохая, – хмыкнул Фредди. – Надо подумать.
- Самое сложное в нашем бизнесе – это вовремя смыться, – философским тоном заметил Колченогий. – Ты ловкий парень, Фредди, у тебя может получиться.
- Зачем Паук лезет к нам?
- Русские ему оборвали нити. Ему нужны люди.
- И чем думает платить?
- Денег у него нет. Он даёт камни. И металл.
- Пусть вставит себе из него зубы, – ухмыльнулся Фредди. – Связываться со звоном дураков нет.
- Дураков всегда хватает, на то они и дураки. Ты умный парень, Фредди, но здесь игра похитрее, – Колченогий перешёл на поучающий тон. – Он хочет повернуть назад. Понимаешь? Чтобы всё как до заварухи.
- Он что, совсем из ума выжил? Дерьмо коли вышло, так обратно не всунешь.
- Колченогий с искренним удовольствием рассмеялся.
- Пока за это платят, отчего же не попробовать. А ты думаешь, невыгодно?
- Фредди пожал плечами.

– Проверять неохота.

Колченогий кивнул.

– Ладно. До Рождества времени навалом, успею посчитать.

Фредди понимающе улыбнулся: если Колченогий спрашивает, значит, уже решил.

– Твоя проблема, Рип.

– Паук без паутины мухам не опасен, Фредди. Это его проблема, а не моя.

Они переглянулись, и Фредди встал, а Колченогий сосредоточенно занялся своим стаканом. У каждого свои дела, и каждый других в упор не замечает.

Фредди прошёл вдоль Каскада к нижним прудам и вышел в город. Что ж, Джонни будет интересно узнать про Паука. Немного, но приятно. Так, а к парням лучше всего завернуть в обед. Он у них рано, вместо ленча. Эндрю тоже всё время путал, видно, у русских так заведено. Но если сказать на проходной... нет, для часового он идёт к Юри. А там перехватит кого из санитаров и вызовет парней. А если не удастся, то прямо к доктору и уже оттуда по селектору. Юри не откажет в таком пустяке. Толковый мужик...

...– Заштопаны вы вполне профессионально.

Доктор мыл руки, пока он быстро одевался, и обернулся, только когда он вышел из-за ширмы.

– Это я и так знал.

– Верю. Меня интересуют дырка под левой лопаткой. Я не нашёл выходного. Вынули или сидит?

– Вынули-вынули. Под нож, – он усмехнулся, – я не лягу.

– Нож, Фред, мне не нужен. Я пользуюсь скальпелем.

– Не нахожу разницу принципиальной, – он застегнул пиджак. – Но... как вы смотрите на ужин в ресторане?

– Вы считаете, Фред, разницу между столами также непринципиальной? – Аристов привычным движением опустил рукава халата.

– Вы не ответили на мой вопрос, Юри.

Аристов рассмеялся.

– Положительно. Но не раньше восьми.

Он кивнул.

– В восемь в баре «Амбассадора». Знаете, где?

– Найду...

...Фредди шёл по улице, незаметно, но тщательно оглядываясь по сторонам. Хотя Колченогий не баловался таким, но кто знает... Раз старик Говард лезет в нашу Систему... надо вываливаться. Раз есть возможность... Ладно, с этим успеется. А ужин вышел неплохим. Очень даже и весьма. Есть что вспомнить и рассказать Джонни. Доктор пришёл в штатском, явно местного фабричного производства, а не заказном, но весьма приличном костюме и оказался остроумным и занимательным собеседником. И неплохим знатоком. В «Амбассадор» ходят поесть. И немного выпить. Разговор шёл неожиданно легко. И говорил доктор по-английски без малейшего напряжения. Войны не касались, будто её и не было. А если серьёзно... Нет, ничего серьёзного за ужином не было. Разве что...

...– Вы уверены, что у парней всё будет в порядке?

– Да, Фред. Здоровье у них отменное, я говорил. С экзаменом, я тоже думаю, не будет проблем. В принципе, у них у всех одинаковая квалификация, – Аристов усмехнулся. – Одна школа. Различия чисто индивидуальные. Как вам пришло в голову затеять это дело?

– Наши друзья попросили помочь парням.

И мгновенный очень внимательный взгляд.

– Что ж, не самый худший вариант.

Он почувствовал себя задетым.

– А как устроились другие, ушедшие от вас? А, Юри?

– Не знаю, – доктор улыбнулся, но глаза стали невесёлыми. – Договорились, что на Новый год приедут показаться. Расскажут – буду знать.

На Новый год? А как же все разговоры, что русские на Рождество уйдут?! Вот это уже важно! Но не покажем, что заметили оговорку и продолжим.

– Хорошо, а те, что остались? Они всем довольны?

– Недовольные уходят, Фред. Им очень трудно... вписаться в жизнь. Труднее, чем другим бывшим рабам. Ощущение собственной ущербности... – Аристов оборвал себя. – Не стоит об этом. Я не хотел вас обидеть, Фред, нисколько. Просто... – Аристов запнулся, подбирая слово.

– Заводитесь, – понимающе кивнул он.

– Да, пожалуй, так, спасибо. Знаете, Фред, когда я думаю о своём бессилии... нет, не о парнях. Что в моих силах, я сделаю. Я бессилён... бессилён покарать тех, кто это делал. Я ведь довольно много знаю о них, о том... как их... сделали. Здесь работали специалисты. Я не знаю, насколько вы осведомлены, простите, в детали входить не буду. Но меня интересуют врачи. Врачи из питомников. Кто-то же это сделал, разработал, подобрал медикаменты, разработал методику... – Аристов словно задохнулся.

– Вы... хотите возмездия? – осторожно спросил он.

– Нет, – ответ прозвучал резко. – Я не хочу, нет, мне нужно. Нужна методика, рецептура. Чтобы найти... противоядие, пожалуй, так, – Аристов заговорил медленнее, с паузами из-за подбора слов. – Чтобы попытаться... вернуть им отнятое.

– Это возможно? – вырвалось у него.

– Никто не знает. Документации никакой. Из Паласов уцелели единицы. Вынимали из развалин, подбирали... среди трупов. А питомники... Там даже не стреляли... Выжигали из огнёмётов. Ни одного моложе пятнадцати лет не уцелело. А те, что выжили... Они рассказывают, но понять невозможно. Насколько необратимы изменения? Откуда взялась эта роковая цифра – двадцать пять лет? Срок... жизни.

Он осторожно кивнул. Эркин тоже много раз называл срок. И снова внимательный острый взгляд из-за очков чуть поверх оправы. Что дальше? Но дальше была пауза. И разговор уже совсем о другом...

...Фредди остановился, тщательно закурил, отворачиваясь от ветра и оглядывая улицу за спиной, и пошёл дальше.

Что ж, в какой-то мере это тоже можно считать заказом. И так, два заказа. Первый – врач из питомника и документация. В комплекте или отдельно. И второй заказ – на лагерника. По первому заказу... есть... да ничего нет. Всё неизвестно. Ни где, ни кого, ни как. Даже не знаешь, с какого края заезжать. Со вторым... ну, там искать можно до-олго. И нужно. Подольше. Пока не утрясётся и не прояснится. Обещает Колченогий слишком много, чтобы это было серьёзно. Так что поищем. Вокруг Бифпита. А вот по первому... Надо думать. Крепко думать. Тем более, раз русские не уходят. Но тоже... пока не горит.

Графство Эйр

Округ Гатрингс

Джексонвилл

Андрей пришёл, как и договорились. Разумно рано. Эркин уже возился в сарае, когда стукнула калитка, и, обернувшись, он увидел Андрея. С ящиком и длинной тонкой рейкой.

– Не опоздал?

Андрей улыбался во весь рот. Эркин улыбнулся в ответ и ответил камерным шёпотом по-русски:

– На завтрак опоздал, а, – и громко по-английски: – На работу вовремя.

– Работа не убежит, – хмыкнул Андрей, ставя ящик и оглядывая купленные Эркином доски. – Полтора дюйма взял? Пойдёт.

И только тут Эркин заметил, что Андрей не в сапогах, а в ботинках. Как Женя говорила ему на новую одежду? А, вспомнил.

– С обновкой тебя. Носи на здоровье.

– Спасибо, – рассеянно кивнул Андрей.

Он уже что-то искал в своём ящике. Выпрямился, зажимая в кулаке круглую металлическую коробочку.

– Давай вымерим сначала.

Эркин подпёр нижнюю дверь поленом, и они взялись за работу. Услышав их голоса, вышла Женя в переднике поверх платья.

– Просим прощения, мэм, – сразу громко и весело заговорил по-английски Андрей, – но пока мы не сделаем, ходить неудобно будет.

– Хорошо, – кивнула с улыбкой Женя и, полуобернувшись, позвала Алису: – Алиса, бери что нужно, и иди гулять.

Прижимая к груди все свои игрушки, Алиса очень серьёзно спустилась по лестнице. Но расположилась не на крыльце, а у сарая, и, отрываясь от работы, Эркин её видел.

Андрей работал очень сосредоточенно, без обычных шуток и балагурства. И Эркин понял, что и для него эта работа непривычна и сложна. Но не из-за этого Андрей нервничает, что-то ещё его тревожит. Эркин не выдержал и тихо спросил по-русски:

– Ты чего? Андрей?

– Ничего, – Андрей говорил тихо и как-то неуверенно. – Психую чего-то. Ничего, обойдусь.

Эркин кивнул. Пока они разбирали старые ступеньки.

– Ты когда ботинки купил?

– Да уже дня четыре как будет, – нехотя ответил Андрей.

– А чего в сапогах ходил? – Эркин не давал Андрею замолчать, вызывая на разговор. Хоть на шутку, хоть на срыв, но, когда псих накатит, надо говорить, чтоб сердце отпустило. – Жалеешь обнову, что ли?

И Андрей поддался, улыбнулся и уже другим тоном ответил:

– Жалею. И нож в них девать некуда. А сегодня что ж... В дом пришёл, не куда ещё...

И Эркин чуть не ахнул в голос. Так вот почему Андрей в своей нарядной бело-синей рубашке под джинсовой курткой. Ну... ну да, какой же он дурак, что не понял сразу. Для

Андрея это тоже не просто работа, а дом, семья... Ведь и Женя сказала, что приготовит особый обед...

– Дурак я, – Эркин прочистил засорённый подгнившей древесиной паз и приложил отрезанную доску. – Смотри, пойдёт?

– Пойдёт. Держи так, сейчас вобью, – Андрей вставил раскос и вбил доску в пазы. – Гвоздями теперь прихвати. Здесь и здесь. Ага. А ты с чего это заметил?

– Ну... Ну что не простая работа сегодня.

– Иди ты...! – Андрей оборвал фразу. – Я и так... в первый раз лестницу лажу, а ты мне под руку такое... – и улыбнулся. – Всё путём, Эркин. Ага, хорош.

По мере того как тёмные с намертво въевшейся в них грязью старые ступеньки заменялись новыми, бело-жёлтыми и пахнущими свежим деревом, Андрей веселел и отходил от державшего его всё утро напряжения.

– Ну вот. Остальные ещё постоят.

– Полгода? – усмехнулся Эркин.

– Наши дольше, а остальные... там видно будет. Веник принеси, мусор сметём.

Эркин спустился в сарай, где был прутьяной веник, которым он сметал щепки при колке дров. Андрей собирал инструменты, изредка поглядывая на увлечённо играющую Алису.

– Обрезки давай, лучины потом нащеплю, – сказал Эркин.

Андрей уже было собрал их, протянул, но тут же передумал и сунул к себе в ящик.

– Нет, я придумал кое-что. Сейчас ковёр будем вешать, так?

– Да. Переступи, я смету здесь.

– Постой.

Андрей сел на ступеньки, вытащил маленький рубанок, обрезки и стал их обтёсывать.

– Чего откладывать, – бормотал он себе под нос, – ша прямо и сварганим. Заглажу их, и всей работы на пять минут.

– Ты чего придумал? – Эркин присел на корточки, разглядывая быстродвигающиеся руки Андрея.

– Ша увидишь. Придержи вот тут, я размечу. Ага. И здесь. На глазок, конечно, но... сойдёт. Качалка не получится, парить надо, но...

– Качалка? – подозрительно переспросил Эркин.

– Ну да. Ладно, и так хорошо.

Андрей быстро распиливал обрезки на узкие полоски и квадратики.

– Так. Сейчас срезы зачищу, собью и совсем заглажу. Во! Смотри.

– И что это такое будет? – Эркин осторожно повертел в руках... похоже... похоже... койка – не койка, а, да нет, как это называется... – На кровать похоже.

– Точно. Она и есть. А вот... вот стол. А стулья уже не получатся.

– И зачем это? – улыбнулся Эркин.

Андрей, зачищавший шкуркой обрез стола, удивлённо поднял на него глаза.

– Ты что? Игрушек никогда не видел? Это для кукол ей.

И спохватившись, стал густо, как это только у него получалось, краснеть. Покраснел и Эркин.

Андрей убрал шкурку, рубанок и маленькие гвоздики.

– Ты... ты не обижайся на меня, ладно? – тихо попросил Андрей. – Я всё забываю...

– Я не обижаюсь, – так же тихо ответил Эркин. – Так уж было у меня... не по-людски, – и, резко отбросив со лба прядь, улыбнулся. – Позвать её? Сам и отдашь.

– Нет, – сразу повеселел Андрей. – Поставим потихоньку. Сюрприз, понял?

– Понял, – кивнул Эркин и встал. – Бери рейку и пошли ковёр вешать. А это там и положишь. Покажу где.

– Ага.

Андрей бегом спустился вниз за рейкой, забросил по дороге в сарай обрезки досок и веник, притворил дверь, скорчил Алисе смешную рожу, от чего она застыла в полном изумлении, и поднялся к Эркину.

Эркин, держа в одной руке ящик с инструментами и неловко прижимая другой к груди кроватку и столик, ждал его у верхней двери. Андрей шумно выдохнул, будто через весь город бежал, и постучал в дверь.

Незапертая дверь от его стука открылась.

Женя выглянула из кухни и улыбнулась.

– Уже готово?

– Лестница уже готова, мэ, – громко ответил тоже по-английски Андрей. – Теперь ковёр вешать, так, мэ?

– Так, – кивнула Женя. – Работайте, у меня ещё не готово.

Из кухни плыли такие запахи, что у Эркина засосало под ложечкой, а Андрей вообще, как в столбняк впал. Эркин подтолкнул его.

– Пошли.

Они вошли в комнату. Андрей быстро одним взглядом охватил её.

– Где вешать-то? – и шагнул было вперёд, но тут же остановился. – Чёрт, разуться забыл, – вырвалось у него по-русски.

– Ничего, – по-русски ответила, входя в комнату, Женя. – Вешать над кроватью, чтобы и на стене был, и кровать покрывал... – она остановилась, удивлённо глядя на Андрея. – Что с вами?

– Так... так... так вы что? – наконец смог выговорить Андрей. – Вы русская?!

– Ну да, – улыбнулась Женя. – А что, Эркин ничего не говорил?

– Он скажет! – пришёл в себя Андрей.

Они уже работали – Женя ушла на кухню, чтобы не мешать им – а Андрей всё то и дело поглядывал на Эркина и изумлённо крутил головой.

– Ну, ни фиги себе, – наконец выдохнул он по-камерному. – Ну, это ж надо так молчать.

Эркин вскинул на него глаза, и Андрей понимающе кивнул. Несколько минут они работали молча, и Эркин не выдержал:

– А почему ты ей «вы» говоришь? Она же одна. И она тебе.

– Это так вежливо по-русски, – объяснил Андрей, выбирая из ящика гвоздики с золотыми фигурными шляпками. – Вот, с цветочками сделаем.

– Угу, – пробурчал Эркин, думая о своём. Эта сторона русского языка была для него полной неожиданностью.

– А... а ты ей про меня что сказал? – осторожно спросил Андрей.

– Что мы напарники, я ещё весной сказал. А... сейчас про Бифпит. Что мы братьями записались.

– Тогда, – Андрей примеривал рейку к ковру, – тогда если она тебе «ты» говорит, то и мне пускай.

– Ага, – Эркин расправил завернувшийся край ковра. – Но тогда и ты тоже так говори.

– Замётано, – кивнул Андрей. – Её ещё спросим. Так. С этим ясно. Давай теперь высоту прикинем.

Наконец всё сделали, повесили ковёр, и Эркин, уже отбросив всякую осторожность, тщательно разгладил все складки и заломы. И тут вошла Женя.

– Уже?! Ну, молодцы...

– Принимай работу, – Андрей улыбкой прикрыл неуверенность в голосе.

Женя кивнула.

– Принимаю. И у меня всё готово. Сейчас будем обедать, – и вдруг заметила столик и кроватку возле Алисиной табуретки. – Ой, а это что?

– Это Андрей Алисе сделал, – тихо сказал Эркин. – Это игрушки.

Женя посмотрела на пунцового от смущения Андрея.

– Какой же ты... Спасибо, Андрей, – и тут же решительно: – Давайте. Быстро мыть руки и за стол. Я сейчас Алису позову.

Она вышла. Андрей и Эркин собрали инструменты в ящик, поставили его у печки и пошли на кухню. Андрей снял джинсовую куртку, расстегнул манжеты и стал умываться. Эркин забрал у него куртку, вынес в прихожую, повесил на вешалку. Подумав, перенёс в прихожую ящик и вернулся на кухню. Андрей уже вымыл руки, вытер и стал застёгивать манжеты, уступив место у раковины. Эркин был уверен, что Андрей уже только о еде думает, к тому же запахи... ну, просто обалденные, и потому вздрогнул от тихого вопроса Андрея.

– Что ещё она обо мне знает?

– Что ты русский, – спокойно ответил Эркин, выпрямляясь и берясь за другой конец полотенца.

Андрей кивнул и осторожно спросил:

– А... о тебе?

– А обо мне всё.

Эркин расправил полотенце на верёвке, встретился глазами с Андреем. Но тут Женя ввела в кухню Алису. Та, подозрительно глядя снизу вверх на Андрея, вслепую нашаривала палочку раковины. Андрей быстро метнул взгляд на Женю, Эркина и... скорчил Алисе рожу. Первым засмеялся Эркин.

Женя, смеясь, покачала головой.

– Мойся скорее. Это надо уметь так вывозиться.

Эркин потянул Андрея в комнату, но тот, упрямо мотнув головой, остался на кухне и с каким-то странным выражением смотрел, как Женя умывает и вытирает Алису.

– Все за стол, – скомандовала Женя, расправляя на верёвке полотенце. – Алиса, ты ничего не забыла?

Алиса мотнула головой и, очень серьёзно глядя на Андрея, сказала по-русски:

– Большое спасибо за подарок.

– На здоровье, – так же серьёзно ответил Андрей.

Сидя за столом, Алиса сначала было оглядывалась на свою табуретку, рядом с которой теперь стояли кровать и столик, но быстро отвлеклась.

Забирая Алису со двора, Женя закрыла и нижнюю, и верхнюю двери. Окна уже закрыты, и потому сидели за столом спокойно.

Такого обеда ещё не было! Эркин вообще-то редко обедал дома, большей частью он приходил к ужину. Вот только когда из Бифпита приехал, тоже был большой обед. Но не такой, как сегодня.

Женя поставила на стол продолговатую тарелку с нарезанной рыбой, кольцами лука и кружками крутых яиц.

– Селёдка? – неуверенно, словно вспоминая, спросил Андрей.

– Селёдка, – кивнула Женя. – Алиса, сейчас положу. А вы себе сами кладите.

Андрей ел селёдку с чёрным хлебом с таким удовольствием... что и Эркину это показалось необыкновенно вкусным. Алиса, исподлобья следившая за ними, старательно орудовала вилкой.

– С ума сойти, как вкусно, – выдохнул Андрей.

– Лучше, чем на королевском? – лукаво улыбнулась Женя.

– Лучше, – убеждённо ответил Андрей. – Верно, Эркин?

Эркин кивнул.

– Ну, не надо, – рассмеялась Женя. – Эркин мне рассказывал, какие вы деликатесы ели.

– А это лучше, – упрямо улыбнулся Андрей.

– Ну и хорошо. Алиса, доедай. Сейчас первое принесу.

Женя собрала тарелки и убежала на кухню. Сообразив, что ей нести и тарелки, и кастрюлю, Эркин встал и пошёл следом.

– Ага, хорошо, – встретила его Женя. – Неси кастрюлю. Только осторожней, не обожгись.

Женя разлила по тарелкам тёмно-красный, почти бордовый суп с плавающими в нём кусочками мяса, свёклы и ещё чего-то.

– Борщ?! – обрадовался Андрей. – Ну... ну, тыщу лет не ел.

– Сметану клади, – Женя подвинула к нему баночку со сметаной.

Андрей, недолго думая, зачерпнул было полную ложку, но тут же, густо, под цвет борща, покраснев, стряхнул половину обратно в банку. Эркин не рассмеялся только потому, что боялся поперхнуться.

Борщ и в самом деле оказался удивительно вкусной штукой. И на вопросительный взгляд Жени Эркин сразу ответил кивком. Женя налила ему и Андрею ещё по полтарелки, с улыбкой объяснив:

– Оставьте для второго место.

Эркин кивнул, но на этот раз его опередил Андрей, потащивший кастрюлю на кухню. После небольшой суматохи, в которой Алиса принимала самое деятельное участие, на столе сменились тарелки и появилась большая сковорода и вторая кастрюля.

Котлеты с картофельным пюре привели Андрея в состояние почти экстаза, а Эркина в изумление.

– Это что, каша такая? – поинтересовался он, трогая пюре вилкой.

– Пюре картофельное, – почти простонал Андрей. – Это ж... это ж я ещё... – конец фразы он проглотил.

Но Женя очень естественно закончила за него:

– Ещё дома ел, так, Андрюша?

Андрей расплылся в блаженной улыбке и кивнул.

А котлета, к удивлению Эркина, оказалась мясом, но так мелко нарезанным, что походила на мясо только вкусом. Но зато жир из неё так и брызгал под вилкой.

Женя опять убрала посуду, на этот раз они оба – и Эркин, и Андрей – остались за столом, сыто отдуваясь. Андрей перемигивался с Алисой, строя ей рожи, а Эркин просто как-то обмяк и расслабился.

– И компот на третье, – улыбнулась Женя.

Уставшая сытая Алиса с трудом, явно через силу допила свою чашку и полезла из-за стола.

– Всё, я уже сытая. Сейчас уложу всех...

– Сама ложись, – рассмеялась Женя. – А потом мы одеяльце с подушкой и простынку сделаем, тогда и будешь их укладывать.

– Ага, – согласилась Алиса и пошла к двери, но, уже взявшись за ручку, остановилась и обернулась. Внимательно глядя на Андрея, серьёзно спросила: – А про тебя тоже нельзя рассказывать?

– Нельзя, – строго ответила Женя. – Никому ни слова.

– Как про Эрика, – понимающе кивнула Алиса и вышла.

Андрей быстро посмотрел на Эркина, на Женю и занялся своей чашкой.

– Ещё налить? – предложила Женя.

– Нет, спасибо, – улыбнулся Андрей. – А то я не встану.

– Ну, это не страшно, – засмеялась Женя. – После обеда поспать надо обязательно.

– Конечно, – сразу подхватил Эркин. – Постелю, уложу...

– И закаваю, – перебил его Андрей. – Зна-аем. Нет, не надо. Спасибо этому дому, пойду теперь к другому.

Он уже приготовился встать, но тут вернулась Алиса, Женя стала её укладывать, и Андрей остался сидеть. И опять Эркина поразило выражение, с которым Андрей следил, как Женя переодевает и укладывает Алису.

– Спи, маленькая, – Женя поцеловала Алису в щёку и подошла к столу. – Давайте всё-таки я ещё вам налью. По чашечке.

– Нет, – Андрей встал. – Правда, сыт.

– Я с тобой, – встал и Эркин. – Женя, я лохань вечером вынесу.

– Хорошо, – кивнула Женя.

Все вместе вышли в закуток прихожей. Пока Андрей надевал куртку, Эркин сбегал в кладовку за своей.

– Спасибо, – Андрей неумело дёрнул головой в полупоклоне. – За обед, за всё. Я как дома побывал, правда.

– Почему как, Андрюша? – улыбнулась Женя. – Вы ведь... прости, ты брат Эркину, разве не так? Значит, это и твой...

– Да, – перебил её Андрей. – Всё так.

И, к крайнему изумлению Эркина, Андрей вдруг взял руку Жени, поднял к своему лицу и поцеловал. Как... как на клятве?! Только не в ладонь, а в тыльную сторону. И тут же засуетился, схватил свой ящик.

– Ну всё, пошли.

Эркин молча, только кивнув Жене, последовал за ним.

Андрей, с шиком прищёлкивая каблуками по новым ступенькам, спустился по лестнице и закурил даже не во дворе, а на улице.

– Инструмент заброшу и айда в Цветной, – предложил Андрей.

– Идёт, – кивнул Эркин.

Они шли не спеша, отяжелев от еды и лёгкой усталости. Воскресные пустые улицы, воскресная тишина...

– Андрей, а зачем ты... руку целовал?

– Отец так делал.

Андрей ответил легко, не задумываясь, и даже остановился с приоткрытым ртом, ошарашенно глядя на Эркина. Остановился и Эркин, так же изумлённо глядя на Андрея.

– Это... это я сказал? – наконец спросил Андрей.

Эркин кивнул и, взяв Андрея за рукав, повёл, вернее, потащил его по улице.

– Пошли-пошли, в глаза кидаемся.

Наконец Андрей пришёл в себя, высвободил руку и пошёл сам.

– Ну, надо же, – озадаченно покрутил он головой и искоса посмотрел на Эркина. – Ты того...

– Я ничего, – Эркин улыбался как можно безмятежнее. – А зачем?

– Чего зачем?

– Зачем он это делал?

– Н-не знаю, – с заминкой ответил Андрей. – Вот, вспомнилось вдруг, гости, нарядные все, красивые. И... и он так же... руки целует. Женщинам. Благодарит. И маме целовал. Я помню. Понимаешь, когда уходил и прощался с ней. В последний раз. Думали, я сплю, а я видел. И... и не знаю даже, чего это я, зачем... а что... это обидно?

– Нет, – Эркин резко мотнул головой. – Просто я впервые такое видел. Значит, в благодарность так делают?

– В благодарность, в уважение, ну... – Андрей замялся. – Ну, не знаю я, не могу сказать.

– Я понял, – кивнул Эркин.

Они молча дошли до дома Андрея. Эркин остался ждать на улице, а Андрей бегом влетел в дом и через минуту вернулся. Из дома смутно донеслось неразборчивое ворчание.

– Завелась, – рассмеялся Андрей, подходя к Эркину. – Держи.

Эркин взял сушку.

– Пошли, – заторопил его Андрей. – Я и денег взял. Гульнём по-воскресному.

– Тебя послушать, так ты не просыхаешь, – усмехнулся Эркин.

– А пусть думают, что хотят, – беззаботно отмахнулся Андрей. – Не прошу, не одалживаюсь, живу, как хочу. Свобода!

– Свобода, – кивнул Эркин.

Больше они ни о Жене, ни об Алисе не говорили. Когда было надо, когда Андрей считал, что это надо, он умел молчать не хуже Эркина, без оговорок и обмолвок. В этом Эркин был уверен. Что ни одна живая душа ни о Жене, ни об Алисе от Андрея не узнает.

Тетрадь тридцать первая

Алабама

Графство Дурбан

Округ Спрингфилд

Спрингфилд

Фредди заскочил в «Плазу» буквально на минуту. Промочить горло в баре. И с порога, по привычке охватив одним взглядом переполненный, как и положено в субботу, шумный зал, увидел Джонатана. В дальнем углу, спиной к стене, безмятежно осматривающего мир поверх стакана. Однако чутьё у Джонни... Фредди подошёл к стойке. Бармен, улыбнувшись ему, налил виски с содовой.

– Сделай и себе, – Фредди положил на стойку деньги за две порции, взял стакан и пошёл к столику в дальнем углу.

Джонатан слегка подвинулся, чтобы Фредди смог сесть тоже спиной к стене.

– И давно ты здесь?

– Не так, чтобы очень, – улыбнулся Джонатан. – У тебя, как вижу, всё в порядке.

– Угу, – Фредди отхлебнул, оглядывая зал. – С чего ты вообще решил, что я сюда зайду?

– Чистая мистика, – вздохнул Джонатан. – Как парни?

– Сдают экзамен.

– Даже так? – хмыкнул Джонатан.

Фредди улыбнулся.

– В понедельник в десять в конференц-зале. Торжественное вручение дипломов. Смокинг, я думаю, необязателен, но быть при параде.

– Здесь так серьёзно, Фредди?

– Очень. Заодно познакомлю тебя с доктором.

– Аристофф, кажется?

– Он самый. Потом расскажу о нём. Как в имении?

– Без изменений. Было, когда я уезжал.

– Свадьбу отложили до твоего возвращения? – невинным тоном спросил Фредди.

– Уел, – рассмеялся Джонатан. – Ты имеешь в виду факт или оформление?

– Факт никогда не откладывают, Джонни. А вот оформление...

– Праздника, насколько я знаю, не было, о бумагах они и не подозревают. А факт... – Джонатан рассмеялся. – Мамми занялась лично, и всё было сделано в наилучшем варианте за два дня.

– Так что новой выгородки не понадобилось, – улыбнулся Фредди. – А одну ночь можно было и в сенном провести. Больше всех доволен Ларри, конечно. А Дилли мается: прогадала она или нет.

– Всё-то ты знаешь, ковбой, – хмыкнул Джонатан.

– Мистика. Но старшему ковбою положено, – серьёзно ответил Фредди. – Новости все? Теперь так. Паук лезет в нашу Систему. От паутины одни клочья, на хвосте у него висят русские. Имеем шанс вывалиться.

– Есть разрешение? – тихо спросил Джонатан.

– От Паука все врассыпную. Кто смог – тот смог, кто не смог – его проблемы.

– Ясненько, – протянул Джонатан. – Кто здесь?

– Колченогий.

– Интересно, конечно, – Джонатан аккуратно пригубил свой стакан, снова оглядел зал. – Паук без паутины. Интересно, но пока рискованно.

Фредди кивнул. Джонни прав: старик Говард пока ещё опасен. Слишком опасен. Вот если удастся свести с ним счёты руками русских...

– И всё равно он мой, – тихо и очень твёрдо сказал Джонатан. – Ты всё время с парнями?

– Зачем? В первый день только подстраховал. Познакомился с доктором, пообщался.

– В баре?

– В «Амбассадоре». Медицинское обслуживание может быть и бесплатным, но я не люблю дармового.

Джонатан встревоженно посмотрел на него.

– Ужин вместо гонорара? Тебе понадобился врач?

– Нормальный ковбой не может видеть необъезженную лошадь, Джонни. А этот... нормальный врач неосмотренного человека.

– Ты... так он тебя...?! – Джонатан захохотал, не договорив.

Субботный бар, тем более «Плазу», ничем не удивишь. На них никто не обратил внимания, и Фредди дал Джонатану отсмеяться.

– Фредди, как это у него получилось?

– Он взял меня на слабо, – спокойно ответил Фредди. – Классно было сделано.

– Ты берёшься на слабо?! Надо будет иметь в виду, – смеялся Джонатан, но тут же стал серьёзным. – Фредди, ты точно целый?

– Точно-точно, успокойся. Так, обычный осмотр. Он хирург и оценил качество штопки. Сказал, что вполне квалифицированно.

– Ещё бы! – успокоился Джонатан. – Так. А зачем ты меня с ним будешь знакомить?

– Хочу увидеть тебя у него на кушетке, – усмехнулся Фредди. – У нас же всё пополам, не так ли?

– Кроме милашек, – кивнул Джонатан. – Но я ему неинтересен.

– Посмотрим. А ещё... если серьёзно, Джонни, хочу договориться с ним о Ларри. Мне не нравится его диагноз.

– Какой ещё диагноз?

– Который ему поставил Эндрю. Отбитая дыхалка.

– Д-да, чёрт. Я думал, у него просто истощение... конечно. Пригласим к нам?

– С рентгеновским кабинетом, Джонни?

Джонатан досадливо кивнул.

– Да, чёрт. Когда ты с ним встречаешься?

– Хотел зайти узнать результаты экзамена.

– Тогда пошли.

– Не спеши, – Фредди искоса посмотрел на часы. – Туда к пяти.

Джонатан кивнул.

– Хорошо. Колченогий предложил работу?

– Догадлив ты, Джонни. Дал заказ. От себя.

– Кто ему нужен?

– В окрестностях Бифпита, Джонни, кто-то пел про Хаархан. Колченогий обещал за него...

– Стоп, я понял. Надеюсь, ты не отказался?

– Чтобы такой заказ ушёл на сторону? За кого ты меня держишь, Джонни?!

– Резонно. Но поиски затянутся.

– О сроках не уговаривались. А плата... Сколько назову и столько же сверху.

Между столиками к ним пробивался Мик. Подсел со своим стаканом и с ходу высыпал ворох новостей и вопросов. Фредди равнодушно курил, Джонатан, смеясь, подзадоривал Мика. А когда тот наконец убрался, презрительно скривил на мгновение губы:

– Ш-шакал.

– Ну да. Концептуально ничего нового.

– Грамотный ты, ковбой, – усмехнулся Джонатан. – Чего это он камнями заинтересовался?

– У Паука нет денег. Только камни и золото в изделиях, – очень тихо ответил Фредди. – А они... из них ни один стразу от шпинели не отличит. И знают это.

– За консультацию плата обычная, – сразу сказал Джонатан.

– Да, – кивнул Фредди. – За риск можно и надбавить.

– Стоит ли жадничать, Фредди?

– А связываться?

– Резонно. Но я хочу быть в курсе.

Фредди кивнул и, бросив короткий взгляд на часы, встал.

– Пошли.

Джонатан кивнул, вставая. Вечер в «Плазе» уже разворачивался, и их ухода в общей толчее никто не заметил.

На улице Фредди повернул в противоположную от госпиталя сторону.

– Хвост хочу стряхнуть, – бросил он на ходу Джонатану.

Джонатан молча отстал и, прикуривая, отпустил Фредди за угол. Убедившись, что никто не повторил этого манёвра, пошёл сам. Так, то обгоняя друг друга, то задерживаясь у витрин, они покрутились по городу, и наконец Фредди направился к госпиталю. Но опять не впрямую, а в обход.

На пустынной улочке Джонатан поравнялся с Фредди.

– Не слишком закрутил?

– Нет. Вон ворота.

Ворота были глухие, и тут Джонатан сообразил, что они вышли к заднему, хозяйственному двору. Фредди толкнул узкую калитку, впустил Джонатана и, быстро оглядев улицу, вошёл сам.

– Однако... – пробормотал Джонатан, озираясь. Кучи угля и шлака, бетонная коробка котельной, склады...

– Всё путём, Джонни, – Фредди обменялся кивком и улыбкой с солдатом, сидевшим чуть наискось от ворот на перевёрнутом ящике. – Парадный вход слишком просматривается, чтобы там часто маячить. Пошли. Здесь есть неплохие места для беседы.

– Как их с такой охраной... – хмыкнул Джонатан, пробираясь следом за Фредди между кучами угля.

– Что, Джонни? – ухмыльнулся Фредди. – Меня представили. Кто чужой и шагу здесь не сделает. Огонь на поражение за попытку проникновения. Это же военный объект. А раздолбайство только для вида. Дела здесь, думаю, всякие крутятся. Нас в них не зовут, так и не надо. А вот и наш объект.

Восьмиугольная беседка с шатровой крышей, сплошь затянутая ещё густым, но уже пожелтевшим диким виноградом. Посередине круглый стол. Вокруг него узкая скамейка. Скамейка вделана в стены, ножка стола – в пол. Надёжно и достаточно удобно.

– Действительно удобно, – отметил Джонатан. – Ещё бы обзор получше.

– Обзор нам не нужен, – Фредди закурил и перебросил пачку Джонатану. – В это время здесь никого нет. Место это мне указали парни. А им – местные. Бывшие коллеги.

– Да, капитан говорил, я помню. Они так и живут здесь?

– Выход в город свободный. Но там слишком много глаз.

– Понятно, – кивнул Джонатан, отправляя пачку в обратный полёт. – О времени договорился?

– Примерно, – Фредди прислушался. – Вроде идут.

Это были действительно они. Все трое. Шумно топоча, переговариваясь и смеясь, они подбежали к беседке, но вошли так спокойно, что их предыдущий шум вполне можно было посчитать сигналом.

– Добрый день, сэр... Добрый день... Здравствуйте, сэр, – здоровались они, заходя и рассаживаясь напротив Фредди и Джонатана.

– Здравствуйте, – ответно улыбнулся Джонатан.

Улыбнулся, молча кивая им, и Фредди.

– Нам... очень приятно видеть вас, сэр, – заговорил Роберт, обращаясь к Джонатану. – Вы окажете нам честь, если придёте в понедельник на вручение дипломов.

– Благодарю за приглашение, – склонил голову Джонатан. – Где и когда?

– С десяти часов в конференц-зале, сэр. Найджел встретит вас у ворот, сэр, и проводит.

– Мы придём через центральный вход, – сказал Фредди.

– Как вам будет угодно, сэр, – улыбнулся Роберт.

– Экзамен прошёл удачно? – спросил Фредди.

– Да, сэр. Мы ответили на все вопросы. И на практике... наша работа понравилась, сэр. Нам сказали, что мы получим и дипломы, и патенты, сэр.

– И вот, сэр, – улыбнулся Найджел. – Мы... Нам сегодня это дали, сэр.

Он вытащил из нагрудного кармана и протянул Фредди и Джонатану маленькую плоскую... как книжечку в твёрдой тёмно-красной обложке. Джонатан взял её, быстро просмотрел и отдал Фредди. Фредди, разглядывая её, невольно присвистнул.

Не справка. Удостоверение личности. На двух языках. С фотографией.

– Когда это вы успели, парни?

– Доктор Юри, сэр, вчера отправил нас в комендатуру. Нам всё объяснили. И вот. Мы сдали свои справки, анкеты, сфотографировались там же. И вот, сэр. Сегодня между экзаменами сходили туда.

– Поздравляю, – улыбнулся Джонатан. – Ну что ж, с документами всё будет в порядке, так?

– Да, сэр, – разговор снова повёл Роберт. – Был из... мэрии, так?

– Да, – кивнул Метьюз.

– Вот. И когда объявят результаты, мы сразу заявим о себе и заплатим...

– Гербовой сбор, сэр, – тихо сказал Метьюз.

– Да, – дёрнул головой Роберт, сразу и благодаря, и отмахиваясь. – И в понедельник у нас будут все документы.

– И мы сможем начать работать, сэр, – счастливо улыбнулся Найджел.

– Начать дело, – поправил его Фредди.

– Да, – Джонатан стал серьёзным. – Раз с этим в порядке, давайте о деле. Вы не передумали? Может, останетесь работать здесь?

– Нет, сэр, – твёрдо ответил Роберт, а остальные молча покачали головами.

- Хорошо. Тогда первый вопрос. Вы выбрали город?
Они переглянулись.
- Сэр, мы плохо знаем... совсем не знаем городов. Это должен быть большой город. Или такой, куда приезжает много народу.
- Столица?
- В столице, сэр, наверняка и без нас это придумали. И... и там, нам сказали, много разрушений. Будет очень трудно с домом.
- Резонно, – кивнул Джонатан.
- Колумбия, – сказал Фредди. – Пострадал он мало, народу много...
- Мы доверяем вашему выбору, сэр.
- Колумбия, – задумчиво повторил за Фредди Джонатан. – Что ж, имеет смысл попробовать там. Допустим, Колумбия. Дальше?
- Дальше, сэр, нужен дом. Отдельный дом.
- С выходом на две улицы, сэр, – сказал Метьюз.
- Отдельный дом, понятно, а на две улицы зачем? – удивился Джонатан.
- Чтобы для белых и цветных были отдельные входы, сэр, они даже не будут видеть друг друга, – ответил Роберт.
- И внутри всё тоже двойное? – усмехнулся Фредди.
- Нет, сэр. И зал, и кабинки... для массажа одни, но... но как это... – Роберт нахмурился, подбирая слово.
- И за него ответил Найджел:
- Каждая дверь будет открыта в своё время, сэр. Внутри никто не столкнется. И приходят будут с разных улиц.
- Джонатан с удовольствием рассмеялся.
- Ловко! Сами придумали?
- Так делали, когда Эл и Джи Паласы в одном доме, – спокойно ответил Роберт.
- Джонатан удивлённо откинул голову и, тут же сообразив, густо покраснел. Парни, как по команде, отвели глаза, разглядывая пёстрые листья дикого винограда.
- Хорошо, – справился с голосом Джонатан. – Наверное так будет лучше. Что ещё?
- Если дом в два этажа, сэр, – Роберт снова смотрел ему в лицо, – то мы сможем там же жить. На втором этаже.
- Разумно, – кивнул Джонатан. – Внизу зал, кабинки для массажа...
- И отдыха, сэр, – вставил Найджел и с улыбкой пояснил: – Мы здесь всё посмотрели. Как здесь, не получится, конечно.
- Как здесь, и не надо, – возразил Метьюз. – Здесь их больше двадцати в одну смену могут работать, а нас трое. А отдельные кабинки для отдыха... надо смотреть. Ещё ж душевая нужна.
- Да, и ванная, – вступил Роберт. – Гидромассаж. Нам показывали. Это мы сможем, сэр.
- Это ещё надо всё делать, – упрямо возразил Метьюз. – Пока всё сделаем...
- Ясно, – перебил его Джонатан. – Попросите кого-нибудь, чтобы вам нарисовали план.
- План, сэр?! – переспросили они в один голос.
- Да, – глаза у Джонатана смеялись. – Нужен архитектор или вроде этого, но кто-то знающий. Теперь оборудование...
- Оборудование, сэр, мы знаем, но сначала нужен дом.
- Тоже резонно, – кивнул Джонатан.
- Слова о плане явно повергли парней в растерянность.
- Этот... план, сэр, нужен обязательно? – осторожно спросил Роберт.
- Да, хотя бы приблизительный, но обязательно. На глазок дом не построишь.
- Они уныло кивнули. Фредди уже хотел вмешаться: зря Джонни ставит им такой барьер, он ведь и сам может это сделать. Но тут улыбнулся Найджел.

- Хорошо, сэр. Мы попробуем договориться.
Остальные вопросительно посмотрели на него, и Найджел стал объяснять:
- Здесь, ну, среди раненых, наверно, есть, как вы сказали, сэр, архитектор. Парни нам помогут найти его. И уговорить помогут.
- Фредди улыбнулся: надо же, сообразил парень.
- Отлично, – кивнул Джонатан. – Теперь о времени. В понедельник выдача дипломов. Наверняка вы будете это праздновать.
- Д-да, сэр, – с заминкой ответил Роберт.
- Метьюз и Найджел покраснели – у них это было более заметно – и отвели глаза.
- В общежитии, сэр. Отвальная, – совсем тихо закончил Роберт.
- Их смущение объяснялось тем, что ни Джонатана, ни Фредди пригласить они не могли.
- Понятно.
- Когда первый поезд на Колумбию? – Джонатан посмотрел на Фредди.
- Есть в пять тридцать скорый и в восемь с чем-то кружной.
- В пять тридцать успеете? – Джонатан перевёл взгляд на парней.
- Да, сэр, – твёрдо ответил Роберт.
- Хорошо. Во вторник выезжаем. На скором три часа ехать, не больше. Колумбия. Запомнили?
- Да, сэр. А там?
- Там на месте посмотрим, как лучше сделать. Все свои вещи берите с собой.
- А нам и негде оставлять, сэр, – улыбнулся Найджел.
- С этим всё. – Джонатан даже хлопнул ладонью по столу, как бы отсекая эту часть разговора. – Теперь...
- Доктор у себя? – перебил его Фредди.
- Доктор Юра? – уточнил Роберт, и парни сразу заулыбались. – Да, сэр, он в это время в своём кабинете, сэр.
- Хорошо, – кивнул Фредди. – Значит, в понедельник в десять в конференц-зале и во вторник в пять тридцать на вокзале.
- Да, сэр... Конечно, сэр... – парни поняли, что разговор окончен, и стали прощаться. Когда они вышли, Фредди посмотрел на Джонатана.
- Времени на опохмелку ты им не даёшь?
- Вот и проверим, как они умеют меру соблюдать, – весело ответил Джонатан.
- Резонно, – передразнил его Фредди. – Сейчас идём к Юри.
- Пригласим в «Амбассадор»?
- Да. Поесть и поговорить.
- Да, надо сейчас. В понедельник, думаю, он будет занят. Но я не рассчитывал, что пройдёт так гладко.
- Парни боялись... как следует, но держались. Тоже, как следует. И похоже, Джонни, этот русский капитан и впрямь играет честно. Зачем это ему?
- Наверное, – Джонатан усмехнулся, – он понимает, что нечестная игра обходится намного дороже.
- Как его зовут, Джонни?
- Ген-на-ди Стар-цев, – с натугой выговорил Джонатан.
- Что ж, посветил он нам, – хмыкнул Фредди, – совсем даже неплохо. Но имя, конечно, произносимое.
- Аристофф легче?
- Юри, Джонни. Ты же слышал, как его называют парни. Доктор Юри. А капитан... Ген, Генни? Спроси при встрече.
- Спрошу, – кивнул Джонатан. – Пошли?

– Пошли, – Фредди загасил окурок и встал. – Пройдём сейчас садом.

– Ты уже всё здесь знаешь? – весело удивился Джонатан.

– Не всё. Кое-что мне показали, кое о чём догадываюсь. Ночлег и выпивку ковбой везде найдёт. Ну, и всё остальное заодно.

Они вышли из беседки, и Фредди повёл Джонатана, изредка поглядывая на видневшиеся над деревьями крыши. Попадавшие им навстречу раненые в госпитальных пижамах смотрели на них без особого удивления.

– Я вижу, ты уже здесь примелькался.

– Может и так, Джонни, но здесь помимо стационара ещё и амбулатория. За плату общедоступные физиотерапия, консультации и так далее.

– Вот как? Чего ж мы шли через задний двор?

– Джонни, я похож на хроника?

Джонатан рассмеялся.

– Резонно. Вот этот корпус?

– Догадлив.

Девушка с обожжённым лицом вынесла им навстречу пачку больничных карт. Фредди с улыбкой придержал дверь, пропуская её, но она словно не заметила, быстро уходя, почти убегая, по дорожке к соседнему корпусу.

– Фредди, с чего это она на тебя не реагирует? – вполголоса спросил Джонатан, входя в вестибюль.

– Это Лю... Люси, секретарь у Юри. Она ни на кого не реагирует, – серьёзно ответил Фредди и, ухмыльнувшись, добавил: – Думаю, это парни заулыбали её.

Они поднялись по лестнице, и Фредди уверенно постучал.

– Входите, – ответили им по-английски.

– Добрый день, Юри.

– Добрый день, – Аристов захлопнул дверцу канцелярского шкафа и подошёл к ним. – Вы и есть Джонатан Бредли?

– Он самый, – улыбнулся Джонатан, отвечая на рукопожатие. – Я пришёл поблагодарить вас за участие к Слайдерам.

– Не за что, – усмехнулся Аристов.

– Ценю вашу скромность, доктор. А также за внимание к здоровью, – Джонатан улыбнулся, – моего друга.

Фредди ухмыльнулся.

– Ну, в этой любезности и тебе не откажут, не так ли, доктор?

– Разумеется, – рассмеялся Аристов.

– Не будем смешивать. Коктейль хорош только в стакане, – отпарировал Джонатан. – И кстати, о коктейлях. Доктор, вам понравилась кухня в «Амбассадоре»?

– Да, – кивнул Аристов. – Неплохая.

– Так как насчёт повторения визита?

– Благодарю, но у меня сегодня дежурство.

– Значит, завтра, – быстро сказал Джонатан. – Отлично, доктор. Или Юри?

– Юри, – кивнул Аристов. – Вы неплохо наступаете. Метод натиска, я вижу, вам привычен.

– Стараюсь, – скромно потупился Джонатан и, не выдержав, рассмеялся. – Так во сколько? Семь, восемь?

– В восемь, – прикинув что-то в уме, ответил Аристов.

– Завтра в восемь в баре, – кивнул Джонатан. – Не смею вас больше отвлекать, мы прощаемся.

– До завтра, – рассмеялся Аристов.

- До завтра, Юри, – рассмеялся и Фредди.
Быстрое рукопожатие, и Джонатан выскочил в коридор. Фредди последовал за ним.
Когда они уже вышли из корпуса, Фредди спросил:
– Джонни, а насчёт Ларри? Забыл?
– Уф-ф! – Джонатан шумно, даже несколько демонстративно перевёл дыхание. – Об этом и в ресторане можно договориться.
– А ловко ты вывернулся, – одобрил Фредди.
– Твоя выучка, – весело огрызнулся Джонатан. – Выйдем через центральный?
– Отчего и нет? Не думаю, что наблюдают постоянно. Если нас и вели, то потеряли ещё у «Плазы». Теперь... ты где остановился? В «Эльсиноре»?
– Да. С Колумбией я свяжусь сегодня. Думаю, завтра днём мне пару адресов сообщат.
– Угу, – Фредди ловко посторонился, пропуская молодого парня в госпитальной пижаме на костылях. – Дом на границе с Цветным, но в приличном квартале.
– Да. Далеко от Цветного парням придётся слишком туго.
– Это-то понятно, – хмыкнул Фредди. – А в строители кого?
– Завтра у меня будет информация по Колумбии, Фредди. Сегодня как обычно.
– Идёт. Можем себе позволить.
Они вышли через центральные ворота и уже шли по улице, когда Фредди неожиданно спросил:
– К тебе в Бифпите не приходил наниматься один... чмырь? Грег?
– Сунулся и отлетел. От него перегаром на десять футов несёт. Ты что, Фредди?
– Я так и думал, – кивнул Фредди. – Мне про него ещё Эркин рассказывал.
– За кого ты меня держишь? Что я, надзирателя от человека не отличу? А что? Фредди хмыкнул.
– Он меня перед поездом поймал. Просил протекции. Я его и послал. К тебе.
– Понятно. Если он такой дурак, то это только его проблемы.
Фредди кивнул, вспоминая...
...Он ушёл уже довольно далеко от «Примы», когда его окликнули:
– Фредди...
Он недовольно оглянулся. Опухший небритый ковбой в не столько старой, как грязной заношенной одежде. Это же Грег...
– Чего тебе?
– Слушай, Фредди, ты уезжаешь?
– Чего тебе, спрашиваю.
– Ты... ты не знаешь, твоему лендлорду никто не нужен?
Он насторожился. Конюха они с Джонни нашли быстро, но, видно, слух о зимнем найме уже пошёл. Хреново. Хотя, как повернуть.
– А что, имеешь кого на примете?
– Себя. Я на мели, Фредди. Денег ни хрена, и глухой сезон сейчас. Ты ведь на Бредли работаешь?
– Ну?
– Он, говорят, имение раскручивает. Может, возьмёт. Хоть до Рождества мне бы зацепиться. По имению я любую работу знаю. И за порядком пригляжу, когда лендлорд в отъезде.
– Ну, так и иди к Бредли, – равнодушно пожал он плечами. – Я, что ли, нанимаю.
Джонни тебя за один запах шуганёт... далеко лететь будешь.
– Не замолвишь за меня? Я под тебя копать не буду, честно говорю.
– Иди к Бредли, я сказал. Мне на поезд.
– Бредли послал или уволился? Нет, Фредди, если ты остаёшься, то я не старшим, любимым согласен.

- Мне в третий раз повторить?
- Всё, Фредди, всё, понял, не сердись.

Отвалил. С-сука надзирательская. Ты б ещё дружка своего приволок, как его, да, Пол, Полди...

- ...Фредди быстро оглядел улицу и ухмыльнулся.
- Обойдёмся без надзирателей, так, Джонни?
- У меня вычет надзирателем работает, – улыбнулся Джонатан.

Фредди с удовольствием негромко заржал.

- И порядок держит, и сам не ворует, так, Джонни?

– И не пьёт к тому же, – охотно поддержал шутку Джонатан, но тут же стал серьёзным. –

Мне нужен мир в имении. Смотри, Сэмми не такой уж большой мастер.

- Да уж.

– А помнишь, в марте, где-то в конце, наняли мы, неделю у нас прожил, со шрамом на лбу... Как его, Фредди?

- Сейчас... А, Ричард. Да, это был настоящий плотник. Но...

– В этом «но» и всё дело. Не ужился он ни с кем. Помнишь?

– Ещё бы! – Фредди усмехнулся. – Пришлось между ними пулю пустить, чтоб разошлись.

И оставили мы Сэмми.

– Да. Сэмми и умом не блещет, и без команды не шевельнётся. Всё ему разжуй, в рот положи и глотать прикажи.

- И языком болтает легко.

– Да, всё так. Но он покладистый. Если б его Дилли не подкручивала, так бы совсем не трепыхался. И Мамми... А Стефа мы за что выбрали, помнишь?

– Я всё помню, Джонни, меня можешь не убеждать. Мир в команде...

– Без мира это не команда, а... – Джонатан забористо выругался по-ковбойски. – Да самый... добрый надзиратель... В заваруху его не тронули, но работать с цветными сейчас он не может. Лет так через пять, десять...

- А нам нужен надзиратель, Джонни?

– Кем бы его ни взяли, Фредди, в команде с цветными он неизбежно станет надзирателем.

– Да, – кивнул Фредди. – Я такое видел на перегоне.

– И результат? Нет, жизнь надзирателя меня, сам понимаешь, насколько волнует. Дело...

– Дела при такой команде нет, – твёрдо ответил Фредди. – И кто по-настоящему хочет поворота, так это они. Даже нашей Системе поворот не нужен. А эти...

– Шваль, – резко бросил Джонатан. – Но ты прав, Фредди, крови они не боятся.

– Чужой, Джонни.

– Тоже правильно. Ну что ж... – они вышли на людную улицу. – В «Артур-Холл», Фредди, – негромко бросил Джонатан.

В «Артур-Холле» игра по-крупному, там работают серьёзно. Фредди молча кивнул и еле заметно повёл плечом, проверяя, насколько удобно прилажена кобура.

Аристов убрал бумаги, оглядел стол. Ну что ж. До дежурства он успеет заглянуть в палаты. Благо, там сейчас немного. Мулат, которого привезли в этот трижды проклятый День Империи, и ещё трое. Ещё один тайный Палас накрыли. Никак эту дрянь не выкорчуют. У мулата острый период уже закончился. У троих... всё-таки очень индивидуализированный процесс. Практически одного возраста, гореть начали в один день и как по-разному...

Он прошёл в стационар, в полупустой отсек. Сначала к мулату. Если острый период закончился, надо будет перевести к тем троим. Ну-ка...

Молоденький мулат лежал на спине, закинув руки за голову и слегка раздвинув ноги. Обычная поза. На стук двери даже головы не повернул, не вздрогнул, как раньше. Простыня, одеяло – откинута к стене, подушка смята. Опять бился?

– Здравствуй.

– Здравствуйте, сэр, – тусклый безжизненный голос, неподвижное лицо, полуприкрытые глаза.

Аристов переставил стул, сел рядом с кроватью.

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, сэр.

– Болит?

– Боль прошла, сэр.

Слова «нет», как и остальные, старательно, привычно старательно избегает. Явный автоматизм.

– Сильно болело?

– Как всегда, сэр.

– Дай руку.

Вялое послушное движение. Даже нет обычного крика: «Не надо!». Да, недаром сами парни называют это состояние «чёрным туманом».

Аристов взял запястье, нащупал пульс. Слабые редкие удары. Когда он отпустил руку, та с полминуты держалась в воздухе, а потом бессильно упала на постель рядом с телом.

– Ну-ка, встань. Пройдись до окна и обратно.

Медленные заторможенные движения. Идёт, расставляя ноги. Дошёл, повернулся, даже не поглядев за окно. И такое же медленное обратное движение. Подошёл к кровати и остановился в ожидании новых приказаний. Аристов молчал, молчал долго. Наконец парень осторожно сел и лёг, принял прежнюю позу.

– Было больно?

После паузы тихий ответ:

– Боли не было, сэр.

– Почему ты не укрываешься?

Ответ известен, но надо заставить парня говорить.

– Давит, сэр.

– Ты ел?

– Да, сэр.

– Что ты ел?

Глаза на секунду оживают, быстрый взгляд искоса, и веки опущены уже по-другому.

– Я... я не помню, сэр.

Значит, еду принёс кто-то из парней, и теперь мальчишка его прикрывает. На всякий случай.

– Ты сыт?

Неуверенное:

– Д-да, сэр.

– Тебе ещё принесут ужин.

И тихое:

– Спасибо, сэр.

И вдруг – Аристов уже собирался встать – прежним равнодушным тоном:

– Когда меня убьют, сэр?

Аристов сел поудобнее.

– А почему это тебя должны убить?

– Я больше не могу работать, сэр.

– Есть много другой работы, которую ты можешь делать.

Сколько раз он, а потом Жариков, да ещё Тётя Паша говорили это. И каждый раз заново одно и то же.

– Завтра тебя переведут в другую палату. Там лежат трое. Такие же, как ты. И им сейчас так же больно, как было тебе. Ты помнишь, как помогали тебе?

– Д-да, сэр.

– Теперь ты будешь помогать им.

И вновь быстрый взгляд искоса из-под ресниц, но глаза тут же погасли, потускнели. Ничего, парень, бывало хуже. Ты всё-таки сам ешь, задал вопрос, на что-то реагируешь.

– Сегодня отдыхай. После долгой боли надо отдохнуть.

– Да, сэр, – тихо ответил мулат.

Если его укрыть, он будет лежать под простыней. Из послушания. Молча терпя неудобство. Большинство и сейчас практически не пользуются одеялами. Ладно, пускай пока так.

Аристов встал.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, сэр.

Теперь в соседнюю палату. Там хуже.

Обнажённые смуглые тела, сотрясаемые болевыми судорогами, тяжёлое хриплое дыхание. Между кроватями большой вентилятор на стойке перемешивает воздух, охлаждая воспалённую кожу. Горят. Но на стук двери поворачивают головы.

– Здравствуйте, парни.

Напряжённый на выдохе хрип вместо ответа.

Аристов осматривает их по очереди одного за другим.

Этот при его приближении вжимается в постель. И неизменное:

– Не надо... мне больно, сэр... не трогайте меня, сэр... не надо...

Здесь пока без изменений. Всё так же. Не лучше и не хуже.

А этот молчит, смотрит в упор широко открытыми глазами и беззвучно плачет. По запавшим тёмно-бронзовым щекам текут слёзы, а парень и не замечает их, испуганно следя не столько за Аристовым, как за его руками.

Аристов взял с тумбочки марлевую салфетку, осторожно вытер ему лицо.

– Ну, как ты, парень?

– Хорошо, сэр, – парень трясётся, как в ознобе, даже губы дёргаются, делая слова невнятными.

И вдруг хрипя начинает выгибаться, упираясь головой в подушку и судорожно вцепившись руками в края кровати...

– Я их только-только обтёр, доктор Юра.

Сол вошёл в палату так тихо, что пока он не заговорил, Аристов его не замечал.

– Что? А, хорошо. В соседнюю тоже заглядывай.

– Да, доктор Юра, – Сол кивает, ставя ведро с холодной водой, поправляет вентилятор, чтобы воздушная волна шла на всех троих. – У него уже «чёрный туман», нет... деп-ре-ссия, правильно?

– Да. Не оставляй его надолго одного.

– Хорошо. На ночь ещё Леон придёт. Мы вдвоём дежуриим.

Аристов кивнул, переходя к следующему. Трёхкровке. И сразу натолкнулся на ненавидящий твёрдый взгляд. Тело выдаёт страх, а лицо непримиримо. Парень скашивает глаза на Сола. Сол стоит в изголовье, опираясь на спинку кровати, и улыбается.

– Терпи, парень. Решил из спальников уйти, так терпи, – голос Сола очень серьёзен несмотря на улыбку.

Аристов быстро осторожно ощупывает рёбра. Рентген показал переломы, нужна неподвижность, а тут болевые судороги. И не зафиксируешь.

– Здесь больно?

– Да! – почти кричит парень и с ненавистью повторяет: – Да, сэр.

Смещений нет, уже легче.

– А здесь? Так же или меньше?

– Меньше... сэр.

Придётся поверить на слово. Парень уже испугался собственной дерзости.

– Постарайся лежать спокойно, не дёргаться.

– Доктор Юра, – вмешался Сол, – улежать совсем невозможно, я помню. Может, привязать его?

– Нет, – резко бросил, не оборачиваясь, Аристов.

Остальное – ушибы, не страшно. Он повторил это вслух и улыбнулся, но парень не ответил на улыбку. В депрессию надо будет за ним особо последить. Такие если решались на суицид, то уже шли до конца.

– Постарайся всё-таки не дёргаться, парень. У тебя сломаны рёбра, ты дёрнешься – обломки сдвинутся. И тебе боль лишняя, и потом плохо срастётся.

Вряд ли он что-то понимает, хотя и смотрит, но будем надеяться, что Сол объяснит доступнее.

Аристов встал, посмотрел на Сола.

– Воду с глюкозой давать, так? – улыбнулся Сол.

– Правильно, – кивнул Аристов. – С обтиранием не переусердствуй. Застудятся.

– Хорошо, доктор Юра. Я буду осторожен.

Сол понятлив, ему сказанного достаточно. Аристов попрощался кивком и вышел.

Ну что ж, не самый тяжёлый вариант. Бывали и в худшем состоянии. Эта четвёрка выкарабкается. Раз Тётя Паша разрешила парням самим в палатах дежурить, значит, прогноз благоприятный. Когда действительно сложно, она дежурит сама. Ещё день, другой, и мулат должен вспомнить про свою одежду, про платок. А если побоится спросить? Нет, завтра утром на осмотре сам ему напомню, и пора Ваньку – Ивана Жарикова, психолога госпитального – подключать. Хотя тот сам рвётся, бьёт копытом и роет землю. Так что, не подключать, а подпускать.

Когда Аристов вошёл в операционный отсек, ему навстречу встал Крис и поздоровался по-русски:

– Добрый вечер, – и с еле заметным напряжением, – Юрий Анатольевич.

– Добрый вечер, – улыбнулся Аристов. – Подежурим вместе?

Крис кивнул. И когда Аристов пошёл к реанимационным палатам, пристроился сзади и чуть сбоку.

А ведь сегодня, вроде, не Крису дежурить. Уже сколько раз парень менялся сменами? И это чтобы дежурить именно с ним?

– Ты поменялся сменами, Крис?

– Нет, Юрий Анатольевич, – обращение прозвучало уже увереннее. – Не сменами, а... местом.

Аристов кивнул.

– Хорошо.

С Крисом работать легко. Он достаточно знает русский и очень старается. И явно то, что называется «от бога», присутствует. Знаний не хватает, но это дело наживное, так что перспективный парень, на редкость... Ну всё. Надо работать.

Бар «Амбассадора» был полон, но не настолько, чтобы это раздражало. Джонатан незаметно посмотрел на часы. Фредди усмехнулся.

– Без пяти, Джонни. Он всё-таки военный врач.

– Понятно. Но если ты опять начнёшь подзуживать его...

– То, что ты сделаешь, Джонни? – Фредди откровенно ухмыльнулся. – Интересно послушать. И чего ты занервничал? Ресторанный стол не операционный. Свет не тот.

– Только это меня и успокаивает. А, вот и он, – Джонатан улыбнулся. – Добрый вечер, Юри.

– Добрый вечер, джентльмены, – Аристов с улыбкой ответил на рукопожатия.

Как всегда, у стойки обычный незначущий разговор, так, пустячно о пустяках. Если надо поговорить серьёзно, то говорят за столом. И опять... О войне ни слова. Этого касаться не стоит: на этом любой разговор закончится, а в нём заинтересованы обе стороны.

И за столом первое время разговор шёл чисто гастрономический. Потом Джонатан стал аккуратно переводить его на более близкие к их делу темы. Аристов охотно подыгрывал. Зашла речь о госпитале, о приёме местных.

– Нет, – Аристов улыбался, – мы сразу, как только развернули стационар, стали принимать местных. Было много раненых, травмированных. Да и сейчас хватает. Мины, автокатастрофы...

– Вы принимаете всех? – поинтересовался Джонатан.

– Разумеется, – глаза Аристовы блеснули. – Мы – врачи.

– Да, конечно. А... местных только амбулаторно?

– Смотря по причине обращения, – Аристов понимающе улыбнулся. – Вам нужна консультация?

– Не мне, – быстро ответил Джонатан. Так быстро, что все рассмеялись. – Не мне, – повторил Джонатан уже серьёзно. – А... работнику в моём имении. Вот его я бы хотел вам показать.

– А что у него? – уже совсем другим тоном спросил Аристов.

– Мы думали, просто истощение. Ну, голодал, простужался... – Джонатан неопределённо повёл рукой. – Общая слабость, кашель.

– Дыхалка отбита напрочь, – вклинился Фредди. – Этот диагноз ему остальные поставили, – и продолжил ковбойским говором: – Берётся и сдыхает, кашлем заходится.

– Разумеется, привозите, – сразу сказал Аристов. – Если там начался процесс, попробуем остановить.

– Хорошо. Думаю, недели через две, – Джонатан посмотрел на Фредди. Фредди кивнул, и он продолжил: – Мы его привезём. Разумеется, осмотр, анализы, консультации, если надо, то и стационар, всё будет оплачено.

– Щедро, – усмехнулся Аристов.

– Я не занимаюсь благотворительностью, – улыбка Джонатана на мгновение стала злой. – Но мне дешевле оплатить лечение, чем держать больного ра... работника.

– Что ж, – пожал плечами Аристов, – если роль расчётливого человека вам по душе... не смею мешать. Но... меня гораздо больше ваших денег устроит другое.

– А именно? – насторожился Джонатан.

– Уговорите своего работника, он, как я понимаю... цветной, не так ли?

– Да, – твёрдо ответил Фредди. – Был рабом.

– Так вот, уговорите его не бояться врачей...

– Разумеется, личным примером, – очень спокойно вставил Фредди, разряжая обстановку.

Хохотали долго и со вкусом. Джонатан комично развёл руками.

– Раз другого выхода нет... Кстати, Юри, Фредди заодно пройдёт повторный, уже более подробный осмотр.

– У меня новых дырок нет, – сразу ответил Фредди.

– Вы уверены, что не будет? – с какой-то грустной улыбкой спросил Аристов.

– Уверен, – улыбнулся Фредди. – Но, если что... только к вам.

– Тронут, – церемонно склонил голову Аристов. – И раз уж зашла речь об этом... Теперь у меня просьба.

– Всё, что угодно, – готовно откликнулся Джонатан.

– Летом у вас работали два пастуха. Один из них – индеец. Со шрамом на щеке, – у Фредди невольно окаменело лицо, но Аристов, будто не замечая, продолжал: – Вот его бы я очень хотел осмотреть.

– Зачем? – глухо спросил Фредди. – Он здоров.

– Фредди, – Аристов укоризненно покачал головой. – Неужели вы до сих пор верите в эту дребедень с «исследованиями»? Давайте так. Я скажу вам, что я знаю о нём. Он был спальником, горел, как они это называют, пять лет назад, работая скотником в имении. Сейчас ему двадцать пять полных лет, значит, в январе будет двадцать шесть. Проблем со здоровьем у него нет, умирать не собирается.

– Они вам настолько доверяют? – вырвалось у Фредди.

– Да, вы правильно определили источник моей информированности, – Аристов улыбнулся, но тон и глаза оставались серьёзными. – А теперь... Он нужен не мне. А этим парням, бывшим спальникам. Они уверены, вернее, им внушили, а механизм внушения нам ещё не совсем ясен, но это не меняет дела, так вот, им внушили, что... Первое: перегоревший живёт не более года. Второе: двадцать пять лет – предел для спальника. На двадцать шестом году он умирает в страшных мучениях. И спасение от мук, – голос Аристова зазвенел от сдерживаемого бешенства, – в лёгкой смерти от руки белого хозяина. Не мне, а им... нужно увидеть этого парня, индейца, поговорить с ним. Убедиться, что впереди у них целая жизнь. Какой бы она ни была, но жизнь. Сейчас они считают... сколько месяцев им осталось. Особенно те, кто старше.

– Хорошо, – медленно кивнул Джонатан. – Мы поняли, Юри, но...

– Он уволился, – перебил его Аристов, – я знаю. Но когда вы его увидите, передайте ему. Что его здесь ждут. И почему ждут.

– Хорошо, – кивнул Фредди. – Если, – он выделил это слово, – если встретим, передадим. А дальше пусть сам решает.

– Разумеется, – Аристов улыбнулся. – Он свободный человек.

Фредди только хмыкнул. Реакцию Эркина на такое предложение он представлял. Но и отказываться сразу не хотелось. По многим причинам. К тому же... если так повернуть...ну ладно, это не горит.

Разговор снова закрутился вокруг пустяков. Где бывали, что видали, как выпивали... Джонатан ловко ввернул, что на Русской территории ни ему, ни Фредди бывать не приходилось, так что ни к тому, что там творилось, ни к войне они оба никаким боком... Аристов понимающе хмыкнул, но уточнять не стал.

Закончился вечер очень хорошо. При полном внешнем взаимопонимании.

...Джонатан и Фредди не спеша шли по ночной полупустынной в этом квартале улице. Долго шли молча.

– Ну что ж... – наконец заговорил Джонатан.

– Толковый мужик, ничего не скажешь, – сразу подхватил Фредди.

– Да, понимает с налёта. Но...

– Третий заказ, – ухмыльнулся Фредди.

– Третий?! – изумился Джонатан. – Откуда?

– Ну, про Колченогого я тебе говорил.

- Помню. А от Юри...
- И два от Юри. Один сегодня, а другой на том ужине.
- И что ему нужно?
- Врач и документация из питомника.
- Джонатан на секунду прикусил губу.
- Из любого?
- Фредди хмыкнул.
- Если бы! Я тоже подумал было... Но, нет. Оттуда, где готовили спальников.
- Фью-ю-ю! Зачем?
- Он хочет найти противоядие. Цитирую. Вернуть парням отнятое.
- Однако... с размахом. Даже вызывает сочувствие. И уважение. Но это нереально, Фредди. Их всех...
- Спальников тоже всех. И лагерников.
- Я понял, – кивнул Джонатан. – Но это бросить всё, и заниматься только этим, – и помолчав, решительно сказал: – Нет, Фредди, на это я не пойду.
- Я знаю, – спокойно сказал Фредди. – Не трепыхайся, Джонни. Я не сказал: «да». И он не просил. Просто... высказал желание. Пойми, он не знает нас.
- Так уж не знает. Слайдеры ему нарасказали.
- А что они знают? Нет, Джонни, если кто и проинформировал его, то Генни. Капитан.
- Это мы знали с самого начала. И полезли.
- Стоп, Джонни. Я же сказал. «Нет» надо приберегать на крайний случай. А пока... Если держаться слов, то нас просили только поговорить с Эркином.
- С ним будешь говорить ты. Я ещё хочу жить, Фредди. А он за предложение пойти к врачу... – Джонатан усмехнулся. – Представляю, что он сделает с предложившим.
- Это да. Но как предложить. Аргументы док выдвинул... интересные.
- Вот ты и проаргументируешь. И вообще, – Джонатан свирепо выдвинул нижнюю челюсть, – все проблемы с пастухами старший ковбой улаживает.
- У хорошего лендлорда, конечно, – готовно согласился Фредди.
- А я о чём и говорю. Вот и займись.
- Вывернулся, – одобрил Фредди. – Ладно. Мы всё равно туда в декабре собирались.
- Всё, я сказал. Это на тебе.
- Ла-адно, – повторил в растяжку Фредди, смешно не так копируя, как передразнивая алабамский говор. – Завтра с утра на вручение дипломов. Не забыл?
- Нет, конечно, – улыбнулся Джонатан.
- Хоть посмотрим, как это выглядит.
- Джонатан кивнул. Они оба вспомнили одно и то же...
- ...Поезд идёт неровно, толчками. И при каждом толчке их шлёпает всей спиной о деревянную обшивку вагонных скамеек или толкает навстречу друг другу. Одного толкает, другого шлёпает. И опять... и опять... и опять... За окном что-то серое, мокрое, противное. При очередном толчке Джонатан не выдерживает и ругается. Фредди кивает.
- Иначе нельзя, Джонни.
- А то я не знаю! Просто обидно. Три года... и псу под хвост. Ты только молчи, Фредди, не говори ничего, – у Джонатана дрожат губы. – Я ж в самом деле... обо всём забыл, только это. Мне самому интересно стало. Я ж... полгода не играл совсем, над дипломом сидел.
- Джонатан стискивает зубы, не давая вырваться лишним и опасным сейчас словам. И опять ругается. Грубо, как пропившийся ковбой.
- Я читал твой диплом. Интересно.
- Фредди! Я ж просил. Молчи.
- Молчу, – кивает Фредди.

Джонатан смотрит на часы и с силой бьёт кулаком по скамье.

– Пять минут как начали. Мою папку ищут. Меня... ищут.

– Не трави себя, Джонни.

– Я сам тебя вызвал. Я знал, что этим кончится. Ну... сволочи! Не прощу, никогда не прощу. Слышишь? Сдохну, не сдамся. Я ещё посчитаюсь с ними.

Фредди кивает. Так оно и бывает. Тяготу держат, а на пустяке срываются. Джонни надо пересилить себя...

...– Я не закончил счёты, Фредди.

Джонатан идёт не спеша, небрежно засунув руки в карманы всё ещё модного плаща. Последние годы из-за войны модным считалось всё, что моложе десяти лет. А Джонни надо соответствовать.

– Ты выжил, Джонни.

– Но я не закончил. Счёт не закрыт. Это пустяк, знаю. Но что я недоучкой остался, это я тоже в счёт ставлю.

– Не иметь диплома и быть недоучкой... Неужели тебе важны бумажки, Джонни?

– Бумажки? Диплом – не бумажка. Для меня. И для тебя тоже.

Фредди неопределённо пожал плечами. Джонни заводится редко, но капитально. Спорить не стоит. Пусть выговорится. Как тогда. Но Джонатан уже замолчал. Не спеша, очень тщательно закурил.

– Всё, Фредди. Я в порядке.

– Вижу.

Джонатан с удовольствием затянулся.

– А русские сигареты и впрямь очень даже ничего.

– Да. Я вот о чём думаю, Джонни. Останутся русские или уйдут, но связи надо налаживать в любом случае.

– Согласен. Но мы слишком мало знаем о России.

– Но это и наш плюс. Ты здорово ввернул, что мы не были на Русской территории.

– Говорить правду легко. Не надо ничего запоминать. Конечно, по отношению к русским на нас ничего не висит. И насчёт нашего... клада. Пригласим, я думаю, капитана и покажем ему... чтоб не доводить до конфискации.

Фредди кивнул.

– Я думаю, бокалы. Раз гербы неизвестны, то всякое может быть. И большой крест. Я такого никогда не видел.

– Я тоже. А остальное... посмотрим.

– Из Колумбии завернём в Бифпит...

– Нет, Фредди. Из Колумбии сразу в имение. А уже оттуда можно и верхом сгонять.

– Резонно, – усмехнулся, передразнивая его Фредди.

И Джонатан радостно облегчённо захохотал.

Графство Эйр

Округ Гатрингс

Джексонвилл

Дрова привезли, как и тогда, рано утром, практически на рассвете.

Но на этот раз они знали заранее, и Андрей, предупреждённый Эркином, пришёл сам. Так что они помогли разгрузить – и получили за это с шофёров. Немного, но всё-таки. И взялись за работу. День был серый, пасмурный, то и дело начинался мелкий и какой-то по-осеннему противный дождь, и если за их работой и следили, то только из окон.

Слаженная привычная работа. Как и тогда, они начали с дальнего конца. Как и тогда, пилили и кололи сразу на три сарая. И привычно негромко беседовали, не прерывая работы.

– Кормят как?

– Как и тогда. Вскладчину.

– Ладно. А ничего дрова.

– Те лучше были.

– И эти просохнут. А эта, смотри, так сарай и не сделала. У неё же из-под навеса покрадут всё.

– Её проблемы, – хмыкнул Эркин.

– Кто бы спорил, – кивнул Андрей.

О починке лестницы и том обеде он молчал вмертвую. Эркин раньше боялся, что сорвётся Андрей, скажет что-то, намекнёт... но Андрей умел, когда надо, молчать.

– Слушай, – Андрей тихо засмеялся, – тут поп объявился, не видел ещё?

– Кто?

– Поп. Ну, священник. Priest. Я раньше не видел его. Тощий, длинный. И одет... не по-людски.

– А, – незаметно кивнул Эркин. – Видел.

– Не цеплялся он к тебе?

– С какого хрена я ему?! А к тебе что...?

– Да иду я третьего дня со станции, – начал Андрей. – Умотались мы тогда с ящиками этими, в рубчик, помнишь?

– А, помню. Дурынды все в рёбрах и уцепиться не за что. Они?

– Во-во. Ну, иду, ногами за мостовую цепляюсь. А он, видно, за пьяного принял. И начал. Про образ божий...

– И что мы все братья во господе?

– Ага! Так он и тебя заловил?

– Да нет, – Эркин усмехнулся. – Он сюда приходил. Я лучину щепал и видел, как он по домам ходил. Ну и... послушал немного.

– А к тебе не подходил, значит?

Эркин долго зло молчит и наконец выпаливает длинное замысловатое ругательство. Андрей понимающе кивает. Значит, нельзя Эркину об этом говорить. Видно... как ему самому про отца. Ладно. Но кое-что всё-таки надо обговорить.

– В церковь звал?

– Велел ходить, – поправил Эркин, с ходу поняв Андрея. – Придётся идти. Если он так залавливать по домам начнёт... хреново.

– Придётся, – кивает Андрей. – Ну, что, давай в топоры?

– Давай, – Эркин прислоняет пилу к козлам.

Здесь уже не поговоришь. Только если в полный голос. Но об этом вслух нельзя...

...Он щепал лучину, сидя на пороге сарая, когда на его руки упала тень. Поднял голову и увидел. Нет, он уже видел раньше этого долговязого беляка в странной одежде, но никак не ждал, что тот подойдёт к нему.

– Ты здесь живёшь?

Он привычно встал, опустив голову и разглядывая свои кроссовки и ярко начищенные ботинки беляка. Не знаешь, как отвечать – молчи. Обзовут скотиной, тупарём, даже ударят, но отстанут.

– Подними голову.

Он осторожно понимает голову, видит худое и оттого узкое, словно сплющенное с боков лицо и отводит глаза.

– Я спросил. Ты живёшь здесь?

Не отстаёт сволочь поганая, придётся отвечать.

– Я снимаю койку, сэр.

– Значит, у тебя есть дом?

На это ты меня не поймашь, гадина, но лучше промолчать.

– И где же твой дом? – белый улыбается. – Вот эта дверь?

Выдавил всё-таки. И не соврёшь: вон уже толпятся... рожи соседские.

– Да, сэр.

– Твоя хозяйка дома?

На это ответить можно. Назвал хозяйкой, можно и подыграть. Лишь бы Женя не сорвалась.

– Да, сэр.

– Отлично. Пойдём.

Он с тоской оглянулся на свою незаконченную работу и, привычно заложив руки за спину, пошёл в дом. Лишь бы Женя увидела из окна, поняла бы...

...– Готово?

– Готов. Закрываю.

Три сарая сделано, и они переходят к следующим.

Нет, надо сказать Андрею.

– Понимаешь, он по домам ходит.

– Ага, – Андрей, кивая, встряхивает кудрями.

– По всем домам. И... со всеми говорил.

– Обошлось? – Андрей вскидывает на него глаза и тут же опускает их.

– Пока, вроде, да. Но пойти придётся. А то... боюсь, он опять припрётся.

– Ла-адно, – улыбается Андрей. – Сходим, послушаем. На перегоне было, помнишь?

Эркин кивает и невольно смеётся воспоминанию...

...Они второй день как вышли на Большую Дорогу, о которой столько рассказывал Фредди. После безлюдья заброшенных имений... шум, гам, столпотворение. Какие-то чудные типы, которых и не знаешь: то ли шугануть, то ли пожалеть. Вчера русские из комендатуры собрали всех пастухов и долго объясняли им про их права. Как там? Трудовое законодательство, во! Что должны быть выходные дни и свободное время, а работа тогда оплачивается вдвойне, как должны обеспечиваться и вообще... Даже белые ковбои подвалили и слушали. А этот... Этот ходит сам по себе. Белый, в чёрном и каком-то нелепом костюме, худой, с не злым, вроде бы, лицом и странными словечками. Ну, ходит и пусть себе ходит. Они уже поели и пили кофе, когда этот беляк подошёл к их костру, ведя в поводу старого тёмно-гнедого коня.

– Добрый вечер, дети мои.

Андрей даже поперхнулся от неожиданности, но Фредди спокойно ответил:

– Добрый вечер, преподобный отец. Садитесь, выпейте с нами кофе.

Фредди уже устроил такую проверку двум своим знакомцам, и они с Андреем получили большое удовольствие, наблюдая, как те выкручиваются, чтобы и к костру рядом с цветными не сесть, и с Фредди не поссориться. А этот как? К их изумлению, этот тип кивнул и сел к костру со словами:

– Благодарю, сын мой.

Сел между Андреем и Фредди, точно напротив, дескать, у одного костра, но не рядом. Ну что ж. Он встал, покопался во выюке, вытащил ещё одну кружку и отдал Фредди.

– Пойду, стадо обойду, – похоже, у беляка дела с Фредди, так чего им мешать?

– Не спеши, сын мой.

Он вздрогнул от неожиданности, а беляк продолжал:

– Всё спокойно, и стадо ваше на месте. А я хочу поговорить с вами.

Он покосился на Фредди и сел. Но уже поближе к Андрею. Вот и не злой, вроде, беляк, а чего-то не по себе. Фредди налил беляку кофе, тот вежливо отхлебнул и повёл уже совсем несообразный разговор:

– Не-а, – охотно ответил Андрей, а он молча помотал головой.

– Прискорбно, но сердце человека должно быть открыто слову Господнему.

– Не-а, – Андрей улыбается во весь рот. – Я ушами слушаю.

Фредди хмыкает, а беляк неожиданно улыбается и, совсем не рассердившись, ловко отвечает:

– Слушаем мы ушами, но слышим сердцем.

Андрей незаметно пихает его в бок локтем и охотно смеётся.

– Слово Господне обращено ко всем, и милость Его безгранична. Кем бы ни был человек, но если сердце его раскрыто слову Господнему, то благодать Божья осенит его.

Это что-то непонятное, но, верный привычке ни о чём не спрашивать и вообще не говорить, пока тебя впрямую не спросили, он молчит, глядя в огонь.

– Что вы слышали о Боге, дети мои?

Фредди курит и отвечать, похоже, не собирается. Андрей... Андрей пожимает плечами.

– Ну-у... разное болтают. Каждому верить, так крыша поедет.

Обиделся беляк? Нет, смеётся и кивает.

– Люди слабы и невежественны перед силой и мудростью Господа, и верить каждому неразумно. Но есть книга, где каждое слово и каждая буква даны Господом...

– Господь – это бог? – перебивает беляка Андрей и, увидев кивок, удивляется: – Так он это... писатель? Книжки сочиняет? Я об этом, верно, не слышал.

Фредди с трудом сдерживает улыбку, а беляк смотрит на Андрея с какой-то жалостью.

– Библия нам дана Господом. А книжки сочиняют люди, сын мой. А ты? – беляк смотрит теперь в упор на него. – Ты знаешь о Боге?

Он не знает, как отвечать, и смотрит на Фредди. Фредди курит, разглядывая огонь, и помогать явно не хочет. Придётся отвечать.

– Нет, сэ.

– Совсем ничего, сын мой?

Ну ладно, получи. Напросился.

– Бог для людей, а я... мне бог не положен.

И в ответ неожиданное:

– Кто тебе это сказал?

Дурак, беляк чёртов, неужели не знает? Наверное, притворяется. Ну что ж, правду говорить нетрудно.

– Надзиратели, сэ. Рабу его хозяин – бог. Меня так учили, сэ.

Беляк качает головой.

– Эти люди, кто так говорил, заблуждались.

– Врали? – влезает Андрей.

– Нет, сын мой, заблуждались. Все люди – дети Господа. Он любит всех своих детей и заботится о них, и страдал за них. Неужели ты никогда не слышал слово Божье, сын мой?

Опять беляк смотрит в упор, не отвертеться. Ну, так ещё получи.

– Надзиратель был, сэ, он много о боге говорил. Когда у него запой начинался.

– А другие...?

– Они не пили, сэ, – и уточняет: – Не так много пили.

Беляк качает головой.

– Жаль, конечно, что слово Божье ты слышал из осквернённых уст. Но... надежда и любовь – сила Господня. Приходите оба завтра вечером, и слово Господне коснётся сердец ваших.

– Куда? – спрашивает Андрей. – Завтра мы далеко будем.

– Я буду с вами, дети мои. Благословение Божье на вас и на стаде вашем.

С этими словами беляк наконец встаёт и уходит. Андрей озадаченно смотрит ему вслед и спрашивает у позволившего себе захохотать Фредди.

– Он что, псих?

– Да нет, – Фредди вытирает выступившие слёзы и закуривает. – Священник. Ходит и в церковь свою зовёт. Мне уже говорили о нём. Так-то он безвредный. Вздумал пастухам проповедовать.

– А зачем? – не понимает Андрей.

– Да из-за заварухи в церковь не ходит никто, – объясняет Фредди. – Ну, денег у них и нет. Вот сходите завтра, послушаете проповедь и дадите на церковь. Кто сколько может.

– А ты ему давал?

– Да собрали мы немного, – смеётся Фредди. – Слушать нам его некогда, а он приставучий. Заведено так, парни. Что хоть раз в неделю, а сходи и заплати.

– Это мы его дребедень слушать будем, да ещё платить за это?! – возмущается Андрей. – Да ни хрена! Я ему завтра устрою. Такое устрою...!

– Полегче. Шериф под боком, – спокойно говорит Фредди.

– Не бойсь, – отмахивается Андрей. – Всё будет, а не придерёшься!..

...– Ну, устроил ты тогда, – смеётся Эркин. – Классно! Больше он к нам не лез.

Андрей отвечает широкой ухмылкой и с сожалением вздыхает:

– Здесь это не пройдёт.

– Точно, – кивает Эркин. – Там мы ушли сразу, а здесь...

– Ладно, подвяжем языки, – снова вздыхает Андрей. – Посидим, послушаем.

– И заплатим, – зло фыркает Эркин.

– Обидно, согласен, – Андрей выпрямляется, оглядывая напиленные чурбаки. – Давай колоть.

За разговорами не заметили, как подошло время ленча.

Они опять ели в пустой тщательно убранной кухне. Молоко, сэндвичи, кофе.

И снова работа под осенним мелким дождём. Вот и сарай с короткими, словно игрушечными, поленьями. Андрей рассмеялся:

– Ну, заколупаемся сейчас.

Эркин кивнул, подвигая козлы. Двор по-прежнему пуст. Ни детей, ни отдыхающих на верандах мужчин. Хорошо, когда над душой не стоят. Даже эта тягомотина с поленьями-недомерками не так раздражает. Андрей опять удивляется, что это за печка такая, и высказывает разные предположения о том, что же измеряла эта...

– Леди, – подсказывает Эркин.

– Точно, – хохочет Андрей. – Леди, она леди и есть.

Пошло обычное балагурство. И дождь не мешает работать. Даже лучше, чем в жару.

– Ну вот, – Андрей закрывает очередной сарай. – Ва-аще-то жрать пора. На твоих какое время?

Эркин хлопает себя по животу.

– Обеденное, – и смеётся: – Вон бежит уже.

Ага, – Андрей тоже увидел бегущего к ним мальчишку в пятнистом, явно перешитом из армейского плащике. – Ща мороженого поедим.

Но кухня была другая, и мороженого им не дали. И томатного сока. По тарелке густого супа, тарелке нарезанного кусочками тушёного с картошкой мяса, по стакану кофе со сладкой

булочкой. И хлеб. Сытно и достаточно вкусно. Да и после королевского ужина удивить их уже трудно.

Эркин так и сказал Андрею, когда они шли через двор к очередному сараю.

– Оно так, – кивнул Андрей и мечтательно вздохнул.

– Перепёлок вспомнил? – засмеялся Эркин.

– И форель, – ответил, улыбаясь, Андрей. – Надо же. Всю ночь тогда просидели, пили, а ни в одном глазу.

– Хорошо было, – вздохнул Эркин. – Ну, давай, что ли.

– Давай. Пошёл?

– Пошёл.

И снова струя опилок из-под пилы на их ноги. Андрей сегодня опять в ботинках. Сапоги теперь только на станцию обувает. Да и в самом деле... А под таким дождём завтра на станции грязища будет. Пожалуй, тоже в сапогах лучше. Чего кроссовки рвать.

– А ничего у нас сегодня идёт.

– Ничего, – кивает Эркин. – Не жарко, и дождь несильный. Вот и легче, чем тогда.

– Может, и так. А ужином нас кормить не будут?

– Королевским? – улыбается Эркин.

– Можно и ковбойским, – смеётся Андрей. – Яичница здоровская была. На сорок-то яиц.

Помнишь?

– Так на каждого всё равно по десятку пришлось.

– Всё-то ты рассчитал!

– И десяток за раз тоже... не хило. Только нам никакого не дадут. Ленч и обед по уговору.

– Сверх уговора – это уже перебор будет, – соглашается Андрей. – В следующий раз уговариваемся и на ужин.

– Может, и на ночлег? – фыркает Эркин.

– Точно! Тётяшка, дай попить, а то так есть хочется, что аж переночевать негде.

Эркин так хохотал, что бросил пилу и заткнул себе рот кулаком, чтоб не накликал кого лишнего. Андрей со скромной улыбкой переждал этот взрыв и участливо спросил:

– И часто это у тебя?

– Когда ты рядом, то часто, – ответил Эркин, берясь за пилу.

– Тронут, – тряхнул шевелюрой Андрей. Хорошо его Скиссорс подстриг аккуратной такой шапкой. – Сколько там ещё? Два?

– Два, – кивнул Эркин.

Как ни храбрились, а последние два сарая дались тяжело. Женин они доделывали, держась уже только на привычке не показывать слабости и на самолюбии. И, как и тогда, к концу работы во дворе появились женщины. Белые леди. И, как и тогда, Андрей впереди, а Эркин за ним, стараясь не волочить ноги, подошли к ним. Андрей принял деньги. Сто пятьдесят ровно пачкой мелких кредиток. Андрей поблагодарил, Эркин молча кивнул. И, как и тогда, они ушли со двора вдвоём. За воротами Андрей отдал деньги Эркину и закурил. Эркин за спиной Андрея поделил деньги пополам, подумал и, отделив от своей пачки несколько кредиток, добавил к доле Андрея.

– Прекрати, – сказал, не оборачиваясь, Андрей. – Врежу.

– Затылком видишь? – улыбнулся Эркин.

– Задницей, – огрызнулся Андрей и повторил: – Прекрати. Клади поровну.

Эркин подравнял пачки. И Андрей повернулся к нему, взял и убрал свою пачку. Темнеющая улица была пустынной, только где-то очень далеко послышались и тут же затихли чьи-то шаги.

– Нормально заплатили, – улыбнулся Андрей.

Эркин кивнул и спросил:

– Завтра на станцию?

– Давай туда, – сразу согласился Андрей. – Ну, бывай.

– Бывай.

Инцидент с деньгами они уже не поминали. Эркин проводил Андрея взглядом до угла и повернул домой. Вошёл через калитку, запер её за собой, тронул по пути дверь сарая. Заперто. Значит, Женя уже наверху. Эркин запер за собой нижнюю дверь и потащил себя наверх по крепко сидящим, не скрипящим под его шагами ступенькам. Вошёл в прихожую, снова запер за собой дверь и ввалился в обдавшую его своим теплом кухню.

– Эркин, – Женя колдовала у плиты. – Кроссовки газетой набей, а то форму потеряют.

И джинсовку развесь. К утру просохнет.

– Женя, деньги...

– Успеются деньги, – весело командовала Женя. – Грязное всё в ведро кидай.

Эркин послушно выполнял все указания. Он так устал, что сил на фразу: «А чего ты раскомандовалась?» – не было, даже улыбнуться не было сил.

– Алиса, быстро в комнату.

– А Эрик...

– Он мыться будет, в комнате посидишь.

Эркин стащил намокшую джинсовку, расправил её на верёвке и стал раздеваться. С Женей спорить, когда она так командует, бесполезно. Вон, уже корыто вытащила, вода в баке кипит. Раздевался медленно: так устал.

– Кроссовки оставь, я сама сделаю. Давай, Эркин, Алисы нет.

– Мг-м, – пробурчал он, осторожно садясь в корыто, полное приятной горячей воды.

– Давай, подставляй спину.

Женя натёрла ему спину, бросила мочалку ему на колени и метнулась к плите со словами:

– Ой, бежит уже.

Великое дело – возможность вымыться. Он тёр себя мочалкой, отмывал слипшиеся от пота волосы, отфыркиваясь от пены, и чувствовал, как отпускает усталость, как тело становится мягким и упругим.

– Женя, – осторожно позвал он.

– Чего? – откликнулась она от плиты.

– Я обмываться буду, ты... – он замялся.

– Я не смотрю, – сразу поняла Женя и лукаво добавила: – ничего ж нового я не увижу.

Эркин даже застыл с открытым ртом. Такого от Жени он не ожидал и растерялся. Ответить ей, как ответил бы Андрею, ну, это никак нельзя...

– Женя, – выдохнул он, – я ж... я ж это так...

– Не смотрю, не смотрю, – успокоила его Женя. – Давай обливайся и вытирайся, у меня уже готово всё.

– Ага, – Эркин перевёл дыхание и улыбнулся. – Сейчас уберу всё только и подотру.

Он облился из ковша, вытерся, натянул рабские штаны и стал убирать.

– Женя, переступи, а то лужа... Ага. Ну, вот и всё.

– А теперь руки мой, тряпка-то грязная. И за стол иди, – Женя убежала в комнату с шипящей сковородкой в руках.

Он ополоснул руки, взял из кладовки рябенькую рубашку – тоже вроде тенниски стала, ползёт вся, на работу уже не наденешь, с плеч свалится – а полуголым за едой сидеть, тоже неловко: это ж не летом и не на выпасе.

Мытьё отогнало усталость, но ненадолго. Эркин даже плохо соображал, что ест, и чай пил, сонно моргая вроде Алисы. А пока Женя укладывала Алису, заснул за столом.

– Эркин, – Женя осторожно тронула его за плечо.

– Да, Женя, – глухо ответил он.

Глухо, потому что лежал лицом на своих скрещённых на столе руках.

– Я постелю сейчас...

– Я сам, – Эркин оттолкнулся лбом от своей опоры и встал. – Я пойду спать, Женя, хорошо?

– Конечно-конечно.

В полусне он добрёл до кладовки, вытащил и развернул постель, разделся и лёг. Всё, кончился день.

Вымыв посуду, Женя заглянула в кладовку, послушала его сонное дыхание и прикрыла дверь.

Эркин проснулся посреди ночи и с минуту лежал, соображая, что же его разбудило. Тихо, темно. Тёплая безопасная темнота. И тишина... тоже безопасная. Что же, сон, что ли? Да нет, вроде не снилось ничего. Что же? Вроде... Ах вот что, деньги! Он и забыл о них.

Эркин вылез из-под одеяла и осторожно вышел в кухню. Хорошо, все спят. Он на ощупь нашёл свою джинсовку и вытащил бумажник. Ага, вот и деньги, он их так и засунул одной пачкой, чуть бумажник не порвал. Семьдесят пять кредиток – это что-то! Как Андрей говорит? Не зря корячились.

Он убрал бумажник, бесшумно вошёл в комнату, добрался до комода и положил деньги в шкатулку. Ну, вот теперь всё.

Эркин так же бесшумно вернулся к себе, прикрыл дверь и лёг. Блаженно потянулся под одеялом. Хорошо дома! Ничего ему не надо, пусть бы так и было. Всегда.

Алабама

Ни война, ни капитуляция не помешали двухместному купе первого класса оставаться комфортабельным и респектабельным.

– Уф-ф, – Фредди бросил свой кейс в верхнюю сетку и опустился в кресло. – Садись, Джонни. Кажется, всё.

– Кажется, – Джонатан сел в кресло напротив.

– От Краунвилля пешочком?

– Не так уж там далеко, – усмехнулся Джонатан и добавил уже серьёзно: – Возьмём такси. Дорого, конечно, но...

– Я думал, ты предложишь купить машину, – улыбнулся Фредди.

– Мысль неплохая, но немного преждевременная, – Джонатан благодушно смотрел в окно. – Я прикинул. В принципе, нам легковушка нужна, грузовик не всегда удобен.

– Согласен, но...

– Но пока мы этого не можем себе позволить. Разве только после Рождества.

– Следующего?

– Или после следующего, Фредди. Или этого. Когда это будет нам по средствам.

– Неправильно, Джонни. Когда это будет очень нужно.

– Резонно, – кивнул Джонатан. – Но пока не очень. И понадобится шофёр. Он же механик. За двумя машинами между делом не приглядишь.

– Шофёр нужен для престижа, – возразил Фредди.

Джонатан кивнул.

– Правильно. Но мы пока не на той ступеньке. А лишний выпендрёж... – он скорчил выразительную гримасу. – Ладно. Что-то мы долго это мусолим. Подобьём края, Фредди?

– А что подбивать? – пожал плечами Фредди. – В Колумбии порядок. Через месяц можно будет завернуть, посмотреть, как идут дела. Парни старательные, сообразили, что подгонять их никто не будет, сами крутятся. Строители не подведут. Я поговорил с подрядчиком.

– С Дэннисом?

– Да.

– Тогда надёжно, – кивнул Джонатан. – О Дэннисе можно сказать многое, но слово он держит.

– Сделает всё, как надо. Чертежи у парней толковые.

– Сам смотрел?

– С Дэннисом и, – Фредди усмехнулся, – у него теперь свой архитектор. Бедолага, но толковый. Говорит, что чертежи профессиональные.

– Где это Дэннис раздобыл архитектора? – удивился Джонатан.

– Прикрыл дезертира. И кое-чего подкинул его семье. Бедолага теперь предан ему... – Фредди не закончил фразу, пережидая чьи-то шаги в вагонном коридоре. – Дэннис кое-что рассказал. Он и раньше хотел этим заниматься. Война, стройка выгодна как никогда. Но «Феникс» всё перекрывал. А с капитуляцией «Феникс» исчез. Во всяком случае, не возникает. Дэннис подсуетился, вложил всё, что накопил, и стал шуровать.

Джонатан задумчиво кивнул.

– Значит, «Феникс» погас. Интересно, Фредди. С чего бы это? Ведь знаменитая фирма. Всё строительство в их руках было.

– Да. Дэннис говорит: все остальные имели только то, что им давал «Феникс», и отдавали за это, сиди крепче, Джонни, от шестидесяти до семидесяти пяти процентов от дохода. И все материалы закупали у «Феникса». Ну, Джонни?

– Знакомый почерк, – Джонатан улыбнулся. – Есть о чём подумать. Значит «Феникс» уже не тот. Интересно. Ты обрисовал Дэннису проблему?

– В общих чертах. Он обещал подобрать цветную бригаду. Во избежание недоразумений.

– С этим тогда всё, – кивнул Джонатан. – Сделаем, я думаю, так. Сейчас домой. Через недельку сгоняю верхом в Бифпит, приглашу Генни. Хочу это утрясти перед аукционами, – Фредди кивнул. – Затем везём Ларри к Юри.

– И как раз подойдёт время завернуть к парням в Колумбию.

Джонатан быстро прикинул в уме дни и согласился:

– Да, как раз около месяца. Строительство уже закончат. Примем работу.

– Подстрахуем парней на приёмке, – поправил его Фредди.

– Да, правильно. Это их дело. Заодно покажешь им, как вести книги.

– Уже, – коротко сказал Фредди.

– Как это, Фредди? Они же неграмотные.

– Цифры они знают, Джонни. Вот я и показал им, как записывать расходы. Что купили, пусть рисуют, а за сколько, пишут, – и передразнил Джонатана: – Резонно?

– Резонно, – рассмеялся тот. – Так, это у нас займёт... ну, к концу октября мы вернёмся и на месяц засядем дома.

– Отлежимся, – кивнул Фредди. – А где-то в середине декабря к парням. Бобби приглашал к Рождеству. Имеет смысл опередить.

– Имеет, – согласился Джонатан. – К Рождеству надо вернуться и заняться контрактами и расчётами.

– Всех будем оставлять?

– Я думаю, да. В принципе команда сработанная. А новых... Посмотрим по обстоятельствам.

– Понятно. Да, вот ещё, Джонни. Что будем делать с мелюзгой? Лето они проболтались, но надо их как-то определить.

– От комиссий они прячутся ловко, – засмеялся Джонатан. – Раз – и нету никого. И тихие сразу. Но ты прав. Сойдёт листва, да ещё снег ляжет...

– Поморозятся, – кивнул Фредди.

– Думаю, когда будем с Генни решать тот вопрос, то и этот заодно.

– Да, в этом Генни можно доверять.

За окном стремительно летели назад зелёные холмы и пожелтевшие рощи. Изредка мелькали маленькие городки. Джонатан откинулся на спинку кресла, закрыл глаза. Фредди шевельнул плечами, устраиваясь поудобнее. Что ж, можно и отдохнуть. С каким вкусом Джонни выговаривает: «дом», «домой». Что ж... Это его дом. Джонатан Бредли, лендлорд...

... Серое, в потёках грязи, с полусохшей ссадиной под глазом и свежими синяками на лбу – у ковбоев руки тяжёлые, уж коли бьют в лоб, то на совесть – мальчишеское лицо. Ярко-синие настороженные глаза. Серые от грязи слипшиеся волосы. Ковбойка, джинсы, сапоги – всё грязное, рваное. А видно, что совсем другого табуна жеребёнок. Из дома, что ли, сбежал?

– И кто у тебя висит на хвосте, малец?

– Это моя проблема, сэр.

– Не ершишься, малец. В одиночку не выживешь.

– Но и никого не подставишь, сэр.

Он кивает. Мальчишка держится из последнего. Сдохнет, но не сдастся. Видал таких.

– Садись рядом, малец. И запомни: сэров здесь нет. За сэра да милорда и врезать можно.

Мальчишка молча кивает и садится рядом, устало опустив плечи. Камера просторная, но уж больно много натолкали в неё сегодня, ног не вытянуть.

– Мустанг, сыграем?

– Не на что.

Отвалили. Не лежит сегодня душа к игре. Вот и выпил, и в морду кому-то дал. Хорошо дал, раз на трое суток сунули. А тоска не отпускает. Подражаться, надражаться и трахнуть. Радости ковбойские. А сегодня чего-то... не то. Из какого же табуна такой... светленький? Грязь корой, а видно.

– А ну... исчезни, мелюзга!

Мальчишка дёргается, но он тяжело опускает руку на костлявое мальчишеское плечо и поднимает глаза на покачивающегося опухшего ковбоя.

– Тебе места мало?

– А тебе что...?!

– Оставь мальчика.

– Молод он у стенки сидеть!

Ну ладно. Раз напросился, так и получи. Он вскакивает на ноги и одним ударом отбрасывает приставалу к противоположной стене.

– А ты полежи!

Общий хохот и ругань.

– Ну, Мустанг лягнёт, так лягнёт.

Лязг отодвигаемой решётки, и шериф на пороге.

– Тебе, Мустанг, добавить, что ли?

– Я не жадный, шериф, но что моё, то моё.

Шериф одобрительно хмыкает, а камера дружно хохочет. Над побеждённым. Отсмеявшись, шериф начинает распорядиться:

– Ты, ты и ты... На выход! Ты тоже. А ты до утра посиди, остынь. Ты... чёрт с тобой, на выход.

Он сидит спокойно. Его трое суток только начались. Взгляд шерифа скользит по его лицу и останавливается на мальчишке.

– А ты чего сидишь? На выход. Ну!

Мальчишка медленно встаёт, оглядывается. И вдруг звонким, аж звенящим голосом:

– Сказали, двое суток...

– Что?! – рявкает шериф. – Щ-щенок! Повадился на казённый счёт ночевать. А ну, пошёл вон! – и, схватив мальчишку за шиворот, выкидывает того в коридор. – А ты... – тяжело пере-

водит дыхание, – ты, Мустанг, посиди. А ещё брыкнёшь, добавлю. Без коня останешься. Сядь, я сказал!

Он сам не заметил, как встал, и теперь медленно нехотя садится. Шериф заканчивает чистить камеру и уходит, заперев дверь. Значит, ночь началась. Ну что ж, трое суток его конь у коновязи простоит, воды поставят, охапку сена кинут. А на четвёртые сутки конь считается бесхозным, бери, кто захочет. Сволочь шериф, не дал запаса. Теперь хочешь коня сохранить, так сиди тихо. Тяжело одному. Жаль, не сказал мальцу, чтоб, если что, взял Гнедого, он бы расплатился потом. Не успел. А теперь что ж... В камере стало просторно. Шериф оставил с десяток самых... Ну, там свой расчёт и выбор. А десятку как раз улечься. Это на день камеру набивают, а на ночь лишних выкидывают. Что ж...

– Мустанг, эй, Мустанг!

– Что?! – вскидывается он со сна.

Сопя и кряхтя, поднимают головы остальные.

– Не ори, лужёная глотка, – у решётки Билли Козёл, помощник шерифа, с каким-то белым узелком в руке.

– Чего тебе, Козёл? – спрашивает он уже тише.

– Передача тебе, Мустанг.

– Чего-о-о? Ты в своём уме, Козёл? Я ж за такие шутки... Выйду – рога обломаю.

– Выйди сначала, – Козёл смеётся мелким бляющим смешком, за что и получил своё прозвище. – Берёшь передачу или нет?

– Дают, бери, – он встаёт на ноги и подходит к решётке.

Маленький узелок свободно проходит между прутьями и ложится на его ладонь.

– Ушлый у тебя дружок, – смеётся Козёл. – Ухитрился, – и уходит.

А он стоит у решётки дурак дураком с узелком на ладони. И ничего не может понять. Передача. Неслыханное дело. Это ж кто... ухитрился? Дружок? Кто это? Неужели... малец?! Ну... ну...

– Мустанг, покажи, чего там?

Все встали, столпились вокруг. Такое дело, это... от века такого не было. Он осторожно, по-прежнему держа узелок на ладони, другой рукой развязал узел, расправил концы. Две сигареты, две пресные галеты, круглое печенье и жёлтая «ковбойская» конфета в прозрачной обёртке. Ну... ну надо же...

– Делите, парни.

– Заткнись, Мустанг, коли ума нет.

– Ты этот узелок себе на шею повесь. Талисманом.

– Точно.

– Это ж сколько он Козлу отдал, чтоб тот передал?

– Ага. Передача на цент, да охраннику доллар...

– Убери, Мустанг.

Когда он завязывал узелок, заметил на уголке следы вышивки, словно... словно две буквы были. Вышивка выпорота, не сама рассыпалась. И можно различить две буквы. JB. Он засовывает узелок в карман. И следующие сутки проходят как-то мимо него. Хотя он и болтает, и ржёт вместе со всеми над бедолагой, угодившим сразу на пять суток. Это ж надо таким дураком быть, чтоб сказать шерифу, по какой-то причине шерифова жёнушка во все тяжкие пустилась. Ну и сиди теперь с разбитой мордой. Мало ли, что все это знают, а говорить-то зачем? Вон и про тебя, да про всех все всё знают. Не можешь стрелять, так молчи. О передаче не говорили. Попробовали, но он молча посмотрел на болтунов, и те отвалили. Сам ещё не знал, что об этом думать.

– Мустанг, спишь?

Он вздрогнул, открыл глаза. А, Говорун. Серая щетина, выцветшие от старости глаза. Старая, зашита вкривь и вкось одежда, вытертые до белизны сапоги.

– Чего тебе, Говорун?

– Жеребёнок хороших кровей. В силу войдёт, за ним далеко ускачешь.

– Иди ты...

– Думай, Мустанг. Дважды такая карта не выпадает.

Говорун тяжело встал и пошёл на своё место. А с возрастом и впрямь... говорливым становится. Раньше от Говоруна такую речь год надо было слушать, а теперь за раз выдаёт. Что ж, Говорун всякого повидал. И терял, и находил... Он опять заснул и разбудил его шериф, приведший на отсидку целую толпу из салуна. Большая, видно, драка была.

– Ты, ты, ты, – командовал шериф, тыкая пальцем. – Под кустом доспите. Ишь, цемент казённый пролёживают, – и вдруг указал на него: – И ты пшёл вон.

– Мне сутки ещё, – честно сообщил он, вставая.

– Поучи меня! Смотри, Мустанг, оформлю тебя по совокупности...

– Не грози, – сказал он, выходя из камеры. – Я пугливый.

Десять ступенек вверх, столик у двери. Козёл кидает ему его пояс с кобурой. Он застёгивает ремень, проверяет кольт. Как всегда, патроны вынули, сволочи. Теперь, пока не купишь, ходи голым.

– Денег у тебя сколько было?

– Сколько было, неважно. Сколько есть, Козёл?

– Догадлив, – смеётся Козёл. – Держи, Мустанг, оденься.

И бросает зелёную бумажку. Как раз хватит кольт зарядить. Было... чёрт с ним, сколько было. Жалко: пропил мало, не успел.

– Тебя через недельку ждать, Мустанг, или погуляешь?

– Как получится, – бросает он через плечо и выходит.

Площадь перед отстойником пуста. Рано ещё. Небо только-только от крыш отделилось, даже сереть не начало. Вон и в Розничной лавке светится окно над дверью. Он, не спеша, подшаркивая, идёт туда, пинком ноги – руки всегда должны быть свободны – открывает дверь.

– Чего тебе, Мустанг? – тётка Фло как всегда за прилавком.

– Одеться, – бросает он на прилавок бумажку.

Она ловко, одним движением сгребает её куда-то вниз и высыпает перед ним тускло блестящие патроны. И даже вязать при этом не перестаёт. Ловкая баба. И никто её молодой не помнит. Сколько же ей? Она выжидает, пока он зарядит и уберёт кольт, и кладёт на прилавок красное яблоко.

– Не на что, – он уже поворачивается уйти, но его останавливает неожиданная фраза:

– С дружкой поделишь.

Он нерешительно берёт яблоко. Дорогая ведь штука. Дармовое всегда опасно, но за тёткой Фло подянки не водится, не такая она.

– Спасибо.

Она кивает, продолжая громким шёпотом считать петли. Под этот шёпот он выходит на площадь и идёт к коновязи. Вон Гнедой уже почуял его и затоптался, пытаясь развернуться навстречу. И тёмный ком возле салуна зашевелился, отделился от стены и медленно выпрямляется. В сером предрассветном сумраке бледное пятно лица. А Гнедой сыт и напоен, сразу видно. И весел. Значит, не один был, не чувствовал себя брошенным. Он кивает мальцу, и тот, независимо вскинув голову, по-ковбойски враскачку подходит. Он достаёт яблоко, разламывает натрое. Коню, мальцу и себе. Ну... молодец, сообразил, что «спасибо» здесь лишнее.

– Где твой конь?

– Не ожеребилась ещё та кобыла...

Он удовлетворённо хмыкает, оглядывает ряд у коновязи. Ага, вроде вон тот серый.

– Бесхозного высматриваешь, Мустанг?

– Догадлив ты, Джек.

Джек-Хромуля щерит в улыбке беззубые дёсны. Где выбили, где само выпало. За сорок ему, сильно за сорок, доживает уже, болтаясь у коновязи.

– Вон тот, серый, пятые сутки стоит.

Серый костлявый неухоженный конь, уздечка, седловка – всё старое, ободранное, заседельные сумки разворочены.

– Загремел, что ли, Эдвард?

– А может, и спёкся, – пожимает плечами Джек. – Заносчив больно, – и сплюнув, добавляет: – Был.

Он кивает и отвязывает своего Гнедого.

– Бери Серого, малец. Нам здесь делать нечего.

А ничего малец, гриву с хвостом не путает. А вот садится как-то странно, не по-ковбойски. Стремена не по росту... Сообразил. Слез, подогнал всё под себя и снова в седло. Ничего, в хороших руках Серый отойдёт...

...Фредди открыл глаза и встретился взглядом с Джонатаном. Уже свеж, деятелен, весел... быстро управился.

– Выспался, Фредди?

– В принципе, да. Что у нас нерешённого?

– В принципе, всё ясно. До Краунвилля полчаса осталось.

Фредди понимающе хмыкнул.

– Хорошо возвращаться, Джонни?

Джонатан молча кивнул.

Поезд замедлился, проходя по полуразрушенному и ещё не до конца восстановленному мосту. Тогда зимой они переправлялись вброд, благо, лёд толком так и не встал. Не здесь, а ниже по течению, где река разливалась по котловине. Кругалия давали... но иного варианта не было.

– Фредди, помнишь, как мы тут зимой барахтались? – негромко засмеялся Джонатан.

– Ещё бы, – хмыкнул Фредди. – Чуть выюки не потопили.

– А потом до утра на острове сидели, дрожали, не знали, где проход в минах, – Джонатан улыбнулся и подмигнул.

– А их там, на наше счастье, не было. Джонни, аукционы побоку?

– Сойнби только смотреть, – сразу стал серьёзным Джонатан. – Генни предупреждал.

– Ты говорил, помню. А Крокус? Мы же хотели стадом заняться.

– Зиму перекрутимся с этими, Фредди. Нет, посмотреть можно. И даже нужно. Но... Я не хочу трогать счета.

Фредди кивнул.

– Что ж, Джонни, сядем, посчитаем, подумаем.

– Последнее в первую очередь. Тут же ещё что, Фредди. Я думаю, что Дилли уже скоро дойка будет не под силу.

– Да, к Рождеству станет сильно заметно. А там и Молли на подходе, ведь так?

– Думаю, не задержится, – улыбнулся Джонатан. – Так что увеличивать число коров нельзя. Нанимать лишних людей незачем. А вот бычка хорошего... племенного...

– Месячные дешевле.

– Правильно, Фредди. Но там крови важны, а они ценятся во всяком возрасте. Так что у Крокуса всё равно покрутимся. Ладно, подъезжаем уже. Сейчас такси и домой.

– К шерифу не зайдёшь?

Джонатан покачал головой и улыбнулся.

– Домой, Фредди.

– Домой, – кивнул Фредди, вставая и беря из сетки кейс.

Тетрадь тридцать вторая

Алабама

Графство Эйр

Округ Гатрингс

Джексонвилл

Посещение церкви прошло спокойнее, чем ожидал Эркин. В принципе это оказалось не слишком обременительным. Разумеется, пускать цветных в церковь – белое красивое здание с башней на Черч-стрит – никто не собирался. Для цветных приспособили большой дощатый склад на окраине возле Цветного квартала, оставшийся бесхозным после заварухи. Отмыли, почистили, починили электропроводку, внесли и расставили рядами скамьи – Эркин с Андреем ухитрились даже заработать на этом, подвалив к плотникам – на стене напротив дверей повесили картину с изображением длинноволосого бородатого беляка, замотанного в простыню, а по бокам от картины поставили горшки с цветами. Ну и священника дали, как положено. И чего ещё цветным надо?

Народу набилось... не продохнуть. Андрей тянул вперёд: интересно же, но Эркин упёрся, и они устроились сзади, поближе к выходу.

– От духоты спасаемся? – камерным шёпотом спросил Андрей, когда они сели.

– От твоего языка, – так же тихо ответил Эркин. – Заведёшься ведь и вылезешь.

– Точно, – сокрушённо вздохнул Андрей.

Рядом негромко засмеялись. Но уже рядом с картиной на небольшое возвышение с раскладным столиком поднялся тот узколицый поп, поднял руки успокаивающим жестом, и все, привычно подчиняясь белому, замолчали.

Эйб Сторнхилл оглядывал аудиторию. Не признаваясь в этом никому, даже самому себе, он боялся. Да, он взял на себя этот страшный груз, воистину тяжкий крест, он слаб и греховен для такой ноши, но кто-то же должен пробиться к этим душам. Что бы ни говорили о них, они не бездушны...

...– Я ценю твоё усердие, брат, – и вежливый жест холёной пухлой руки. – Но должен сказать сразу. Их души не спят. Нет. Там нечего будить, брат Эйб. Это скоты. Послушные или нет, умные или глупые, добрые или злые, но скоты. Не люди, нет.

– Мне трудно в это поверить брат Джордан.

– Они похожи на людей, брат Эйб. Очень похожи. Но только похожи. Брат Эйб, – Джексонвиллский пастор Джордан Сноу рассматривает его участливо, как больного, – приходилось ли тебе иметь дело с ними раньше? Не видеть издали, а... – ласковая улыбка, – общаться с ними? Разговаривать.

– Да, разумеется.

– Разумеется, брат Эйб. Но я имел в виду не беседы и проповеди, а изо дня в день. Обычно.

Он понял и покраснел.

– Я всегда считал рабство грехом, брат Джордан, – и с невольным вызовом: – У меня никогда не было рабов.

– Да, мы – дети и рабы Господа. И человек, делая человека своим рабом, нарушает волю Господню. Самозванствует. Но они – не люди, брат Эйб. Ты сам в этом убедишься. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы помочь тебе. С помещением, со всем остальным... Я скажу своей пастве, чтобы они отпускали своих... работников к тебе по воскресеньям. И вообще можешь на меня рассчитывать...

...Да, брат Джордан сделал, что мог. Пришло много, очень много. Он даже узнаёт некоторых. И зря говорят, что они все на одно лицо. Достаточно приглядеться – и различить тогда совсем не трудно. Вон эта молоденькая мулатка из кондитерской для цветных. Вон тот немолодой с сединой в волосах негр – дворник, с ним удалось неплохо поговорить, оказался довольно толковым, во всяком случае, понятливым.

Эйб говорил, стараясь подбирать самые простые, понятные слушателям слова и всё время оглядывая аудиторию. Да, его слушали, сидели тихо, не шевелясь, не разговаривая между собой. Ни дерзких взглядов, ни насмешливых, а то и глумливых реплик, с чем ему приходилось сталкиваться, трудясь в кварталах бедноты Колумбии, портовых городах Луизианы и ковбойских посёлках Аризоны. Нет, здесь ничего похожего... но чувство отчуждения, чувство стены между ним и аудиторией не проходило, а даже усиливалось. Они слушали его, но не слышали. Ни один.

Ряд за рядом Эйб Сторнхилл оглядывал свою паству. Ничего страшного. Они пришли и слушают. Остальное – его дело. Грузчики со станции сидят все вместе. Хорошо. А этих он не знает, но, значит, им кто-то сказал, и они пришли. Индеец, дворовой работник. Пришёл всё-таки. Тогда, при разговоре, был очень недоволен, но ведь пришёл. А рядом... Господь всемогущий, этот парень белый! Зачем он пришёл сюда? Да, он говорил со всеми, убеждал всех. И с этим парнем говорил. Тот был тогда пьян или с похмелья. Но его место на Черч-стрит, у брата Джордана, а не здесь...

Эркин слушал, не вдумываясь в слова, как всю жизнь слушал надзирателей. Болтает и пусть себе болтает. Сидишь в тепле, а не лежишь связанным или... Нет, перетерпеть свободно можно. Андрей наконец угомонился. А то в начале ёрзал, всё сказать что-то хотел. Пришлось дать ему локтем по рёбрам, чтоб понял: не на перегоне всё-таки...

...Фредди посоветовал им не связываться и не нарываться, и они пошли к указанному дереву. Белых ни одного, а пастухов собралось много. Некоторые косились на Андрея, но со словами не лезли. Беляк оглядел собравшихся и жестом велел им сесть.

– Дети мои...

Андрей фыркнул, невольно прыснули и остальные, но беляк не смутился и замолот примерно то же, что и у костра. Но то дети господа они все, то его. У Андрея хитро блестели глаза, явно чего-то заготовил, но пока молчит. У него тоже на языке вертелось: «Так я твой сын или бога?» – но он ограничился тем, что камерным шёпотом сообщает об этом ближайшим соседям. Те тихо смеются и передают вопрос дальше. Андрей незаметно показывает ему оттопыренный большой палец. Потом уже к ним пришёл чей-то вопрос: «А что, может, он сам и есть евонный бог?». Беляк словно не замечает их перешёптываний и продолжает долдонить своё:

– Христос любит вас, возлюбите и вы Иисуса всем сердцем...

И звонкий голос Андрея:

– А вот вы говорите, сэр. Что он велел, то мы исполнять должны.

– Да, сын мой. Воля Иисуса, Господа нашего, нерушима.

– А вот ведь в Библии сказано: рабы, повинуйтесь господам вашим, так? – невинно спрашивает Андрей. – Это же он сказал.

Беляк не успеваешь ответить: таким возмущённым рёвом отзываются остальные.

– И что мы все – рабы господа, – продолжает Андрей.

– Чего-о?! – как со стороны слышит он свой голос. Это его ещё у костра царапнуло, но тогда смолчал, а сейчас не выдержал. – Это что, мы – и его рабы, и отца его, и ещё... господские?!

– Мы не рабы!

– Нам Свободу ещё когда объявили!

– Ты чего несёшь, парень, охренел?!

– Это не я, – защищается Андрей. – Это тот, Иисус сказал.

– И я его ещё любить за это должен?! – он вскочил на ноги. – Мотаем отсюда!!

Беляк умолкает и беспомощно смотрит, как они хватают своих коней и уносятся врассыпную к далёким кострам...

...И этот то же самое. Бог, господь, Иисус Христос... Зачем им всем это? Тогда они вернулись к своему костру, и Фредди хохотал до слёз над рассказом Андрея, а потом сказал:

– Ну, парни, заварили вы кашу. Я и не задумывался над этим никогда.

Беляк тот сразу исчез, и больше о боге никто с ними заговаривал. И вот теперь здесь... Когда же эта нудьга кончится? Душно уже стало.

Эйб Сторнхилл заканчивал свою речь. Ничего, главное – начать, а там... там он сделает всё, что в его силах. Главное – они слушают, придёт час – услышат. А теперь сбор. Обычно он не собирал деньги сам и прямо в церкви, этим занимались женщины-помощницы, но здесь таких ещё нет. Ничего, будут. Он сказал о деньгах, повторил, что каждый даст по силам своим, сколько может, и ждал вопросов о том, куда пойдут эти деньги. У него был готов ответ. Но ни одного вопроса не прозвучало. Они молча доставали деньги и передавали их друг другу, а передние подходили и клали монетки в жестяную миску на столе. Он следил за этим и радовался. Никто, ни один не отказался дать деньги, ни один не попытался присвоить или под шумок не дать. Пусть монеты мелки, но и заработки их невысоки. И белый парень дал деньги. И индеец. Эйб сказал о службе в следующее воскресенье и призвал всех встать и помолиться Господу в сердце своём, молча. Зачем их смущать, текста они всё равно не знают. Но это дело наживное.

– Идите, дети мои, и благословение Господа на вас и делах ваших.

И с каким же радостным гомоном повалили они на улицу! Эйб невольно улыбнулся. Дети, ну, настоящие дети. Мулатка из кондитерской и ещё две девушки пошептались и робко подошли к нему.

– Мы... мы здесь уберём, масса?

– Натоптали...

– Вы позволите, сэр?

Эйб радостно вздохнул. Разумеется, он приготовил все необходимые вёдра, тряпки и щётки, но готовился убирать самостоятельно, а тут...

– Спасибо вам.

С улицы донёсся взрыв хохота. Одна из девушек быстро подбежала к дверям и выглянула наружу.

– Ну и чего ржёте?! – звонко крикнула она. – Лучше бы вон со скамьями помогли.

– А чего со скамьями? – откликнулся молодой мужской голос. – Треснула, что ли, под твоей задницей?

– Чтоб язык твой треснул! Составить помоги. Мы пол моем.

Эйб, считавший деньги, поморщился, но промолчал. Разговор, конечно, непотребный для церкви, но и винить этих... детей нельзя. Сделать им сейчас замечание – это напугать и оттолкнуть. К его изумлению, несколько парней – в том числе странный белый и индеец – вернулись, очень быстро и ловко убрали скамьи, прислонив их к стене. Искося поглядывая на Эйба, парни молча подождали у дверей, пока девушки вымоют пол, и снова расставили скамьи.

– Бог да вознаградит вас за доброту вашу.

По губам белого скользнула усмешка, но он промолчал. Девушки, а за ними и парни простились и вышли. Эйб с удовольствием оглядел свою бедную церковь. Начало положено. Мулатку из кондитерской зовут Бьюти, девушку со шрамом на подбородке... да, правильно, Роза. А третью он спросит об имени при встрече. И с парнями теперь есть о чём поговорить. Главное – начать...

От церкви Эркин и Андрей пошли к пруду. По дороге купили себе хлеба и копчёной рыбы. И два больших яблока. Сели у «своего» пня. И только тогда, после первых кусков, Эркин заговорил:

– Обошлось.

– Если б ты меня не держал, – усмехнулся Андрей, – я б пошебаршился, конечно. Он бы покрутился у меня, как уж на сковородке.

– А толку-то? – возразил Эркин. Нахмурившись, он долго разглядывал свою рыбину и наконец поднял на Андрея глаза. – Слушай, бог есть?

– А хрен его знает, – пожал плечами Андрей. – Мне это по фигу.

– А мне нет, – возразил Эркин.

– Чего так?

Эркин не успел ответить: к ним подошли трое негров из ватаги Одноухого, молча поставили на пень бутылку, положили буханку и сели рядом.

– Давай, Белёсий, – Губач выбил пробку, глотнул и пустил бутылку по кругу. – Совсем он нам мозги закрутил, не знаем, что думать.

– А я что, – взъерошился Андрей, – самый умный?!

– Вот смотри, – Эркин мотнул головой, пропуская бутылку, и продолжил: – Я – хозяйский раб. От хозяина меня русские освободили. Русский офицер пришёл, сказал. Всё. Свободен. А от этого, от господ, кто меня освободит? Ведь, беляк этот чёртов трепал, и бессмертный, и всемогущий, и... и...

– И вездесущий, – подсказал Андрей.

– А это что за хренотень? – поинтересовался Род, вгрызаясь между словами в рыбий хвост.

– Везде он, значит, – объяснил Андрей.

– Во, – кивнул Эркин. – Если он такой, от него меня кто освободит? Не хочу я больше рабом. Ничьим.

– А говорят, мы и после смерти... его рабы, – вздохнул Губач.

– Ну, как там после смерти, не знаю, – пожал плечами Андрей. – Когда погрём, тогда и посмотрим, что там и как.

– Тебе, Белёсий, всё шуточки.

– А серьёзно об этом и нечего, – Андрей сделал большой глоток и передал бутылку. – Видеть его никто не видел, так что... – он выразительно выругался.

– Оно-то, конечно, так, – Губач оглядел полупустую бутылку и поставил её на пень: пусть пьёт, кто хочет, без очерёдности. – Так думаешь, слова это одни?

– Может, и так, – кивнул Род.

Упорно молчавший всё время Томми тихо, но очень твёрдо сказал:

– Прав, Белёсий. Бога беляки придумали, чтоб нас дурить. Я много хозяев сменил. Били меня... его именем. Покориться требовали... тоже бог так велел. Что хорошего у бога есть, то они себе берут, остальное нам скидывают.

Все кивнули.

– Так что, не пойдём больше? – задумчиво спросил Губач.

– Цепляться начнут, – покачал головой Эркин. – Если это так, трепотня одна, то и хрен с ними, и с попом, и с богом его. Всё равно в воскресенье работы нет. И мелочь наскрести, чтоб подавился он ею, тоже можно.

– Если чтоб не цеплялись... – протянул Род.
– Ладно, – тряхнул кудрями Андрей. – И впрямь... От нас не убудет, и неохота из-за такой ерунды завязываться. Он, дьявол, въедливый, заметно.

– Это да, – Губач взял бутылку. – Допиваем?

– С собой возьми, – отмахнулся Эркин.

Андрей молчаливым кивком согласился с ним. Губач засунул бутылку в карман и встал. Поднялись и остальные.

Эркин и Андрей ещё побродили по Цветному, балагурия и задираясь. О церкви, когда они остались вдвоём, Эркин сказал:

– Я одного боюсь. Что он так и повадится по домам шляться.

– Ла-адно, – протянул Андрей. – Отвадим.

Домой Эркин пришёл уже ближе к сумеркам. Женя была дома.

– Ну как?

– Всё хорошо, Женя, – быстро ответил он.

Забросил свою джинсовку в кладовку и быстро побежал вниз в сарай. Цветному все дни рабочие. В тот раз это его спасло, пусть так и будет. Не станут к Жене цепляться. А про свою церковь она ему за ужином расскажет.

Но за ужином говорили совсем о другом. Женя опять расспрашивала его про перегон и Бифпит. Зашла речь об играх. Он рассказал о щелбанах. И Алиса потребовала, чтобы он её научил. Ей посещение церкви совсем не понравилось. Полдня хорошо себя вести и ничего за это не получить! Алиса была настолько возмущена, что и за игрой пыталась жаловаться Эркину, но быстро сообразила, что это не «ласточкин хвостик», здесь проигрыш грозит лишним щелчком в лоб, постепенно увлеклась и забыла про свои огорчения. Игроков разогнала Женя, отправив Алису спать. Этот момент пришёлся как раз на её проигрыш, и Алиса подчинилась с невиданной готовностью. Эркин не стал спорить: щёлкать Алису в лоб оказалось очень трудно. От напряжения сдерживаемой силы у него даже рука заболела.

– А расчёт завтра, когда доиграем, – пообещала из-под одеяла Алиса.

– Спи, – рассмеялась Женя.

Улыбнулся и Эркин. Женя налила ему и себе по второй чашке чая. Эркин взял свою чашку, охватил её ладонями, будто греясь.

– Знаешь, Женя, у нас было костровое время.

– Как это?

– Ну, вечером. Бычки улягутся уже на ночь, мы поедим и сидим у костра. – Треплемся, – Эркин улыбнулся и сказал по-английски, явно кому-то подражая: – Святое время, – и продолжал опять по-русски: – Понимаешь, говорим обо всём, смеёмся. Свободно говорим. Обо всём.

Женя кивнула.

– Я поняла, Эркин. Сейчас костровое время, да?

Он счастливо улыбнулся.

– Да.

Улыбнулась и Женя.

– Сначала о делах поговорим, правильно?

– О делах, конечно.

– Тогда слушай. За квартиру я заплатила до Рождества. Керосина купила.

– Тоже до Рождества? – усомнился Эркин, прикидывая в уме размер бутылки в сарае.

– Нет, конечно. Нам негде столько держать, но запас должен быть. Вот я и купила ещё бутылку полную. Понимаешь? Одна расхожая, а вторая в запас.

Он кивнул.

– Ага, понял. А себе ты чего купила?

– Обо мне потом, – строго сказала Женя. – Алисино зимнее я посмотрела. На эту зиму ей хватит. Она же растёт сейчас.

– Может... ей куклу купить? – неуверенно предложил Эркин.

– Куклы у неё есть, – улыбнулась Женя. – Я посмотрю из игр что-нибудь. Мозаику там или ещё что. И лучше книгу. Ей пора учиться читать.

Эркин кивнул, но глаза у него на мгновение стали грустными. На мгновение, но Женя заметила и рассердилась. На себя. Как же она раньше об этом не подумала?!

– И тебе надо учиться.

– Для взрослых нет школы, – вздохнул Эркин.

– Я научу, – храбро вызвалась Женя.

Эркин посмотрел на неё с таким радостным изумлением, что она рассмеялась.

– И... и по-русски тоже? – наконец спросил он.

– И по-русски, – кивнула Женя. – Ты чай пей. Остынет.

Он послушно отхлебнул, не отводя от неё глаз. Женя с удовольствием смотрела на него, на его счастливое лицо, на сильные плечи, туго натягивавшие старенькую, выцветшую от стирок рубашку. Удивительно, как ему всё идёт, всё к лицу.

– Теперь давай с тобой. Тебе на зиму...

– У меня всё есть, – быстро сказал Эркин.

– Тебе нужна тёплая рубашка. И не одна.

– Рубашек у меня много, – возразил он. – А куртка тёплая.

– Какая куртка? Джинсовая?

– Да нет, моя. Ну, толстая, рабская. Она очень тёплая.

– Рабская, – повторила Женя.

Эркин на мгновение свёл брови, но тут же улыбнулся ей.

– Мне нельзя выделяться, Женя. Куртки у всех рабские. В эту зиму все их носить будут.

– Ну, хорошо, а если будет очень холодно?

– Я тогда две рубашки надену. Или джинсовую, а рабскую сверху, – тихо засмеялся. – На работе всегда жарко, – и уже серьёзно: – Была бы работа.

– Будет, – улыбнулась Женя. – Ты же хороший работник. И Андрей. Вы всегда работу найдёте. А может, и на постоянную устроитесь.

Эркин осторожно пожал плечами и упрямо спросил:

– А себе что ты купишь?

– Я туфли хочу, – вздохнула Женя.

– А что? – сразу встревожился Эркин. – Не хватает?

– Да нет, понимаешь... Я видела туфли, они красивые, но... но непрактичные.

– Это как? – недоумевающе спросил Эркин.

– Ну, слишком нарядные. Их только на праздник. И потом... если в них ходить по улице, они развалятся быстро.

Эркин кивнул.

– Я понял. А... а ты сразу две пары купи. И носи по очереди.

– Как трусы? – съехидничала Женя.

Он не сразу понял, а потом рассмеялся и, смеясь, кивнул.

– Ага.

– Нет, Эркин, – отсмеялась Женя. – Так не делают. Туфли я себе куплю, но попозже. Понимаешь, мне нужны такие, чтоб и на улицу, и для работы. И чтоб на ноге были удобны. Нарядные мне не так нужны. И чтоб на зиму... Я видела, – она мечтательно улыбнулась, – черевички.

– Что-что? – переспросил он.

– Ну, как сапожки, только короткие, до щиколотки и на каблучках.

– А они, – Эркин тщательно выговорил новое слово, – практичные?

– Думаю, да.

– Тогда покупай, – решительно сказал Эркин. – Денег хватит?

– Хватит, – улыбнулась Женя. – И ещё я хочу белья купить. Простыни, наволочки, полотенца. И пододеяльники.

Эркин сразу переспросил:

– Пододеяльники – это что?

– Ну, как чехол на одеяло. Чтоб одеяло не пачкалось.

– Ага, понял. Покупай.

– Хорошо. Только я всё это постепенно буду покупать, чтоб не так в глаза кидалось. А то ещё пойдут... – она сделала выразительную гримасу, – разговоры.

– Ты осторожней, – сразу сказал он и вдруг совсем другим каким-то робко-виноватым тоном: – Ничего, что я так... командую?

– Всё правильно, – рассмеялась Женя. – Ты же обо мне заботишься.

Он так смотрел, что Женя не удержалась и потянулась погладить его по плечу. Он сразу перехватил её руку, прижал к губам. Поцеловал в ладонь, в тыльную сторону и снова в ладонь. Женя другой рукой погладила его по голове. И он так же ловко перехватил и поцеловал и эту руку. Потёрся лицом о её ладони и медленно, не выпуская, опустил их на стол. И по-прежнему не отводя глаз, мягко потянул Женю к себе. И даже стол не помешал ему. Женя только на секунду поддалась, и она уже сидит у него на коленях в плотном кольце из его рук.

– Ой, как это у тебя получилось? – удивилась Женя, обнимая его за шею.

Вместо ответа Эркин только плотнее прижал её к себе, так что его лицо оказалось у её шеи.

– Женя, так хорошо? Тебе удобно?

Он спрашивал тихо, перемежая слова поцелуями.

– Ага, – вздохнула Женя, прижимаясь губами к его шее.

Он шевельнул плечами, помогая её руке проскользнуть под ворот его рубашки. А его рука уже под её халатом скользит кончиками пальцев по её животу. Теперь уже не она, а он внутри её объятий, целует её шею, ключицы, склоняет голову, двигаясь губами по её груди. Женя прижималась лицом к его волосам, пока не коснулась губами гладкой кожи на шее и поцеловала его как раз на границе волос. Он вздрогнул и замер. И Женя не услышала, а ощутила его выдох:

– Ещё.

Она рассмеялась и поцеловала его ещё раз, опять туда же и ниже, в выступивший бугорок позвонка. Он резко встал, так резко, что она тихо вскрикнула, но ни испугаться, ни что-то сообразить не успела. В два шага Эркин достиг кровати, положил Женю и сел рядом. Озорно улыбнулся.

– На мя-яконьком, – сказал он очень похоже на Алису, мягко вытаскивая из-под Жени её халат. И уже другим серьёзным тоном: – Тебе не холодно?

– А мне от тебя тепло, – Женя попробовала передать его интонацию и по его улыбке поняла, что попытка удалась.

Плюш ковра приятно щекотал ей спину. Эркин выдернул из штанов и распахнул рубашку, придвинулся поближе, чтобы ей было удобно дотянуться до него. Женя улыбнулась и подняла руку, мягко коснулась основания его шеи. И тут же его рука так же легла на её шею точно на то же место. Улыбаясь, Женя водила пальцами по его груди, ключицам, животу, снова поднималась к шее. И, молча улыбаясь, он необыкновенно точно копировал её движения, глядя её тело. Женя попробовала обмануть его, неровными резкими движениями и остановками, но его улыбка становилась только шире, да озорно блестели глаза. Женя трогала его круглые жёсткие соски и ощущала его пальцы на своих, быстро вела пальцами по ложбине,

разделяющей грудные мышцы, вниз к поясу. И с той же скоростью его пальцы скользили по её телу между грудей к животу и так же замирали у резинки её трусиков.

– На работу не проспим? – улыбнулась Женя.

– Ни в жисть, – ответил Эркин с улыбкой.

Женя осторожно нашла узел и потянула за конец. Эркин свободной рукой подправил её пальцы, чтобы она не затянула, а распустила узел. И одновременно её рука скользнула по его лобку, а его пальцы совершил тот же путь по её телу. Эркин приподнялся, давая штанам соскользнуть вниз, быстрым движением плеч сбросил рубашку и уже обеими руками сдвинул с её бёдер трусики.

– Так, Женя, да?

– Ага, – Женя обняла его за поясницу, потянула к себе. – Иди ко мне.

– Иду.

Мягким гибким движением он опёрся ладонями о постель, подтянулся и лёг на Женю, вытянувшись во весь рост, распластался.

– Иду?

– Иди, – рассмеялась Женя и неожиданно для самой себя выгнулась, принимая его встречным движением.

Эркин тихо охнул, прижимаясь к ней.

– Так?

– Ага. Не уходи.

– Сейчас вернусь.

– Ой!

– Тебе больно? – сразу встревожился он.

– Не уходи, – Женя обхватила его за плечи, за шею, попыталась напрямч внутренние мышцы.

– Я здесь, Женя, я с тобой, – его шёпот обжигал ей кожу. – Ага! Ох, Женя... Женя... Женя...

Он звал её, чувствуя приближение туманящей голову волны, чёрно-красного водоворота. И слышал её голос, звавший его.

– Эркин... я здесь, Эркин...

– Я здесь, – откликнулся он, плотнее охватывая её и замирая.

Вздыбившаяся волна нависала над ним. Он знал, что они в комнате, на кровати, что на столе горит лампа, он всё видел и понимал, но чувствовал волну. Она здесь, малейшее движение – и она рухнет на него, закрутит в бешеном водовороте, не оставляя ничего, только тепло Жениного тела и её запах...

Эркин крепче упёрся локтями в постель, осторожно поёрзал, укладываясь так, чтобы полностью закрыть Женю, чтобы потом, когда волна уйдёт, Женя была под ним, как под одеялом. Руки Жени мягко гладили его плечи и спину, её глаза влажно блестели, но губы улыбались. Он пошевелил бёдрами, ворочаясь в ней, готовясь к последним ударам, и волна сразу придвинулась, изгибаясь и приготовившись к прыжку.

– Женя... готова?

Она, улыбаясь, кивнула.

– Я иду.

– Встречаю, – выдохнула она.

Так резко и сильно он ещё не бил Женю, и с той же силой рухнула на него горячая волна, он успел поймать тихий, шёпотом, вскрик Жени и повторить удар...

Он лежал на Жене, всё ещё соединённый с ней, и медленно переводил дыхание. Волна не ушла, она осталась и покачивала его, мягко и ласково. Эркин осторожно шевельнулся, нашёл

губами губы Жени, её щёки, влажные и чуть солоноватые, глаза... Она вздохнула, словно просыпаясь, и подняла веки, увидела его лицо и улыбнулась.

– Эркин... хорошо, да? Тебе хорошо?

Он медленно, будто только учился говорить, ответил:

– Да, очень. Ты... ты не устала?

– Не знаю, – Женья медленно подняла руки, погладила его плечи, голову. – Полежим так, хорошо?

– Тебе... нравится? Ну, когда я... в тебе?

– Мне всё нравится, – тихо засмеялась Женья.

И он, отзываясь на этот смех, покачался на ней. Чуть-чуть. Чтобы она почувствовала его.

– Тебе не тяжело?

– Нет, мне хорошо. А тебе?

– Очень. Мне никогда так хорошо не было.

Улыбка Жени стала лукавой.

– Ты так всегда говоришь, каждый раз.

– Это же правда, – он улыбнулся. – Я же индеец, индейцы не умеют врать.

– Совсем-совсем?

– Совсем-совсем, – кивнул он и серьёзно: – Я говорю правду, Женья. Мне каждый раз хорошо, – и помолчал, будто проверял, убеждённо закончил: – Как никогда.

Женья уложила его голову себе на грудь. Он потёрся об неё щекой и всё-таки медленно приподнялся.

– Я... посмотрю на тебя. Можно?

– Можно, конечно, – удивилась его просьбе Женья. – Тебе всё можно.

Эркин медленно плавно выпрямлялся, не разрывая замок, а мягко очень плавно отделяясь от Жени, и встал над ней на коленях так, что Женья осталась лежать на спине между его ногами. Его взгляд мягко глядя двигался по ней, как до этого его руки, и на себе он ощущал такой же глядящий взгляд.

– Какой ты красивый, Эркин.

– опередила, – улыбнулся он. – Только ты лучше. Правда.

– Сейчас скажешь, что лучше всех, – смеялась Женья.

– И скажу. Это тоже правда, Женья. Ты лучше всех.

Женья медленно закинула руки за голову и потянулась.

– Как хорошо, Эркин.

– Лучше не бывает, – кивнул он. – Я уложу тебя, хорошо?

– Как это?

– Ну, ты поспишь. Тебе надо отдохнуть.

– А тебе?

Он улыбнулся её вопросу.

– От радости не устаёшь.

– Ой, как это тебя хорошо получилось?! – Женья порывисто поднялась к нему. – Значит, тебе это в радость, и ты не устаёшь, а мне, значит, отдыхать надо, мне, получается, это не в радость, да? Вот я тебя за это сейчас!

Она обхватила его за шею и резко дёрнула на себя. Эркин поддался рывку и позволил повалить себя на постель. Задыхаясь от смеха, она шутливо тузила его, так что он попросил:

– Женья, не щекочи, я ж в голос заржу, Алису разбудим.

– Придушу провокатора, – грозным шёпотом сказала Женья, усаживаясь на него.

Эркин согнул ноги в коленях, чтобы Женья могла опираться спиной. Теперь она сидела у него на животе и даже ноги ему на грудь поставила.

– Тебе удобно? – заботливо спросил Эркин и, дождавшись ответного кивка, продолжил: – Ты меня пока душить будешь, я вздремну малость, – закрыл глаза и даже всхрапнул.

Женя рассмеялась и попыталась встать, но он сразу открыл глаза.

– Нет, Женя, ты сиди.

– Тебе же тяжело, – возмутилась она.

– От тебя? Никогда.

Но она всё-таки слезла с него и встала.

– Лампа догорает уже.

– Понял, – Эркин потянулся, проехавшись спиной и ягодицами по мягкому ворсу ковра. – Ох, хорошо как. Всё, встаю.

Он сбросил себя с кровати, нашёл шлёпанцы, подобрал штаны и рубашку. Женя уже надела халатик и унесла на кухню чашки, и там теперь еле слышно звякала посуда и плескалась вода. Эркин, прижимая к груди одежду, прошёл к себе в кладовку, вытащил и развернул свою постель, сложил штаны и рубашку и вышел на кухню.

– Я возьму тёплой воды? Оботрись.

– Конечно, бери, – Женя расставляла вымытую посуду на новенькой проволочной сушилке.

– А... а ты?

– Я уже, – засмеялась Женя. – Пока ты штаны свои искал.

– И я уже, – Эркин расправил на верёвке влажное полотенце. – Завтра я поправлю.

– Что?

– Сушку. Там гвозди слабые, я смотрел.

– Ага, – Женя вдруг зевнула. – Спокойной ночи, Эркин.

– Спокойной ночи, – откликнулся он уже из-за двери кладовки.

Женя оглядела кухню, проверила, насколько плотно закрыта дверца плиты, послушала сонную тишину в кладовке и пошла в комнату. Уходя, Эркин привернул фитиль, и теперь комната тонула в полумраке. Женя быстро разобрала постель, погасила лампу и легла. Каково ему там, на полу? Интересно, ну, когда-нибудь их оставят в покое? Чтоб не бояться, чтоб не прятаться от всех, чтоб Эркин мог до утра спокойно спать на кровати. Ведь если подумать, то у них только одна нормальная ночь и была. Когда он с заработков приехал. Правда, если честно, они и не спали в ту ночь. Но всё равно, он до утра оставался с ней, а сейчас... что же делать, так уж получилось, что иначе нельзя. Что же делать?

Алабама

ВЧ № 4712

Золотарёв любил водить машину и при малейшей возможности садился за руль. Шофёр нужен... когда он нужен. И разговор за рулём вести удобнее. Всегда можно отвлечься на дорогу и тем выгадать время для обдумывания ответа. Хотя на этот раз собеседник нелёгкий – на лету всё схватывает, с очень хорошей реакцией.

– Мы союзники, Игорь Александрович.

– С разными методами, не так ли?

– И это. Но сейчас и методы наши совпадают.

Ироническое хмыканье, быстрый взгляд. Ладно, пойдём так:

– Игорь Александрович, почему вы не вернулись к научной работе?

– Видите ли, Николай Алексеевич, во-первых, делать историю – занятие не менее интересное, чем её изучать. Во-вторых, мне попросту не к чему возвращаться. Все мои довоенные материалы и наработки погибли. В-третьих, я не могу оставить моих товарищей. Они помогали

мне, мой долг... фронтовое братство, если хотите, – Бурлаков говорит спокойно, академически рассуждающим тоном. – И наконец, в-четвёртых, у меня, простите, чисто шкурный интерес. Я ищу свою семью.

– Вы говорили, они погибли.

– Да. У меня нет доказательств, что они спаслись. Но нет и доказательств гибели. Работа в имперских архивах может их дать.

– Вы ищите доказательства гибели или спасения?

– Николай Алексеевич, только очень плохой учёный начинает работу, зная, что получит в конце. Известный заранее, желаемый вывод... это догма. А я учёный, – и мгновенная озорная усмешка. – Не очень плохой. Вот и пятый аргумент. Я занят научной, по сути, работой. Так что сама постановка вопроса некорректна. Я всё-таки вернулся.

Золотарёв улыбнулся. Надо же, как хорошо перевёл. Что ж, пусть залезет поглубже. И себе найдёт, и с нами поделится, и... нет, об этом парне говорить ещё рано, пусть профессор увязнет, и тогда... вот тогда и пойдёт настоящая игра с Бредли и Трейси. Они, говорят, игроки сильные, ну, так и профессор Бурлаков тоже... далеко не из последних. Недаром его наш генерал ценит и чуть ли не со школы дружит.

– Игорь Александрович, а дома не попробовали? Может, кто из соседей что знает?

– Разумеется, я побывал в Грязине, но, – голос Бурлакова по-прежнему спокоен, – там давно живут другие люди. Сменились все соседи. Никто ничего не знает. Это же был район «оздоровления».

Золотарёв кивнул. Оздоровление, sanitation. Служба Безопасности Империи радикально решала проблему сопротивления в бывшем Пограничье, арестовывая всех жителей, всех поголовно, и заселяя опустевшие дома привезёнными издалека собственными гражданами, лояльными и в силу происхождения, и в силу благодарности за полученное в дар от Империи имущество. А вывезенные... часть уже нашлась трупами на Горелом Поле и во рвах, часть в трудовых лагерях при военных заводах... И что теперь со всей этой массой делать? Но об этом пусть головы в другом отделе болят.

– Вы надеетесь найти следы в архивах?

– И на это тоже.

– А ещё на что?

И в ответ с прежней чуть отстраняющей улыбкой:

– Моя главная надежда, Николай Алексеевич, на чудо.

Золотарёв кивнул. Да, больше Бурлакову, если честно, надеяться не на что.

Бурлаков, сохраняя прежнюю улыбку, смотрел перед собой на несущуюся под колёса серую в тёмных пятнах свежего асфальта дорогу...

...– Кажется, успели, – Антон сидит, небрежно откинувшись на спинку, с безмятежной улыбкой отдыхающего гуляки. – Всё спокойно.

– Спасибо.

– Не за что. Твоих мы прикроем, – и уже тише добавляет: – Как сможем.

Он кивает.

– Не надо утешений. Я не первый, – и с невольным вздохом: – и не последний.

– Ничего, – Антон улыбается как можно веселее. – Будет и у нас праздник.

– Будет, – он старается улыбаться как Антон.

– Вот мы победим, представляешь, соберёмся, сядем все вместе... – Антон громко причмокивает.

Он смеётся, кивая. Извечная мечта: пир после победы. Интересно, сколько нас уцелеет? Вряд ли понадобится очень большой стол...

...– Простите, я кажется задремал.

– На здоровье, Игорь Александрович, можете дремать дальше.

– Благодарю...

...Антон убили через полгода. Заметив хвост, повёл за собой, заташил в какой-то тупик и затеял перестрелку. С Антоном оборвалась последняя ниточка, связывавшая с домом. Антон бывал у него дома, знал их всех. И Римму, и детей. Играл с Аней в шахматы, возился с Серёжей и Милочкой. И вот всё, оборвано. Он знал, что так будет, что этим кончится, и всё же...

...Не открывая глаз, Бурлаков сел поудобнее. Машина идёт ровно, без рывков и толчков. Всё позади, всё кончилось благополучно. Для выживших. Он всё понимает, но он поехал туда, в Грязино, бывшее Грязино...

...Застывший в опасливом ожидании город. Провинция Империи, очищенная от расово неустойчивого русского населения. Он узнавал дома, но не город. Городу сменили имя. Теперь Петерсхилл. В честь генерала Петерса, командовавшего войсками захвата. Не улицы, а стриты и авеню. Но главное – сменили людей. Из Алабамы, Луизианы, Дакоты, даже Аризоны – со всей Империи их переселили сюда, в дома, ещё помнящие прежних владельцев. Была Россия, Пограничье, Русская территория, а теперь... а теперь они замерли в страхе перед возвращением выживших... Нет, эту проблему надо решить и будем решать. Но сейчас он шёл домой. И безумная не надежда даже, а... а вера в чудо, что Римма и дети дома. Он даже не думал, что столько лет прошло, что дети выросли... А чуда не было. Были чужие люди, жалкий лепет этих людей, что дом был пустой, что всё-всё в доме они купили, на свои деньги, у них даже чеки сохранились, что они не при чём, ничего не знают, дом был совсем пустой, и соседние дома тоже пустые, а они не при чём, а если у мистера претензии, то это всё Империя, Служба Безопасности, а они приехали в пустой дом... У мужчины, седого, грузного, дрожали руки, женщина жалко шмыгала носом, за ними толпились их дети... Он повернулся и ушёл. Не стал с ними говорить. Не смог. Обошёл соседние дома. Никого. Из старых, кто мог что-то знать, никого, никто не вернулся. Ни один...

...– По вашим данным, Николай Алексеевич, из угнанных многие возвращаются?

Золотарёв вздрогнул.

– Я был уверен, что вы спите. Нет, к сожалению, информации пока нет. С угнанными вообще непонятно, куда они делись. Если честно, рассчитываем на вас. Архивы целы, но разобратся в них... Понимаете?

– Догадываюсь, – кивнул Бурлаков. – Попробуем разобраться.

– Простите, что задеваю больное, но... у вас была большая семья?

– Жена, дети, брат жены, племянники, кузены и кузины, другие родственники... Фактически я знаю обо всех, кроме жены и детей. Остальные погибли. Кто на фронте, кто в Сопротивлении. А из дальних... пока я этим не занимался, слишком давно оборвались связи. А ваша семья, Николай Алексеевич?

– Мне повезло. До моих Империя не дотянулась. А так... как у всех. Кто на фронте, кто в тылу. Кому как повезло.

– Да, кому как повезло. Вы правы, Николай Алексеевич.

Золотарёв в зеркальце посмотрел на Бурлакова и вернулся к собственным мыслям. Как, однако, держится прекрасно. Конечно, об Империи он осведомлён очень широко, десять лет на нелегальном положении – это серьёзно. В его ненависти к Империи, Службе Безопасности, Службе Охраны можно не сомневаться. И в архивах он разберётся вполне... профессионально. Ниточек там торчит... уйма. Не может там не быть компромата на Бредли и Трейси. Где-то эта парочка должна была засветиться. Киллер и шулер, даже не главари, нет, у них в уголовной, как она здесь называется, да, Системе, особое положение, уже ясно. Сами по себе, не входят ни в одну группировку и работают только на себя. И уже давно. У Ротбуса был компромат на Трейси и очень серьёзный, раз тот так испугался и поехал за деньгами. А на Бредли? Петерсен клянётся, что был. Что Ротбус не рискнул бы угрожать, не имея на руках козырей. Игроки все, все сравнения карточные. Ну что ж, в этой колоде Бредли и Трейси – тузы. Без джокера их

не возьмёшь. Счета в банке... У обоих не подкопаться. Капало потихоньку маленькими порциями. До трёх тысяч декларация об источниках не требуется. Потому и счетов столько. И все оформлены одинаково. Владелец и имеющий право распоряжения. Только имена меняются. Тогда Трейси взял два своих. Сто семьдесят три тысячи. Счетов Бредли не трогал. Хотя там больше. А в сумме четыреста двадцать тысяч с небольшим. Но затребовали шестьсот восемьдесят. И Петерсен, да и остальные показывают одно. Ротбус никогда не требовал больше, чем у человека было. И даже обязательно оставлял какую-то мелочь. Как там... Да, вот: если у человека есть один доллар, больше девяноста восьми центов Ротбус не потребует, но и меньше, чем на девяносто семь не согласится. Значит, у Бредли и Трейси было в общем не меньше семисот тысяч. Хотя... хотя не было, есть. И значит, двести восемьдесят мы не нашли. Оформлено ещё на кого-то? Анонимный счёт на предъявителя? Абонирован сейф? Или просто лежат где-то в тайнике? Но и в сейфе, и в тайнике лежат доллары, имперские зелёные бумажки, обесценившиеся ещё к лету, и два таких волка позволят таким деньгам стать бумажками? Да никогда! Как-то же они их обменяли. И вот здесь без профессора, вернее, его «орлов» – они же «банковские крысы» – не справиться. Значит, надо сориентировать профессора. Теперь... Раз Ротбус требовал деньги обоих, значит, компромат на Бредли у него был. Так что? Трейси решил откупить себя, бросив дружка? Вполне логично, а значит, возможно. Как же не вовремя заткнули пасть Ротбусу. Рисуем не управиться к Рождеству. А это новые жертвы. День Империи – будь она и так далее – обошёлся без большой крови, из наших вообще никто не пострадал, но страсти всё равно накалились. Ещё раз бросим армию между белыми и цветными, и маховик может раскрутиться опять. Нет, к середине декабря надо успеть. И взять на упреждение. Не будут уцелевших охранюг столько времени кормить и укрывать за так. Задаром здесь вообще никто ничего не делает, жлобы поголовно, независимо от цвета. Правда, это даёт возможность отследить по денежным ручейкам, так сказать пройтись от истоков к устьям и обратно. Но... дадим им вылезти на Рождество, крови будет слишком много. Надо успеть раньше. И в то же время не спугнуть.

Золотарёв бросил машину в резкий поворот.

– Сбрасываем хвост, Николай Алексеевич? – спросил, не открывая глаз, Бурлаков.

Золотарёв рассмеялся.

– Я думал, вы спите, Игорь Александрович.

– Ну, ваш поворот разбудил бы любого, а, в общем, вы правы. Я спал.

Бурлаков открыл глаза и достал сигареты.

– Николай Алексеевич?

– Не откажусь, – кивнул Золотарёв, беря сигарету. И решил рискнуть: – У меня к вам, Игорь Александрович, большая просьба.

– Слушаю вас.

– Когда будете работать с архивами... меня очень, – он выделил это слово, – очень интересуют два человека. Джонатан Бредли и Фредерик Трейси. Если что-нибудь попадётся, ну, даже просто упоминание, в любом контексте, я прошу это для меня собрать.

– Джонатан Бредли и Фредерик Трейси, – повторил, запоминая, Бурлаков. – Хорошо, я буду это иметь в виду. Вопрос о причине вашего интереса, я полагаю, неуместен.

– Вы совершенно правы. Но я обещаю. Как только появится возможность, я всё объясню.

– Буду ждать, – улыбнулся Бурлаков. – Кстати... Бредли... Бредли... Знакомая фамилия. Кажется, была такая семья, из так называемой «старой золотой сотни», но она давно, ещё до войны исчезла. Думаете, отпрыск?

– Думаю, это неважно. Я тоже сразу подумал и проверил. Лет сорок, как эта семья сошла со сцены. Империей ворочали совсем другие семьи. Так что, скорее всего, однофамилец, – Золотарёв усмехнулся. – Если это только его настоящая фамилия.

– Возможен и такой вариант, – кивнул Бурлаков. – Я знавал двух Шекспиров, лорда Эссекса, трёх Нельсонов, адмирала, капитана и матроса, ещё... Кстати, лорд Эссекс был отличным механиком, самоучка, малограмотен и невероятно талантлив.

– Погиб?

– Да. Подорвал себя вместе с типографией. Так что это довольно распространённая практика. Берётся фамилия, носителя которой заведомо нет. И в то же время невыдуманная.

– Да, – согласился Золотарёв. – Вряд ли это его настоящая фамилия. Но поищите. Вдруг всплывёт подлинный Джонатан Бредли.

– Хорошо, – кивнул Бурлаков.

Графство Олби

Округ Краунвилль

Имение Джонатана Бредли

Джонатан сидел за своим столом, обложившись бухгалтерскими книгами, и щёлкал на счётах с таким ожесточением, что Фредди молча прошёл к бару, налил себе и по-прежнему молча сел к камину, спиной к Джонатану. Пошевелил поленья, положил ноги на решётку, сделал глоток и откинулся на спинку кресла. Хорошо! За его спиной щёлкали костяшки и изредка шёпотом чертыхался Джонатан. Потрескивание огня в камине, гудение ветра в каминной трубе... С камином им пришлось повозиться. В этом домике – они так и не поняли, для чего он предназначался – стояла плита, большая, но не законченная, и они переделали её в камин, взяв облицовку из гостиной Большого Дома, потому что камин в кабинете был слишком основательно разрушен. Похоже, там искали тайник. Камин вышел большой и нарядный, слишком большой и слишком нарядный для этой комнаты, жрал массу дров, но зато быстро нагревал и долго держал тепло. Тогда же они перетащили сюда эти кресла, как требовавшие самого минимального ремонта, установили решётку, развели огонь и сели у камина. Весна была сырая, одежда не просыхала, тогда Джонни и сказал, что у такого камина из горла пить неудобно, не сочетается.

Джонатан закончил наконец подсчёты, убрал книги в сейф, поставил на место бар и насмешливо хмыкнул:

– Мне ты сделать не догадался.

– А кто тебя знает, когда ты закончишь, – ответил, не меняя позы, Фредди.

Джонатан налил себе и сел в соседнее кресло, как и Фредди положив ноги на решётку.

– Ну и как, Джонни?

– Не так страшно, как я ждал. Лето мы свалили.

– Убытки большие?

– Как сказать. Понимаешь, Фредди, бычки нас здорово выручили. Мы получили живые законные деньги и не очень много потеряли.

– Потеряли на кормах?

– Там потери окупались. Пастухи тоже. Если бы не те двое, что нам Бобби подсунул, потери были бы ещё меньше.

– Да, та пара нас здорово подвела. Чуть не подставили. Но чего и ждать от охранюг, – Фредди оглядел свой стакан. – Хорошо, быстро их скинули.

– Главные потери на перегоне, – Джонатан отхлебнул, погонял во рту, смакуя, и проглотил.

Фредди почувствовал себя задетым.

– Перегон прошёл как надо. До последнего дня кормились и набирали.

Джонатан кивнул.

– Благодаря тебе, Фредди. Ты не отлучался, так?

– Так. Если не считать Мышеловку.

– Правильно. Я и не считаю. Так вот, главной потерей был ты, Фредди. Я как подумаю, чего и сколько мы упустили, пока ты был на перегоне... лучше не думать.

Фредди задумчиво кивнул.

– Ну, если так, то конечно. И выводы, Джонни?

– Первое. С откормом на несколько лет завязываем. Пока не найдём человека, который возьмёт на себя и выпас, и перегон. Парни вкалывали как проклятые, но мы всё равно были завязаны на стаде. Вспомни. Больше, чем на неделю отлучаться нельзя.

– Идёт, – кивнул Фредди. – Но такого надёжного, настолько надёжного с ходу не наймёшь. Его надо растить.

– Я и сказал. На несколько лет. На сколько... там увидим.

– Хорошо. Что второе?

– Второе нам надо решить. На чём будем строить имение. Чтобы работало и без нас.

– И давало прибыль, – закончил за него Фредди.

Джонатан только вздохнул, расслабленно оседая в кресле.

– Фредди, прибыльных имений не бывает в принципе. Есть более или менее убыточные.

Если я выйду на нулевой вариант, то стану гением.

– Нулевой вариант – это...

– Это вычитаем из дохода расходы и имеем ноль, а не минус. Насколько ты математику знаешь?

– Не зарывайся. Я закончил школу раньше тебя.

– Заметно, – кивнул Джонатан. – Кто раньше закончил, тот больше и забыл. А с этим... Я думал над этим и раньше. И управляющим крутился, чтобы понять. Сейчас посчитал и убедился. Имение убыточно... не то слово.

– Мы не тронули счета, – возразил Фредди. – Если не считать аукциона.

– Я и не считал. За счёт чего мы перекрутились с бычками, Фредди? Мы бессовестно обманули парней, раз.

– Стоп, Джонни. Они заработали как никто.

Джонатан кивнул.

– Остальных обманули ещё больше. Если посчитать объём работы... Парни работали без подмен, без выходных, без дополнительной оплаты ночной работы, на рабском пайке... Нам сказочно повезло, что парни не нажили цинги или ещё чего. И что ни одна комиссия до этого не докопалась, а парни не сообразили пожаловаться. На одних бы штрафах погорели бы.

– Паёк был хороший, Джонни. Вспомни Аризону.

– Помню. А ты помнишь, как мы пополняли паёк? И кусты обдирали не хуже пастухов.

– Помню, – кивнул Фредди. – Да, чёрт. Похоже, с этим ты прав.

– Мы не заплатили аренды за прогон стада, два.

– Верно.

– И ты работал бесплатно, три. Вот и прибыль на бычках.

– Ты тоже, кстати...

– Кстати, Фредди, мы пока в общем плюсе именно потому, что никто не получает зарплату. А наш труд я вообще не считал. А когда вчерне прикинул все затраты... – Джонатан невесело усмехнулся, – чуть не взвыл.

– Вот почему ты злишься, – улыбнулся Фредди.

– Да, – кивнул Джонатан. – Нам здорово повезло, что сохранилась рабская кладовка и мы смогли выдать одежду. Кстати, парней мы и на этом надули. Им полагалась спецодежда. А я ничего, кроме шляп, им не дал. Так что...

– Так что, кончай скулить, лендлорд, – спокойно сказал Фредди. – Считать упущенную выгоду и несделанные расходы... Я думал, ты умнее, Джонни. Если расходов не было, чего ты их считаешь? Сейчас, на этот час, мы в плюсе?

– Да, – нехотя кивнул Джонатан.

– С игровыми и прочим?

– Нет, я считал только по книгам.

– Ну вот. Деньги законные, живые... Какого хрена тебе ещё нужно?

– Утешил, – усмехнулся Джонатан.

– Любишь ты, Джонни, – Фредди оглядел оставшуюся в стакане жидкость, – страхи нагонять. Когда выйдем в минус, тогда и будем думать. А пока... Кстати, если все имения убыточные, чего они не разорались?

– Разорались потихоньку. Рабский труд давал прибыль, Фредди. Но иллюзорную.

– Ну да, ну да. Счета только почему-то были реальные. И сейфы не пустовали, и тайники не для развлечения делались. Кстати, это имение тоже... иллюзорно прибыльным было?

– Нет. Здесь как раз была прибыль.

– Потому ты и выбрал его?

– Н-не совсем. Я рассчитывал, если честно, на то, что всего здесь не разграбят. На тайники. И сейфы.

– Играть надо наверняка, – улыбнулся Фредди. – Так за счёт чего здесь была прибыль?

Джонатан допил и встал.

– Тебе налить?

Фредди молча кивнул, протягивая ему свой стакан. Джонатан взял его, отошёл к бару, повозился там и вернулся. Фредди взял свой стакан, оглядел.

– Судя по крепости, отвечать ты не хочешь.

– Догадлив, – Джонатан принял прежнюю позу. – Это незачем, Фредди. Их прибыль в прошлом.

– Угу. А повторить их опыт?

– Это невозможно.

– Ты же говорил, что рабский труд невыгоден. Как же они получали прибыль?

– Не надо, Фредди. Неохота ворошить эту грязь.

Фредди иронически хмыкнул.

– Ты давно стал таким чистоплюем, Джонни? И потом... действительно интересно. На чём на этой земле можно получать прибыль?

– Они занимались... животноводством, – нехотя ответил Джонатан.

– Ну, и что в этом такого? – пожал плечами Фредди. – Пастбища приличные. И кого они разводили?

Джонатан мрачно глядел в огонь. Фредди нахмурился. Он уже начинал догадываться, но верить не хотелось. Наконец Джонатан ответил:

– Людей, Фредди. Они разводили людей, рабов. Это был частный питомник. Когда мы сюда ехали, я одного боялся. Что кто-то из местных остался, и нам придётся отвечать за тех. Но... обошлось. Разводить рабов – прибыльное дело, Фредди. Наши кладовки... это были случайные камеры. Двадцать рабов производителей. Когда детям исполнялся год, их сдавали в государственный питомник. Там малышей дорастивали до пяти лет и отправляли на торги. Они, прежние владельцы, покупали пятилеток, задёшево, подращивали, чему-то учили и перепродавали. Тоже прибыль. Расходы минимальны, а малышня работала. И ещё они... понима-

ешь, к ним привозили рабынь. Для случки. Это тоже выгодно. Держат до убедительных признаков беременности и возвращают владельцу. И половинная стоимость годовалого, и деньги за еду, и она ещё это время работает по хозяйству. Вот ещё прибыль. И ещё... они брали рабов на облом. Ну, непокорных, не очень покорных. И обламывали. Стоит это дорого. Затрат мало. Также выгодно. Это имение было очень прибыльным. И резервация рядом. Её тоже всю использовали. По-всякому.

Джонатан замолчал, жадно, как воду, выпил свой стакан и встал, пошёл к бару.

– Надраться, что ли? Ты как, Фредди?

– После твоего рассказа...

– Ты сам напросился. Нам так везёт... что аж страшно. Рабов прежних ни одного, соседи или поменялись, или всего не знали, с резервацией вообще обошлось чудом... И что никто не догадался, что здесь раньше было – тоже чудо. Если б догадались...

– Ладно, я понял, Джонни. Давай, и в самом деле, чего покрепче.

Джонатан дал ему стакан, полный практически неразбавленного виски, и сел опять в кресло. Отхлебнул.

– Вот так, Фредди. Многие имения перекручивались за счёт этого. Но здесь ничем другим практически не занимались. Огород, сад, молочная, птица, свиньи... всё так, для собственного потребления. Ну, немного кормовых трав. А основной товар и основная прибыль... В заваруху пришлось за эту прибыль расплачиваться.

– Потому она и иллюзорная, – понимающе кивнул Фредди. – Да. Ты прав, Джонни. Ну, и что будем делать? Я говорю об имении.

– Доводить до нулевого варианта. Это наша крыша, Фредди, наш дом. И я не отступлю. Я хочу возродить семью Бредли. А прибыль... Прибыль я возьму... мы возьмём в другом месте. – Джонатан говорил короткими рублеными фразами. – Имение должно быть чисто. От долгов и прочего. Одно мы наметили. Молочное стадо. Пока для себя. Когда наладим технологические цепочки, то и на продажу. И будем делать породность.

– По-нят-но. Чтобы телята...

– Не на откорм, а на племя. Тогда снимаем проблему с перегоном. И с численностью. Здесь количеством не взять. Резонно? – Фредди кивнул, и Джонатан продолжил: – Огород, сад, остальная мелочь пока только для себя. А там видно будет. Ну и...

– Ты с Генни как договорился? – перебил его Фредди.

– На завтра. Мамми предупрежу, чтобы лепёшек побольше сделала, и в нашей кладовке пошарим. Ленч, от силы обед, ужинать он точно не будет.

– Мамми надо сказать, чтобы мелюзгу не прятала, – усмехнулся Фредди.

Джонатан кивнул. Фредди отхлебнул и посмотрел сквозь стакан на пламя.

– Джонни, он приедет один?

– Не знаю. Думаю, разве только с шофёром.

– Ладно. Если и будут проблемы, решим на месте. Точное время вы не обговорили?

Джонатан медленно покачал головой. Фредди ещё раз отхлебнул и медленно расслабился, распустил мышцы, заставил себя отдыхать. Вот значит, как здесь было. Вот откуда богатство Большого Дома. Тогда, зимой, он как-то не задумывался над всем этим...

...Переночевав у костра, они с рассветом взялись за работу.

– Посмотри загоны, Фредди. Не так уж и холодно.

– Сена им положим, и лады. Автомат под руку, Джонни.

– Знаю.

Джонни напряжённо деловит, что очень даже понятно. Мало ли какие сюрпризы их здесь ожидают. Да, во вьюке папка с документами на имение, но вот кому их предъявлять?

– Вьюки пока в сенной?

– Да, там посуше. Достань всё, уберём в Большом Доме.

Поганое это дело – возиться со старыми трупами, но за них этого никто не сделает. Значит, надо. Шейный платок на нос и рот, резиновые перчатки – и вперед. Раз надо, значит, сделали. И ещё раз прошлись по Большому Дому, хрустя осколками стекла и фарфора. Ну, хоть этого «добра» больше не было. В солидном богатом кабинете, чем-то напоминавшем ту комнату, где он отлёживался после Уорринга, взломанный развороченный сейф. Джонни только присвистнул, покачав висящую на одной петле массивную дверцу.

– Однако...

– А на что ещё ты рассчитывал, Джонни? Сколько мы по имениям шарили, нетраханного сейфа не было.

– Да... жаль. Ладно. Давай дворовые постройки посмотрим. Там вроде поцелее.

– Восстанавливать здесь... – он выругался, споткнувшись о валявшийся на полу маленький переносной сейф с вырванной напроочь дверцей.

– Здесь нечего восстанавливать, Фредди, и незачем, – Джонатан снял со стены искромсанную ножом картину. – Смотри. Уайлдер.

– Подлинник?!

– Если и копия, то очень хорошая. Была. И того же века. Пошли, нам надо успеть, – Джонни повесил её на место и пошёл к выходу.

Тогда он не спросил, куда им спешить. И почему Джонни так придиричиво осматривал рабский барак и длинное здание напротив, разгороженное на множество маленьких клетушек. Каждая со своей дверью с прочным массивным засовом и крошечным окошком над дверью. Двадцать клетушек. Внутри какие-то обломки, двери распахнуты, кое-где валяются цепи, в стены ввинчены массивные кольца.

– С этого и начнём, Фредди, Крыша целая, двери подправить – не проблема. Готовые кладовки. Пока навалом, а там отсортируем, – Джонни, поднатужившись, вывинтил из стены кольцо. – Вот эту дрянь только уберём.

– Ладно, – он подобрал с пола уже слегка заржавевшую массивную цепь. – И куда это?

– В землю, Фредди. Выкопаем яму, соберём отсюда, из барака, из комнаты наказаний... и засыплем.

– Думаешь, это сейчас самое важное?

– Это как трупы, Фредди. Убрать, чтобы не смердело, и чтобы следов не осталось, – решительно сказал Джонни.

Он пожал плечами. С чего-то же надо начинать. Хотя если подумать, то и кольца, и цепи можно как-то приспособить. А кладовки... мысль хорошая, что и говорить. Полдня они вывинчивали и выдирали кольца в клетушках и рабском бараке, выкопали на задах яму, куда всё это и свалили. Тут же вернулись в Большой Дом и с ходу расшаршили, ободрав стены и пол, комнату для наказаний с цепями, кольцами, плетью и прочей гадостью, свалили находки в ту же яму и засыпали землёй, а Джонни ещё и снега сверху слегка нагрёб. Нет, не такой он уж наивный дурак, чтобы совсем ни о чём не догадываться. Всё-таки и повидал, и на себе многое из этого арсенала в Уорринге попробовал, но чего Джонни такую горячку порет? А когда закончили, Джонни стал намного спокойнее...

... – Почему ты мне сразу не сказал, что это за имение?

Джонатан быстро искоса посмотрел на него и снова уставился на огонь.

– Ты помнишь, что ты мне сказал в «Приме»? Ну, после того, как Эркин тебя с Пустырём познакомил.

– Помню, – кивнул Фредди.

– Вот поэтому. Ты не касался этого до капитуляции, так чего же сейчас...

– Понятно? А ты... давно это узнал?

– Лет пять назад. Мне стало интересно: единственное по-настоящему прибыльное имение, понимаешь? Я нанялся наладить хозяйство к одному дураку по соседству. Ну и, конечно,

поехал по округе. Свести знакомство и вообще... поучиться. Хозяев не было. А управляющий, – Джонатан крепко выругался, – первостатейная гнида, хвост и распустил. Покрасоваться захотел. Показал, объяснил. Провёл меня, так сказать, по конвейеру. Я добросовестно хлопал ушами и глазами... а когда вернулся... словом, прихлопнул воровство надзирателей, кое-как наладил то, что было, и быстренько уволился. Наладить такое производство не так уж сложно. Но противно. Да и... война уже шла к концу, понятно какому, и я не хотел, чтобы это стало и моим концом. Но имение я запомнил.

– Положил глаз, – улыбнулся Фредди.

– Земля здесь не такая уж плохая. Если с умом, не перегружая землю, с подсевом... Нет, здесь многое можно сделать. И сад неплохой. Заглох, конечно, но кое-что кое-где...

– Мамми этого кое-чего набрала, – хмыкнул Фредди. – Насушила, наварила. Ну, и мелюзга лопала. Да, Джонни, я сейчас подумал. Мелюзга не отсюда?

– Не думаю. Столько им было здесь не прокормиться одним. Взрослые все сбежали. И слава у имения была жуткая. Не из-за разведения, а из-за облома. Так что, мелюзга издалека.

Фредди задумчиво кивнул.

– Ну что, Джонни, завтра посмотрим.

– Посмотрим, – Джонатан повертел перед глазами стакан и повторил: – Посмотрим.

Графство Олби

Округ Бифпит

Старцев выехал один, без шофёра. Нет, разумеется, он оставил рапорт: куда, к кому и на сколько едет. Никакого подвоха от Бредли он не ожидал, а шофёр мог создать лишние проблемы.

Старцев вёл машину по извивающейся между холмами дороге и невольно улыбался воспоминаниям...

...Резкий звонок телефона заставил его вздрогнуть.

– Капитан, – в голосе дежурного еле слышная усмешка. – К вам ковбой пошёл.

– Спасибо.

Ковбой? Трейси? Вот уж кто не любит общения с властями, так это ковбои, а Трейси везде первый. Ковбой из ковбоев. Тогда и за справкой, и на беседу явно заставил себя прийти, сам себя за шиворот втащил. Ну, при его биографии явление вполне естественное. Едва успел подумать, как в дверь постучали и сразу открыли, не дожидаясь ответа. Ковбоем оказался Бредли. Запылённый, явно с дороги, проделанной в седле, весёлый и очень искренне дружелюбный.

– Добрый день. Надеюсь, не помешал?

Он невольно улыбнулся в ответ.

– Разумеется, нет. Проходите, садитесь.

Естественная непринуждённость движений, добродушие и необидная самоуверенность.

– Спасибо за помощь, у парней всё прошло на редкость удачно. За неделю управились.

Ты смотри, ну, настоящий ковбой, даже словечки подпускает. Но не переигрывает.

– Ну и отлично, рад за них. И где же они решили обосноваться?

– В Колумбии. Город большой, а конкурентов им там пока нет. Так что...

– Так что вы надеетесь на прибыль, – закончил он за Бредли.

– Надежда умирает последней, – рассмеялся Бредли и продолжал уже серьёзно: – Конечно, сейчас это только расходы. Чтобы наладить дело, вложить туда надо много, очень много. Но я не надеюсь, я рассчитываю вернуть свои деньги и получить прибыль. Парни взя-

лись очень серьёзно. И квалификация у них высокая. И работать они умеют. И Юри о них очень хорошо отзывается.

Он не сразу понял, что Бредли говорит об Аристове.

– Я вижу, вы с ним подружились.

– А почему бы и нет? С таким хорошим человеком, – Бредли подмигнул, – и классным специалистом не подружиться просто глупо.

– А глупость невыгодна, – подхватил он, смеясь.

– Своя – да, всегда, а чужая... надо посчитать, но тоже чаще невыгодна. Так что, капитан, я стараюсь не глупить. И я к вам по делу. Помните наш разговор о кладе?

– Да, – кивнул он. – А что, возникли проблемы?

– И да, и нет. Я на досуге рассмотрел его внимательнее, и кое-какие вещи у меня вызывают сомнения. Вдруг они, – Бредли замялся, подбирая слова, – скажем так, русского происхождения. Я бы не хотел иметь конфликты с властями. Вот и подумал. Может, вы приедете и посмотрите. И если там окажется... что-то лишнее, сразу оформим документы добровольной выдачи.

– Хорошо, – согласился он, не задумываясь.

– И ещё одна проблема, – продолжал Бредли. – Но её, я думаю, лучше решить на месте.

– Раз вы так считаете, – пожал он плечами. – Ваша проблема вам виднее.

– Отлично. Итак, когда вас ждать?

Он быстро прикинул. Откладывать нельзя, но и подготовиться надо.

– Через два дня. Вас устроит?

– Хорошо, – кивнул Бредли. – Вы на машине?

– Да. Думаю, буду у вас около полудня. До обеда управимся?

– Разумеется. Спасибо заранее.

Бредли распрощался самым сердечным образом и ушёл. Ну, ковбой и ковбой. Решительность, натиск, обаяние...

...Старцев посмотрел на карту. Да, уже скоро. Однако, припекло Бредли, если так опасается возможного конфликта. Ну что ж, посмотрим на его клад. И заодно на всё имение. Что рассказывают бывавшие у него с комиссией, так это весьма интересно. Весьма и весьма. И что же это за вторая проблема, которую можно решить только на месте? Интересно и тоже весьма. Золотарёв бы сразу сказал, что заманивают, что похоже на засаду. Конечно, похоже. И на засаду, и на подставу. Но... но тут встаёт один простенький вопрос. Зачем? Убить? Взять в плен? В заложники? Одно глупей другого. И тоже зачем? Воспользоваться его оружием? Так у них своего навалом. Юра говорил, что Трейси без оружия не ходит. Кольт на виду, когда ковбоем, и в кобуре под мышкой, когда столичным хлыщом. Надо думать, у Бредли так же. Документы и форма? Тоже им ни к чему. Не то время и не та ситуация. Так что эту глупость побоку. А вот вариант не засады, а подставы... Скомпрометировать для дальнейшего шантажа или вербовки? Это вероятнее. Но Юре они понравились. Хорошо они тогда в компании с Гольцевым посидели и поговорили...

...– Видел я твоих протеже, Гена. И даже осмотрел, – Аристов говорит серьёзно, и только глаза за стёклами очков смеются.

– Всех? – подыгрывает он.

– Только Бредли упустил. А вот Фредди, – Аристов не выдерживает и открыто хохочет. – Ковбоя вашего я уложил.

– По-нят-но, – отдельно говорит Гольцев. – И много у него дырок?

– Хватает. Но... – Аристов указующе вздымает палец, – Все пулевые и два или три ножевых. Раз.

– На фронте не был, – понимающе кивает Гольцев.

– Все были обработаны очень квалифицированно, два. Все шрамы минимум трёхлетней давности, три.

– Совсем интересно, – хмыкает Гольцев.

– По-настоящему серьёзно только одно. Пулевое под левую лопатку. Выходного я не нашёл. Сам он утверждает, что пулю достали. Засунуть его под рентген было слишком сложно.

– Юра, как тебе вообще это удалось?

– Я взял его на слабо, – смеётся Аристов. – Он самолюбив и импульсивен. Темперамент там... бешеный. Но не холерик. И выдержка... снайперская. Двое суток неподвижности для одного выстрела.

– И три месяца подготовки, – задумчиво кивает Гольцев. – А Бредли?

– Джонатан?

– Ого, вы уже так запросто?

– А что такого, Саша? Кстати, неформальные отношения с пациентом способствуют процессу лечения. Так вот, Джонатан... не скажу, что умнее, но намного хитрее. Быстрее соображает. Любое слово, любую ситуацию поворачивает в свою пользу. И, знаете... хотя у Фредди проскакивает этакое... мм-м... покровительство, но ведущий в этой паре – Бредли. Во всяком случае, сейчас.

– Юра, – Гольцев спрашивает небрежно, будто думает о другом. – Трейси был с оружием?

– Да, наплечная португепя. У Бредли, кажется, тоже. Причём это не особо скрывается, хотя и не афишируется. Как... как нижнее бельё. Его наличие не демонстрируется, но отсутствие не предполагается. Но интереснейшие мужики. Оба.

– Вот тут я согласен на сто процентов, – Гольцев гасит окурок и тут же закуривает следующую. – Ты молодец, Юра. А про парней, ну, их пастухов, что-либо узнал?

– Мне это было не нужно, – пожимает плечами Аристов. – Индеец действительно спальник. Но это я узнал от Слайдеров. Вот тут есть кое-что. Слайдеры утверждают, что парень перегорел чуть ли не пять лет назад и что сейчас ему полных двадцать пять. От этой информации всё общежитие встало на уши. Для них – это крушение мировоззрения. Причём жизнетворное крушение. Слайдерам устроили перекрёстный допрос в моём присутствии. И от меня потребовали вынести вердикт. Первое. Врут ли они? И второе. Если нет, то как такое могло быть?

– Ну, и что ты им сказал?

– Что заочно диагноза не ставят. Посмотрю, побеседую, сделаю анализы, полностью обследую, подключу психолога и других специалистов и вот тогда... Но кое-какой результат уже заметен. Слайдеры уехали открывать своё дело, а мои подопечные, – улыбается Аристов, – впервые заговорили о зимней одежде, постоянных документах и о том, как жить дальше. Понимаете, они поверили, что будут жить. Хотя бы ещё пять лет. Как этот индеец.

– А про второго, Юра? Про белого мальчишку?

– О нём вообще ни слова, – пожимает плечами Аристов.

– Покрывают?

– Да нет, он им попросту неинтересен. У них своя боль. И что этой боли не касается, то им и не нужно. Они очень заняты собой, предпочитают жить в своём мире. Это не наша интеллигенция, которой на свою боль плевать, лишь бы другим было хорошо. Совсем другие установки. Но это вы с Ваней, психологом нашим, поговорите. А что? Чем он-то вас заинтересовал?

– Есть косвенные данные, Юра, что он бывший лагерник.

– Исключено, – резко бросает Аристов.

– Почему? – столь же быстро спрашивает Гольцев.

– Лагерник и спальник?! Больших врагов трудно представить. Невозможно. Даже не антиподы, а... ну, не знаю, с чем сравнить. Вы бы слышали, как парни говорят о лагерниках. К надзирателям нет такой ненависти. И страха. Да, и сейчас боятся. Больше, чем врачей. И

ненавидят. Нет. Или индеец – не спальник, или этот пацан – не лагерник. Но индеец – спальник. Слайдерам не верить в этом нельзя. И ещё... если даже допустить невероятное, невозможное... то один вопрос.

– Как парень спасся?

– Нет, Саша. Это я как раз могу представить. Были... ладно. Но как он сохранил психику? Не здоровье, нет. Допускаю и туберкулёз, и отбитые почки, и печень, и весь желудочно-кишечный букет, и всё прочее, что только можно предположить...

– Нет, – вмешивается он после долго молчания, так что забывшие о нём собеседники удивлённо поворачиваются к нему. – Нет, парень не казался больным. Я, конечно, не врач, но на мой взгляд... ничем от остальных не отличался.

– Вот! – торжествуя кивает Аристов. – В поведении адекватен?

– Да, – твёрдо отвечает он. – Полностью.

– Так что не лагерник он, ребята, нет.

– Мг-м, – Гольцев задумчиво строит из обгоревших спичек башню. – Ну, ладно, ну, допустим... хотя... не договариваешь ты, Юра, есть у тебя... ещё кое-что.

– Исключительно для служебного пользования по категории врачебной тайны, – «канцелярским» тоном отвечает Аристов.

– Ну, да ладно, – неожиданно покладисто соглашается Гольцев. – Найду, где ещё поспросить. А вот с ними, с Бредли и Трейси, ты об их пастухах говорил?

– Я попросил их при встрече передать индейцу, что того ждут в госпитале. Ждут остальные.

– И что?

Аристов пожимает плечами.

– Обещали передать. Если встретят.

– А о втором спросил?

– С какой стати? – Аристов чуть насмешливо изображает недоумение.

– Спроси, Юра, – очень мягко говорит Гольцев. – Может, тебе они чего и скажут.

И твёрдый, даже жёсткий ответ Аристова:

– Спасти свою психику лагерник мог только амнезией. Вернув память, мы вернём и всю полноту страданий. Как врач я против.

Гольцев задумчиво кивает...

...Вот и поворот на подъездную дорогу. Теперь все воспоминания побоку. Хотя задело Бешеного очень серьёзно, раз на поморский говор стал срываться. А здесь что? Ездят не часто, колея слабо намечена, но дорога хорошая, чувствуется, что её делали, и делали недавно.

Старцев сбросил скорость, аккуратно вписывая машину в повороты. Тишина и безлюдье. Погудеть, что ли? Чтоб не заподозрили, что он подкрадывается, да нет, будет уж слишком нарочито.

Когда-то дорога видимо упиралась в Большой Дом, но теперь она делала плавный поворот, огибая полуобгоревшие развалины, и заканчивалась просторным хозяйственным двором. Явно хозяйственные постройки, сараи, загоны для скота, колодец с насосом... Старцев остановил машину, выключил мотор и сразу услышал стук движка и людские голоса. Его, разумеется, заметили. Но никакой суматохи, беготни... Старцев вышел из машины и огляделся. И где же Бредли с Трейси? А, вон и они.

Высокие, одетые оба по-ковбойски, они подошли к машине почти одновременно с двух сторон.

– Добрый день, капитан.

– Рады вас видеть, капитан.

– Добрый день, – ответно улыбнулся Старцев.

«В клещи, однако, берут классически», – усмехнулся про себя Старцев, забирая из машины портфель.

– Как доехали?

– Благодарю, прекрасно.

– Как раз успели к ленчу, – добродушно улыбнулся Фредди.

Так за разговором и шутками они прошли по хозяйственному двору к маленькому домику под двухскатной крышей на отшибе. Веранда-холл во всю длину дома явно необжитая, но чистая, две двери, правая гостеприимно приоткрыта.

– Прошу, капитан.

Комната одновременно и просторна, и заставлена. Огромный украшенный белым мрамором камин с фигурной старинного литья решёткой, дальше у стены узкий высокий бар, в этих местах такие обычно прикрывают вделанный в стену сейф, перед камином два кресла, когда-то кожаных, а сейчас обитых явно первой попавшейся под руку тканью, перед окном большой двухтумбовый письменный стол, тоже в следах свежей починки, шкаф, неширокий диван, в углу высокие напольные часы, стёкол ни в циферблате, ни в футляре нет, но блестящий маятник с выгравированной на диске розой ветров ходит ровно и бесшумно.

Джонатан отметил быстроту и внимательность ненарочитого взгляда, окинувшего комнату.

– Прошу.

В углу за дверью на табурете таз, кувшин с водой, мыльница, чистое холщовое полотенце. Умывались, сливая друг другу на руки, и очень ловко, пока Джонатан вёл Старцева к столу, Фредди вынес всё это из комнаты.

Ленч привёл Старцева в весёлое изумление сочетанием незамысловатых лепёшек и каши с деликатесными консервами. Его явно ждали и столь же явно ничего специально не готовили. Простые стаканы с мастерски сделанными коктейлями. И вся посуда, как и мебель... случайно уцелевшее.

Ленч прошёл в лёгком разговоре о дороге, погоде и прочих пустяках. Никто не спешил, но и не тянули время. Фредди ловко собрал грязную посуду на поднос.

– Приступим к делу, джентльмены.

– Хорошо, – кивнул Старцев.

Фредди переставил поднос на каминную полку. И Старцев, невольно проследив за ним взглядом, заметил над камином красную и синюю призовые розетки. Джонатан спокойно обмахнул щёткой стол и, не скрывая от Старцева ни одного движения, сдвинул бар, за которым обнаружился старый исцарапанный и явно чиненый сейф, открыл и его. Подошёл Фредди, и вдвоём они перенесли и выложили на стол несколько не очень больших, но даже на взгляд тяжёлых свёртков.

– Вот, это было в тайнике, – голос Джонатана по-прежнему ровен, и пальцы, разворачивающие тряпки, не дрожат. – И у меня возникли... определённые сомнения.

Старцев, сосредоточенно хмурясь, рассматривал блестящие искрящиеся драгоценности. Большой крест, украшенный рубинами, сразу привлёк его внимание, но он молчал. Джонатан и Фредди переглянулись. Старцев стоял, заложив руки за спину, и молчал. Долго молчал. Потом резко встряхнул головой.

– Вот об этом, – он, не дотрагиваясь, показал на крест, – я сразу могу сказать. Это нагрудный крест православного священника. Надевается во время службы. Как он сюда попал...

– Православная – это... русская церковь? – спокойно спросил Фредди.

– Можно сказать и так, – кивнул Старцев. – Но это ещё ни о чём не говорит. Мало ли, как и когда он попал сюда.

Но Джонатан уже отодвинул крест в сторону от остальных предметов.

– А остальное?

– Остальное... – Старцев пожал плечами. – Это надо проверять. Да, чёрт возьми, я же привёз.

Он быстро отошёл от стола, взял свой оставленный у двери портфель и открыл его.

Джонатан и Фредди ожидали всего, но не пачки книжек в мягких серых обложках.

– Это каталоги пропавшего, – спокойно объяснил Старцев. – Попробуем сверить.

Джонатан и Фредди снова переглянулись. Фредди переставил стулья, и они сели за работу. Тем более сложную, что каталоги были на русском. А иллюстраций... Хорошо, хоть цифры могли что-то подсказать.

– Среди музейных ценностей ничего похожего нет, – сказал наконец Старцев.

– Ну да, – хмыкнул Джонатан. – А личное имущество...

– Атрибуция мало реальна, – пожал плечами Фредди.

Старцев вертел в руках золотой бокал, разглядывая герб.

– Нет, не могу понять, – с сожалением сказал он, ставя бокал на стол. – Вообще... я думаю, вы можете спать спокойно. А этот крест... В перечне его нет, если только похищен из какой-нибудь церкви.

– Мне лучше привезти его к вам, или оформим акт здесь? – спросил Джонатан.

– Я думаю, – Старцев улыбнулся, – я думаю, ни то, ни другое. Оставьте пока у себя. Эти каталоги неполные. Здесь самое-самое. Нужен настоящий специалист. Пока...

– Пока, – перебил его Фредди, – это жизнь под дулом. Мало комфортно.

– Согласен, – кивнул Старцев. – Как вы смотрите, если я найду и приглашу специалиста.

Он составит заключение, официальный документ.

– Документ всегда хорошо, – улыбнулся Джонатан. – Что ж, это резонно. Но, Генни, – в разговоре они незаметно и очень естественно перешли на обращение по именам, – мне бы не хотелось распространения информации.

– Распространения не будет, – твёрдо ответил Старцев.

– Хорошо, – кивнул Джонатан, заворачивая и убирая в сейф вещи.

Старцев посмотрел на часы в углу, сверил их со своими и присвистнул:

– Ого, сколько времени ушло.

– Да. Пообедаешь у нас, – Фредди встал и привычным движением подтянул пояс с кобу-рой.

Джонатан захлопнул сейф, поставил на место бар и ловко смешал три коктейля.

– Глотнём с устатку, – сказал он по-ковбойски.

Старцев отпил и удивлённо покачал головой.

– Однако, Джонатан, ты и тут мастер.

– Человек всё должен уметь, – улыбнулся Джонатан.

– Больше умеешь – меньше проблем, – усмехнулся Фредди.

– Согласен, – кивнул Старцев. – Да, а что за вторая проблема?

Джонатан покачал стакан.

– Сейчас пройдемся по имению, покажу проблему. А за обедом, я думаю, и решим.

– Принято, – согласился Старцев.

Джонатан впервые показывал имение. Те комиссии не в счёт. Тогда проверяли условия жизни и работы бывших рабов, а всё остальное... постольку-поскольку. А этот... С самого начала заявил, что не специалист, а с каким живым интересом рассматривает и вникает. И Джонатан с неожиданным для самого себя удовольствием показывал и рассказывал.

Так дошли до кухни. Там вся пятёрка негрятят под присмотром Мамми пила молоко с хлебом. При появлении Старцева только грозный взгляд Мамми удержал их от бегства. Да и бросить недоеденное... как ни были они малы, но это правило – съедай сразу, потом не будет – знали уже твёрдо. И потому, хлюпая и чавкая, продолжали есть, выкатывая белки на лендлорда, старшего ковбоя и русского офицера, явно не решив вопроса, кого бояться в первую очередь.

– Обед готов, Мамми? – негромко спросил Фредди, пока Джонатан показывал Старцеву сушку за плитой.

Мамми кивнула.

– Всё как есть, масса Фредди. Здесь накрыть или...?

– Или, Мамми. Пришли с кем-нибудь.

– Ясненько, масса Фредди.

Мелюзга доела, Мамми деловито обтёрла им мордашки полотенцем, и они воробьиной стайкой, правда, необычно тихо вылетели из кухни. Но не спрятались, а, держась на почтительном расстоянии, сопровождали потом Джонатана, Фредди и Старцева по имению и отстали только возле домика. Старцев, улыбнувшись им на кухне, потом вроде и не замечал, ограничившись вопросом:

– Это что, весь их обед?

– Ну, вы уж скажете, масса офицер! – хихикнула Мамми, сбросила кружки в таз с водой и стала их обмывать. – Обед позже будет, как дневные работы закончатся, а это так, перекус, чтоб под рукой не ныли.

Старцев кивнул и не стал расспрашивать.

Когда они втроём вернулись в домик, на столе уже был накрыт обед. Снова коктейли с чуть большей дозой алкоголя, чем за ленчем. Из-за кустов донёсся визгливый крик Дилли:

– Чтоб вас всех трижды и четырежды, дармоедов...!

И сразу весёлый визг улепётывающих негрят.

Старцев улыбнулся, и Джонатан кивнул.

– Это и есть вторая проблема, Генни. Эта пятёрка.

– И в чём проблема? – не понял Старцев.

– Они ничьи, – Фредди покачивал стакан, перемешивая цветные слои. – Прибились ещё весной. Документов никаких, ни за кем не числятся. Лето пробегали, а дальше что?

Старцев стал серьёзным.

– Понятно. Что ж, есть два варианта...

– За столом продолжим, – Джонатан жестом пригласил садиться.

– Два варианта вдвое больше, чем один, – усмехнулся Фредди.

– И какие же это варианты? – спросил Джонатан, придвигая к себе тарелку с похлёбкой.

– Вариант первый. Приют для безнадзорных детей. Вариант второй. Кто-то записывает их на себя. Как это делалось зимой на фильтрационных пунктах.

– И как это делалось? На фильтрационных пунктах? – спокойно спросил Джонатан.

– Просто, – так же спокойно ответил Старцев. – Документы оформляли со слов. Только год рождения у всех зашифрован в номере. Первые две цифры. А имя, фамилия, степень родства – всё со слов. Назывались супругами, родственниками... – и улыбнулся. – Как это сделали ваши пастухи, Мэроузы.

Фредди с каменным лицом жевал, не чувствуя вкуса.

– И как же... это оформить? – по-прежнему спокойно спросил Джонатан.

– Какой вариант? Первый, – Старцев понимающе улыбнулся, – вряд ли он устроит... и вас, и тем более их. Ведь ни одна комиссия их не видела. Значит, они не хотят уходить отсюда. А второй... элементарно. У вас ведь есть списки живущих в имении, – Джонатан кивнул. – Вот и внесите детей. Такой-то и его дети. Имена и возраст. Вот и всё.

Фредди кивнул.

– Что ж, значит, должны решать они.

– Резонно, – согласился Джонатан. – Фредди...

– Объясню, – кивнул Фредди. – Не проблема.

– Но решать им, – твёрдо сказал Старцев.

– Разумеется, – кивнул Джонатан. – Это очень срочно?

– Затягивать не стоит, – улыбнулся Старцев. – А в бумагах... можно проставить и задним числом. Во избежание лишних вопросов.

– Разумно, – кивнул Фредди. – Для усыновителей какие последствия?

– Родительские права и обязанности.

– Ясно, – улыбнулся Джонатан. – Я-то голову ломал...

– А как они попали к вам? – спросил Старцев. – Остались с того времени?

Вопрос звучал очень естественно, но Фредди чуть не поперхнулся. Если здесь был, как сказал Джонни, частный питомник, то... чёрт, в самом деле. В кладовке с рабской одеждой полно детских вещей.

– Не думаю, – так же естественно ответил Джонатан. – Мы приехали сюда в конце января, дом был пуст. Да и не продержались бы они месяц одни. Нет, Фредди, когда мы их заметили?

– Уже... уже Мамми была, – с облегчением ответил Фредди. – Смотрю, крутятся у кухни.

– Вся пятёрка сразу?

– Нет, – ответил Фредди, чувствуя, что краснеет...

...Джонни остался в городе налаживать отношения с шерифом, а он поскакал в имение. Оставлять хозяйство надолго они ещё не рисковали. Не потому, что опасались подянки от Сэмми и Мамми, да, больше никого ещё не было, а вообще... шалили в округе, иногда слышалась далёкая стрельба, да и резервация под боком, мало ли что... Майор шёл ходко, легко. Не ошибся он, выбирая коня, кличка дурацкая, да уже привык конь, так что пускай. Отъехав от города, он вытащил из-под куртки армейский «рыгун», привычно откинул приклад, вставил магазин и свернул с дороги напрямик, а то встречи с патрулями ни к чему. И уже в темноте миновал границу имения, когда Майор вдруг всхрипнул, шарахнувшись от бесформенной массы терновника. Человек?! Он вскинул автомат и дал короткую очередь по верхушке куста, одновременно скатываясь с седла на землю и в сторону. И замер, прижавшись к земле. Ответного выстрела не было. И никто, удирая, не выскочил. Но он слышал чьё-то дыхание и как будто всхлипывания. Он осторожно, бесшумной перебежкой бросил себя в сторону, прислушался. Как назло, из-за туч выглянула луна, и на сразу засеребрившуюся от инея землю – март был холодным – легла его чёрная длинная тень. Ну, значит, берём на испуг.

– Руки вверх и вылезай, – скомандовал он угрожающе спокойным тоном, специально громко выдернув и тут же вставив магазин.

Куст зашелестел, зашевелился, и оттуда с поднятыми руками вылезло трое... оборванных негритят. Сверкая белками и зубами в робких улыбках, они выстроились перед ним и наперебой заголосили, что они ягод не рвали, масса, только опавшие подбирали, масса, тут стрелять стали, масса, вот спрятались, масса...

– Цыц! – гаркнул он, чувствуя, как у него загорелись щёки. Нашёл кого пугать автоматом. – Большие где?

И услышал, что они одни, что сами по себе, что никого-никогошеньки тут и не было, масса.

– И откуда вас занесло?

На этот вопрос, как и на вопрос о давности их пребывания на этой территории внятных ответов он не получил. И что с ними делать, не представлял. Они стояли перед ним в ряд, по росту, с поднятыми над головами худыми ручонками. Отпустить? Так они ж тут замёрзнут на хрен к утру. Его сквозь куртку пробирает, а они... Он нашарил в кармане ломоть хлеба – взял с собой для Майора – и сунул его самому старшему.

– Делите.

Ты смотри-ка, поровну поделил, соображает. Он свистнул, подзывая Майора. Что ж, делать нечего, ничего получше он не придумает, а так... ладно, не объедят. Он поправил заседельные сумки, делая из них подобие подушки, отвязал лассо. Увидев длинный, свёрнутый

кольцами узкий ремень, негритята дружно взвыли в три голоса, что, ой, масса, не надо, что ягоды уже на земле были, масса, что они ни одной веточки не поломали, масса...

– Цыц, – повторил он, садясь в седло. – Ты иди сюда. Теперь ты. Не трепыхаться, уши оборву. Ты теперь. За пояс держись. Свалишься, подбирать не буду.

Он усадил их, двоих, что поменьше, перед собой, а того, что постарше, сзади, хотя такие тощие и все бы трое впереди поместились. Он охватывал ладонями их тельца, чувствуя, как под его пальцами дышат, шевелятся рёбрышки и часто бьются сердечки. Усадив их, он по-аризонски охватил их всех ременной петлёй и закрепил конец. Теперь если и свалятся, то только с ним. Плакать они боялись, только дрожали и всхлипывали. Майор с места взял в галоп и сам поскакал к дому. Автомат пришлось убрать, чтобы не упирался дулом в затылок меньшому, так теперь если что... только кольцом. Но добрались благополучно. Остановив Майора посреди двора, он отвязал лассо, снял промёрзших перепуганных малышей и спешился.

– Стоять, – бросил он Майору, пинком распахивая дверь кухни и вталкивая туда мелюзгу. – Мамми, ты где?

– Вот она я, масса Фредди, – Мамми быстро зажгла лампу над столом. – Доброго вам здоровычка.

– Всё тихо? – спросил он.

– Да стреляли тут где-то, масса Фредди, – выжидающе ответила Мамми.

Малыши жались друг к другу, испуганно шаря по сторонам глазами и размазывая по личикам слёзы и грязь. Ни Мамми, ни показавшийся из-за плиты Сэмми ни о чём не спрашивали, ожидая его разъяснений. А он не знал, что говорить, и потому ограничился кратким:

– Займись ими, Мамми. А то шляются, ещё под пулю попадут.

– Ага, масса Фредди, – заулыбалась Мамми. – Щас всё и сделаю. Кофе с устатку, масса Фредди?

– Поставь, – кивнул он и, выходя из кухни, услышал за спиной:

– Сэмми, дров подкинь и лохань вытащи. Ща я вами займусь, уж так займусь...

Он отвёл Майора в загон, расседлал, забросил покупки в кладовку и уже шёл к кухне, когда ночную тишину разорвал отчаянный трёхголосый визг. Что там Мамми с ними делает? У кухонной двери на земле какие-то тряпки. Вроде не было, когда он приехал. А так это их шмотьё. Он вошёл в кухню, и визг моментально прекратился. На углу стола на салфетке его ужин: миска каши с мясом, лепёшки и кофе. А посреди кухни большая лохань для стирки, наполненная горячей водой. Из воды торчали три головки. Две уже в шапках желтоватой пены, а третью Мамми намыливала. Сэмми, раскрыв топку, ожесточённо разводил огонь. Он сел к столу и принялся за еду. Кухня уже так нагрелась, что у него заломило руки.

– И носит вас, непутёвых, – ворчала Мамми.

– Мы ягоды собирали, – хныкали малыши. – А тут стрелять стали... мы попрятались... а потом масса нам выйти велели...

Мамми смыла пену, окуная их в воду с головой, вытащила и усадила у плиты втроём на одной табуретке.

– Сэмми, лохань выплесни. Я их по второму разу сейчас. Масса Фредди, я рванину ихнюю потом стираю, пусть проморозится пока от вшей.

– Сожги, – качнул он головой и, вспомнив, что видел в грудах рабской одежды маленькие вещи, сказал: – В вещевой посмотри. Вроде там есть на недомерков. Подберёшь.

– Спасибочки вам, масса Фредди, – разулыбалась Мамми...

... – Так прибились, – кивнул Джонатан. – Я уже и не помню толком, как это получилось.

– Приблудились, – ухмыльнулся Фредди.

Старцев кивнул.

– Беспризорные дети, к сожалению, обычное явление во время войны. Да и после.

– И что, – осторожно спросил Фредди, – много собрали в приюты?

– Насколько я знаю... – Старцев на мгновение свёл брови и тут же кивнул своим мыслям. – Нет, не очень. И в основном... Питомники практически все были уничтожены СБ, от года до пяти, я вообще не слышал, чтобы остались, а кто постарше... большинство усыновлены. Ещё на фильтрационных пунктах. Да, кто туда попал, всех разобрали по семьям.

Джонатан кивнул, но уточнил:

– Но всё-таки приюты понадобились.

Лицо Старцева на мгновение стало угрюмым.

– Да, – он явно хотел этим ограничиться, но, столь же явно злясь на самого себя, продолжил: – Оказалось много брошенных детей. Белых. Бывшие рабы усыновляли только цветных. А этих... пришлось собирать в приюты. А ещё... угнанные. С Русской территории. Здесь вообще полная неразбериха до сих пор, – он резким движением поправил свою тарелку и заставил себя улыбнуться. – Нет, в приютах условия вполне нормальные. Все дети сыты, одеты. Мы разрешили с двенадцати лет работать по собственному контракту, чтобы хоть так разгрузить... проблему.

– Ну, – пожал плечами Фредди, – в двенадцать лет начинать уже можно.

Джонатан задумчиво кивнул.

После обеда Старцев уехал. Когда его машина скрылась за поворотом, Джонатан посмотрел на Фредди.

– Самый лучший приют не стоит самых плохих родителей, – пожал плечами Фредди.

– Резонно. Но Мамми одна не потянет пятерых.

– Посмотрим, как повернётся.

– Посмотри, – кивнул Джонатан. – В крайнем случае...

– Думаю, до крайнего не дойдёт. Когда везём Ларри?

– Дня через три. С ним тоже надо поговорить.

– Поговорю, – усмехнулся Фредди. – Он хоть и не пастух, но...

– Но старший ковбой разберётся, – закончил Джонатан. – Ты сейчас где?

– Надо движок отрегулировать.

– Стеф не справится?

– Есть идея, Джонни. Хотим кое-что автоматизировать.

– Ну-ну, – хмыкнул Джонатан. – Будешь говорить сегодня?

– А чего тянуть? – ухмыльнулся Фредди.

И оба захохотали, сразу вспомнив старинную ковбойскую байку про то, кого и за что тянуть нужно.

С движком провозились допоздна. Потом Стеф ушёл, а Фредди ещё прогнал движок на основных режимах, поставил на автоматику и не спеша пошёл на кухню.

Рассчитал он точно. Ужин уже заканчивался. Мамми умывала у рукомойника мелюзгу перед сном, а остальные уже так, для удовольствия только, пили кофе. Явно наступал «костровой час» – святое время. Фредди приветствовали улыбками. Он ограничился общим кивком и закурил, бросив на стол пачку сигарет. Стеф и Роланд – красивый мулат-конюх – сразу взяли себе по сигарете, за ними Сэмми, Ларри молча с улыбкой покачал головой. Все понимали, что Фредди надо что-то им сказать, и даже догадывались о чём, но вопросов, как всегда, не задавали. Вернулась Мамми.

– Утомонились наконец. Масса Фредди, кофе с устатку?

– Нет, Мамми, спасибо.

– Так, масса Фредди, что с мелюзгой-то? – спросила за всех Мамми.

– А что? – пожал плечами Фредди. – Лето они проболтались, зимой так не получится.

Малы они ещё сами по себе жить.

– Так куда же их? – спросил Стеф.

– Они ничьи, – пыхнул дымом Фредди. – Называется это – без попечения, или безнадзорность. Вот и всё.

– Это что ж, приют... после общего молчания не так спросил, как сказал Стеф.

Роланд зябко передёрнул плечами. Молли, сидевшая рядом, уцепилась за него.

– Это... приют этот, масса Фредди, это навроде питомника...? – голос у неё прервался. Фредди неопределённо повёл головой.

– Я питомников не знаю. А там... говорят, там хорошо, сыты, одеты...

Сэмми, по-бычьи нагнув голову, уставился в стол. Дилли, как и Молли, ухватилась за него обеими руками. Мамми, как-то обмякнув и сразу постарев, неподвижно сидела рядом со Стефом.

– И что ж, – у Стефа напряжённо сощурились глаза, – совсем ничего сделать нельзя?

– Они должны быть чьи-то. Иметь родителей, – спокойно ответил Фредди.

– Зимой вот, – осторожно начал Роланд, – на сборных, ну, когда справки давали, многие писались так, родителями. А сейчас как? Поздно уж, наверное. Закрыты сборные.

Теперь все с надеждой смотрели на Фредди. Он выдержал эти взгляды.

– Почему ж поздно? Записать не проблема.

– А в чём проблема? – спросил Стеф.

– Им не бумага, а родители нужны, – усмехнулся Фредди.

– Бумага – последнее дело, – кивнул Стеф. – Но и без неё... а так-то? Мамми, скольких потянем?

Мамми встрепенулась, но ответить не успела.

– Пятерых-то много, – загудел Сэмми, – а вот ежели подумать...

– Одного и мы сможем, – кивнул Роланд, и Молли потёрлась щекой о его плечо.

– А, масса Фредди, – тихо спросил Ларри, – это только... кто не один можно? А мне если...

– Куда тебе, – сразу обрела голос Дилли. – Ты себя-то не прокормишь...

– Не тебя спрашивают, – огрызнулся Ларри. – За своим бугаем смотри.

– Решайте, – Фредди кинул в топку окурок и пошёл к двери. – Это уже ваши проблемы.

– А у кого записывать-то? – спросил его в спину Стеф.

– У лендлорда, – бросил, не оборачиваясь, Фредди. – Спокойной ночи всем.

– Спокойной ночи, масса... спокойненькой вам ночи... – проводил его нестройный гул голосов.

Фредди прикрыл за собой дверь и неспешно пошёл к их домику. А на кухне уже кричали и спорили.

Из-под двери Джонатана виднелся свет, и Фредди толкнул дверь. Джонатан сидел за столом и разбирал свои бумаги.

– Мне тоже сделай, – бросил он, не поднимая головы.

Фредди молча прошёл к бару и смешал два коктейля.

– Убрал уже?

– Да. Я сейчас, Фредди, только вот разберусь...

– Не дёргайся, я подожду.

Фредди оставил стаканы на полке и занялся камином. Вечера уже прохладные. Надо подумать об отоплении. Все выгородки плита не прогреет. А трубы далеко тянуть. Печки поставить, что ли?

– Ну, всё! – Джонатан быстро убрал в стол бумаги и подошёл к камину. – Чего они шумят?

– Детей делят, – усмехнулся Фредди. – Завтра к тебе записываться придут.

– Грозил?

– Зачем? – Фредди удобно расположился в кресле. – Я сказал про приют, и они перепугались. Слушай, Джонни, ты в питомнике бывал? Для них приют и питомник без разницы.

– Нет, – резко бросил Джонатан. – Не бывал. И ничего о питомниках не знаю. И знать не хочу. А ты...

– А меня Эркин просветил, – Фредди оглядел свой стакан. – Немного. Что к слову пришлось. И знаешь, что его больше всего удивляло? Он мне долго не верил. Что я ничего не знаю о рабстве, что не касался этого.

– И не касайся, – ответил Джонатан. – Ты что, поверил в поворот?

– Я очень не хочу его, Джонни. И чем больше думаю... Ладно, давай о деле. По-твоему, кого привезёт Генни?

– Он играет честно, – нехотя ответил Джонатан. – Тогда и посмотрим. А сейчас... Я нашёл карты учёта населения.

– А, вспомнил! Мы их так и не заполнили весной.

– Весной это и не потребовалось. Вот теперь и сделаем. Полностью, с фамилиями, составом семьи и прочим.

– А книги и контракты?

– Помечу, что смотри карту такую-то, – победно улыбнулся Джонатан. – А карты, как и положено, в Мэрию. Для удостоверений.

– Лихо! – хмыкнул Фредди. – И куда спешить?

– К очередной комиссии полный ажур. Потом... Ларри везём в Спрингфилд. С каким документом? То-то, Фредди. И остальным пора иметь имя, фамилию и удостоверение. Всё как положено. Как у людей. Вспомни Слайдеров.

– Да, – кивнул Фредди. – И парни за документы горели. И вообще... мало ли что.

– Ладно. Завтра всех и запишем, – Джонатан сладко потянулся в кресле. – Придадим, так сказать, законную форму стихийному процессу.

– Ага, – Фредди прислушался. – Вроде уgomонились. Ну, там Стеф. Я сильно на него рассчитываю.

– Да, в отличие от них он знает, что такое семья...

Джонатан оборвал незаконченную фразу, и дальше они сидели молча.

С утра Джонатан сидел у себя за бумагами, и с утра же к нему ходили записывать детей и записываться самим.

Первой пришла Мамми. Со Стефом и двумя самыми маленькими. Тщательно отмытые малыши в топорщащихся новых рубашках и штанах крепко цеплялись за юбку Мамми и только молча тарачили круглые глаза. Стеф улыбался, но глаза у него были встревожены.

– Вот, мистер Бредли, – начал Стеф. – Надо бы бумаги оформить, как следует. Чтоб уже всё в ажуре было.

– Резонно, – кивнул Джонатан, доставая карточку. – Сразу уже на всех, я, полагаю.

– А чего ж нет? – улыбнулся Стеф.

– Садитесь, – Джонатан коротким жестом показал на стулья. – Значит, Стефен Уордсворт, так?

– Так, – кивнул Стеф.

Имя, фамилия, год и место рождения, место жительства, род занятий. Стандартный набор. Тогда весной Мамми отказалась от имени, сказала, что стара для новых выдумок. Ну-ка, и сегодня будет упорствовать?

– И жена его... Так как тебя зовут, Мамми?

– Мария, масса, – гордо сказала Мамми. – Раз уж так положено, что имя обязательно, пишите Марией меня, масса.

– Отлично. А фамилия?

– Так что, масса, Стеф говорил, что у жены, значитца, одна фамилия с мужем.

– Да, – кивнул Джонатан, тщательно сохраняя серьёзное выражение.

– Так что по Стефу пишите меня, масса. И их тоже, чтоб уж по всем правилам было. Малыши получили имена. Томас и Джеральд Уордсворты.

– Том и Джерри, – рассмеялся Джонатан.

– Так оно на деле и получается, – ответно рассмеялся Стеф и в ответ на быстрый взгляд Мамми коротко сказал: – Дома объясню.

Она кивнула. Год рождения у малышей один. По пять лет каждому, значит, и день один.

– Близнецы получают.

– Ну и почему нет? – пожал плечами Стеф. – А день... Давайте вчерашний день и поставим.

Ушли Стеф и Мамми с детьми, пришли Молли и Роланд, ведя шестилетнего. Роланд держался уверенно. Всё-таки он себе имя с фамилией ещё зимой взял на сборном пункте, так что знает, что и к чему. Молли страшно удивилась, что её имя полностью пишется как Мэри, и даже не хотела сначала, чтоб так писали, но Джонатан ей объяснил, что она останется Молли, а Мэри только на бумаге. Мальчишку они назвали Робертом.

– Я-то Рол, а он Робом пусть будет, – объяснил их выбор Роланд.

Джонатан кивнул, скрывая улыбку. Значит, раньше парня звали Ролли – Кругляш, а Роландом его сделали русские, выдавая документы. Что ж, резонно.

Очередностью, видимо, командовал Фредди. Выходили одни, минутная пауза и заходили следующие. Сэмми был сосредоточен и деловит. Десятилетнего быстроглазого мальчишку он крепко держал за плечо. Ну, этого следовало ожидать: Джонатан давно уже заметил, что за Сэмми хвостом бегаёт этот малец, подаёт гвозди, инструмент... Что ж, резонный выбор. Имя тоже заготовлено заранее. Билли. Неплохо. Дилли была необычно тихой. Видно, на этот раз решил Сэмми и настоял на своём. Доступным ему и понятным Дилли способом.

Последним пришёл Ларри, ведя за руку восьмилетнего малыша, одетого, как и все сегодня, во всё новое. Ну, Фредди – молодец, что оставил Ларри напоследок. Значит, и сам подойдёт сейчас.

– Садись, Ларри. Знаешь, что заполняем на всех сегодня?

– Да, сэр, мне сказали.

Ого! Ларри отказался от обычного рабского обращения?! Ну-ну, посмотрим, что дальше будет. Мальчишка, стоя рядом, только слегка покосился и продолжал очень серьёзно оглядывать комнату.

– Полностью ты...?

– Лоуренс, сэр.

– Хорошо. А фамилия?

Ларри медленно осторожно улыбнулся.

– Я думаю... Если я возьму фамилию Левине, это не будет слишком большой дерзостью с моей стороны, сэр?

Джонатан встретился с ним глазами и покачал головой.

– Нет, не будет. Ты имеешь на это право, Ларри. Значит, Лоуренс Левине, так?

– Да, сэр.

– Хорошо, – Джонатан быстро заполнял карточку. – И сын, так?

– Да, сэр, – и вдруг неожиданное: – Скажи сам, сынок, как тебя зовут.

И тихое, но уверенное:

– Марк, масса.

– А полностью, – твёрдо сказал Ларри. – Назови своё полное имя.

– Маркус Левине, масса.

Джонатан невольно вскинул глаза. Маркус Левине?! Это же...

– Маркус Левине должен жить, сэр, – тихо сказал Ларри.

Он явно сдерживал себя. «Ну да, заговорит громко, – понял Джонатан, – зайдётся кашлем». Бесшумно зашёл Фредди. Мальчишка бросил на него быстрый взгляд и теснее прижался к острому плечу Ларри. Джонатан заполнил карту. И уже догадываясь, что услышит, спросил дату рождения мальчишки.

– Шестнадцатое февраля, сэр.

Да, правильно, дата смерти старика Левине. Ларри ничего не забыл.

Джонатан закончил работу с картой и посмотрел на Фредди. Тот кивнул. Ларри заметив и взгляд, и кивок, мягко, но решительно подтолкнул мальчишку к двери.

– Иди. Иди к Мамми, она скажет, что тебе делать.

Когда за малышом закрылась дверь, Фредди подошёл к столу и сел.

– Ларри, – с усилием начал Джонатан, – тебе... объяснили, в чём проблема?

– Да, сэр. Если вы позволите... Я понимаю, что это надо, что иначе нельзя... но... – Ларри беспомощно развёл руками.

– О парнишке не беспокойся, – спокойно сказал Фредди. – Мамми присмотрит за ним.

– Да, сэр, конечно, – Ларри сглотнул, пересиливая кашель. – Когда я должен ехать?

– Через два дня, – ответил Джонатан.

– Выедем затемно, – сказал Фредди. – Чтоб до закрытия успеть.

Помедлив, Ларри кивнул.

– И вот что, – Джонатан собрал в стопку и подровнял карточки. – Остальным, куда и зачем едешь, говорить не стоит, я думаю.

Ларри и Фредди кивнули одновременно.

– Да, сэр, разумеется, вы правы, сэр, – мягко сказал Ларри. – Я... пойду, сэр?

– Да, конечно.

Ларри встал, слегка поклонился им и ушёл.

Фредди подождал, пока затихнут шаги, и потёр щёку.

– Психует.

– Запсихуешь, – Джонатан быстро переложил карточки в алфавитном порядке. – Я сейчас к шерифу. Надо оформить документы.

– Да, в госпитале должен быть документ, удостоверение с печатью, а не твои слова, – кивнул Фредди. – Ну, и остальным заодно. Езжай, Джонни. Без проблем. Сделать тебе на дорожку? Джонатан молча мотнул головой, укладывая в папку карточки и другие бумаги.

Через два дня они выезжали ещё в темноте.

Подготовив грузовик, Фредди положил в кузов два одеяла и пошёл в барак. Он был уверен, что все ещё спят, но в кухне горел свет и Мамми поила Ларри кофе.

– И за огольцом пригляжу, – услышал Фредди, входя в кухню.

Увидев его, Мамми расплылась в улыбке.

– Доброго вам утречка, масса Фредди. Кофе готовое уже.

– Спасибо, Мамми, не надо.

– Я скоренько, масса, – заторопился Ларри.

Он был уже в куртке, на полу рядом лежал маленький вещевой мешок.

– Пей спокойно, – отмахнулся Фредди. – Мы дней через десять будем, Мамми. Всё по-прежнему пускай идёт. А огород дочистите. Ботву сожгите, золу разбросайте и перекопайте.

– А и ясененько, масса, – закивала Мамми. – Сэмми с Ролом и сделают. Да и мальцы помогут. А, масса Фредди, может, ещё варенья наварить? И этого... Стеф говорил... кон-ти-фю-ру, – с трудом выговорила она по слогам.

– Вари, – кивнул Фредди. – Раз Стеф знает, как это делается.

Ларри допил кофе, взял завёрнутые в тряпку сэндвичи, засунул в свой тощий мешок и встал.

– Я готовый, масса.

– Тогда пошли, – встал и Фредди.

Как Фредди и рассчитывал, Джонатан уже сидел в кабине, но не за рулём, а на соседнем сиденье. Ларри кинул свой мешок в кузов, взялся руками за борт, но тут из неразличимо тёмных кустов вывернулось что-то маленькое, молча налетело на Ларри и повисло на нём. Фредди подсветил фонариком. Точно, мальчишка Ларри. Марк. Вцепившись обеими ручонками в куртку Ларри, он молча вжимался в неё всем телом. Ларри беспомощно поглядел на Фредди, прижимая к себе сына. На секунду растерялся и Фредди. Но к ним уже бежала Мамми.

– Ты как же это выскочил? Ну, на минуточку зашла поглядеть, а он за спиной...

Она ловко оторвала мальчишку от Ларри, прижала к себе.

– Я вернусь, – тихо сказал Ларри. – Мамми, ты вымой у меня всё горячей водой, выстирай там, пусть он у меня ночует.

– Вывари с едким, – сказал Фредди.

– А и поняла, масса, конечно, – закивала Мамми.

Ларри полез в кузов. Фредди сел за руль, и, уже отъезжая, они услышали отчаянный детский плач:

– Да-а, папку на Пустырь! Я опять один!

И гневное Мамми:

– Вот я тебя за такое! Нету Пустыря! По делу папку послали!

Фредди направил зеркальце на кузов. Сообразит Ларри лечь и одеялом накрыться? Сообразил. Ну, можно и скорость теперь прибавить.

Джонатан откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза. Фредди кивнул. Пусть поспит. В ленч поменяемся. Эти два дня были бурными.

С образованием семей все устоявшиеся порядки полетели кувырком. Уже на ужине мелюзга сидела не на одном конце стола с общей миской, а между новыми родителями и ели каждый из своей. В тот же день разгорелась грандиозная драка из-за того, чей отец сильнее, прекращённая мудрым решением Стефа выпороть всех, чтоб никому обидно не было. Что он немедленно и проделал своим поясом. Стеф вообще стал главным авторитетом по вопросам семейной жизни и семейного воспитания. Джонатан привёз из города шерифа и фотографа. Взрослых сфотографировали для удостоверений за счёт мэрии, а потом всех желающих для семейных альбомов уже за свои деньги. Джонатан выдал необходимые суммы в счёт зарплаты, и началось... Малышню срочно умывали и расчёсывали. И если с умыванием они ещё были знакомы, хотя и не одобряли, то расчёсывание вызвало у них такое возмущение, что шериф удрал в кабинет Джонатана и пришёл в себя только к концу бутылки бренди. А потом долго благодарил за доставленное удовольствие, дескать, такого цирка он, сколько жил, не видел. Фотограф смеяться не мог: на работе всё-таки – и его потом пришлось отпаивать виски. Шериф, отхохотавшись, очень серьёзно прошлёпал печати и торжественно вручил удостоверения, метрики и свидетельства о браке. И следующий день тоже толком никто не работал: обсуждали документы и фотографии. Ну, да ладно. Но ты смотри, как они все сразу... родителями стали. И малышня. Будто и впрямь всю жизнь так и было. Даже чудно.

– Тебя подменить?

– Выспался? – усмехнулся Фредди. – Отдохни пока. Слушай, Джонни, а раньше, до... в Империю, цветные к детям так же относились?

Джонатан с интересом посмотрел на него.

– Охота тебе это ворошить?

– Мне охота понять. Я знаю Эркина. И когда мне рассказывают, какая это бесчувственная тупая скотина и что за пять лет он ни разу не улыбнулся, за что и был прозван Угрюмым, то мне всё понятно. И про рассказчика тоже. Эркину дали в отцы старика-негра. Он и сейчас помнит это как обиду и издевательство. А эти... суки надзирательские треплют, что верили сразу и

уже всерьёз считали таких... данных в дети своей кровью. Так это Эркин... такой особенный, или они врут?

Джонатан пожал плечами.

– Мне такое приходилось делать несколько раз. Инициатива была, сам понимаешь, не моя. Но что верили? Кто не верил, тот виду не подавал. Понимаешь, я тоже не ждал от наших... такой эйфории. Тоска по семье... Видимо, так. А раньше... Я мало обращал на это внимания. И вообще старался об этом не думать. Вообще о рабстве, о питомниках, торгах... Надо было принимать как должное или идти в лагерь. По политической статье.

Фредди кивнул.

– Понятно. Всё понятно, Джонни. Тогда об этом было лучше не думать.

– И сейчас не стоит, Фредди. Я подремлю ещё?

– До ленча отдыхай.

Джонатан поёрзал спиной и затылком по спинке, чтобы шляпа сползла на лоб, и затих.

Фредди закурил и мягко вывернул грузовик на шоссе. Пусть спит. Конечно, Джонни прав: не стоит в это лезть, ворошить прошлое. Что там было, как там было... важно, что есть сейчас. Живи настоящим. О прошлом забудь. О будущем не думай. Только ведь не забудешь...

...Он приехал в город за покупками. Крупа, мука, ещё кой-чего по мелочи. А главное – посмотреть, послушать, да и себя показать. Холодный сырой ветер гонял по площади всякий мелкий мусор, морщил лужи. Толкалась, бесцельно шатаюсь по рынку, разноцветная толпа. Шакалы... Белая рвань... Шпана... Он спешил, но привязывать Майора медлил. Не хотелось начинать со стрельбы. Личное оружие ещё официально не разрешали, но и слухов, что за него берут за шкуру, не было. За армейское – да, но этого и следовало ожидать. Так что пока он носил кобуру под курткой. Заметно, конечно, но русских не видно, а полицейские к нему не цеплялись. Впрочем, они вообще были тихими и незаметными, явно ещё не зная, как всё обернётся. Он оглядел коновязь и стоящих у неё лошадей. Рискнуть, что ли? А придётся... Он привязал Майора на открытый узел, чтобы конь мог легко освободиться в случае чего, а вот человеку пришлось бы повозиться, отвязывая. И тут почувствовал на спине чей-то пристальный взгляд. Резко обернулся и увидел высокого тощего негра. Такого костлявого, что даже старая рабская куртка не скрывала его худобы, а на лице все кости торчали.

– Тебе чего, парень? – спросил он с тихой еле намеченной угрозой.

Негр как-то неуклюже затоптался, съёжился, но не ушёл. И не заканючил по-шакальи. А ну-ка...

– Присмотри за моим.

– Да уж, масса, – закивал негр. – Всё сделаю, масса, – и встал поближе к коню.

Отходя к прилавкам, он услышал чьё-то завистливое:

– Пофартило Шкелетине. Заплатят...

И насмешливый ответ:

– Этот заплатит! Кулаком по уху, ремнём по заднице.

Крутясь в толпе, он поглядывал на коновязь. А, похоже, правильно прозван. Шкелетина торчал на месте, не отходил. Даже попробовал погладить Майора, но конь переступил, и негр отдернул руку. Значит, с животиной дела не имел, не из имения. Ладно... пару сигарет можно будет дать. Он подошёл отвязать коня, а то оставлять, пока он будет покупать припасы, уж слишком рискованно. Негр молча стоял, зябко втянув пальцы в рукава куртки. Он достал две сигареты, протянул и услышал... тихое, полное тоски и какого-то глухого отчаяния:

– Вы не узнаете меня, сэр?

Он на секунду замер с зажатыми в кулаке сигаретами, оторопело вглядываясь в измождённое лицо, на котором из-за ввалившихся щёк широкий нос и толстые губы особенно кидались в глаза. Но... но чёрт дери, откуда ему знать этого раба?! Негр медленно повернулся и, ссутулившись, пошёл от него.

– Стой! – гаркнул он в согбенную спину. – А ну иди сюда!
Так же медленно, будто ему больно резко двигаться, негр вернулся.
– Откуда мне тебя знать? Ну? Напомни.

Заметив, что на них уже глазают, он тоже говорил теперь тихо. И в ответ опять неожиданное.

– Шпинель в три карата, сэр.
– Ларри? – вырвалось у него. Это мог знать только Ларри.
– Да, масса, он самый, масса.

Чего это так, ведь только что говорил правильно. Шакалы, что ли? Ага, ну, ладно...
Ладно!

– Ты один?
– Да, масса.

Глаз вокруг до чёрта, значит... значит, так. Главное – выйти из города, чтоб всё было чисто, без крючков, чтоб потом вопросов не задавали. Он быстро привязал Майора.

– Постой ещё здесь.
– Да, масса, – покорно кивнул Ларри.

Он снова пошёл по рынку. Приглядел серого очень спокойного мерина и купил, не торгуясь. Конь сильный, здоровый и как раз под неумелого всадника. Теперь выючную седловку, как-нибудь Ларри он усадит. Так, теперь мука, крупа, сахар, всякая хозяйственная мелочёвка... Когда он вернулся к коновязи, ведя в поводу навьюченного мерина, Ларри и Майор были на месте. Но и свора шакалов тут же. А, вон оно что! Требуют долю с Ларри. «Ну, я вас!» – он тронул висящую на поясе плетёнку и тут же передумал. Нет, сделаем так, чтобы поестественнее. Отвязал Майора.

– Тебе за то, что присмотрел.

Шесть сигарет. Ларри осторожно их взял, отошёл на шаг... Ах гады, сразу отобрали, нет, одну оставили.

– Куда пошёл? Иди сюда, – и совсем тихо: – На коня залезешь?
Увидел испуганный взгляд и всё понял.
– Тогда держи и веди за мной.

Он сунул Ларри поводья завьюченного мерина, взмыл в седло и тронул Майора шагом. Так – он на коне, Ларри следом ведя выючную лошадь – они пересекли город и вышли в продуваемые непросохшие луга. Оглядываясь, он видел измученное неузнаваемое лицо Ларри и всё время слышал тяжёлое хрипящее дыхание. И Ларри не столько вёл коня, сколько держался за его узду, чтобы не упасть. Когда из города их увидеть уже не могли, он свернул в ближайшие заросли, нашёл место посуше и спешился.

– Отдохнём, – сказал он, забирая у Ларри повод.
– Да, сэр, – покорно ответил Ларри, как-то оседая на землю.

Он привязал лошадей к кустам, быстро собрал сушняка и развёл маленький жаркий костёр. Риск, конечно, что с дороги увидят, но Ларри, похоже, дальше идти не может.

– Ты когда в последний раз ел, Ларри?
– Я не помню, сэр, – тихий равнодушный ответ.
– Тебя что, избил?
– Да, сэр.
– Кто?
– Я не знаю их, сэр, – и совсем тихо: – Меня все бьют.

Ларри как-то всхлипнул и зашёлся в безудержном кашле, от которого всё его тело корчило, как ветка на огне. Он отвёл глаза. Достал из укладки хлеб, флягу с водой, кружки и маленький кофейник. Жалко, ничего горячительного нет, сейчас бы Ларри в самый раз было. Когда он вернулся к костру, Ларри уже справился с кашлем. Он протянул ему хлеб.

– Держи. Сейчас воды нагрēju, горячего попьёшь.

Ларри осторожно кончиками пальцев взял хлеб, поднёс ко рту, но тут же опустил руку.

– Спасибо, сэр. Вы очень добры, сэр.

Его передёрнуло от равнодушного, бесконечно усталого голоса. Он молча дождался, пока вскипит вода, прямо в кружках заварил кофе и протянул кружку Ларри.

– Прогрей нутро, – сказал он аризонским говором.

Когда-то Ларри очень смешило, когда он говорил по-ковбойски, парень с трудом удерживался от смеха. И сейчас он ждал... ну, хотя бы улыбки, но Ларри словно не заметил. Он смотрел, как Ларри размачивает в кофе хлеб и медленно, осторожно жуёт, как греет о кружку руки. Ну... ну, сволочи, что с парнем сделали.

– Давно болеешь?

Затравленный испуганный взгляд и быстрое испуганное:

– Я здоровый, сэр, я могу работать, я...

– Можешь-можешь, – перебил он его. – Ладно. Потом расскажешь. Пей.

После двух кружек горячего кофе с хлебом Ларри немного приободрился. Он ждал вопросов о цели их поездки, но Ларри только благодарно посмотрел на него, возвращая кружку.

– На коне усидишь?

– Не знаю, сэр, – снова поник Ларри.

– Ладно, – он встал, убрал кофейник и кружки, разбросал и затоптал костёр. – Ладно.

Придумаем.

Он помог Ларри сесть верхом. Серый отнёсся к этому так спокойно, что стало ясно: не сбросит.

– Давай, Ларри, я тебя к седлу привяжу. Надёжнее будет.

Ларри промолчал...

...Да, солоно пришлось Ларри, что и говорить. Фредди выплюнул в окно окурков и прибавил скорость. Шоссе наладили, а машин ещё мало, так что если спрямить и ограничиться одним ленчем, то в Спрингфилд поспеют к обеду. Совсем хорошо. И в принципе... в принципе можно было бы уже свернуть, но уж очень хороша дорога.

Джонатан открыл глаза и сел прямо.

– Что? – улыбнулся Фредди. – Время ленча?

– На моих самых точных, – рассмеялся, демонстративно хлопая себя по животу, Джонатан.

– Участок хороший, Джонни, – уже серьёзно сказал Фредди. – Жаль не использовать.

– Резонно, – хмыкнул Джонатан. – Как думаешь... обойдётся у Ларри?

– Ты меня спрашиваешь? Но если у него процесс... Год в санатории, в лучшем случае.

Да, ещё вот что. Для цветных есть санатории? Я не слышал.

– Я тоже. Для рабов сам понимаешь, а для свободных цветных... их и было-то... Но это не проблема, Фредди. Отправим в Россию. Думаю, Юри поможет.

– Это да, – кивнул Фредди. – Слайдеры о нём, да и о других русских, хорошо отзываются.

– Я слышал. Нет, это не проблема. Вон подходящее место, Фредди.

– Ага, подвело живот, лендлорд?! – рассмеялся Фредди. – Ну, давай.

Он загнал грузовик за заросли и заглушил мотор. Джонатан вышел из кабины и заглянул в кузов.

– Спускайся, Ларри. Ленч.

– Да, сэр, – сразу ответил Ларри. – Я иду, сэр.

Как обычно накрыли на капоте грузовичка. Кофе, сэндвичи... Ларри почтительно выдерживал дистанцию, но Фредди словно невзначай задел его плечом, подвигая поближе к импровизированному столу.

– У меня есть еда, сэр, – попробовал было сказать Ларри, но Фредди и Джонатан словно не услышали его.

И только когда они уже заканчивали, Фредди сказал:

– До Спрингфилда теперь без остановки поедем. Пожуёшь в дороге.

Ларри кивнул.

– Теперь... теперь вот что, – заговорил Джонатан. – О чём бы тебя ни спрашивал врач, ну, что и когда с тобой случилось, что ты чувствуешь, где болит и так далее... говори правду. Хорошо?

– Да, сэр, – кивнул Ларри и улыбнулся. – На вопросы обо мне я отвечу правду.

Фредди с восхищённым удивлением молча покрутил головой.

– Идёт, – улыбнулся Джонатан.

Они доели, и Ларри снова залез в кузов, а Фредди и Джонатан сели в кабину, но на этот раз место водителя занял Джонатан.

– Гони до Спрингфилда, – сказал Фредди, закрывая глаза.

Джонатан кивнул, выводя грузовик на шоссе.

Ну, что ж, всё складывается не так уж плохо. Судьба дала им шанс, и они им воспользовались. Шанс даётся каждому. И горе нерасторопному.

Джонатан усмехнулся. Начинаешь задумываться – перестаёшь действовать. Да нет, какого чёрта! Много бы они с Фредди смогли, если бы не продумывали, не просчитывали свой каждый шаг...

...Мягкий розоватый от абажура свет. Ковёр на полу. Просторная почти квадратная – десять футов с каждой стороны – кровать с атласным вышитым покрывалом. Зеркальный трёхстворчатый шкаф. Детские фотографии на прикроватных тумбочках и свадебная на стене над комодом. Уютная супружеская спальня и пятеро мужчин, меньше всего уместных здесь. И они с Фредди. Все сидят на кровати, на пуфах, прямо на ковре.

– Почему вы выбрали нас?

– Потому что ты – Счастливчик.

– Да, ты удачлив.

– А ты, – говорящий смотрит на Фредди, – ты надёжен.

– Не обижайся, парень, – теперь смотрят на него. – В твоей надёжности никто не сомневается, но...

– Но ты из другого табуна, – говорящий смешно передразнивает ковбойский говор.

И все улыбаются, вежливо, показывая, что поняли шутку. Имён не называют. На всякий случай...

... И даже сейчас через столько лет, Джонатан, вспоминая, даже про себя не называет их ни по именам, ни по кличкам. На всякий случай...

...Разговор продолжается:

– Мы все битые.

– И ломаные.

– Точно. Когда придёт шанс вывалиться, надо что-то иметь на руках.

– Чтобы об этом никто не знал.

– Резонно, но...

– Стоп, парень. Мы все смертны, а в гробу карманов нет. И если мои деньги помогут вывалиться другому, я не в обиде. Кто выжил, тот и выиграл.

– Дело. Выжившие поделят.

– Но мы хотим, чтобы всё было у тебя.

– Да. Ты всегда выживешь.

– Ты счастливчик.

– Знают двое – знают все.

- Нас двое.
- Эту лапшу другим повесь.
- Вы одно.
- Хорошо, – кивает он, – но...
- Стоп, – опять не дают ему договорить. – Технику сам продумай. И нам...
- Каждому по отдельности, парень.
- Точно, так и скажешь.
- Верно. У тебя голова, а не вешалка для шляпы.
- За голову тебе и даём долю.

И все встают, показывая, что разговор закончен...

...Джонатан закурил и, придерживая руль одной рукой, посмотрел на спящего Фредди и в зеркальце. Как там в кузове? То ли спит, то ли так лежит. Что ж, год в санатории, конечно, удовольствие не из дешёвых, но если понадобится, то, значит, надо. Загадывать, конечно, рано, но, когда всё уладится, можно будет сделать в Колумбии вторую точку. Уже ювелирную. Самое главное – надёжный человек – есть. Лишь бы Ларри смог работать...

...Он разбирал заплесневевшие покоробленные книги в библиотеке. Многие ещё можно было сохранить. И попадались очень даже интересные экземпляры, хотя много и макулатуры, что не жалко на растопку. Отобранные книги связывал в стопки, чтобы потом перенести в их домик. И тут услышал топот и чавканье копыт. Две лошади? Это ещё что?! Поправив под руку кольт – автоматы они уже всё время не носили, только в ночных поездках и когда шарили по соседним имениям – он короткой перебежкой рванул к окну, из которого просматривался хозяйственный двор. Фредди? На двух лошадях? Привёз, что ли, кого-то? Он вылез в окно и пошёл навстречу Фредди, который вёл в загон своего Майора и серого мерина.

– Кого привёз, Фредди?

– Посмотри в кухне, – нехотя ответил Фредди. – Крупу, муку, сахар... всё купил. И вот... Серого. Спокойный.

– Ну да, – кивнул он. – Думаешь, нам столько выючных надо?

– Хороший конь лишним не бывает, – огрызнулся Фредди. – Дракона загоним к дьяволу. На хрена конь, что от тени шарахается?!

Фредди явно заводил себя, и потому он только кивнул и пошёл в кухню. Странно. Покупка лошади обычно приводила Фредди в размягчённое состояние, а сегодня... Продуктовая кладовка открыта, почему? А, Мамми покупки закладывает. А с ней кто? Этот негр здесь откуда? Он молча не спеша подошёл к кладовке, посмотрел, как Мамми уложила продукты, записал их в лежащую там тетрадь и кивнул Мамми.

– Всё, порядок.

– А и ладненько, масса, – заулыбалась Мамми.

Он посмотрел на длинного болезненно худого негра, покорно стоящего рядом с непокрытой головой.

– А масса Фредди привезли, – заговорила, не дожидаясь его вопроса, Мамми. – Сказали, работать здесь будет.

Что это с Фредди творится? Как поедет, так кого-то привезёт. То мелюзгу под кустом подобрал, а этого... под забором, что ли? Но перегаром от парня не пахнет, только застарелой грязью, и отменять решений Фредди тоже не стоит. Ладно. Сделаем так:

– Неделя испытательного срока, а там посмотрим. Тебе все условия объяснили?

– Д-да, масса, – неуверенно ответил негр.

– Ладно. Сейчас на кухню иди, устраивайся. Вши есть?

Негр молча понурился.

– Я всё сделаю, масса, – сказала Мамми.

– Ладно, – кивнул он, отпуская их, и пошёл к Фредди.

Фредди в конюшне разбирал и развешивал седловку.

– Фредди, ты под каким забором этот скелет подобрал? – попробовал он пошутить.

Фредди не ответил, занятый спутавшимися уздечками, и он сбавил тон.

– Кто это, Фредди?

– Ты что, не узнал его? – разжал губы Фредди.

– Нет, – удивился он. – Откуда? Или парень на меня сослался? Так тоже... неоткуда.

Фредди развесил на колышках уздечки и обернулся к нему.

– Не переживай, Джонни, я тоже не сразу узнал.

– Это откуда у тебя такие знакомства?

Фредди широко ухмыльнулся.

– Сейчас я тебе повторю, что он мне сказал, и ты всё поймёшь.

– Ну-ну.

– Шпинель в три карата, Джонни.

– Что?! – потрясённо выдохнул он. – Это что? Ларри?!

– Он самый, – кивнул Фредди.

– Где ты его нашёл?

– Там, где ты сказал. Под забором. Вернее, он подошёл ко мне. Это он меня узнал, Джонни.

– Дальше всё ясно, – кивнул он. – Чёрт! Конечно, ты сделал всё правильно, Фредди. Но, но чёрт возьми! Работать он сможет? Его работы у нас нет. Сейчас нет. И вообще работать?

– Спокойно, Джонни. Если он выжил, то у нас проживёт. Я ясно говорю? А насчёт работы... Подберём ему по силам. И вообще. На подхвате. С коня он не падал.

– Ну да, – хмыкнул он. – Ты его, небось, привязал. И ещё поддерживал.

– Были бы кости, а мясо нарастёт, – отмахнулся Фредди аризонским присловьем...

...Серая лента шоссе стремительно неслась навстречу. Зелёная трава, жёлтые и красные деревья, по-осеннему голубое небо. Индейская осень. А индейцев нет. Да, что русские сделали хорошо, так это то, что вывезли индейцев. Без них куда легче и спокойнее. И вообще... Даже если придётся сдать этот крест, даже если выкуп будет чисто символическим, тоже не страшно. Тот сейф теперь их. Вся пятёрка три с лишним года до прошлого страшного декабря, доверявшая им свои деньги, погибла. И по уговору весь сейф теперь их. И трогать пока не будем. То, что там лежит, не гниёт и не усыхает. И имение. Пусть медленно, но работа движется. Коров немного, но все удойные, ухожены, и молока хватает, даже творог и сметана есть. И масло. А с появлением Стефа Мамми стала готовить куда как лучше. Это Стеф ей кулинарную книгу читает. И разъясняет. Нет, с работниками тоже повезло. Так везёт, что аж страшно. Но когда-то же он должен начать жить нормально, по-человечески, а не загнанным зайцем. Иметь дом, своё место в жизни, семью наконец. Пусть не сейчас, не сразу, но когда-нибудь...

– Хорошо скорость держишь, – сказал, не открывая глаз, Фредди. – Поворот не проскочи.

– Знаю, – улыбнулся Джонатан. – Дня два мы побудем. Пока не прояснится.

– Ага, – Фредди потянулся и открыл глаза. – А там в Колумбию. Посмотрим, что там и как. Оттуда, я думаю, к Крокусу. Купим бычка и оправдаем, почему на грузовике.

– Резонно, – кивнул Джонатан. – И ты прав. Легковушка нужна. Пожалуй... пожалуй, к Рождеству.

– Сделаем себе подарок? – усмехнулся Фредди.

– А почему и нет?

Между деревьями замелькали домики пригорода Спрингфилда. Они рассчитали точно, въезжая с ближней к госпиталю стороны.

Джонатан остановил грузовик на стоянке недалеко от госпиталя. Они с Фредди вышли из кабины, а Ларри спустился из кузова. Втроем – Джонатан и Фредди впереди, Ларри чуть сзади

– они прошли вдоль ограды к ажурным кованым воротам. Часовой в будочке только кивнул на слова Джонатана:

– К доктору Аристоффу.

Если часовой и позвонил, предупреждая, то они этого уже не видели. Шли молча.

Они, похоже, попали во время посещений, во всяком случае, народу на дорожках хватало. Да и они – два ковбоя и негр в рабской одежде – смотрелись здесь достаточно экзотично. Джонатан и Фредди переглянулись, и Джонатан кивнул. Да, здесь они малость того, лопухнулись. По-ковбойски надо ходить там, где ковбои если не все, то большинство, надо было переодеться на ленче, не сообразили – два придурка. Но не смертельно.

Фредди оглянулся на Ларри. Напряжённое сосредоточенное лицо, страх если и есть, то хорошо запрятан, молодец. Ларри встретился с ним глазами и улыбнулся. Смог улыбнуться.

Вот и нужный корпус, лестница на второй этаж, дверь кабинета.

Постучал Фредди. И, как и раньше, им откликнулся голос. Что-то по-русски и тут же по-английски:

– Входите.

Аристов встал навстречу им из-за стола.

– Здравствуйте. Как доехали?

– Здравствуй, Юри. Нормально.

– Отлично доехали. Вот, Юри, мы об этом парне договаривались, – Фредди, положив руку на плечо Ларри, мягко подвинул его к Аристову.

Ларри вежливо склонил голову.

– Здравствуйте, сэр.

Но Аристов уже протягивал ему руку, и Ларри осторожно ответил на рукопожатие.

– Рад вас видеть. Садитесь.

Аристов усаживал их, разговаривал о дороге, шутил, но его глаза уже не отрывались от Ларри. И Ларри чувствовал этот взгляд, проникающий не только под одежду, но и под кожу. Разговора он не слушал, и слова русского доктора прозвучали для него неожиданно.

– Не будем тянуть время. Как вас зовут?

– Ларри, сэр, – машинально быстро ответил он и тихо добавил: – Лоуренс Левине, сэр.

Аристов кивнул.

– Давайте я вас посмотрю.

Ларри кивнул и встал.

– Всё... – у него прервался голос, но он справился с ним. – Всё снимать, сэр?

– До пояса.

Аристов встал, шагнул к раковине и стал мыть руки. Джонатана и Фредди он уже словно не замечал. Ему явно стало не до них. И они, отлично понимая это, весь осмотр просидели молча, не напоминая о себе ни звуком, ни движением. А осмотр был долгим. Ларри послушно дышал, задерживал дыхание, кашлял по приказу и, конечно, зашёлся. Аристов переждал его приступ, дал успокоиться и продолжил осмотр. Наконец прозвучало:

– Всё, можете одеваться.

– Да, сэр, – тихо ответил Ларри.

Аристов вышел из-за ширмы. Лицо его было озабоченным. По-прежнему не замечая Джонатана и Фредди, он вымыл руки, так же тщательно вытер, сел к столу и, включив селектор, быстро приказным тоном произнёс несколько фраз по-русски.

Из-за ширмы робко вышел Ларри, держа в руках свою куртку. Аристов щёлкнул выключателем и кивком показал ему на стул. И только когда Ларри сел, заговорил по-английски:

– Необходимо подробное обследование. Диагноз я сейчас поставить не могу. Не хочу ни пугать, ни обнадёживать. В лёгких неполадки – это однозначно. И обязательно лечение.

Он смотрел на Ларри. И Ларри кивнул.

- Сейчас я вам выпишу направление в регистратуру. Там вас оформят, скажут палату.
- Если возможно, в отдельную, – спокойно сказал Джонатан.
- Это... это очень дорого, сэр? – тихо спросил Ларри.
- Это не твоя проблема, Ларри, – сразу вмешался Фредди.

Но Ларри упрямо продолжил:

- Я могу и в общей. С другими... цветными, сэр.
- Во-первых, – Аристов говорил, не прекращая писать, – палаты формируются по медицинским, а не расовым показателям. Во-вторых, обследуемые, как правило, находятся в боксах. И я не вижу причин делать для вас исключение. Держите, – Ларри взял голубой прямоугольник, исписанный неразборчивым почерком, и с треугольной печатью в правом нижнем углу. – Теперь о плате. Через два-три дня станет ясно, что надо делать. Тогда с бухгалтерией и решите эти вопросы. Обследование можно оплатить сейчас. Можно и потом. Вместе с лечением.

Фредди легко встал, тронул Ларри за плечо.

- Пойдём. Посмотрю, как тебя устроят.

Аристов улыбнулся, заполняя другую карточку.

- Если пойдёте прямо сейчас, то полдник оформить не успеют, но ужин вы уже получите.

Ларри встал, взял свой мешок.

- Большое спасибо, сэр.

- Пошли, Ларри, – Фредди заставил себя улыбнуться. – А то ужина не получишь.

Аристов протянул розовую карточку.

- А это сразу в бухгалтерию, пусть сразу оформляют.

Когда Ларри и Фредди ушли и даже шаги затихли, Джонатан посмотрел на Аристова.

- Я оплачу всё, что надо, Юри. Всё.

- Верю, – усмехнулся Аристов. – Он давно у вас?

- С весны.

Аристов кивнул.

- А болеет?

- Заболел он раньше, – ответил Джонатан.

- То есть к вам он попал уже больным?

Джонатан нехотя кивнул. Он ждал подначек по поводу его прежних заявлений о благотворительности, но Аристова интересовало совсем другое.

- У остальных вы не замечали кашля, испарины...?

– Нет, Юри. Я понимаю, о чём вы. Но у каждого своя миска, своя постель, вернее, комната, всю посуду моют горячей водой, бельё вываривают. Всё с едким мылом. И питание нормальное.

- За этим следите вы, Джонатан?

– Главное, – Джонатан улыбнулся, – наладить порядок сразу, в начале, а затем идёт по заведённому.

Аристов кивнул.

– И всё же... обратитесь в ближайшую комендатуру и через комиссию по трудоустройству вызовите врача. Пусть осмотрит всех. Легче предупредить, чем потом лечить.

- Резонно, – кивнул Джонатан. – Врач обязательно из вашей... системы?

– Найдёте врача, видящего в бывших рабах людей, на здоровье, – голос Аристова на секунду стал резким. – Мы просто с этим сталкивались. Либо отказываются вообще лечить... цветных, либо... – Аристов не договорил.

- Понятно, – спокойно сказал Джонатан.

- И ещё. Дети в имении есть?

- Да.

– Позаботьтесь о прививках. Обычный детский комплект.
– Хорошо.
Аристов улыбнулся.
– Лишние хлопоты?
– Вы сами сказали, Юри, – пожал плечами Джонатан. – В случае чего мне оплачивать лечение. Профилактика дешевле.
Аристов засмеялся.
– Ну, слышу прежнего Джонатана.
Джонатан насторожился и не зря.
– А как со здоровьем у вас?
– Жалоб нет, – быстро ответил Джонатан. – Дырок тоже, – Аристов смотрел на него смеющимися глазами, и Джонатан вздохнул: – Упрямый вы, Юри, как... будто из Аризоны. Ну, ладно. До возвращения ковбоя успеем?
– Успеем, – кивнул Аристов, вставая и идя к раковине.
Джонатан встал и, комично вздохнув, стал раздеваться.
Когда Фредди постучал и вошёл, они сидели за столом, и Джонатан рассказывал Аристову, как они с Фредди и Стефом делали душевую. С приходом Фредди разговор естественно прервался.
– Порядок, – кратко сказал Фредди. – Обследование с утра, Юри?
– Да. Думаю, через два дня будет результат.
– Юри, выпишите счёт на месяц содержания, усиленное питание, лечение и всё такое, – спокойно сказал Джонатан. – Я сразу сейчас оплачу. А через... – он прикинул в уме сроки, – через несколько дней мы заедем узнать результаты. И, если понадобится, доплатить.
Аристов сощурился.
– Как бывший раб он имеет право на бесплатное лечение.
– Юри, я не занимаюсь благотворительностью и не нуждаюсь в ней. Он – мой работник, и по действующему законодательству лечение работников оплачивает работодатель, не так ли?
Аристов с удовольствием рассмеялся.
– Вы молодец, Джонатан. Держите.
– Спасибо, Юри. – Джонатан взял счёт и встал. – До встречи.
– До встречи, – кивнул Аристов.
Фредди с каменным лицом открыл перед Джонатаном дверь, пропустил его, подмигнул Аристову и вышел следом. Аристов закрыл лицо ладонями и посидел так немного, пока не отсмеялся и не смог снова взяться за работу.

Графство Эйр

Округ Гатрингс

Джексонвилл

Эркин шёл домой. Как каждый вечер. Привычно опустив глаза, стараясь не привлекать внимания. Как всегда, они с Андреем работали на станции. Таскали, грузили, ворочали... Нет, день выдался неплохой. Заплатили не так уж щедро, но неплохо. Ломит плечи и спину, гудят ноги, но это не страшно. В бумажнике на десять кредиток больше. Это еда на два дня. Да, если не покупать дорогой еды, то им троим хватит. На завтра и послезавтра. А завтра он заработает

ещё. И Женя купит себе туфли. И эти... че-ре-ви-чки, смешное слово. Но скоро зима, и Жене нужна зимняя обувь.

Занятый своими мыслями, он в последний момент заметил идущего прямо на него беляка. Избежать столкновения удалось, но пришлось остановиться.

– Добрый день, сын мой.

– Здравствуйте, сэр, – ответил Эркин, разглядывая ботинки священника.

– Тебя зовут...

– Меченый, сэр, – поспешил перебить Эркин, а то ведь этот проныра, мог и узнать настоящее имя, а на хрена ему нужно, чтоб вслух да на улице...

– Ты работаешь на станции?

– Да, сэр.

– Один или вместе с другими?

«Ну, чего ты привязался, сволочь белая? Каждое воскресенье хожу, слушаю дребедень всякую, деньги без звука даю, а тебе всё ещё мало, да?!» – но всё это молча про себя, а вслух:

– Когда как, сэр.

– Но я видел, ты ведь работаешь и во дворе.

– Да, сэр.

– Ты много работаешь, сын мой, это похвально.

«Замолот. Как всем белякам свербит, чтобы мы много работали».

Сохраняя на лице почтительно внимательное выражение, Эркин покорно прослушал длиннейшую тираду о благотворности труда для души человека.

Эйб Сторнхилл чувствовал: стоящий перед ним с опущенной головой индеец слушает, но не слышит. Нет, всё-таки этот парень странный. И говорить с ним на улице бесполезно. Но многие стали заходить в церковь и вне служб, заглядывают, довольно охотно вступают в разговор, а этот приходит только на воскресную службу, сидит с таким же неподвижным лицом рядом с белым вихрастым парнем, что упрямо держится только с цветными, и так же молча уходит сразу по окончании.

– В церкви надо поправить пол. Ты сможешь это сделать, сын мой?

– Надо посмотреть, сэр, – вздохнул Эркин.

Не было ещё случая, чтоб поп за работу в церкви заплатил, а придётся идти. Ведь не отвяжется.

– Приходи в пятницу вечером, после обеда, сын мой.

После обеда? Ах да, по-ихнему, обед, а на самом деле ужин. Придётся идти. А то ещё в дом припрётся. И Андрея позвать надо.

– Да, сэр.

Эйб Сторнхилл поблагодарил и попрощался самым сердечным тоном, но лицо индейца сохраняло угрюмое выражение. Странно: ведь парень трудолюбив, это видно по тому, как тщательно и умело он работает, и такая реакция.

Отвязался наконец. И как только священник отпустил его, Эркин побежал домой. Уже темнеет, а надо ещё в сарае... Вот не везёт, так не везёт. Ещё в пятницу идти. Ну, ладно, переживём...

Во двор он вошёл уже в темноте. Запер за собой калитку. Тронул дверь сарая. Заперто. Ладно, завтра сделаю. Нижнюю дверь на замок и вверх. Хорошо Андрей лестницу сделал. Даже в сапогах без шума получается. Эркин вошёл в крохотную прихожую и стал запирать за собой дверь.

– Э-эрик! – ткнулась ему в ноги Алиса. – Ты сегодня денежку принёс?

– Принёс, – улыбнулся он, осторожно протискиваясь мимо неё в кухню.

– Значит, поиграем, – удовлетворённо вздохнула Алиса.

Вечернюю партию в щелбаны она уже считала столь же обязательной, как и ужин.

– Алиса, – строго сказала Женя. – Не приставай. Эркин с работы.

Как всегда, он переоделся в кладовке, выложил заработок в шкатулку на комод, умылся под рукомойником. Алиса подала ему полотенце. Всё по заведённому порядку.

– Алиса, за стол, – скомандовала Женя. – Эркин, чашки захвати, ладно?

– Ага, – кивнул он.

Задёрнутые шторы, зажжённая лампа на столе, дымящаяся картошка с кусочками мяса, чай в фарфоровых кружках – Женя называла их чашками – чёрный «русский» хлеб, кругляши печенья – не покупного, Женя сама пекла...

– День был удачным?

– Да, десятку принёс, – улыбается он Жене.

– Сильно устал?

– Нет, – мотает он головой. Ведь, в самом деле, совсем усталости не чувствует, так, только тянущая тяжесть во всём теле. – Женя, картошка ещё есть? А то, может, купить? – и с неожиданной для самого себя гордостью: – На рынке если взять мешок, дешевле будет.

– А держать где? – Женя подкладывает ему ещё картошки. – На кухне плита. Попортится быстро.

– Мг-м, – Эркин быстро заглатывает кусок. – Если в сарае дрова переложить, то... то два мешка встанут.

– Два ты не дотащишь.

– Андрея позову, – Эркин отодвинул тарелку. – Уф. Спасибо, Женя, вкусно как. Я раньше и не знал, что она такая вкусная.

– На здоровье, – улыбнулась Женя.

Убирая тарелки, она мимоходом погладила его по плечу, и он, быстро мотнув головой, прижался на мгновение щекой к её руке.

– Так я завтра дрова сделаю. И два мешка куплю, так?

– Так. Сахар клади. Алиса, доедай, не размазывай.

– А печенье?

– Картошку доешь, печенье к чаю, – строго говорит Женя.

Алиса обиженно надувает губы и косится на лежащие горкой в тарелке жёлтые в сахарных искорках кругляши.

– Да, Женя, в пятницу я поздно приду, – он виновато улыбается. – Меня этот... ну, поп отловил. И чтоб я пол в церкви починил.

– Ну, конечно, иди, – кивает Женя. – Раз уж так получается, то что поделаешь.

Пятница – тяжёлый день. В пятницу Женя на двух работах, придёт совсем поздно, когда Алиса уже спит. Обычно он приходил как всегда, возился в сарае, грел к её приходу чай, и Алиса не была одна. Ну, да ладно.

– Всё обойдётся, Эркин. Вдвоём с Андреем будешь?

– Без него я не справлюсь, – улыбнулся Эркин. – Он – мастер, а я так... при нём.

– Подмастерье, – кивнула Женя, и он шевельнул губами, повторяя про себя новое слово. – Алиса, если горячо, давай в другую чашку налью.

– Я подую, – возразила Алиса.

– Так дуй аккуратно, полстола забрызгала. И печенье не кроши.

Алиса вздохнула и подчинилась. Эркин засунул в рот печенье, прижал его языком к нёбу, и оно рассыпалось сладкой крошкой. Хорошо как у Жени получается. Всё вкусно так. И чай горячий, сладкий...

– Эрик, а играть когда? – Алиса заметила, что он просто сидит с чашкой в руке и не пьёт. Эркин допил чай и кивнул.

– Давай сейчас.

– До десяти очков, – строго сказала Женя.

– До моих десяти, – быстро ответила Алиса.

Время от времени Эркин давай ей выиграть и подставлял лоб под её пальчики. Но больше пяти очков она ещё ни разу не набирала.

– До общих десяти, – заявила Женя не терпящим возражений голосом.

Эркин и Алиса переглянулись и одновременно кивнули.

Играли в одну руку, и счёт рос медленно, тем более, что Эркин немного тянул время, подстраиваясь под Алису. Больше ничьих – больше времени. Женя как раз закончила убирать, счёт стал семь-три в пользу Эркина. Алиса получила положенные ей четыре щелчка в лоб и очень довольная – ей случалось проигрывать и ноль-десять – пошла в уборную.

– Ещё чаю, Эркин?

– Как всегда, – улыбнулся он.

Вторая «разговорная» чашка. Святое время – костровой час. Женя уложила Алису, поцеловала, подоткнула одеяльце и села к столу, устало взяла чашку.

– Женя, – нерешительно начал Эркин, – а у тебя, ну, на работе, как?

– Всё нормально, – улыбнулась Женя. – У меня простая работа. Сажу, на машинке печатаю.

Эркин кивнул.

– Да, я это в питомнике видел. А... а вторая работа очень нужна? Ты устаёшь там сильно. А деньги... я заработаю, Женя, правда.

– Я там не из-за денег, – помрачнела Женя. – Понимаешь, пошла я туда из-за денег, конечно, но давно, ещё прошлой осенью, нет, уже зима началась. Как раз перед капитуляцией или сразу после... Не помню, неразбериха была. А вообще-то удобно. Ни контракта, ни договора. Пришла, отработала и получила, – Эркин слушал внимательно, напряжённо сводя брови. – А летом, ну, в День Империи, я их увидела, ну, тех, кто там работал. Норман, Перри, Рассел... Я рассказывала тебе.

– Я помню, – кивнул он. Лицо его потемнело, напряглось.

– Ну вот, я и решила бросить эту работу. Но Норман, он там за главного, он встретил меня и... ну, он не то что угрожал, но... но я испугалась, Эркин. Вот я и хожу туда два раза в неделю, печатаю.

Эркин медленно кивнул.

– Понятно. Значит, не из-за денег.

– Да. И устаю не от работы, – Женя невесело улыбнулась, вертя в руках чашку с остывшим чаем. – Я от них устаю, оттого, что с ними в одной комнате сажу, их разговоры слушаю, – она почти бросила чашку и закрыла лицо ладонями.

Эркин очень легко передвинулся со стулом к ней, чтобы сидеть рядом. Осторожно обнял. Женя положила голову к нему на плечо, вздохнула.

– Женя, – у Эркина перехватило горло. – Что, ну, что мне сделать для тебя? Скажи, Женя.

– Ничего, – всхлипнула Женя. – Ты... ты будь осторожным, Эркин. Я так боюсь за тебя.

– Ты не бойся, – он плотнее обнял её, накрывая своими руками. – Я сильный. И глаза держать книзу умею. Я... я всё выдержу, Женя. Женя... тебе никак нельзя уйти оттуда?

Она молча покачала головой.

– Ну... ну, тогда не слушай их. Женя, – он взял обеими руками её голову с боков, приподнял, чтобы быть с ней лицом к лицу. – Женя, обещай мне.

– Что?

Она впервые видела его таким.

– Обещай.

– Ну, обещаю, – она улыбнулась, но он не ответил на её улыбку, лицо его оставалось строгим, даже ожесточённым.

– Обещай. Что бы ты ни услышала. Про меня, про... таких, как я, – он заставил себя выговорить: – про спальников, про индейцев, просто про цветных, ты... ты не ответишь. Надо будет – согласишься. Бить нас, меня... ну, что бы ни было, ты смолчишь, не вмешаешься.

– Эркин...!

– Не надо, Женя. Дважды, как тогда, с клеткой, не везёт. Я... я всё сделаю, чтобы тебя, чтобы вас с Алисой прикрыть. А ты меня не прикроешь. Я же, – он усмехнулся, дёрнув шрамом, – я Меченый, с номером. А с Алисой если...

Он не договорил. Потому что Женя заплакала, и он стал успокаивать её, целуя в мокрые глаза и щёки, посадил к себе на колени, покачивал, обнимая. И чувствовал, что сам плачет.

Сонно вздохнула, заворочалась Алиса, и Женя сразу метнулась к ней. Эркин вытер лицо ладонями и встал. Собрал и унёс на кухню их чашки и чайник. Сложил чашки в тазик и стал мыть. Прибежала Женя.

– Нет, спит. Я к окну подошла, так холодом тянет, уже подтапливать можно.

– Я тогда с утра больше дров принесу. И на плиту, и на печь.

– Ага. Тебе не холодно на полу?

– Нет. Я под дверь войлок подбил. Мне даже жарко.

Они полоскали чашку, держа её одновременно за ручку и край, и не замечали этого. Наконец Эркин разжал пальцы, дав Жене поставить чашку на сушку. И словно не было этого разговора. Женя ушла в комнату. Эркин набрал ковш тёплой воды, разделся, намочил конец полотенца и обтёрся. Полоска под дверью слилась с темнотой. Значит, Женя погасила лампу и легла. Ну вот, ещё один день кончился. Он ещё раз оглядел чуть подсвеченную топкой плиты кухню, проверил дверцу. Вроде надёжно. Можно и на боковую. Эркин вошёл в кладовку, притворил за собой дверь, вытащил и развернул постель. И с наслаждением вытянулся под одеялом.

Зря Женя беспокоится, совсем не холодно. Но что же делать? Как избавить Женю от этих сволочей? Если... если это свора, то уходить ей с этой работы нельзя. А если... нет, пугануть их он никак не может. Только Женю подставит. Поганный городишко какой. В Бифпите было легче. Да и остальные говорили. Где есть комендатура, там беляки не наглеют. А здесь... А если... если уехать?!

Он рывком сел, отбросив одеяло. Чёрт, и Андрей говорил, что надо сваливать. Если и в самом деле уехать. В другой город. Где есть комендатура. Да... да в тот же Гатрингс. Найдёт же он там работу. Мужской подёнки везде хватает. Уехать всем вместе, втроём, нет, вчетвером, Андрей же, конечно, тоже. Даже если Женя не найдёт сразу работы, тоже не так уж страшно. Надо – он сутками вкалывать будет. Но чтоб Женя этих сволочей не видела.

Эркин снова лёг, закутался в одеяло. Надо будет завтра с Андреем поговорить. И у других поразузнать потихоньку. А там... Женя снимет квартиру и сдаст ему койку. А если и Андрей где-нибудь по соседству будет, так и совсем хорошо. Но всё продумать надо. С насока такое не решишь и не сделаешь. И говорить Жене пока не стоит. Вот он разузнает всё... а пока... пока завтра вечером переложить дрова и послезавтра за картошкой. Ах, чтоб тебя, послезавтра же пятница, в церковь придётся идти. А картошка... картошка в субботу. И как раз, все ж по субботам закупают. Вот и послала его хозяйка. Даже к лучшему так. Можно будет хорошей купить.

Он потянулся ещё раз, засыпая. За квартиру до Рождества уплачено. И на жизнь запас есть. Ну, значит, и решить надо тоже до Рождества. А сейчас спать.

Сны он теперь видел редко, а проснувшись, не помнил. Да и зачем? Сон – он и есть сон, был, и нету. А верить в сны он никогда не верил. Ещё с питомника, с тех снов наяву, туманных картинок.

Андрей идею переезда поддержал. Но вариант Гатрингса отверг.

- Хрен редьки не слаще. Там, говорят, с работой совсем хреново.
- Эркин нехотя кивнул. К ним оттуда приезжали работу искать, так что понятно всё.
- Так что, здесь сидим?

– Рвать надо, – Андрей, крикнув, взваливает на спину мешок и, покачиваясь, пружиня всем телом, несёт его через пути в склад.

Хреновая работа сегодня. Вагон от склада далеко, носить неудобно. Но в городе всё меньше работы, и всё больше народу толчётся на станции. А тут ещё повадились с собственными грузчиками приезжать. Приходится на любое соглашаться. Они и раньше особо разборчивыми не были, но хоть насчёт оплаты можно было поторговаться, а теперь...

Они таскают мешки бегом, зорко поглядывая по сторонам: не вывернет ли откуда маневровый. Есть люди: и посигналят тебе, и замедлят ход, пропуская, если видят, что ты под грузом, а не так просто, а есть такие... стервы сволочные, гоняют не глядя, им цветного задавить, как окуроч растоптать. И раньше можно было там куртку снять, повесить. А сейчас... всё на себе и то в оба гляди. Работы нет, а жрать всем охота. Кто в имениях на лето приткнулся, тоже возвращаться стали. Прав Андрей. В больших городах ещё хуже. И с работой, и с жильём. А в маленькие комендатуры нет, и беяки что хотят творят.

Наконец они сваливают последний мешок. И беяк с выпирающим над поясным ремнём колышущимся брюхом отсчитывает им десять кредиток. И подчёркнуто вручает их Андрею.

- Дашь ему там сам, сколько решишь.

Андрей кивает, забирая деньги, и они уходят.

За штабелями шпал Эркин усмехнулся.

- Не думал, что ты удержишься, смолчишь.

– Что я, совсем дурак? – Андрей быстро отсчитывает и передаёт ему половину замусоленных бумажек. – В дерьме копать... Айда, перекусим.

- Давай, – кивнул Эркин. – До эшелона успеем?

- С запасом.

Они пробираются в их закуток с краном. Как всегда, появляются «кофейная» девчонка с братишкой.

- Кофе с устатку, парни.
- Наливай две, – командует Андрей.

Сегодня Эркин взял из дома несколько картофелин в мундире. Андрей достаёт хлеб.

- Работы больше, платы меньше.

- Хреново, – кивает Андрей. – И дороже всё стало. Без запаса не перекрутиться.

Девчонка стоит, дожидаясь кружек, в закуток вваливаются решившие передохнуть, и о переезде говорить сейчас нельзя. Щедро пересыпанный руганью общий разговор. И всё о том же.

- С работой совсем худо...
- И будет хуже...
- Не каркай, ты...
- Заткните его там...
- Чего заткните?! Я что, не правду говорю?!
- Тошно от твоей правды!
- В городе работы совсем нет.
- А с дровами?
- Это только вон, Белёсому с Меченым пофартило.
- А что, беяки сами теперь пилят да колют?
- Ни хрена! Колотые привозят, чтоб их...!
- А мы, значитца, побоку...!
- А там, ну, откудова привозят, там кто колет?

– А хрен их знает...
– И на рынке только подноска...
– И манер взяли... жратвой расплачиваться...!
– Хреново.
– Не, Белёсый, жратвой когда, так хоть сыт будешь...
– Да на хрена мне кусок этот?! Я, что ли, им за койку заплачу?!
– Во! Я и съехал из-за этого. Денег-то совсем нет, или жрать или за койку платить, ну и всё...

– И где теперь?
– В Цветном прибился, где ж ещё...
– И хватает теперь?
– Ну, ты совсем...! Он же теперь за койку не платит!
– Это когда в одной, что ли?
– А ты как думал?!
– Стоп, парни. Женатику легче.
– Ага, за койку не платить...
– Заткнись, болван. Женатик и за себя, и за бабу, и за пискунов платит...
– Не, одному легче...
– Так в одной койке спать – это ж не жениться...
– Да ну вас к дьяволу...!
– Кто как может, так и устраивается...
– Белёсый, ты как платишь?
– Деньгами.
– А за жратву?
– Ни хрена! Жратву я сам покупаю, она готовит только...
– Платишь за это?
– А как же!
– А ты, Меченый?
– Плачу. И ещё работу всякую по дому там, по двору...
– Обдираловка...
– Как получилось...

Докурены пушенные по кругу сигареты, допит кофе и доеден хлеб, собраны с ладоней крошки. Вот-вот подойдёт большой эшелон и надо быть наготове, чтобы перехватить работу.

– Эшелон большой?
– На три ватаги будет.
– Третью сбиваем, – быстро говорит Андрей. – Подваливайте.
– Айда, – машет рукой Одноухий.

И они бегут, ватага за ватагой, навстречу большому товарному эшелону, медленно вползающему в путаницу путей.

В церковь они пришли прямо со станции. Только завернули к Андрею за ящиком. Священник был уже на месте.

– Рад вас видеть, дети мои.
– Добрый вечер, сэр, – вежливо улыбнулся Андрей. – Так что с полом?

Эйб Сторнхилл никак не ожидал, что индеец приведёт и этого странного белого парня. Рассчитывал, что Меченый придёт один. Им бы пришлось работать вдвоём, и за работой индеец бы оттаял, по своему опыту Эйб знает, как совместная работа позволяет раскрыть душу. Но... а может, это и к лучшему. Для пола во всяком случае. И всё же... Эйб решительно снял сюртук, закатал рукава рубашки и присоединился.

Эркин надеялся, что беляк даст им работу и умоляет, ну, в крайнем случае, останется надзирателем, но такого... Андрей тоже хмурился, хотя работа ладилась, а священник оказался, к удивлению, довольно толковым помощником и не пытался командовать.

Завязался и неизбежный, в меру доброжелательный разговор.

Белого парня звали Эндрю. Он снимает койку, хозяйка готовит ему и стирает. А работает на станции, ну, и другую работу может, а так, да, они напарники, ну, работают вместе... – вот и всё, что удалось узнать Эйбу за время их совместной работы. Эйб старался, чтобы его вопросы выглядели ненавязчивым естественным любопытством – не более. Но упорное угрюмое молчание индейца и вежливая отчуждённость Эндрю явно показывали: его не подпускают. А то, что они вместе работают, парням неважно.

Втроём они управились довольно быстро.

– Ну вот, – Эйб медленно опускал рукава рубашки. – Спасибо вам, дети мои. Мы славно потрудились во славу божью.

Андрей собрал инструменты и выпрямился, посмотрел на Эркина.

– Сэр, – разжал губы Эркин, – нам можно идти?

Эйб почувствовал обиду, но сдержался.

– Вы так спешите?

– Да, сэр, – Андрей всё-таки взорвался. – Да, спешим. Не знаю, как вы, сэр, а мы на станции с утра ломались, и не ели ещё, и... – Эркин незаметно ткнул его в бок, и Андрей замолчал.

– Извините, – сразу сменил тон Эйб, – конечно, вы устали. Но... но, Эндрю, почему вы работаете грузчиками, если ты такой мастер, ты же можешь...

– Потому что цветным хорошей работы не дают, – отрезал Андрей, довольно невежливо перебив священника, за что получил от Эркина второй тычок, уже более заметный.

– Почему ты не даёшь ему говорить? – остановил его Эйб и, так как Эркин ему не ответил, продолжил: – Но... но если я поговорю, попрошу за вас...

– Спасибо, сэр, – на этот раз Андрей был предельно вежлив. – Мы как-нибудь сами, сэр.

– Мне очень жаль, дети мои, если я чем-то обидел вас, – Эйб развёл руками. – Простите меня.

Андрей поглядел на угрюмое лицо Эркина и заставил себя улыбнуться.

– И вы простите меня, сэр, но мы пойдём.

– Хорошо, – кивнул Эйб. – Увидимся в воскресенье.

– Да, сэр.

– Спокойной ночи, сэр.

Радостный тон и скорость, с которой они буквально выскочили за дверь, заставили Эйба нахмуриться. Он медленно надел сюртук, застегнулся. Они видят в нём врага. Но почему? И... и за что? Тупые упрямые скоты? Нет, брат Джордан, и ещё раз нет. Они... они слишком много вынесли и теперь видят врага в каждом. Да, именно так. И сам себя поправил: в каждом белом. И всё же он достучится до них. Их души омертвели, но не умерли. Осторожным вниманием, чуткостью, ненавязчивой помощью в трудный час, но он вскроет этот панцирь.

Эркин и Андрей быстро шли по тёмной улице на границе Цветного квартала.

– Я завтра картошку хочу купить. Два мешка, – заговорил наконец Эркин. – Поможешь дотащить?

– Об чём речь! – улыбнулся Андрей. – С утра на рынке?

– Идёт, – кивнул Эркин. – Оттащим и уже тогда на станцию.

– Дело. А о... – Андрей заметил чью-то тень впереди, – ну, о том деле я думаю. Обмозговать всё надо.

Улица пуста, и они говорили по-русски, но предусмотрительно перейдя на камерный шёпот.

– Ты смотри, Андрей. Большой город – нет работы, маленький город – беляки прижимают.

– Ну да, – Андрей закурил. – Крутись тут, как знаешь. Нет, время у нас есть. До Рождества запаса хватит, свободно дотянем. Новый Год встретим и айда. А может, и раньше всё устроим.

– Может, – кивнул Эркин и вздохнул: – Ещё поп этот лезет.

– Плюнь и разотри, – посоветовал Андрей. – Ну, бывай.

– Бывай, – кивнул Эркин.

От этого угла они расходились по своим кварталам.

Эркин шёл быстро, думая о своём, и чуть... чуть опять не залетел. В последний момент заметил у своей калитки два силуэта и метнулся за угол, застыл и прислушался. Женя? Да, её голос. А с ней кто? Вроде, голос знакомый.

– Вот мы и пришли. Спасибо вам, Рассел.

– Спасибо вам за беседу, Джен. Но... вы можете сколько угодно смеяться надо мной, но я беспокоюсь за вас. В городе опасно.

– Побойтесь бога, Рассел. Какая может быть опасность в нашем городе? И ваша забота... если честно, мне не очень хочется быть объектом вашей заботы. Мне это кажется не менее, а даже более опасным.

– Ну, Джен, – Рассел негромко рассмеялся. – Я не ожидал такой мстительности. Вы всё не можете забыть того... случая?

– Да, – голос Жени ровен. – Я не могу забыть, как вы били беззащитного.

– Ну-ну, Джен. Когда-нибудь вы поймёте. Но не буду вас задерживать. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, Рассел.

Стоя за углом, Эркин слышал, как Женя открывает и запирает за собой калитку, нижнюю дверь... А беляк где? Ага, вот его шаги. Эркин отступил поглубже в тень, слился с ней. Фу, прошёл и не заметил. Эркин выждал, пока стихли удаляющиеся шаги, но, осторожничая, прошёл мимо своей калитки до конца дворового забора, выждал, у навеса Старой Дамы перелез во двор и, прячась в тени сараев, добрался в свой угол, задвинул засов у калитки и подошёл к своей двери. Прислушался. Вроде тихо. Он уже спокойно достал ключи и открыл дверь. Ну, вот он и дома.

Женя даже переодеться ещё не успела, когда он вошёл в кухню и сразу, даже не сняв куртки, занялся плитой.

– Эркин, ты? – спросила из комнаты Женя.

– Да.

Он подвинул чайник, чтобы закипел быстрее, и, расстёгивая куртку, пошёл в кладовку.

– Чайник я поставил.

– Ага, спасибо.

Женя, уже в халатике, влетела в кухню и стала разбирать свою сумку, греть остатки обеда на ужин и умываться. И всё одновременно.

– Давай, Эркин, переодевайся, мой руки и за стол. Сейчас ужинать будем.

Особняк Роберта Кропстона

– Итак, джентльмены, нам остался месяц.

– Если точно, то двадцать пять дней, сэр.

– Благодарю вас. В общем, подготовка идёт по плану. Нам удалось в принципе отсортировать контингент и наметить основные объекты ликвидации. Но обращаю ваше внимание, джентльмены, пере- для нашего дела всегда было предпочтительнее недо-

Вежливый смех присутствующих.

– Поддержка и, скажем так, индифферентность остального населения нам обеспечены.

– Да, эти «вольные негры» уже сильно... надоели.

– В этом плане русские, объявив свободу, даже как-то сыграли на нас.

– Разумеется, мы не будем копировать имперские порядки в полном объёме. Всякие излишества вроде Паласов и прочего можно пока убрать. Раб должен работать. А условия содержания и использования раба можно регламентировать.

– И нужно.

– Да, сэр.

– Как мы поступим с промежуточными формами?

– Ликвидируем. Вольных цветных, недоказанных и условных белых, потерявших расу не нужно.

– Абсолютно согласен. Жёсткая сортировка и ликвидация всего отбракованного. Цветной – только раб, а белый – только господин. Цветной, не желающий быть рабом, – ирония в голосе говорящего вызвала у остальных улыбки, – и белый, не желающий быть господином, одинаково невозможны. И не нужны.

Дружное одобрение присутствующих.

– А пока продолжаем по плану. Необходимые коррективы не стратегические.

Дальнейшая беседа имела уже чисто технический характер.

Роберт Кропстон больше слушал, выражая своё отношение мягкой еле заметной мимикой. А когда все разошлись, достал из ящика стола карточную колоду и стал раскладывать пасьянс.

Самое смешное, что они, в самом деле, верят в удачу. Даже не верят, уверены. Уверены, что черномазые после десяти месяцев воли пойдут на торги. Да их не то, что плетью, пулей не заgonишь. Это видно невооружённым взглядом. Если не только смотреть, но и видеть. Эти болваны собираются не отыграться, они хотят сыграть заново. Как будто ничего не было, и никто ничему не научился. Идиоты. Но слишком увяз в игре, выйти опаснее, чем проиграть. Надо было дождаться ухода русских и уже тогда... но попробуй объяснить. Они верят только себе, тому, что сами выдумали. «Мы пробудили у русских расовую гордость». Идиоты. Да, русские не вмешиваются в мелкие конфликты. Вообще, как будто не вмешиваются ни во что, занимаясь вроде только отловом остатков СБ. Но как будто и вроде. И пока. Ни одна... власть не терпит самодеятельности. Первый выстрел, первая кровь – и русские вступят в игру. Старик Говард слишком привык играть только по своим правилам. И чтобы ему ещё подыгрывали. Жаль, что нельзя выйти из игры. Что ж, отступить поздно. Не всем везёт так, как Бредли. Счастливчик-Джонни сумел вывалиться. Из одной игры. И ввалился в другую. А её правил не знает, не может, не должен знать. И тут... тут есть, пожалуй, шанс. Может получиться интересная комбинация. Если приедет... нет, без если. Приедет. Джонни азартен. И Фредди не откажет себе в удовольствии пострелять. Примчатся оба. А вот за их спинами можно будет укрыться. От русских. А от старика Говарда... возможно. Нэтти так и не появился. Значит, наткнулся либо на русских, либо на Счастливчика с Фредди. В обоих случаях... Нет, второй вариант, конечно, предпочтительнее. Потому что если Говард действительно сдал Нэтти, то... И Джонни осильнел, и Говард ослабел. Так что перспектива есть. Правда, придётся отдать Джонни, ну, придумаем, что ему отдать, поторгуюсь.

Он с удовольствием оглядел сошедшийся пасьянс и собрал карты.

Эйб Сторнхилл любил вечерние часы перед сном. Когда подведён итог дневным трудам, продуман завтрашний день и можно спокойно лечь, раскрыть Библию и не спеша, смакуя, испить мудрости и красоты. Не подбирать тему для проповеди, а просто... Да и не нужны его пастве толкователи и толкования Святого Слова. Им нужно оно само. И слушали они в прошлый раз о Творении как... как дети! Вот оно, брат Джордан! Они не скоты, а дети. И при всём их пьянстве, воровстве и развороте невинны как дети. Ибо грех их – не отход от Бога, а

препятствие на пути к Нему. И его задача – вести их по этому пути. Но как они умеют слушать. Даже индеец... лицо стало другим. Живым, даже красивым.

Эйб Сторнхилл улыбнулся воспоминанию. Приятно. Конечно, он впадает в грех гордыни, но, если ему удалось пусть на секунду, но пробиться к этой заблудшей душе... приятно. Меченый. Надо будет собрать отдельно его и Губача, Длинного, Кругляша, Звонкую, Пупсика, Красотку... всех, у кого нет имён, а только клички. Много набирается, но надо. Поговорить об именах и начать их аккуратно готовить к крещению. Прозвища, кстати, довольно меткие, если захотят, то пусть оставят фамилией. Русские, кстати, так и делали на своих фильтрационных пунктах, приходилось видеть выданные там справки. Разумно. И не вызовет конфликта с комендатурой. И с остальными, у кого кроме кличек есть имена, поговорить, объяснить им, что человеку положено имя, и последить, чтобы звали друг друга по именам. Тоже... как с детьми. А с индейцем... Прозвище у него, скорее всего, из-за шрама. Но могло сохраниться и племенное имя, данное в резервации соплеменниками. Приходилось о таком слышать. Но... Эйб Сторнхилл вздохнул: разговор будет нелёгким. С индейцами вообще трудно разговаривать. Чуть что, замолкают и глядят не на тебя, а куда-то рядом. Кто ему про них рассказывал? А, брат Алекс, что когда работал в Аризоне, то сталкивался пару раз. Аризонских ковбоев он и сам помнит, и если по сравнению с индейцами ковбой податливый и доверчивый... Надо будет зайти к брату Джордану, почитать миссионерские отчёты. Может, там найдётся что-нибудь подходящее.

Он заметил, что его глаза бездумно скользят по строчкам, отложил, попеняв себе, книгу на столик у изголовья и выключил свет. Сходить, что ли, к индейцу домой? В домашней обстановке человек мягче, податливее. Долг гостеприимства... Он уже бывал в домах своих прихожан. С детской наивной гордостью они хвастались своим устройством, обстановкой... сбитые из ящиков неуклюжие кровати и столы, свежевывмытые полы, наклеенные на стены яркие картинки... Да, вот что не забыть. Купить рождественских картинок и каждому вручить на предрождественской службе. Пусть в каждом доме младенец Иисус освятит их жизнь своей улыбкой. Правда, до Рождества ещё два месяца, но начать готовить их к этому празднику нужно сейчас. И... о чём думал? Да, к индейцу домой... Нет, парень живёт не в Цветном, снимает койку в бедном, но достаточно приличном квартале. И снимает, как выяснилось, на весьма жёстких условиях...

...Молодая женщина никак не ожидала его визита. И не скрывала недовольства.

– Вот, мэм, – индеец неуклюже топтался за его спиной. – К вам пришли, мэм.

– Добрый день, дочь моя, – улыбнулся он.

– Добрый день, святой отец, – она ответно улыбнулась, и лицо её стало миловидным, но глаза оставались недобрыми.

– Могу ли я поговорить с тобой?

– Да, разумеется, святой отец.

Его пригласили в комнату, по женской традиции извинились за беспорядок. Хотя ничего, кроме детских игрушек, на полу не было. Маленькая светловолосая девочка тут же сама, без напоминания матери, убрала их и сложила на табуретке возле детской кровати. Ему это понравилось. Он похвалил девочку, похвалил чистоту и уют в крохотной комнате. И женщина оттаяла и улыбнулась уже совсем открыто и доверчиво. Истинная душа так и проявляется. Похвала не её красоте, а её ребёнку и её дому, и видна душа. Его пригласили к столу, предложили кофе. Он вежливо отказался. К чему такие хлопоты? Он пришёл поговорить. Индеец сразу повернулся, чтобы уйти.

– Вы позволите ему послушать?

– Разумеется, святой отец, – пожала она плечами. – Раз вам это нужно, – и кивнула индейцу: – Остайся. Послушай.

Они сидели за столом, девочка на коленях у матери, а индеец стоял у двери, не решаясь ни зайти, ни, тем более, присесть, даже на пол. Видимо, комната была для парня запретной. И запрет нарушили только из уважения к его просьбе. Он говорил о Боге и о пути человека к Нему, что Бог любит и принимает всех. Он уже узнал, что эта женщина не замужем и что девочка у неё «недоказанная» и незаконнорожденная. И, разумеется, это грех, но... этот грех искупим. Война – тоже грех. Церковь и молитва в церкви – вот путь к искуплению. Женщина слушала и кивала. Получив её согласие прийти на воскресную службу в церковь на Черч-стрит, он перешёл к своему делу.

– А ваш работник... Я бы хотел поговорить с ним.

– Пожалуйста, – она равнодушно пожала плечами.

– Где твоя комната? – повернулся он к индейцу.

Тот уставился на него с таким изумлением, что он невольно улыбнулся и спросил по-другому:

– Где ты спишь? Где твоя койка?

– В кладовке, сэр, на полу, – индеец повёл рукой, показывая куда-то за стену.

– И сколько же ты платишь за это? – вырвалось у него. – Ты же ещё работаешь по дому, так?

– Да, сэр, – кивнул индеец. – Что мне велят, сэр, я всё делаю.

– Зачем это вам, святой отец? – недовольно спросила женщина.

– Я хотел, дочь моя, поговорить с ним в его комнате.

– А вы говорите здесь, – она усмехнулась. – В крайнем случае, святой отец, я выйду.

– Не надо, – остановил он её. – Мы пойдём на кухню.

Индеец покорно кивнул, а она опять пожала плечами с тем же равнодушным выражением на лице.

– Идём, – сказал он, вставая.

Он надеялся, что без глаз хозяйки парень будет чувствовать себя более свободно, но... индеец упорно отмалчивался, ограничиваясь краткими: «Да, сэр», – или «Не знаю, сэр». Он попросил показать кладовку. У парня даже нормального лежака не оказалось! На день его постель сворачивалась и засовывалась под стеллаж. А на повторный вопрос о плате индеец ответил:

– Сколько мне скажут, сэр, – и покосился на закрытую дверь в комнату. Видимо боялся более точным ответом вызвать гнев хозяйки...

...Эйб Сторнхилл вздохнул и покачал головой. Ведь эта женщина – как её, да, правильно, Джен Малик – не кажется злой и свои обязательства выполняет честно: индеец не выглядит голодным, его одежда всегда чистая, и всё же... всё же условия слишком тяжелы. Вся работа по дому, плата за ночлег, за еду и наверняка за стирку. Да, она ловко воспользовалась неопытностью бывшего раба. Правда, и её можно понять. Бедность. Бедность иссушила душу этой женщины. Но о её душе заботиться брату Джордану. Так что... Если индейцу станет совсем трудно, надо будет ему помочь с жильём. Лишь бы он не запил, вырвавшись из-под такого контроля.

Тетрадь тридцать третья

Алабама

Графство Дурбан

Спрингфилд

Центральный военный госпиталь

Ветер перебирал ветви, обрывая листья. Повернув голову, Ларри видел, как они крутятся в воздухе и исчезают. Осень. Скоро листва совсем облетит, настанет время долгих холодных дождей, холодной грязи вместо земли, вечно сырой, холодающей тело одежды... Ларри отвернулся от окна, осторожно потянулся под одеялом и медленно высвободил руки. Легко как стало дышать, даже не верится. И запах от этой мази даже приятный. И сытость. Очень приятная... вкусная сытость. Как давно он не ел вкусно. Очень давно. Три года прошло, нет, больше, три с половиной, а ещё точнее? Три года, семь месяцев... Нет, лучше сейчас об этом не думать, не вспоминать. Доктор Иван советовал вспоминать только приятное. Что ж, ему есть что вспомнить, хотя не так уж много приятных воспоминаний у раба. Даже бывшего.

В палате сумеречно, можно встать и включить свет. Ему разрешают вставать и ходить, только на улицу пока нельзя. А ему и не хочется. Ни выходить, ни вставать, ни вообще двигаться. Вот так лежать и лежать. Как он мечтал об этом. Лежать, никуда не спешить, ни о чём не думать...

...Резкий звонок заставил его вздрогнуть, так что он чуть не выронил камень. Хозяин звал его в кабинет?! Он осторожно положил брошь, над которой работал, сбросил на стул белый халат и, привычно прихлопнув за собой дверь мастерской, побежал в кабинет.

– Сэр?

Двое белых резко обернулись навстречу ему. В серых дорогих костюмах, рубашки в узкую редкую полоску, строгие галстуки. Один – румяный, светловолосый и синеглазый, другой – черноволосый с холодными и очень светлыми глазами. Хозяин за своим столом... Зачем его позвали? Обычно хозяин не отрывал его от работы.

– Ларри, – хозяин смотрит на него со своей обычной грустной улыбкой. – Этот джентльмен, – и лёгким кивком показывает на черноволосого, – поживёт у нас. Подготовь маленькую комнату на антресолях, – он открывает рот, чтобы напомнить, что это комнаты рабов, его комната рядом, белому униженно жить рядом с рабом, даже в отдельной комнате, но хозяин продолжает: – Всё необходимое возьми в кладовке. Когда всё сделаешь, придёшь сюда. Займись этим сейчас.

– Да, сэр, – он склоняет голову и выходит, окончательно перестав что-либо понимать.

Никакие посетители дальше холла, гостиной и кабинета не допускались. Даже в спальню. Даже в столовую. Разносчики из магазинов дальше кухни не заглядывали. Внутренние комнаты и их сердце – мастерская – были открыты только ему, да ещё старой Энни – та правда, в мастерскую не заходила – ну, и самому хозяину, конечно. А тут... Но, ничего не понимая, он открыл маленькую комнату на антресолях, проветрил её, принёс из кладовки матрац, одеяло,

подушку и постельное бельё и – раз это белый – застелил кровать и подвинул её так, чтобы не было видно кольца в стене для приковывания. Теперь салфетку на тумбочку, таз и кувшин. Для одежды маленький разборный стеллаж-вешалка. Правда, в комнате стало совсем тесно. И побежал обратно в кабинет, осторожно постучал и, дождавшись ответа, вошёл.

– Ты уже всё сделал, Ларри? – улыбнулся хозяин.

– Да, сэр.

Светловолосый встал.

– Большое спасибо. Я наведу, как только смогу вырваться, – и мягко хлопнул по плечу второго. – До встречи.

– Всегда рад видеть, – улыбнулся хозяин, а черноволосый молча кивнул.

Он посторонился с поклоном, пропуская белого, и они остались втроём.

– Ларри, – голос хозяина как всегда ровен и мягок. – Никто не должен знать, что этот джентльмен живёт у нас. Энни я предупрежу сам. Она будет только готовить, всё остальное на тебе. – Черноволосый опять молча кивнул, и хозяин обратился к нему: – Сейчас вас проводят в вашу комнату и покажут всё остальное.

Черноволосый встал, взял небольшой саквояж.

– Спасибо, – и шагнул к нему.

Он торопливо посторонился и открыл перед гостем – а кем же ещё? – дверь, успел поймать краем глаза кивок хозяина и пошёл следом.

– Сюда, сэр... Теперь сюда... Здесь ступеньки, сэр...

Он привёл белого на антресоли.

– Вот сюда, сэр. Пожалуйста.

Белый оглядел крохотную комнатушку с резко скошенным потолком, круглым окошком с крестовиной переплёта и матовыми стёклами и тихо присвистнул:

– Однако.

Он почувствовал лёгкую обиду. Целая комната, всё есть. Но тут же одёрнул себя, что для белого, конечно, это плохо. Белый продолжал оглядываться, и он не выдержал:

– Бельё свежее, сэр.

– Вижу, – улыбнулся белый, ставя саквояж на пол. – Тебя как зовут? Ларри?

– Да, сэр.

– Ну, а меня можешь называть... – и опять улыбка. – Фредди. Понял?

– Да, сэр.

– А сейчас... Я оставил в холле шляпу и плащ. Принеси сюда.

– Да, сэр.

Когда он вернулся, неся его шляпу и плащ, этот... Фредди уже переоделся, разложив и развесив свои вещи на стеллаже и задвинув саквояж под кровать. В джинсах, клетчатой рубашке, кроссовках... ну, совсем другой человек. Даже лицо... не такое строгое и застывшее.

– Ага, спасибо, парень.

У него забрали вещи и очень ловко пристроили на стеллаж.

– А куда выходит окно?

– На крышу, сэр, – удивился он вопросу.

– Так, – Фредди оглядел результаты своего труда и подошёл к окну, осторожно попробовал раму. – Оно что, не открывается?

– Нет, сэр. Это же... – он осёкся, и тут же его окатил такой холодный взгляд, что от страха стянуло кожу.

– Что, это же? Договаривай, парень.

– В комнатах для рабов окна не открываются, сэр, – тихо ответил он.

– Это почему?

– Чтоб не бежали, сэр, – и тут же поправился: – Чтобы не пытались бежать.

– Ну-ну, – хмыкнул Фредди. – За этой стенкой что?

– Такая же, сэр. Я там сплю.

– Ага, ясно. А за этой?

– Уборная, сэр, – нехотя ответил он и заторопился: – Там чисто, сэр, и без запаха. Я каждый день мою.

– Ясно-ясно. А ванная где?

– Внизу, сэр, в спальне.

– Тоже ясно, – Фредди улыбнулся, разглядывая его. – А эта, Энни, где спит?

– Возле кухни, сэр. И там прачечная и гладильня рядом.

– Большое хозяйство, – кивнул Фредди. – И... гардеробная где?

– Здесь наверху, сэр. Под другим скатом.

– А мастерская?

Он потупился. Говорить о мастерской нельзя. Это было первым, что он запомнил, когда хозяин водил его, новокупленного раба, двенадцатилетнего мальчишку, по дому, показывая комнаты и объясняя его обязанности. Фредди рассматривал его, насмешливо щури светлые холодные глаза неуловимого серо-голубого цвета, как... он не успел подобрать сравнения.

– Ладно. Ну, веди, показывай, где и что. Чтоб мне не путаться потом...

...Ларри улыбнулся воспоминаниям. Фредди и впрямь всё запомнил с первого раза. Всё осмотрел. У каждой двери останавливался и ждал, когда ему откроют. Чаще просто с порога оглядывал комнату и отступал, давая закрыть. И чердак, да нет, чердак и выход на крышу он показал Фредди позже.

– *Сумерничаешь? Или спишь?*

Ларри вздрогнул и повернул голову. Ужин? Уже ужин? Спал он, что ли? Щекастая веснушчатая девушка в белом халате, приговаривая что-то непонятное, включила свет и переставила на тумбочку тарелки.

– Ужин, ешь, – сказала она по-английски и продолжила опять непонятно: – *Ешь, поправляйся, твою болезнь заедать надо.*

– Спасибо, мэм, – Ларри откинул одеяло и сел, взял тарелку.

– *Ешь на здоровье, я потом приду, заберу всё.*

Он не понял, но закивал, торопливо жуя.

– *Да не торопись ты так,* – засмеялась она, выходя из комнаты. – *Никто не отберёт, ешь спокойно.*

Он опять не понял, но кивнул ей вслед. Да, он знал, убедился за эти дни, что еду у него никто не отнимет, но ничего поделаться с собой не мог. Что съел – то твоё, а что не успел... Так уж всюду и везде.

Ларри доел, вытер тарелки последним куском хлеба, съел его и уже не спеша выпил стакан тёмной сладкой жидкости, составил тарелки стопкой на тумбочку и снова лёг. Медленно глубоко вдохнул и так же медленно выдохнул. Даже странно, что не больно и не закашлялся. И вкусно всё как. Это ужин, а перед сном ему принесут ещё стакан молока и пирожное. Интересно, какое будет сегодня? Ларри усмехнулся: нашёл же о чём думать. А если...

Он подтянулся на руках и сел, опираясь спиной на подушки, осторожно взял лежавшую на тумбочке книгу. Скользнул глазами по обложке...

...– Не читай лёжа, Ларри, ты испортишь глаза...

...Как давно он не читал. Да, те же три с половиной года. Ну, об этом сейчас не надо. Доктор Иван сказал, что он может смело читать, здесь это можно. Принёс книгу. И обещал принести ещё. А куда ему ещё? Это раньше он читал быстро, а сейчас... забыл всё, отвык.

Но незаметно для себя он вчитался. И настолько, что даже не заметил, как забрали грязную посуду.

Дочитав рассказ, Ларри положил книгу на тумбочку, поправил подушку и лёг. Хорошо. Смешной рассказ и грустный сразу. Мальчишкой, научившись читать, он любил большие романы, толстые книги в пахнущих кожей переплётках. Вечером, когда закончена вся работа, хозяин читает в кабинете. И он тут же. О том, что он умеет читать, знала только Энни. Вернее, догадывалась. Да ещё Сол, Соломон Левине...

...Когда они услышали звонок, хозяин, не отрываясь от работы, сказал ему:

– Проводи в кабинет, пусть ждут там.

– Да, сэр.

Он сбросил халат на свой стул и побежал к входной двери. Открыл. И сразу узнал. Этот белый джентльмен когда-то его купил и привёз в этот дом. И тогда с ним была ещё белая леда.

– Прошу, сэр.

Он принял плащ и шляпу.

– Сюда, сэр.

Но белый знал дорогу и сам прошёл в кабинет, огляделся.

– Здесь ничего не меняется, – оглядел его. – А ты изменился. Был мальчишкой, стал, – быстрая усмешка, – мужчиной. А Энни? Ещё жива?

– Да, сэр.

– И работает?

– Да, сэр.

Он стоял у двери, а гость ходил по кабинету, разглядывая, трогая, поглаживая. Открыл шкаф с книгами, провёл пальцем по корешкам, закрыл, открыл соседний и... и вдруг вытащил томик и раскрыл. Он похолодел. «Ярмарка тщеславия». Он читал её и оставил закладку – листок бумаги с эскизом подвески. Надо же такому... Что же делать? Белый держит раскрытую книгу, рассматривает эскиз, поворачивается к нему...

– Я рад тебя видеть, Соломон. Как доехал?

Он облегчённо переводит дыхание: хозяин пришёл, уже легче.

– Спасибо, отец, хорошо. Отец, – Соломон показывает раскрытую книгу, – всё-таки ты не удержался.

Хозяин подходит, смотрит, берёт эскиз. Мгновенный взгляд, и скомканный лист летит в камин.

– Разведи огонь, Ларри.

– Да, сэр.

Он срывается с места и начинает разводить огонь, использовав свой злосчастный эскиз для растопки.

– Отец...

– Поставь книгу на место, Соломон. Я слишком стар, чтобы меняться, а ты слишком молод, чтобы понуждать меня к этому. Как Рахиль?

– Рейчел здорова.

– Ты думаешь, это поможет? – негромко смеётся хозяин.

– Я думаю, что не стоит так... демонстративно...

– Может, ты и прав, сынок. Спасибо, Ларри. Давай сядем.

Они садятся в кресла перед камином. Он поворачивается, чтобы уйти, но хозяин останавливает его.

– Ты можешь понадобиться, Ларри.

– Да, сэр.

И он остаётся стоять у дверей. И невольно слушать разговор.

– Отец, надо бежать. Мы обречены.

– Я согласен со вторым, Соломон. Но бежать? Куда? И зачем? Ты думаешь, там лучше?

– Я хочу спасти детей.

- Нужны деньги? Сколько?
- Боюсь, что деньги уже не помогут, отец. У Дэвида были деньги. Они взяли их. И убили. И его, и Рут, и детей.
- Может быть, он не тем дал, Соломон?
- Может быть. Но у меня таких денег нет. И мне некому и нечего давать, отец. Я забрал детей из школы, держу их дома.
- Зря, Соломон. Дети должны учиться.
- Я купил учебники, и они учатся дома. Рейчел следит за этим. У них не будет аттестата, но теперь их не избивают, и мне уже спокойнее.
- Было так плохо, Соломон?
- Стало ещё хуже, отец. Я даю, даю, даю. Покупаю дни. Не годы и не месяцы, а дни.
- Сколько нужно, Соломон?
- Деньги не помогут, отец. Надо бежать. Бросить всё и бежать.
- Хорошо. Я согласен. Но куда? Кто и где нас укроет?
- Соломон молча смотрит в огонь. Потом встряхивает головой и натужно улыбается.
- Я приехал повидать тебя, отец. И... позвать к нам. Чтобы быть вместе.
- Спасибо, Соломон. Но этот дом купил мой дед и твой прадед. Здесь я родился, здесь и умру.
- Отец...
- Не волнуйся, сынок, – хозяин улыбается. – Мы всё равно встретимся и будем вместе. Нас там ждут.
- Да, – кивает Соломон. – Скоро все Левине соберутся там. Вся семья. Но... ладно. Как у тебя со здоровьем?
- Соответственно возрасту, – смеётся хозяин.
- Ты ещё работаешь?
- Немного. Фирма теперь держится на нём.
- Хозяин показывает на него, и Соломон отрывается от огня и смотрит на него. Невесело улыбается.
- Да, мальчишка окупил себя, так, кажется, говорят?
- Фирма держится на нём, – повторяет хозяин.
- Ты рискуешь, отец. Если узнают...
- Что? И от кого? И Энни, и Ларри умеют молчать. Ювелирное дело не допускает болтовни.
- Отец, а если что, не дай Бог, с тобой случится?
- Ты мой наследник. Приедешь, вступишь в права и заберёшь их. И Ларри, и Энни, – хозяин пожимает плечами. – Что тут сложного? Вся домашнюю работу Ларри знает.
- Соломон кивает...
- ...Ларри вздохнул. Он тогда видел Соломона второй и последний раз. Что было потом, вспоминать не хочется. Не стоит.
- Открылась дверь, и Ларри повернул голову. Привезли еду? Да.
- На этот раз в палату вошёл высокий молодой мулат в белой куртке разносчика.
- Привет. Спишь уже? – мулат, улыбаясь, поставил на тумбочку стакан с молоком и маленькую тарелку с пирожным – узкой полоской теста с завитушками крема.
- Привет, – ответно улыбнулся Ларри, садясь в кровати. – Нет, так просто, дремал. Ты дежуришь сегодня?
- Ага. Ты ешь. Я пока остальным разнесу.
- Ларри кивнул и взял стакан. Молоко было на вкус какое-то странное. И в густых комках.
- Что это? – вырвалось у него.
- Это? – мулат обернулся в дверях. – *Кефир*. Ты пей, здоровская штука.

Вкус был непривычным, но... очень приятным. И пирожное вкусное. Ларри ел не спеша, смакуя. Энни иногда пекла пирожные. Но не такие. Но тоже вкусно было. Да, таблетки на ночь...

Когда вошёл мулат, Ларри уже поел, но по-прежнему сидел, положив под спину подушки.

– Таблетки все съел? – строго спросил мулат, смягчая улыбкой строгость тона.

– Съел, – улыбнулся Ларри. – Если не спешишь, садись, поболтаем.

Мулат кивнул, сел на кровать в ногах и тоже прислонился к спинке.

– Тебя как зовут?

– Арчи. А ты? Ларри?

– Да. Ты давно здесь?

– С весны.

Арчи улыбнулся уже по-другому, и Ларри понимающе кивнул:

– Солоно пришлось?

– Не то слово. Два месяца отвалился. В феврале привезли, в апреле встал.

– И остался здесь?

– Ну да. Жильё, еда, работа, и не один. Есть с кем душу отвести. Чего ж ещё?

– Да, – усмехнулся Ларри. – Когда душу можно отвести, это хорошо.

Арчи быстро и зорко взглянул на него.

– Ты кем был?

– Огородником, – Ларри задумчиво повёл плечами. – И так, на подхвате.

– А раньше? До Свободы?

– Я тебя спрашивал? – ответил Ларри таким же твёрдым взглядом.

– Здоровско, – улыбнулся Арчи. – Умеешь.

– Припрёт – всему научишься.

Арчи кивнул.

– Понял, значит, кто мы.

– А мне сказали, – спокойно ответил Ларри. И улыбнулся. – Чтоб недоразумений не было.

– Понятно. А я почему спросил, ну, о прошлом. На нас ты не похож, а белякам не масса, а сэр говоришь, как мы. Ну, и интересно стало.

– А, – Ларри негромко рассмеялся. – Я... домашним рабом был, пятнадцать, да, почти полных пятнадцать лет в одном доме жил, там и приучился.

– А, – Арчи лукаво улыбнулся, – читать где? Там же?

– Там, – кивнул Ларри. – И читать, и другому многому. Только...

– Что сам захочешь, то и скажешь, – закончил за него Арчи. – Ладно, не мы тогда выбрали.

– Не мы, – согласился Ларри. – Ладно. А здесь как?

– Хорошо, – сразу ответил Арчи. – Еда сытная, постель мягкая и работа... не стыдная.

– И платят ещё?

– Платят. Понимаешь, мы все за деньги работаем. *Зар-пла-та*, – с усилием выговорил он по-русски. – И уже из этих денег платим за жильё, за еду, за стирку. За месяц получаем и за месяц сразу платим.

– На руках-то остаётся хоть что-нибудь? – улыбнулся Ларри.

– Что-нибудь, – ответно засмеялся Арчи. – Ну, и покупаем себе в городе уже сами, если что надо. А у тебя как?

– Я на контракте. Контракт до Рождества. Значит, лендлорд даёт жильё, еду, одежду, для работы что надо. Это называется: обеспечение. А на Рождество расчёт. Всё подсчитает. Сколько заплатит он мне должен и сколько я уже получил. Что останется – мне на руки. И ещё нам сказал, что если год он удачно сведёт, с прибылью, то нам, всем работникам – премия.

– Ну, а если нет? Фиг что получишь? Так, что ли? Ещё и должен останешься.

Ларри пожал плечами.

– Не знаю. Летом двое пастухами работали, на тех же условиях, только не до Рождества, а до осени, ну, как стадо сдадут.

– Слышал о таком, – кивнул Арчи. – У нас тут побывали трое. Рассказывали, что так же, ну, на тех же условиях. Так что пастухи?

– Так им по полной заплатили. Деньжищ, говорят, увезли... – Ларри негромко присвистнул.

– А эти трое сказали, что заплатили, но с прижимом, впритык.

– Другой лендлорд – другие порядки.

– Тоже верно, – кивнул Арчи. – Тебе как, постельный прописан? Ну, режим.

– Сказали, что с завтрашнего дня уже выходить можно. Только не на двор пока, а так.

– Значит, будешь в столовой есть.

– В столовой? – переспросил Ларри. – С вами?

– Нет, – мотнул головой Арчи. – У нас своя столовая. В другом корпусе, – и, увидев лицо Ларри, засмеялся. – Нет, не из-за расы или ещё чего, ну, этого. Мы в общежитии, там и сёстры, и врачи, и... ну, кто работает здесь. А для раненых и больных столовая здесь.

– А... цветных много?

– В этом корпусе ты один. Да ничего. Если с русскими попадёшь за стол, всё в порядке будет. Они на расу не смотрят.

– Проводишь меня?

Арчи кивнул.

– Я раньше сменяюсь, зайду. Ладно, заболтались. Мне ещё на кухню посуду везти.

– Не заругают, что задержал?

– Там двое наших сегодня, – засмеялся Арчи, вставая. – Договоримся. Ладно. Если что, вот звонок. Нажмёшь кнопку, услышат и придут.

– Знаю, – кивнул Ларри. – Свет я сам выключу.

– И на том спасибо.

Арчи забрал стакан и тарелку и ушёл. Ларри слышал, как он за дверью позвякал посудой, а потом заскрипели колёсики стола-тележки, на котором привозили еду.

Ну вот, можно и спать. Он осторожно, по привычке избегая резких движений, встал и пошёл в уборную. Крохотный закуток с унитазом и раковиной прямо, можно считать, в палате. И в коридор выходить не надо. И побриться здесь же можно, есть горячая вода. Почти как там, в том доме. Но там горячей воды не было. В ванной и на кухне были колонки, газовые, и он приносил Фредди горячую воду для бритья в кувшине. Утром и вечером. Да, Фредди брился два раза в день. Ларри провёл тыльной стороной ладони по щеке, глядя в висящее над раковиной зеркало. С утра побреется. Всё-таки в общую столовую с белыми... Страшно, конечно...

...Он сидел на кровати, не решаясь лечь под одеяло, и смотрел на дверь. И ждал, что вот-вот зайдут и скажут: «Ты чего тут расселся? А ну мотай живо, пока цел!» Но вошёл Фредди.

– Ты чего не ложишься? Ужин тебе сюда принесут. Давай, ложись.

Он послушно откинул одеяло и лёг, укрылся. Фредди присел на край кровати. Шляпа лихо сбита на затылок, светлые глаза блестят.

– В душе был? Бельё, пижаму, тапочки, всё дали? По росту?

Он только молча кивал, зная, что если откроет рот, то скажет одно: «Сэр, заберите меня отсюда. Мне страшно». А Фредди продолжал:

– Про ужин я тебе сказал? Сказал. Завтра с утра тебя врачи начнут смотреть. Врачей слушайся, спрашивать будут – отвечай правду. Таблетки все, уколы там, процедуры... всё делай. Теперь вот ещё. Здесь цветных много, работают. Уборщики, санитары, массажисты. Они все – бывшие спальники, – он вздрогнул, а Фредди, кивнув, повторил: – Да, спальники. Ты их не

бойся, они тебя не обидят. Им самим... солоно пришлось, что такое болезнь, они понимают. Они работают здесь. Помогают врачам. А тебе будет с кем потрепаться. Парни они неплохие, есть очень даже толковые. И вообще... ничего не бойся. И никого. Никто тебя здесь не обидит. Мы с Джонатаном сейчас в Колумбию едем, на обратном пути завернём к тебе. Жди нас через... дня три-четыре. А, – по коридору что-то поскрипывало, приближаясь. – Вот и еду везут.

Молодая белая женщина в белом туго затянутом поясом халате и белой шапочке вкатила двухэтажный столик на колёсах, уставленный тарелками и стаканами и... с ходу обрушилась на Фредди. Говорила она с акцентом, но понятно.

– Почему вы в палате? Время посещений уже кончилось! И в шляпе! В верхней одежде! Как вам не стыдно?!

Фредди, улыбаясь, встал, а она, всё ещё сердито глядя на них, переставляла со столика на тумбочку тарелки. Их было столько, что у него радостно вырвалось:

– Это сразу и на завтра, мэм?

Сказал и невольно съёжился в ожидании удара за такую дерзость, но она рассмеялась.

– Нет, это на сегодня. Это ужин, понимаешь?

Она смотрела насмешливо, но без злобы, и он осторожно кивнул.

– Сам есть можешь?

– Да, мэм, – удивился он вопросу.

– Тогда садись и ешь. Я потом приду, посуду заберу, – и опять на Фредди: – А вы идите, дайте ему спокойно поесть.

Фредди улыбнулся, кивнул ему и ушёл...

...Ларри выключил свет и лёг, завернулся в одеяло. Темно, тихо, тепло. И очень спокойно. Можно спать. «А ночное дежурство – муторная штука», – подумал он вдруг. Каково там Арчи? Но... это его работа. И его проблемы.

Арчи отвёз грязную посуду на кухню. Леон и Андрей уже мыли пол и встретили его неласково.

– Ты б ещё дольше возился!

– Мы уже мойки отдраили.

– Да здесь всего-то. Три стакана, две тарелки, – Арчи перегрузил грязную посуду в мойку.

– Ты считать когда научишься? – Андрей бросил тряпку в ведро и зашлёпал к мойке. – Боксов сколько? Ну, и стаканов? И это ж кефир, вон присохло всё.

– Ты его башкой потри, – посоветовал Леон, отжимая тряпку.

– Да ладно вам. Ой, ты чего?

– А ты чего в ботинках по вымытому прёшься?! – Леон снова ловко хлестнул его тряпкой по ногам, заставив отступить.

Андрей домыл и расставил на сушке посуду.

– Ладно тебе. Сейчас помогу. Где затрепался-то, Арч?

– У Ларри, – буркнул от двери Арчи.

– Так ты этого, как его, Фредди испугался? – засмеялся Андрей.

– Пошёл ты... Он один лежит, я бы и сам зашёл. Толковый мужик, между прочим.

– Вот он узнает, кто ты такой, – хмыкнул Леон. – Да ещё поймёт, что Жи... Смотри, Арч, он мосластый. Двинет – так двинет.

– А он знает, – ухмыльнулся Арчи.

Леон и Андрей выпрямились и подошли поближе.

– О тебе или о всех?

– Откуда знает? Ты трепанул?

– Не, что я, дурак? Ему этот, Фредди сказал. Чтоб, – Арчи расплылся в улыбке, – недо-разумений не было.

– Ага.

– Вот оно, значит, как.

– А сам он домашним был. Говорит, пятнадцать лет на одном месте.

– Его проблема. А чего про нас сказал?

– Что не мы выбирали, кем быть. У него, видно, своё что-то было.

– Ладно, – Леон вернулся к работе. – Может, и впрямь...

Арчи и Андрей кивнули. Старая вражда между работягами и спальниками давала о себе знать, но пыл уже давно угас. И если не нарываться... С городскими цветными они, в общем, ладили. У них постоянная работа, хорошее жильё, в рабском они не ходят... многие в городе им завидовали. Да и держались они всегда вместе, а на ватагу чтоб лезть, это совсем дурным надо быть. Так что... И Фредди тогда, придя к ним в общежитие, сказал:

– Парень он тихий, один здесь. Одному тяжело.

И обвёл их холодным взглядом, сразу и насмешливым, и настороженным. Они все – а их было много: вечерняя пересменка как раз: одни уже пришли с работы, другие ещё не ушли – закивали. Одиночества они все нахлебались и, каково одному и больному, знали. Фредди стоял в их кругу, сбив шляпу на затылок и засунув руки в карманы.

– Поможем, сэр, – сказал за всех Крис. – И объясним, и посоветуем.

– Всё будет в порядке, сэр, – кивнул Майкл. – Вы можете не беспокоиться, сэр.

Фредди поверил им, а они Фредди. Да и этот... Ларри оказался действительно тихим. Не из-за болезни, характер, видно, такой. Что ж, когда не задирают, так и ты не возникай. С тобой по-людски, так и ты будь человеком.

Леон и Андрей закончили работу и ушли. Арчи быстро сменил куртку разносчика на халат санитара и побежал в ординаторскую. Интересно, чья сегодня смена? Если толстого рыжего доктора, то он и сам спит, и другим позволяет.

Но в ординаторской пусто. То ли не пришли, то ли сразу по боксам. Арчи сел на большой кожаный диван, такой длинный и широкий, что бо-ольшую групповуху можно закрутить, забился в угол и прислонился щекой к прохладной гладкой коже спинки. Подремать, что ли, пока... А глаза уже сами закрывались...

...Взрыхленная перемешанная со снегом и водой земля стремительно летит в лицо. Он падает и вжимается в неё, а сверху сыплются удары. Бьющих много, и они мешают друг другу. Если не шевелиться и не кричать, посчитают за мёртвого и бросят. Нет, чужие руки рвут на нём одежду, сдёргивают штаны, нет, нет, нее-е-ет!..

...Арчи вздрогнул и открыл глаза. И облегчённо перевёл дыхание. Нет, ничего из того нет. В ординаторской уже полно народу. Пока он спал, пришли.

– Проснулся? – спросил по-английски Владимир Евгеньевич Башкин, улыбаясь его смущению.

– Да, сэр, – тихо ответил Арчи, садясь прямо и исподлобья покосившись на двух откровенно смеющихся над ним медсестёр: Галю и Наталью Александровну. И добавил: – Я только закрыл глаза, сэр, на минутку.

– Ничего-ничего, – сказала по-русски Наталья Александровна и продолжила по-английски: – Сон был приятный?

– Нет, мэм, – вырвалось у него.

Расспрашивать его – чего он боялся – не стали и занялись своими делами. Его словно не замечали, но он знал, что когда сядут пить чай, его позовут к общему столу, и если начнётся общий большой разговор, то его сделают участником и говорить будут по-английски или будут ему переводить. А то, что было весной, то было, и никуда от того не уйти. Весь январь он метался, не зная, где и как укрыться. Все были врагами. Он сам уже не помнил: начал гореть

тогда или уже в госпитале. Тогда его бы забили насмерть, затоптали, если бы не солдаты. Они разогнали истязателей и привезли его сюда. Доктор Юра и доктор Во-ло-дья – а полное его имя он и про себя не может выговорить – вправили ему вывернутые суставы, наложили гипс на сломанную руку – это он пытался сопротивляться насильникам, не поглядел, что они белые – и стал он гореть. Нет, не хочет он про это вспоминать.

Арчи потряс головой и встал.

– Что надо делать, сэр?

– Не спится? – улыбнулся Башкин.

– Плохие мысли в голову лезут, сэр, – честно ответил он.

– Сходи, посмотри, всё ли в порядке, – медленно подбирая слова, сказала Галя.

Башкин кивнул, и Арчи вышел из комнаты, пробормотав привычное:

– Да, мэ, слушаюсь, сэр.

Ночью в госпитале тихо, как в Паласе днём. Ему повезло, что за два года до Свободы его купили в дом. Из паласных уцелели единицы. Как Крис, как те двое, что не вышли из «чёрного тумана», оставшись безымянными, как... да нет, остальные паласные Свободу встретили в распределителях. И тоже кто случайно уцелел. А его два года перепродавали из дома в дом, последний хозяин часто одалживал его своим приятелям. Пока однажды он, наглядевшись в оконную щёлку на свободно ходящих рабов, не начал догадываться и подслушивать. И решился бежать.

Арчи бесшумно шёл по подсвеченному синими лампочками коридору. Всё тихо, всё благополучно. Шёл и вспоминал...

...Хозяин взял его к себе на ночь. Весь вечер сидели гости, и он прислуживал за столом. И слушал, слушал, слушал. Про то, что русские развалили экономику – интересно, что это за штука? – про то, что разрушили жизнь, взяли и отменили рабство, и теперь все рабы, вся скотина, не допоротая, бродит, где хочет и как хочет. Он ждал, что, как и раньше бывало, ему придётся их всех ублажать, а побег опять отложится, потому как после такой групповухи, не то что бегать, шевельнуться не можешь, но обошлось. Поругали русских, покричали, что ещё своё возьмут, и разошлись. А хозяин не запер его, а захотел удовольствия. Он постарался, чтоб умотать того побыстрее, и когда хозяин отвалился от него и заснул, накрыл ему лицо подушкой и держал, пока тот не затих. Потом вернул подушку на место тому под голову, уложил как спящего, оделся и ушёл. Он был в одежде домашнего раба, и про то, какой ценой достались ему сапоги, куртка и шапка, лучше тоже не вспоминать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.